

Виктор Кустов

О, ВРЕМЕНА...

**Ставрополь
2023**

ББК 83.3 (2=Рус.) + 84 (2Рос=Рус)
К 12

Виктор Николаевич Кустов

О, времена...

Литературно-художественное издание

Кустов В.Н.

К 12 О, времена... - Ставрополь: «ЮРКИТ», 2023. - 328 с.

ISBN

О времена, о нравы.

Каждому времени присущи свои нравы.

В данной книге представлены произведения, рассказывающие о людях, живших в разные времена и оставивших значимый след в истории России: Александре Невском, Михаиле Тверском, Иване Грозном, Данииле Андрееве, а также о тех, кто созидает новую Россию.

ББК 83.3 (2=Рус) + 84 (2Рос=Рус)

ISBN

© Текст В. Н. Кустов. 2023

© Оригинал-макет ООО «ЮРКИТ». 2023

РЯДЬ*

Несколько дней ждали приглашения хана. За это время и отдохнули от долгой дороги, и пообвыкли в столице Орды Улус Джучи, растянувшейся на многие километры по-над берегом реки. Её широкие улицы и шумные базары, на которых шла бойкая торговля всяческим товаром, в том числе не виданным ими прежде, князю и его свите понравились; не мешало бы перенять и для своих городов. Пригляделись и привыкли и к жилищам-кибиткам на колёсах: чем богаче владелец - тем больших размеров такой дом. И к пестроте одежд, хотя находили в них немало странного, нелепого. Так, мужчины и незамужние женщины ходили здесь в одинаковых кафтанах, встретишь - и не разберёшь. Такое на Руси никак не гоже: мужчина должен в мужском одеянии ходить, а женщина - в женское рядиться. А тут ежели кто и походил на женщину, так это незамужние. И то выглядели они своеобразно: на голове сооружение, похожее на птичье гнездо, а лицо скрыто под белым покрывалом. Только украшения одни и блестят.

И к многолюдному говору привыкли.

И к здешним обычаям и нравам тоже присмотрелись.

Сначала удивлялись и обсуждали. А потом решили, что судить - не их дело.

Да и как иначе, в чужом монастыре свой устав не диктуют.

Привыкли и к довольствию, которое им выдавали хозяева. Даже к не всеми вкушаемому напитку из кобыльего молока - кумысу. Остальное: вино, вареное мясо и просо - ели все. Правда, без соли такую трапезу вкусной не назовёшь.

Приехали они из Владимира по вызову хана Батыя. Тот решил определиться, кому ярлык на великое княжение после смерти князя Ярослава отдавать. По старшинству положен он был Александру Ярославичу. Но пожелал хан и Андрея посмотреть.

О победах Александра над шведами, над немецкими и литовскими рыцарями, с которыми и его воинам сталкиваться приходилось, Батый был наслышан.

Как рыцари воюют, хан хорошо знал: его воины далеко на запад прошли, много разных народов завоевали, и в чём в чём, а в воин-

* Договор (старославянск.).

ском мастерстве он знал толк и противника мог достойно оценить. И хотя Русь сейчас и не противится его воле, но за каждым из князей следить надо, не позволить силу набрать. Вот и захотел посмотреть на обоих сыновей Ярослав, но прежде всего на того, которого Невским прозвали.

Наконец прибыл гонец от хана с приглашением.

Дом хана отличался от всего, ранее увиденного в столице орды. Это был настоящий дворец, стоящий на земле без всяких колес, с множеством комнат и с двумя входами: восточным и западным. В западный мог входить только сам хан, а в восточный заводили послы. Через него и князья вошли.

Батый сидел на возвышении, с которого оглядывал всех сверху. На сидящих подле него своих родных и военачальников он не смотрел. Его интересовало посольство русское, князья молодые и, прежде всего, князь Александр, который, как ему донесли, проходить между очищающими кострами, что обязаны были делать все иноверцы, наотрез отказался. А кумыс пьёт.

О дарах русских ему тоже уже донесли: это была привычная для них дань - меха, серебро, золото.

И о том, что вели всё это время они себя спокойно, подчиняясь приставленному толмачу, который и вёл их по столице Орды, тоже знал.

Князь Александр стоял на полшага впереди Андрея. Батый отметил и статность, и лицо волевое, и сильные руки и грудь воина. Вгляделся в лицо и перехватил встречный взгляд, в котором не было ни страха, что нередко видел у подчинённых, ни робости, чем отличались послы иностранные, а была уверенность. Равность ему, могущественному завоевателю мира. И это его задело.

Но он отбросил эмоции: война - это не только сражение, это ещё и умение врага сделать другом... Князь Александр ещё юн, оттого и дерзок, таким и он сам был в его возрасте. Их разделяет немало лет: он уже укрощал необъезженных жеребцов, когда князь родился. Но возраст - это то, что неизменно настигает каждого. Но не каждому даются мудрость и власть.

- Мы с вашим отцом, князем Ярославом, научились мирно решать все вопросы, - начал хан негромко, попеременно вглядываясь в лица князей, отмечая каждое движение и давая понять, что настроен на мирное существование на прежних условиях. - Он служил нам верой и правдой и ярлык старейшины над всеми князьями русскими оправдывал. И обязательства взятые выполнял, поэтому и Киев мы ему отдали. - Помолчал, придавая значение сказанному, и продолжил уже требовательно: - Вот вижу вас, князья русские, сыновья его, думаю - кому ярлык на великое княжение дать, кто способен слово держать. Что скажете?

- За тем и приехали, - отозвался Александр. - Какой будет твоя воля, ту и признаем, главное, не в ущерб Руси, княжествам нашим.

- Признаете, знаю, - усмехнулся хан, обведя взглядом своих ближайших военачальников. - А если не будете признавать - заставлю. Княжествам вашим мы без вины вашей уцерб не наносим. И вам богатеть позволяем. И веры вашей не притесняем. Но обмана и своеволия не потерпим, огнём всё очистим.

- Да уж знаем, видели по дороге, - обронил Александр, вспоминая выжженные и разграбленные земли на тысячекилометровом пути сюда из Владимира.

Сказал скорее себе и брату. Но хан услышал.

- А ты, князь Александр, слышал я, проигрывать битвы не умеешь...

И прищурился, впился пронизывающим взглядом, в котором теперь была и жёсткость воина, и бессердечие правителя. Князь не отвёл взгляд, не опустил голову, как редко кто из послов отваживался.

- Не довелось, - ответил и замолчал, а глаз прятать не стал.

- А отчего же ты не исполнил приказ мой, не прошёл между кострами, чтобы очиститься. И не поклонился богам нашим. Или забыл, что головой за неповиновение платят... - напомнил хан о проявленном упрямстве, когда в нарушение принятого обряда отказался Александр пройти между двух костров и колено преклонить перед теми, кого монголы почитали.

Донесли Батыю об этом сразу, ожидая, что накажет дерзкого в пример остальным. Но уж очень хотелось хану взглянуть на упрямого князя, сравнить со своим сыном. И сейчас он нет-нет да и поглядывал на Сартака, преемника своего уж скорого. Ему править князьями русскими, ему сохранять то, что завоевано. Кого видит тот в русском князе - своего соперника или друга?..

- Не подобает христианину кланяться твари, кроме Бога. Мы поклоняемся Святой Троице, Отцу и Сыну и Святому Духу, сотворившим небо, землю и море... И не принуждаем иноверцев нашим богам кланяться.

В голосе Александра твёрдость, достойная уважения.

Но нельзя давать подневольному волю свою демонстрировать. Окинул Батый взглядом своих подчинённых, вновь на князя уставился. Ухмыльнулся.

- А мне поклонишься?

Помедлил Александр, но сделал шаг вперёд и поклонился.

- Я поклоняюсь тебе. Потому что ты человек и царь...

Понравился хану этот ответ. Молод князь, но не глуп, - подумал он. Но рано ему ещё ярлык отдавать. И другому князю рано,

ничем особо не отличился и сейчас осторожничают, молчит, не раскрывается. А такие, это Батый хорошо знал, если что - и предадут, и обманут. Впрочем, торопиться некуда. Пока можно кого-нибудь из старших князей возвысить. Из тех, кто уже давно пороги обивает...

- Ладно, князь, прощаю я тебя. Чужих богов мы уважаем и чужую веру чтим. Вот сын мой старший вашу веру понимает... Может оттого и не наказал я тебя, хотя нарушил ты ханский указ. - Возвысился над остальными и телом и голосом. - Я повелеваю ехать вам, князья русские, в Каракорум*. Хочу, чтобы на вас там посмотрели. Дам я вам сопровождающих и всё, что необходимо в пути. Дорога у вас будет близкая. Узнаете, каковы просторы империи нашей, отчего и могущество наше нерушимое, против которого никто выстоять не может.

И, глядя вслед выходящим, подумал, что пусть пока ярлык великого князя побудет у их дяди, князя Святослава...

Вернулись от хана - а вопросов больше, чем ответов. То, что ярлык не даст ни тому, ни другому, - понятно. Но тогда зачем в Каракорум отправляет? Может, чтобы так же, как отца, там и отравили?

И ехать не хочется. По рассказам бывавших там знают: дорога в столицу империи длинная, в несколько раз длиннее, чем отсюда домой, и зима скоро. Но послушаешься хана - не то что ярлыка не будет, головы не сносить. Так что ничего не поделаешь, надо настраиваться на путешествие.

Прикинули князья, кого из своей дружины с собой возьмут, кого обратно домой отправят. Хорошо, ничем запастись не надо. Поедут в сопровождении воинов хана по проторенному пути, на котором ямы** стоят, где и коней поменять можно, и едой запастись.

А хан и насчёт одежды позаботился: прислал гонцов с козыми шубами, мехом наружу сшитыми, штанами из козьего же меха, меховыми шапками, башмаками войлочными. И приставил к ним помимо толмача Данзана старшего над сопровождающими воинами Батара.

Данзан - невысокий, кругленький, с маленьким плоским лицом и лоснящимися щеками, но смышлён и толмачит споро. Они уже к нему привыкли. Батар выше воинов своих, вровень с Александром и лицо у него в шрамах, а взгляд такой, что понимаешь: любой приказ выполнит не задумываясь. Велено ему князей доставить к верховному хану без всякого ущерба.

* Столица монгольской империи.

** Почтовая станция.

Начали в дорогу собираться. А тут Сартак, сын Батыя, неожиданно наведалься. Захотел с князьями поговорить.

Сартак не намного моложе Александра. Знает, что ему после смерти отца править Улус-Джучи, поэтому видит себя не только воином, но и правителем над другими народами. И не гнушается разговорами с послами разных стран, черпая от них знания о тех народах, которых не мог познать. Один из послов и рассказал ему однажды об Иисусе Христе, которому поклонялись и эти русские князья. И ему понравилось, что в нём, в живом человеке, сыне могущественного хана, может существовать божество. Что в отличие от множества всяческих богов и духов, с которыми общаются шаманы и перед которыми человек бессилён, по этой вере он и есть тот самый бог, воплощённый в человека.

- Это ересь, - взялся за всех разъяснить ханскому сыну свою веру Александр. - Учение Нестория константинопольского отвергнуто истинными христианами.

- А разве неправ этот ваш Несторий?.. - возразил Сартак. - Вот он я перед тобой, Сартак, сын хана Батыя, человек. И в то же время бог над моими воинами и над тобой тоже, - зарделся он смуглыми щеками, выдававшими его возраст и волнение, но стараясь говорить весомо, как и подобает богу. - Во мне - единая воля человека и бога. Я - господин над многими, и, если надо, я совершаю деяние. И это одновременно деяние и человека, меня, и Бога. Значит, во мне живёт истинный Бог.

- Это неверное суждение. Этим ты оправдываешь любые людские поступки, свои грехи как человека, выдавая их за божественные. А Бог по своему существу безгрешен. Он не грешит. Он над миром...

- Я тоже над миром, - не смог скрыть нотки горделивости Сартак.

- А я? - спросил Александр. - А мой брат? А толмач или Батар? Мы все тоже боги?

Сартак задумался.

- Нет - сказал твёрдо он. - Ты подобен мне, в тебе есть божественное, но ты всё равно не бог. А они - мои воины... Не все могут быть одновременно и богом, и человеком. Природа человека и божественная отделимы.

- То есть у тебя она есть и ты надеешься на спасение и отпущение грехов. А остальные, в ком нет божественного, - им надеяться не на что?

- А как по-твоему?

- Человек и бог - единое лицо и единая ипостась. Иисус был Богочеловек, чьи страдания стали искуплением для всех, для каждого смертного. И Мария не Христородица, как утверждает Несторий, а Богородица, потому что она родила Бога... Поэтому не только ты -

каждый человек любого рода, племени создан по образу и подобию Божьему. Но в нём нет Бога. Бог-Сын, Бог-Отец и Святой Дух - единая и непобедимая троица... И каждый человек может искупить свои грехи, приблизиться к Богу.

- Твоя вера для всех, а не для избранных, - помолчав, произнёс Сартак. - Мне моя нравится больше.

- Каждый может верить в своё, - сказал Александр. - Но думаю, ты придёшь к пониманию истинной веры.

- Возвращаться будешь - поговорим ещё, - сказал Сартак. И, помолчав, добавил: - Хочу понять тебя, князь. И веру твою тоже.

Путь начался на землях, принадлежащих половцам, или кипчакам, как они себя называли. Отличные наездники, превосходные стрелки, храбрые воины, они теперь рассеялись по степям, находясь в услужении у Орды или же забираясь в совсем необжитые места, чтобы и не служить, и не платить ясак.* Русские их били, как в своё время прадед Александра Владимир Мономах, и с ними же заключали военные союзы, как было в сражении на Калке против Орды. Кипчанок брали в жены. В Александре текла половецкая кровь, его бабушка по материнской линии была дочерью половецкого хана. И он с интересом всматривался в лица степняков, расспрашивал толмача, с которым у них сложились дружеские отношения, о жизни этого, некогда такого же всемогущего, как теперь Орда, народа.

Кипчаки были скотоводами и перемещались по безлюдным просторам вместе со стадами коров, коз, коней, овец, верблюдов большими семействами - кошами-аулами во главе с кошевым. При необходимости коши собирались в курень. Но и города были, где жили преимущественно знать и ремесленники.

В особом почтении у кипчаков была богиня Умай. Князьям в этом путешествии уже приходилось видеть каменные женские фигуры, олицетворявшие земное начало этой богини. Их ставили на курганах, под которыми хоронили умерших.

На особом положении у половцев были шаманы, которые предсказывали будущее, врачевали, общались с добрыми и злыми духами. И кипчаки внешне не были похожи на монголов, они преимущественно были светловолосы.

Ехали по половецкой земле недолго, наезженный монголами короткий путь в Каракорум пролегал южнее. К тому же свежих лошадей на ямах было достаточно, да и сами ямы здесь встречались часто. Ямщиками были монголы, а лошадей, пропитание и всё необходимое для себя и путешественников они брали у скотоводов.

Скоро начались пустыни, в которых обитали кангиты, племена кочевников.

* Натуральный налог.

Это были безводные места, но уже выпал снег и воду они вытапливали из него. Поселений на пути не встречалось. Ямские станции были на большем расстоянии одна от другой, чем прежде, и лошадей часто менять не удавалось. В день проезжали от силы вёрст тридцать. Эти земли казались безжизненными. Но всё же нет-нет и встречались кочевники. У толмача были скудные сведения о них, знал только, что те занимаются скотоводством и постоянно перемещаются с наступлением тепла к северу, ближе к уральским горам, а зимой - к югу.

По этой безлюдной земле ехали долго. Месяц или даже больше. Но ничего интересного князья не увидели. Зато это позволяло приглядеться к сопровождавшим их монголам, неспешно выпытывать у Данзана то, что их интересовало. Прежде всего удивляло, что на таких пространствах монголы сумели организовать сообщение, которое действовало исправно в любое время года, объединяя столицу империи с форпостами на огромной - в этом они теперь убедились - территории. А ещё поражала выносливость сопровождавших их монгольских воинов. И ямщиков, постоянно менявшихся, но поразительно похожих своей неспешной основательностью и неразговорчивостью...

Потом въехали в земли племён огузов, о которых князья ничего не знали. И толмач тоже мало что знал. Те, кого они встречали, были в основном круглолицы и узкоглазы, мало слышаны о том, что лежит на западе, а о русских судили только по послам, проезжавшим здесь ранее. Но хорошо знали земли на востоке и столицу монголов Каракорум.

И всё же здесь было уже не так пустынно, поселения встречались чаще. Передвигались они теперь быстрее, но, тем не менее, до обитания коренного населения, чёрных китаев, добирались ещё месяц. И это был уже совсем неведомый князьям мир, невиданные прежде люди, непонятные традиции и уклад жизни.

Данзан рассказал, что война с китаями идёт давно и ещё есть много земель, которые те занимают и куда рано или поздно всё равно придут монголы. Те же, что уже подчинились Орде, трудолюбивы и послушны, против них не надо держать столько воинов, сколько против Руси и запада...

Отсюда до Каракорума было уже не так далеко. Их многомесячное путешествие подходило к концу. Правда, впереди ещё был обратный путь. Если, конечно, их не ждёт судьба их отца. А что их ждёт, князья теперь даже не могли загадывать, ибо в пути узнали, что Гуюк-хан, к которому они ехали, умер. Их даже какое-то время продержали на одной из ям, когда гонцы принесли приказ остановиться всем там, где этот приказ их застал. И даже подумали было повернуть назад, хотя уже преодолели большую часть пути. Но Батар сумел растолковать местным военачальникам, кого и куда он

сопровождает, и взял на себя ответственность за их послушание, пригрозив в случае отказа сообщить об этом хану Батыю. Авторитет Батые после смерти верховного хана был непререкаем, и их не стали задерживать.

Они въехали в Каракорум, уже зная, что вместо Гуюк-хана до выбора нового верховного хана правит его вдова Огул-Каймиш со своими сыновьями.

После пустынных мест, которые они проехали, монгольская столица показалась большой и многолюдной. Каракорум помимо недалёких гор окружала глиняная стена, в которой было четверо ворот. У каждых ворот - своя торговля: у восточных торгуют пшеном и зерном, у западных продают баранов и коз, у южных - быков и повозки, коней можно было купить у северных ворот. Между городом и рекой были орошаемые поля, а от реки проложены по городу каналы. На склоне горы над городом возвышалась вырубленная из гранита священная черепаха, мордой на запад.

Каракорум был разделён на два квартала: в одном жили преимущественно купцы и находился большой базар, в другом были собраны ремесленники, большинство из которых были китайцами. Над жилищами-шатрами высились христианские храмы и мечети. Были и языческие кумирни. Население было разнородным. Складывалось впечатление, что здесь собрались представители всех порабождённых народов и те, кто находил свой интерес или имел своё дело в этих местах из стран совсем далёких, независимых от великого хана. Европейцы служили за щедрое жалованье, передавая свои знания и опыт.

Что порадовало князей, так это значительное число русских. Среди них были купцы, мастеровые люди и те, кто когда-то принял иную веру и остался, взяв в жены кого-то из местных племён. Но особо пообщаться с ними не получилось - Батар сразу же доложил о прибытии Огул-Каймиш, и та обещала скоро принять их.

Им выделили богатый шатёр. И довольствие положили разнообразней, чем у Батые. Первые дни после дороги они наслаждались отдыхом и ничегонеделанием. А затем занялись тем, что всевозможными способами пытались выведать, что из себя представляет Огул-Каймиш, и обсуждали, как им себя вести с ней, чтобы получить желаемое и не вызвать ничем гнев.

Узнали довольно мало: что ханша больше занята общением с купцами и шаманами, чем делами, а правят её два сына. Но у них это не очень хорошо получается, на местах их приказы не торопятся выполнять, ожидая выборов нового верховного хана.

Как-то Данзан, который большую часть времени теперь проводил в городе - у него оказалось немало поручений от хана Батые и

своих собственных дел, - передал им слова управляющего делами ханши Эмира Чинкая о том, что никто теперь не слушает его советов и каждый поступает, как хочет, а это во вред Орде, нужно как можно скорее выбирать верховного хана. А ещё от толмача они узнали, что Чинкай расположен к христианству и в его окружении немало христиан. И что он заинтересовался прибывшими князьями и даже расспросил о них довольно подробно.

- Надеюсь, ты представил нас верными союзниками? - спросил Александр.

- Я сказал, что хан Батый и его сын Сартак верят в крепость договора с вами, - уклончиво отозвался тот, хитро улыбаясь, словно уже знал результат этой важной встречи с ханшей...

Наконец наступил день приёма.

Обставлен визит к ханше был так же, как и у Батыя. Только с большей пышностью: придворное окружение здесь было ярче и богаче разодето, да и украшений сверкало больше.

Огул-Каймиш, уже ознакомленная с мнением Батыя, пристально смотрела на стоящих перед ней русских князей. Статный Александр ей понравился. Она даже непроизвольно взглянула на сыновей, сравнивая князя с ними. И в этом сравнении они явно уступали и мужской статью, и уверенностью, и независимым взглядом... За старшим князем чувствовалась сила. И она поверила в его победы, о которых ей писал Батый. К тому же шаманы сказали, что за пришедшими русскими видется мощь, которую следует обратить себе в пользу, и что старший из них станет верным союзником, если вести себя с ним подобающим образом. И ханша не стала ходить вокруг да около, а спросила напрямую:

- Чем вы заслужите наше доверие? Как докажете свою верность и преданность?

Александр ответил почти сразу же, только переглянувшись с братом, и она поняла, что пришли князья с уже выношенными предложениями.

- Мы ни с кем из соседей воевать не желаем. А кто приходит к нам с мечом, того бьём рано или поздно. Теперь Орда стала нашим соседом надолго. Может, не все и не всегда понимают это. И виновны в этом и мы, и вы.

Огул-Каймиш подняла руку, останавливая князя.

- Ты забыл, что мы завоевали твою страну и ты и твой народ должны повиноваться, как все остальные народы.

- Я это не забыл. И мы склоняем головы перед тобой и ханом Батыем, выполняя наш договор. И понимаем, что умножение нашего богатства прямо связано с умножением вашего. Но не за счёт разорения наших городов. Не всегда ваши воины понимают это.

- Воины не должны понимать. Они должны воевать и выигрывать сражения, - назидательно произнесла ханша. - И ты пришёл сюда не жаловаться. Я жду от тебя предложений, нужных нам.

- Да, мы пришли не жаловаться, - склонил голову Александр, взглянув на стоящего рядом брата. - Мы пришли заверить великого хана в своей верности данному нами слову. И по этому слову наложенный ясак мы будем отдавать сполна. Десятиной всего, и людьми тоже. И помогать в обороне границ совместных от нападений с запада будем. Но и чтобы набегов опустошительных больше не было. И чтобы спокойно было на наших восточных границах. Тогда твоим баскакам* не придётся силой отнимать наше добро.

Ханша с интересом посмотрела на него. Таких заверений русских князей в беспрекословном подчинении Орде она не помнила. Они всё время старались что-то выгадать для себя, жалуясь на непосильный ясак.

- Но и с вашей стороны должно быть полное доверие и прекращение разорительных набегов, - закончил князь Александр.

- Тогда вы будете служить верой и правдой?

- Даю слово, - склонил голову Александр.

- А не будете - сожжём всё дотла.

И надолго задержала взгляд сначала на одном, потом на другом князе, помня рекомендации Батыя и совет Чинкая, который за эти дни многое о князьях узнал. Согласилась с тем и другим: старший пусть будет великим князем, заставит по всей Руси князей ясак платить. Но без своей богатой вотчины. А младшему пусть вотчина будет отцовская, владимирская.

- Вот вам, князья, решение наше. - Она помедлила и громко, так, чтобы слышали все, и придворные, и послы, провозгласила: - Тебе, князь Александр, мы даём ярлык великого князя. Отправляйся в Киев и наведи там порядок... А тебе, князь Андрей, ярлык на княжение во Владимире. Таково наше решение, и вам повиноваться ему...

И хитро взглянула на Александра, понимая, что сталкивает сейчас между собой двух братьев, но только так и можно было сохранить власть над ними...

Александр хотел возразить, не ожидал он такого разделения, мыслил, что в единых руках оба ярлыка будут, как у отца были, но как возразишь... Поклонился молча и вышел вслед за Андреем, с которым теперь предстояло многое обговорить, прежде чем отправиться в разорённый град первопрестольный всея Руси Киев...

Он уже понимал, что многому надо будет у монголов научиться, прежде чем побеждать их.

И шёл 1249 год от Рождества Христова.

* Сборщик налогов.

МИХАИЛ И ЮРИЙ

(киноповесть)

Год 6813 (1304 год от Рождества Христова).

По-над берегом Волги расположилась Тверь, центр самого богатого и сильного русского княжества. Над домами возвышаются луковницы Спасо-Преображенского собора.

На берегу стоит князь Михаил Ярославич. Уверенный, властный, как и положено быть князю тверскому. К тому же и возраст соответствует этой уверенности - только завершил третий десяток, самое время дела славные делать, княжество расширять.

Рядом с ним умудрённый седобородый воевода. Поодаль дружинники в ожидании держат лошадей под узцы.

- Надо бежать к хану, не получается миром. Молод Юрий, норювист, тщеславием грешен... - размышляет князь, глядя на реку.

Поворачивается к воеводе.

- А что, новгородцы так прямо и сказали - не пустят?

- Так и сказали: примем, но без ярлыка, мол, всё одно не пустим. А так рады под твою руку встать.

- Ой, хитры новгородцы, - усмехается князь. - И торговаться умеют, и с татарами не поссориться норовят. Везде свою выгоду стерегут. Нельзя им верить.

- Так ведь со всеми они так. И с батюшкой вашим покойным.

- Оно так.

Князь поворачивается в сторону собора и размашисто крестится.

- Но пусть уж по своим заветам живут. Раз я им обещал - сдержу слово.

И, всё также глядя на собор, продолжает уже другим тоном.

- Будто вчера мы с матушкой закладывали, а вот ведь стоит во славу Господа.

Поворачивается к воеводе.

- Ладно, пора отправляться. Сколь не медли, а своё всё равно догонись.

Поднимается по берегу к дружинникам, садится на лошадь и галопом срывается с места. За ним устремляется и дружина.

Трапезная московского князя. За столом сидят князь Юрий Данилович и митрополит Максим. Трапеза уже заканчивается,

прислужница торопливо убирает блюда. Князь отпивает из кубка и с присущей молодости горячностью продолжает явно долгий разговор.

- Неужли мы недостойны великокняжить? Чем князь тверской лучше? Нам тоже надобна вотчина новгородская, и я тоже могу земли русские держать.

- Ты ещё молод, князь, и твоё княжество уступает княжеству тверскому. Не спеши, ханский ярлык и так твой будет.

- Мой дядька не намного старше меня, если он получит ярлык, я могу ханской милости не дожидаться. - Князь встаёт и начинает расхаживать по горнице, с трудом справляясь с раздражением. - А мне нужны новые вотчины, мне нужен ярлык на великое княжение - и он у меня будет. И московское княжество будет больше и богаче всех других. - Останавливается напротив митрополита. - Разве так я не приумножу веру нашу христианскую? Разве ты, ваше высокопреосвященство, этого не хочешь? Москва, а не Владимир будет столицей Руси. А я знаю - мой город тебе глянулся.

Он останавливается напротив митрополита и сверху вниз смотрит на него.

- Кто же не хочет укрепления веры нашей? Вон новгородцы вроде как ещё язычники, а уже сходили к князю тверскому на поклон.

- Вот видишь, они уже согласились идти под него. А почему не под меня? Моего деда Александра забыть не могут, - усмехнулся князь, потяжелел лицом. - Что дядька им обещал?

- Твоего деда, князя Александра, они помнят, это верно. Но не только за то, что шведа, орден да литовца он побил, но и как с новгородцами крут бывал. А что князь тверской обещал, так это ведомо: блюсти уставы новгородские, не позволять самосуда, решать тяжбы по закону и совести.

- И мы могли бы обещать. И всё богатство новгородское пошло бы на пользу государству нашему...

- И всё же, князь, надо бы помедлить. Зачем между собой вражду затевать, мало её было?

- Князья тверские выше всех себя ставят, на чужие уделы покушаются. И Русь под себя подгрёбают. Не заметишь, как под пятой у них ходить станем.

- Старший Михаил из вас, а издавна заведено, кому за кем престол великокняжеский занимать.

- Заведено, да не я первый ломать стану.

- Ну коли так... Коли не убедил тебя... - Митрополит тяжело поднимается. Теперь видно, что он стар и немощен. - Значит, быть тому, чему суждено и не нами прописано.

- Выходит, со мной к хану не побежишь? Не замолвишь слово?

- Здоровья уж нету.

- А я хану Тохте преданней буду, чем Михаил, он и даст мне ярлык,- с вызовом произнёс Юрий.

- Благослови тебя Господь наш, - со вздохом сказал митрополит, осеняя князя крестом. - Коли суждено, так поезжай.

Мимо березовых перелесков скачет, торопится небольшая дружина князя Юрия в степные края. Спешит, оставив далеко позади вьючных лошадей с припасами, походной утварью и подарками хану. Уже дело к вечеру, и солнце вдали ложится на макушки деревьев. На очередном пригорке возле рощицы останавливает князь свой отряд. Прикладывает руку к шлему, вглядывается назад.

- Что-то обожа не видать.

Встал рядом брат Борис, тоже поглядел. Поодаль воевода с дружинниками.

- Случилось чего... - задумчиво произнёс Борис. - Вернуться бы надо.

- Эх, гнать обоз надобно было впереди.

Опять смотрит вдаль князь.

- Не видать, далеко отстали.

Разворачивает коня, и отряд несётся за ним следом.

...За ближайшим же перелеском натываются на разбредшихся по луку лошадей, остатки добра, рядом с которым кряхтят, стонут, бродят побитые и раненые дружинники.

Нет больше подарков для хана, нет припасов дорожных.

- Дядьёвы козни!

Вспыхивает князь, натягивая уздечку и заставляя невинного коня пританцовывать, голову запрокинув. К Борису поворачивается.

- Вот брат, нет мира между нами.

- Кто напал - разглядели хоть? - спрашивает тот обозников.

- Может, и тверские были, - отзывается один из побитых. - А обличьем - тати дорожные. Наскочили, похватили...

- Много было-то? - еле сдерживается князь, понимая, что ехать теперь никак нельзя, а князь тверской уже впереди. Но догнал бы ведь, догнал, если б...

- А как бы не впятеро больше.

- Значит, вдвое, - Борису говорит.

Но винить, кроме себя, некого, надо было вместе с поклажей тащиться.

- У страха глаза велики. Знатно побили, и хорошо.

Дал понять, что не будет никого наказывать.

Хотел скомандовать обратно в Москву бежать, да уж сумерки наступили.

- На рассвете - обратно. Ждать никого не стану, пусть разбойники добьют... Шатёр вот здесь ставьте, - указал рукой место на по-

лянке и пришпорил коня к ближайшему пригорку - а вдруг увидит ещё врага?

Борис промедлил, но тоже следом поскакал.

А в Москве ждут князя лазутчики.

Пока обратно бежали - всё-таки далече уже ушли, пока новые дары хану и челяди его собирали да неотложные княжеские дела справляли, прискакал и дальний, из самых степей. С новостью.

- Поладили они, - согнулся перед князем, весь в татарском одеянии, если б не рожа белая да чуб светлый из-под чалмы - ни дать ни взять татарин. Даже сабля на боку татарская, кривая.

- Говори.

Князь монеты перед собой выложил, отсчитывать приготовился, чего новость стоит.

- Хан о твоих претензиях знает, Михаил, князь тверской рассказал.

- Не новость это.

- Сказал, что твоё княжество захудалое, а дружина мала, не справиться тебе с другими князьями.

- Вон как он ценит, - вскочил князь. - Чего замолчал, всё говори.

- Сказал, что его княжество самое сильное, а новгородцы богатые уже под него склоняются, только ярлыка ждут. И что рязанцев воинственных он укротит, а тебя, князь, признать своё первенство заставит, чтобы не вставал против традиций - он старше, мол, ему и быть великим князем.

- Ишь ты, разошёлся дядька...

Князь губы поджал, несколько монет от кучки отделил, в сторону лазутчика двинул.

- Ещё что скажешь, али монет больше не надобно?

- У хана он ещё остался.

- Ну это понятно, ханских вельмож обхаживает. А ещё что скажешь?

Лазутчик молча смахнул деньги в ладонь.

- Ладно, ступай. Ежели что вспомнишь - монеты ещё есть.

Князь Михаил с ярлыком во Владимир из Орды приехал. Перед городскими воротами его местная знать ждёт: Митрополит Максим впереди, с боков служками поддерживаемый, князья, бояре владимирские... Встречают, как и подобает, с поклонами, хлебом-солью. Но без подбострастия, не забывая, что за спиной - град столичный, великокняжеский.

Князь Михаил спешился, с встречавшими раскланялся, грамоту ханскую предъявил.

- Вот, исполнил я волю великого князя Андрея Александровича владимирского, завещанное им выполнил, принял Русь под управление.

Митрополит на ярлык только и взглянул - для него слов князя достаточно. Окинул медленным взором склонившего голову нового великого князя.

- Да будет тебе волею Божьей даден престол великокняжеский владимирский. Владей, князь, во благо Господа нашего единого на пользу людишкам русским. Веру крепи, умножай мирское и насаждай справедливое.

Крестом осенил, всё, что полагается, сделал - теперь уж точно перед ними Великий князь земли русской.

- Правь всем на пользу, - старший из князей владимирских выступил вперёд. - Мы тебе в помощь во всяком деле встанем, ежели справедлив будешь, обижать да притеснять не станешь.

- Не стану, - не сразу ответил великий князь. - Но и вы уж служите как надо. Взропщите али измену намыслите - не взыщите: усмирять стану.

- Быть тому... С чем от хана прибыл, с плохим или хорошим?

- Это с какой стороны смотреть.

- А мы со своей посмотрим.

- А вот за столом и оглядимся.

Сел князь Михаил на коня и проехал мимо встречавших. За ним следом его бояре, свита, дружина малая, а уж потом и сами хозяева в город вошли.

Большая горница и длинный стол яствами заставлен. Сидят по разные стороны стола князь Михаил со своей свитой и князья и воеводы владимирские. Все съехались из своих уделов. И хотя многие между собой по обеим сторонам застолья знакомы, а то и родством связаны, но теперь словно заново приглядываются: не равны уже. Но и довольны, - их князь Великий владимирский Андрей Александрович великое княжение Михаилу тверскому завещал. Так оно и получилось. Князь Михаил теперь главный над князьями русскими, его слушать.

От нового великого князя слова ждут.

А тот не торопится, сидящих напротив оглядывает, оценивает. Знает вес своего теперешнего слова. И что более всего интересует, тоже знает. Но начинает неспешно, после чар выпитых и предложенного угощения отведав.

- Хан Тохта умён и к вере нашей терпим. - Сразу на главный вопрос ответил.

И зашумели, задвигались за одной стороной стола, а за другой сподвижники князя приосанились, давая понять, что и от них, не только от князя, зависело, даст хан ярлык Михаилу или его пле-

мяннику, московскому князю Юрию, оставит. Того, конечно, за столом нет - это великому князю теперь решать, как со строптивым племянником быть.

- Поладили мы с Тохтой, - это ответ на второй главный вопрос. И не выдержал князь, поделился своей близостью к хану. - Погодки мы, мысли у нас схожие, хоть и не нашей веры он.

А все ждут, что скажет о смуте, что в Орде творится.

Медлит великий князь, а потом всё же отвечает и на этот невысказанный вопрос.

- Хан Тохта хочет все ханства объединить, тогда сильнее Орды никого не будет ни на западе, ни на востоке, ни на юге. Воевать ему с нами не к чему, других забот полно. Баскаков своих поукротить обещал. А где и сам буду дань брать.

Оживились за столом напротив, только не поймёшь - в радости или в сомнении.

- А я вот ещё что хочу сказать. Вот нам бы так же поступить: всем князьям в одну семью собраться и не раздорничать боле. Тоже сильны будем. Глядишь, не слабее.

Осёкся, понимая, что не все тут его сподвижники - кто к племяннику, князю московскому, склонен, а кто и хану донести поторопится. И закончил:

- Вот сообща всех врагов кланяться заставим.

Теперь пусть доносят, хану он это и обещал.

- Хан Тохта Ногая, конечно, побил, - вступает в разговор самый уважаемый из князей владимирских, который при прежнем великом князе верным помощником тому был и много чего знает, - только ведь нашего ратника, что Ногая на поле брани и посёк, не одарил в благодарность, а казнил.

- И этого мы касались, - кивает великий князь. - И сказал хан Тохта мне, что Чингизова яса того требовала: негоже когда простолюдин царя убивает.

- А ты-то, князь, как считаешь?

- Я? - выдержал паузу князь Михаил. - Воин наш в битве поразил Ногая, свой живот берёг - об этом и сказал хану: выходит - не повинен. А тот в ответ - мол, как бы пример этот других не заразил, а то начнут и вас, князей, убивать - так мне отвечивал. - Оглядел князей, сидящих напротив. - И то правда, так не должно быть повадно, а то, глядишь, и нас, князей да бояр, повадятся в сечи рубить.

И обвёл взглядом стол, ожидая оценки.

Зашумели сидящие за столом одобрительно, но вроде как и до конца не совсем согласные.

- Молод хан Тохта, но мудрости учится, - хитро произнёс князь владимирский - попробуй пойми, одобряет слова ханские или сожалеет, что как раз мудрости тому и не хватило.

- Поладим мы, - не даёт задуматься остальным великий князь, ярлык, с таким трудом добытый, охраняя. - Дань прежнюю собирать будем, но исправно, нечего непрошенных гостей на свою землю привечать.

И посмотрел на князей удельных, давая понять, что знает, за кем должок...

- Мы с Тохтой миром жить договорились, ему наши междоусобицы не нужны, у него своих забот хватает.

- А что, крепко ли хан сидит? - не сдержался один из удельных князей. - Как бы его не сковырнули невзначай, у них это нынче за просто.

Князь Михаил долго смотрел, думал, от любопытства спросил тот или с умыслом, мол, надолго ли ярлык, ему данный, действителен будет.

- Справился он с Ногаем, а с остальными миром поладил, эмиров своих в узде держит, я уж говорил об этом. Да и не наша это забота. Главное, желает хан Тохта, чтобы амбары у нас наполнились да стада тучнели. И больше того, о чём договорено, обещал дани не брать. А ежели кто из его стана без его или моего ведома придёт - не терпеть и гнать обратно безбоязно. - Князь помолчал, пережидая оживление. - Но это ежели обещание своё выполнили, всё затребованное отдали. Ну, а от себя я так скажу, - князь встал, кубок поднял. - Все раздоры ваши по справедливости судить стану, помощь нужна будет - помогу. Но ежели не будете выполнять обещанное, сам, без помощи хана, наказывать стану. Пейте, други, за то, чтоб понималось нам лучше друг друга.

Задвигалось, зашумело застолье, забежали слуги с закусками, гуслиры вышли, девицы нарядные выплыли. Праздник - новый Великий князь на Руси.

В келье митрополита тишина и полумрак. Митрополит Максим полусидит на кровати, но в одеянии. Он бледен и болезнен, но говорит хотя и медленно, но чётко. Князь Михаил сидит напротив, слушает внимательно.

- Ты, великий князь, на племянника сердце не держи. Неможно тебе теперь это. Ты теперь над всеми, как Господь на нами, людишками мелкими. От Господа нашего силу и черпай, на веру опирайся. А вера наша истинная, злом не питается... Обещай мне мира искать с князем Юрием.

Князь Михаил кивает, не поторопившись, но и не промедлив особо.

- Я вот слаб нынче, мало чем тебе помогу, а так бы поговорил с князем московским, хотя уж немало говорено - молод он, горяч не

в меру. Но Господь всё образумит...Ты молись и Бога слушай. Ты теперь должен таким быть, как когда Собор с матушкой возводили. Не забыл ещё, о чём мне поведал?

Князь выпрямился, крестным знаменем себя осенил.

- Не забыл. Как забудешь: свет такой разлился и лёгкость, будто сам всё своими руками и воздвиг.

- Вот и познал ты силу Его, и славно, что помнишь - почаще к этой силе обращайся. А с новгородцами постороже надо, язычников среди них ещё немало, оттого и сопротивляются Божьей воле. А я выправлюсь - с князем Юрием обязательно поговорю, торопится он славы вкусить, не терпится выделиться из равных, пройдёт это. Глядишь, ещё помощником первым тебе будет. Ты перед ним сердце раскрой. В любви - сила.

- Но мне ли первому правильно будет?

- Первому и не надо. Но когда придёт - не гони.

Склоняет голову князь Михаил согласно. А митрополит продолжает.

- Ханский наказ выполняй, но и главный, Божий, не забывай. Дела наши главные не здесь, а там, - рукой с трудом, но вверх указал. - Там и ответ держать на самом строгом суде. А грехи тяжелы, без покаяния не дадут подняться. А вести людишек за собой нелегко, сам знаешь: грешны безмерно, строптивы, разбежаться так и норовят. Тому, кто впереди, пастырем, с дороги сбиться легко. Со всех сторон теперь тебе нашёптывать станут, в какую сторону поворачивать. А ты никого не слушай, Господа слушай. Ну, а сомнения насыдут - слушайся митрополита, слугу Божьего. Пока я перед тобой, меня слушай, а потом того, кто вместо меня будет. Уж поди приглядел кого из епископов помоложе?

Не стал князь скрывать, всё ведь митрополит и так знает.

- Как вашему высокопреосвященству игумен Геронтий?

Вздыхнул митрополит.

- Ведаю, что в согласии ты с ним. Но не тебе решать, князь, на то воля патриарха. Кого поставит, с тем и согласишься, и слушай... А что касается Геронтия, то своё желание патриарху сообщи, не возбранится. Ну, вот и всё мы с тобой проговорили, князь.

Князь к руке митрополита на прощанье прикладывается и уходит.

Молод князь московский Юрий. Молод и нетерпелив. А ещё упрям - того. что замыслил, всегда добывается. А тут ещё братья младшие и единомышленники вокруг собрались, за большим столом речи ведут, для уха княжеского приятные и в решении укрепляющие.

- Не ходить нам под Михаилом тверским, мы, московские, не хуже будем.

Брат Иоанн Данилович хотя и моложе Юрия и Бориса, но так говорить может: он тверян, хотевших Переяславль взять, разбил, и ихний воевода Акинф в той сечи живот свой положил. Большая утрата для князя Михаила.

- Лазутчики донесли, что шибко сошёлся Михаил с ханом Тохтой татарским, - замечает князь Юрий. - Можно, конечно, сбегать к хану в Сарай, задарить хорошо, да как бы не под руку было.

- Медлить тоже не с руки, - не терпится высказаться Иоанну.

- Надо новгородцев настроить против него, - говорит Борис.

- Так ведь приняли новгородцы Михаила, договор заключили...

- Донесят, будто он с Геронтием против воли ихней свою насаждает, слово не держит, защиты от шведа не строит.

- Нам новгородцы союзниками должны быть. Ты вот что, - обращается князь Юрий к князю Фёдору Ржевскому, союзнику верному, - зашли к ним своих людишек, пусть расскажут, что следует: будто не будет им скоро никакой вольницы, а всё богатство людей знатных новгородских Михаил себе заберёт и хану на разгром отдаст. И разузнают пусть, с кем дело иметь можно.

- Сделаю. А то и сам к ним наведуясь.

- А не промедлим? - сомневается Иоанн.

- Не до новгородцев Михаилу будет... Донесли мне, Геронтия патриарх не поставит митрополитом, - выдаёт только ему ведомое Юрий.

- Так Геронтий уже будто отправился к патриарху, - удивляется Борис.

- Как сбегает - так и вернётся ни с чем.

- А кто же будет заместо Максима? - захотел узнать тайное Иоанн.

- А вот это неведомо пока. Подождём, уж скоро разъяснится.

Шумлив порт многоязыкий. И каких только народов тут нет. Но более всего - татар, они на этом берегу хозяева. Но путешественников не трогают, держат порядок оговоренный, оттого и кораблей в гавани много, и торговля идёт хорошо. Геронтий одет по-простому, не по чину, взошёл неприметно на корабль греческий с православными матросами, идущий на Константинополь. Устроился в месте, ему отведённом, с провожатыми прислужниками. Вот тут и переоблачился, принял свой обычный вид игумена. Волю великого князя Михаила исполняет, за чином митрополита едет к патриарху Афанасию. И везёт он в сундучке то, с чем обратно вернётся: святительские облачения, жезл и икону митрополита почившего Максима.

Вот уже отходит корабль от земной тверди, курс берёт на безбрежье морское, которое беспокойно нынче. Но морякам это привычно, перекрикиваются на своём языке, а капитан успокаивает: чего тут идти-то - день, ночь и ещё полдня.

Вот уже и берег свой не виден, да и другой земли тоже не разглядеть, волны всё круче и напористей. Постоял игумен на палубе и в каморку-каюту, как в келью свою, привычно зашёл - всё одно ночь близится.

Только ночь эта не так, как в келье, - беспокойной была. Разыгралась-таки буря, совсем не до сна непривычному человеку. А сон всё одно своё берёт, морит. Вот и поди разберись - где явь, а где и причудилось.

Но чудо ведь - явилась Геронтию вдруг Матерь Божия. И слышится ему, будто она говорит: «Напрасно трудишься, сан святительский не достанется тебе. Тот, кто написал Меня, Ратский игумен Пётр, возведён будет на престол Русской митрополии».

И видится Геронтию место заповедное в местах галицких и речка Рата, над которой монастырь новый вознёсся. А игуменом там Пётр, некогда на эти места уединённо пришедший, к тому времени и грамоту постигший в другом монастыре, и иконы писавший. И был игумен Пётр кроток и благочестив, на иноков провинившихся не гневался, а поучал не только словом, но и примером.

И стал в тот монастырь наведываться князь галицкий Юрий Львович, беседовать с игуменом. А однажды побывал и митрополит Максим. Вот тогда игумен Пётр и преподнёс в дар митрополиту написанный им образ Успенья Пресвятой Богородицы. Тот самый, перед которым потом митрополит Максим и молился о спасении вверенной ему Богом Русской земли.

Эту икону и везёт сейчас Геронтий и историю эту знает, слышал.

Наслышан также был он, что Пётр нынче находится при патриархе, куда того князь галицкий отправил, желая иметь своего митрополита...

...К утру море успокоилось и видения ушли.

Но уже знал Геронтий, что дальше будет, а оттого сходил на берег смиренно, сам сундучок неся, чтобы отдать его патриарху да принять решение того с покорностью.

Последнее время всё чаще встречались патриарх Афанасий и кесарь Андроник. Одна главная забота объединяла их: сохранить веру православную на Руси, там, где она три века назад началась и трудами и жертвами праведников укрепилась. Большие надежды возлагали они на Русь, только начавшую оформляться в государ-

ство, но нынче проходящую через большие испытания. С запада на южную её часть, с центром в Киеве, наступала одна вера, с востока и юга на северную, с тамошней столицей Владимиром, - другая. Казалось, ещё немного, и не устоит православие на этих просторах, обещавших когда-то стать центром веры истинной.

Который день уже обсуждают они сложившуюся со смертью патриарха земли Русской Максима коллизию. С одной стороны, великий князь Михаил своего игумена Геронтия прочит на престол. А с другой - не авторитет Геронтий для той же Волыни, да и Киева, и уж князь волынский не признает в нём митрополита. А не признает, - может и увещеваниям чужим поддаться: жена у него полька; пойдёт тогда Русь южная под римскую веру. И тогда расколется Русь православная...

- Нет у нас иного решения, дабы не допустить раскола на Руси, чего наши недруги не только желают, но и усилия прилагают безмерные, - подводит итог предыдущим разговорам патриарх.

- Недоволен великий князь Михаил будет, - говорит кесарь.

- Разъяснить надобно. Ему тоже урон будет, ежели совсем с югом связь утратит.

- Южную Русь он и Русью не считает. К Литве ближе стоит.

- Оттого и надобен рядом с ним человек, который наущать будет. Для игумена Петра вся земля русская едина, как со дня крещения повелось. А Геронтий поперёк князя не встанет, заедино они... Тяжко будет митрополиту Петру на Руси, но таков крест его. Значит, быть ему на месте преставившегося Максима. И князь галицкий успокоится: верит он Петру и давно видит главным в русской митрополии. А ежели иначе - оторвёт князь Юрий Львович Галицию и Волынию, а то и Киев, и насадит там веру римскую.

- Славно, что хан Тохта веру нашу не притесняет, - замечает кесарь, уже не выставляя никаких аргументов, - дело, в общем-то, решённое: быть Петру митрополитом земли Русской.

- Брожения там большие, всего ждать следует. Доносят, к магометанству в Орде склоняются.

- Мы с игуменом Петром уже многожды беседовали, понимает он смысл и свою миссию, - говорит патриарх. - В первую очередь с ханом поладить собирается, ярлык получить.

- Что же, коли всё уже обговорено, сделай возложение...

Патриарх в ладоши хлопнул, появившемуся монаху кивнул. Тот двери распахнул и отступил, и в проёме дверей игумен Пётр появился. Лицом ровен, глазами внимает спокойно, ступает мягко, но уверенно.

Кесарь ещё раз взглядом его окидывает - он видел его всего пару раз, не то что патриарх - и свидетелем в сторонке стоит.

Патриарх сундучок, Геронтием доставленный, открывает, первой иконку достаёт, лобызает, Петру подаёт.

Тот тоже прикладывается, поклон кладёт, обратно возвращает.

Патриарх облачение достаёт, Петру подаёт.

Тот облачается, неторопливо, неловко. Но никто не торопит.

Наконец встаёт перед патриархом и кесарем уже не игумен - митрополит. Остаётся только жезл принять - и он берёт его. И видно, как вместе с жезлом осознаёт заботы предстоящие, оттого строже делается.

- Знаешь ты, ваше преосвященство, вера наша истинная - главное в твоём новом служении. Сил не жалею, спасая души единоверцев твоих и тех, кто пожелает в вере нашей грехи свои искупить и бессмертие обрести. Но не будет Руси - и веры не будет, значит, и Русь - главное, - патриарх говорит. - Тебе с Божьей помощью и по Его воле определять, у кого из князей русских лучше получится и то и другое сохранить.

- Иного не мыслю, ваше святейшество. Вере нашей православной и Руси служить буду до последнего дня своего.

Поклонился Пётр и вышел.

В палатах своих княжеских в родной Твери ждёт великий князь Михаил нового митрополита русского. По этому случаю и одет как полагается, и домочадцы подобающим образом к встрече готовы. Хотя и недоволен князь решением патриарха, не Петра, Геронтия, с которым друг друга хорошо они понимают, видеть хотел на престоле веры христианской, но не суждено, значит.

Долго ехал к нему новый митрополит, слухи о нём впереди бежали. Мол, покровительством патриарха пользуется, доверием безмерным и что хоть сам из южных мест, но в Киеве не утвердился, опоры не обрёл и так же, как предшественник его, выбрал местом своей кафедры город Владимир. А перед тем, как с великим князем встретиться, и это известно Михаилу, заезжал он в Москву и, как донесли ему, с князем Юрием беседу имел. Правда, о чём речь шла, никому не ведомо - ни тот, ни другой не обмолвились.

Вот оттого и нервничает великий князь, оттого на жену княгиню Анну строго глядит, дочку да сыновей приструнивает.

Вот слышит - подъехал кто-то, да и слуга уже в дверях появился, доложил.

- Прибыли его высокопреосвященство...

Князь приосанился, на улицу вышел гостя встречать.

Вот и гость на крылечко взошёл, окинул князя взглядом пристальным, в палаты прошёл, домочадцам руку протянул, каждого крестом осеняя. Совсем не похож ни на Геронтия, ни на бывшего

митрополита. Но куда всё раздражение исчезло, легко вдруг стало князю, словно знал прибывшего уже давно.

- Дозвольте вкусить - ответить.

- Не сейчас, - отвечал тот. - С дороги отдохну. Да и поговорим, князь, не отягощённые...

Развёл руками князь Михаил, провёл гостя в горницу самую светлую да уютную, где сам любил думать да советоваться с боярами. Тут и сели напротив друг друга.

- Знаю, не меня ты ждал, - начал митрополит. - Но воля на то Божия и патриарха. Ведомо мне было, что вслед за иконкой моей и сам со временем отправлюсь в края северные. Так что прими как есть, знать тому и должно быть...

Склонил голову князь.

- Ведомо мне, что не хотел ты, чтобы я с князем московским Юрием встречался, да опять же воля Божия... И скажу тебе так: в ваши распри вникать не стану - неважно это, и судить не стану, а вот его послушал. Тебя теперь послушаю, как видишь землю Русскую да веру нашу православную на её просторах.

- Землю нашу без ссор да обид вижу, великому князю и вот тебе, митрополиту, послушной, - произнёс князь Михаил давно выношенное. - Богатой и против врагов стойкой. Да чтоб мирно с Ордой жить, как вот сейчас мы с ханом Тохтой живём.

И вскинул взгляд на митрополита: того ли тот ждал.

- Мирно - это хорошо. Мир множит люд, от людя - богатство и довольство, о душе забота. Брань истребляет и озлобляет и перед врагами бессильным делает...

Помолчал митрополит Пётр, ожидая ещё чего-то. Видно, не удовлетворился ответом.

А князь не знал, что и сказать ещё.

- Как уделы твои, князь, не бедствуют?

- Отчего же им бедствовать, моё княжество всегда крепче других было.

- А остальные, князей других?

- В силу мощи своей стараются.

- А что ж ты, великий князь, в граде столичном Владимире не сидишь, а всё больше у себя дома?

- Так есть у меня кому там блюсти мою волю. По нужде всякий раз бываю без промедления.

- А что делишь с племянником своим, князем московским?

- Не я - он против принятого идёт, разлад вносит. Мне завещано было землёй русской править и по слову князя упокоившегося, и по старшинству.

- Может и так. Но тебе быть мудрее надобно и по чину, и по старшинству...

- Вижу я, племянник мой возможность не упустил, преподнёс себя лучшим радетелем за Русь нашу, - вспомнил Михаил, что великий князь он и слушать митрополита не во всём должен.

- Не дело, князь, делиться, кто из вас лучший, дело - распри отбросить, объединиться, миром да любовью всё решать, как вера наша велит. И тогда Господь силу даст. Не дело к хану тайно бегать да друг на дружку пенять. Не дело делить вам Русь великую, а дело ваше - объединять её. Князь Юрий вслед за тобой идёт, час настанет и ему великокняжить, вот и наставляй его, а не рать супротив выставляй.

- Князь московский сам мира не хочет. Пусть придёт, как положено, к великому князю да к старшему, наконец, к дяде своему. Не мне ему кланяться.

- И ему слово молвлю. А теперь иди, готовь трапезу, скоро выйду.

Мечется князь Михаил по горнице, недоволен встречей с новым митрополитом. Не верит, что радеет тот за Русь. Пришлый он, из южных краёв, откуда ему знать-ведать, чего стоит от шведа отмахиваться, с Ордой не ссориться да ещё строптивых новгородцев в узде держать. И с князьями московских, во главе с Юрием, спесь сбивать.

А чего это он про уделы спросил? Не иначе племянник свои права заявил на то, что великому князю принадлежать должно.

- Ну, где там слугитель веры нашей?! - кричит, не сдерживается.

А тут епископ тверской Андрей и входит, словно за дверью приглашения ждал.

- Дело имеешь, великий князь, мне сказывали.

- Имею, оттого и гонца послал.

Садится князь, давая понять, что разговор неспешный будет. Ждёт, пока епископ напротив усядется.

- Хочу с тобой важное обговорить. Но прежде скажи мне, как тебе митрополит наш новый, Пётр? Только как на духу говори, как промеж нас заведено.

Медлит епископ, из-под бровей на князя глядит, прикидывая, как и дружбы не потерять, и перед своим начальством, высокопреосвященством, не опростоволоситься.

- Отчего ж не сказать, что думаю. А правда то или нет - тебе судить. Не делился митрополит Пётр со мной ничем, только наставлял, чтобы веру нашу крепко держал и язычникам не поддавался, паству ограждал от напастей всяких. Да тебе, князь, помогал в делах добрых и сдерживал, коли недобрые замыслишь.

- Может, как обмолвился о князе московском - вот и скажи, как было.

- Было и о нём слово, - помедлил епископ. - Только это слово и ты, князь, знаешь, неведомого ничего не скажу.

- Так скажи, что есть, - выказал нетерпение князь.

- Сказал, что князь Юрий Данилович, мол, верно видит Русь великую и хочет с южными князьями договориться о мире долгом, а окраины укрепить людом православным, дабы противостоять вере римской.

- Эх ты, племянничек... Никак не успокоится, о ханском ярлыке на великое княжение грезит. Значит, говоришь, спелись они.

- Вот уж этого мне неведомо, - возразил епископ. - Только про то и сказано было: мол, Русь наша православная вся единая, надо не только с ханом, а и с другими князьями дружить, верой сплачиваться.

- Ишь ты, разве я этого не хочу, да только всем зараз не угодить. - Встал князь, прошёлся по горнице. - Доносят мне, будто великокняжение наше поносит он в своих проповедях, да и весь уклад наш, предками завещанный. Вроде и вашего брата, священнослужителя, не щадит.

- О том, что плохо о тебе в проповедях говорит, не слыхал. И, как разумею, быть того не должно. Ну, а ежели так оно...

Замолчал епископ Андрей.

- Князю не веришь?

- Ежели так, то худо дело, - вздыхает епископ. - А про нашу братию правда. Вот Исмаила Сарского епископства лишил, Сеита анафеме предал.

- Глядишь, и до тебя доберётся, не без грехов ведь, - усмехнулся князь. - И добавил: - Ежели мы сами не упредим.

Посмотрел на епископа долго, удостовераясь, что тот всё правильно понял.

- Ну, твоё преосвященство, благослови меня на дела суетные и иди себе, думу думай.

Под руку епископскую встал, крест принимая, и проводил до дверей.

По велению патриарха заседает собор в Переяславле-Залесском. Жалоба ему поступила на митрополита Петра от тверского епископа Андрея и ростовского епископа Симеона. В той жалобе митрополита Петра епископы обвиняют в нарушении норм нравственных и устоев церковных. Что, дескать, и превозносятся, и гордыней страдает, да и больше о себе, чем о пастве печётся. Вот и велел патриарх разобраться.

Много собралось народу. И не только чины церковные, но и знати много, князей удельных, бояр...

Расселись по чину, от старшего, что к митрополиту ближе, до самого дальнего игумена. Лицами строгие, как и положено при таком важном деле: шуточное ли дело - митрополита всея Руси судить.

Тут же и обиженный, за которого епископ выступил, - Исмаил Сарский. Сеита нет, тот писульку сочинил, с епископом Андреем и передал.

Первым делом тот её и зачитал.

- Может, я и грешен в чём-то, но уж не совсем от стада Христова отбился. За что же меня так, не разобравшись, не выслушав, будто я богоотступник, действительно еретик какой-то... - читает епископ с выражением, внятно, чтобы до каждого дошло. - А оттого, что не раскаялся сразу, так честным быть хотел. Теперь же, по прошествии времени, истинно раскаиваюсь.

Зачитал Андрей эту писульку и от себя обсказал, что, преданный анафеме, тот теперь совсем душой погибает.

- А ведь невозможно так, ибо Господь учит прощать и помогать найти путь истинный сбившемуся.

Вспомнил епископ Андрей покойного митрополита Максима, при котором непозволительно было такое отношение.

Потом низложенный Исмаил Сарский выступил.

- Грешен, братия, каюсь, - начал сразу. - Но ежели и было что, то рази я не исправился бы, рази не принял бы науку его высокопреосвященства. Так ведь не дал слово молвить в своё оправдание, а нынче сам не без греха. Оно и понятно - не по монастырскому же уставу живём, в миру крутимся, среди людишек грешных, соблазнами всяческими окутаны.

- В чем его высокопреосвященство митрополита Петра обвиняешь? - спрашивает старейший епископ, во главе собора сидящий.

Епископ ростовский Симеон поднимается.

- Говорят, будто ущемляет он одних, а своим приспешникам послабление делает.

- Так кого же ущемляет, кого в приспешники запишешь?

- А это вам должно быть лучше известно, вот по совести и рассудите.

Зашумели соборяне, зашумукались.

- Кто ещё сказать хочет? - вопрошает старейший.

- Нам о таких неведомо, ко всем ровен митрополит Пётр, - подал кто-то голос. - Ежели знает кто, пусть назовёт. А мы знаем только, что строг он к себе пуще, чем к другим.

Смотрит старейший на епископов-жалобщиков.

- Нечего вам сказать боле в обвинение?

Видит тверской епископ Андрей, что собор не в его сторону клонится, слово берёт:

- Может, и не стоит к совести тут взывать, это дело тайное души каждого, но вот я скажу, а вы поразмыслите, братия... Нет ладу у митрополита с князем великим земли русской, оттого разлад и во всём остальном пошёл. Нынче, гляди, новгородцы вновь к язычеству вернутся, а митрополит будто и не замечает этого. Может, оттого, что новгородцы с князем московским якшаются? А великому князю подмога нужна - самое время всё рассудить как следует, на пользу Руси.

Задумались соборяне, особенно светская её сторона, переглядываются, перешёптываются, клонятся один к другому. Наконец, своё мнение старейшине доносят. Тот выслушивает, потом вопрошает:

- Есть кому возложить на его высокопреосвященство митрополита земли русской Петра вину явную?

Выжидает, но нет желающих высказаться.

- Тогда вот как определимся. Большинство из нас не находят разлада со своей совестью, а потому не считают обвинения против митрополита Петра доказанными. И всем это решение признать следует и больше никакой хулы не собирать. А что касается дел княжеских, то пусть митрополит Пётр сам обскажет для нашего понимания.

Поднялся митрополит Пётр, оглядел соборян, задержал взгляд на епископе тверском Андрее.

- Твоё дело, отец Андрей, вразумлять словом Божиим великого князя Михаила. Но, видно, не до того тебе было последнее время. Или ты не говорил, или он тебя не слышал, только крепче и сильнее Русь за это время не стала. Вот новгородцы шведом недовольны, что же великий князь на их просьбы не откликается?.. Русь - не одно княжество тверское, собрать всех надобно, а не только Орде угождать. И магометанству заслон поставить, а великий князь Михаил с ханом Тохтой приятельствует и вере той не противится. Вот о чём нынче думать всем нам надо, ибо не только с запада, с востока опасность велика...

И закивали головами и бородами соборяне, подтверждая это.

- А что тебя касается, - повернулся митрополит к епископу Андрею, - то мир тебе: не ты сделал это, а древний враг, диавол; отныне блюдись лжи, а прошедшее да простит тебе Господь.

- Мы с татарами в вере друг дружке не мешаем, - только и произнёс на это епископ Андрей, тем самым и мнение великого князя озвучивая. - У нас много похожего, и живём мы мирно.

- Может, и так, только не истинная та вера, и забот много от неё будет, - твёрдо произнёс митрополит, давая понять, что не намерен выслушивать возражения. - Так великому князю и передай.

Только весна началась, надобно бы по уделам проехать, настроить князей да бояр на добрый урожай, чтобы и дань хану была, и себе осталось, - а тут новгородцы взбунтовались, прислали грамоту обвинительную: дескать, не выполняешь ты, великий князь, договорных наших с тобой обязательств, вот и на шведа без тебя ходили, а теперь не видим смысла под тобой быть, будем под князем Юрием - он хоть и без ярлыка, но за землю нашу радуется.

Лазутчик всё это князю Михаилу докладывает, а сам еле стоит: дорога нелёгкая, да и торопился - вёз объявление о войне.

- И что, князь московский Юрий в Новгороде сейчас?

- Нет его там. Вместо него князь Фёдор Ржевский сладкие речи для их ушей говорит, много чего от имени князя московского обещает. Который день уже его слушают. И на тебя, великий князь, дюже обозлились, даже идти войной собираются.

- Не на меня идут, на Русь православную, - князь уточняет и шаги печатает по горнице. - Значит, говоришь, к походу готовятся?

- Вовсю собираются. Кузнецы без продыху копыя и мечи да кольчуги куют.

- Юрий денег дал, али свою казну потрошат? - спросил, хотя и так ответ знал. - Ладно... Будет так... - И остановился перед лазутчиком. - А скажи-ка мне - что, в Новом городе жить легко, всего там в достатке? Хлебушек ещё не кончился?

- Об этом не заботятся. Хвалятся, что им осаду держать не придётся, мол, всё, что надо, у тебя, князь, возьмут, мол, твоя Тверь богатая.

- Ну, а ты как скажешь, что сам видел?

- Хлеба, похоже, маловато. Обозы ушли за хлебом к Торжку. Вернутся обратно - нечего будет тужить.

- Давно ушли?

- А вот следом за мной и должны были выйти, наготове стояли.

- Значит, должны были, - задумался князь. - Ну, ступай. И отпавь ко мне князя Дмитрия.

От Твери до Торжка добежать - лошадей заморить не успеешь.

Быстро князь свою дружину поднял: вместе с сыном Дмитрием Михайловичем, помощником в делах надёжным, заставы под Торжком расставляют, так, чтобы ни один обоз в сторону Новгорода не прошёл. Днём и ночью стерегут и рать новгородскую ожидают. Но те никак не решатся выступить, хотя лазутчики только и бегают к князю в шатёр - доносят обо всём, что видят.

Наконец, сошлись две силы: одна - княжеская, великая, другая - новгородская, малая, заведомо победить неспособная.

Сошлись ненадолго, уж слишком очевиден был итог.

Кого воины князя Михаила не перебили, того пленили.

И опять ждут, когда новгородцы на поклон придут.

Князь Михаил, довольный, с малой дружиной между заставами гарцует - нет прохода обозам хлебным. Хотя и не развернул их, уже гружёные, обратно, но и в город не пропустил. Стоят, ждут команды.

И великий князь ждёт.

Наконец дождался - прибыла депутация новгородцев.

Князь их рассаживать не стал, сразу спросил:

- С войной али с миром?

- Воевать-то надо со шведом, а не промежду собой, - высунулся самый молодой, да остальные, умудрённые, зашикали на него.

- С миром, - главный сказал.

Но шапки не скинул и поклон не отвесил.

Стерпел князь: что поделаешь - вольница языческая... Только ещё суровой сделался.

- Чем же я не угодил? Чем договор нарушил?

- Швед без страха наскакивает да жгёт окрест. Нам бы помочь нужна - твоя забота, князь, такой уговор был.

- Так будет помочь, ежели сами не справитесь. Я другое слышал: будто под Юрия московского настроились. Будто сладких речей князя Ржевского наслушались. Что ж без него пришли?

- А ты, князь, слушай, да не всему верь, - теперь уже главный под одобрительные кивки увереннее заговорил. - Мы твои заботы тоже понимаем. Только и ты наши не отвергай.

- Ладно, выслушал я вас... Так вот, князя Ржевского мне выдайте, иначе не будет никакого разговора.

Смотрят делегаты на старшего.

- Неможно, князь, - говорит он. - Мы это обществом решали, не хочет этого большинство.

- Ну так и мне неможно с вами договариваться.

Переглянулись опять делегаты.

Усмехнулся князь, догадывается, что и этот его ответ обсуждали и решение уже есть для него выгодное.

- Будь по-твоему, князь.

- Ну, а ещё что хотите?

- Хороший государь голодом подданных не морит, - опять молодой выскочил вперёд.

Князь его взглядом окинул: не пуглив, даже грудь выгнул вперёд, хотя старшие и дёргают за кафтан.

- Пойдёшь в мою дружину? - спросил, взгляд перехватывая.

- У нас своя есть.

Опять же не смущается, держит княжеский взгляд. И понимает князь, что не нужна ему новая сеча сейчас - и так воинов мало,

чтобы за всеми уделами глядеть и порядок держать, но знает, что отсрочка это только, что придётся ещё новгородцев укрощать.

- Хлеб нужен, - старший вперёд выступил. - А ты, князь, наши обозы не пускаешь.

- Значит, к войне готовились, а запасов не сделали. Плохо готовились.

Молчат делегаты.

- А князь московский чего вам обещал?

- То же, что и ты, - теперь уже не робея отвечает, догадывается, что не намерен князь воевать.

- Поди, про деда его, Александра, на вече вспомнили, думаете - каков дед был, такой и внук. Ежели дед шведа и немца побил, то и внук сможет?

- А что, и побьёт, - ещё один осмелел, из мастеровых, похоже, кузнец - вон ручищи какие.

- И я побью, время придёт, - только и нашёл, что сказать князь Михаил. - Ладно, отдам я вам обозы. А что собрали князю за беспокойство и на дружину?

- Полторы тысячи гривен серебра, князь, более не смогли.

- К осени ещё наторгуете али у шведа возьмёте. А будете с князем московским сноситься - пуще шведа пожгу. И грамоту мы с вами напишем. Да шлите гонца за князем Ржевским, без него не выпущу.

И ушёл.

Ждут делегаты. Притомились уже.

- А не обманет князь? - не выдержал молодой. - А то безоружные мы.

- Не должен - слово дал, - возражают ему.

- Как дал, так и взять может.

- Не суетись, Георгий, не станет он долго держать, слышал, грамоту пишет. А чего там напишет, не знаем. А не подпишем - вот тогда не выпустит.

Ещё потомились немного, пока князь появился. Грамоту развернул, читает вслух:

- Великий князь Михаил условился с Владыкою и с Новым городом не вспоминать прошедшего. Что с обеих сторон захвачено в междоусобие, того не отыскивать. Пленники свободны без окупа. Прежняя тверская Феоктистова грамота должна иметь всю силу свою. Новгород платит князю в разные сроки от второй недели Великого поста до Вербной 12 000 гривен, зачитая в сей платёж взятое в Торжке у бояр новгородских имение. Князь, приняв сполна вышеозначенную сумму, должен освободить аманатов, изрезать сию грамоту и править нами согласно с древним уставом».

Положил перед старшим.

- Коль уполномочены, печатки ставьте.

Молчат делегаты.

- Нам с народом обсудить надобно, - наконец говорит старший.

- А разве не уполномочены вы?

- Так ведь много требуешь, князь.

- По силам, знаю... А менять больше ничего не буду.

Вздыхает старший, но понимает - нет у них выбора.

- Где тут приложиться надо.

- Ну вот и договорились, - ткнул пальцем в грамоту князь. - Княжеская уже стоит, рядом и ставьте.

И начали делегаты по очереди к грамоте подходить.

Вернулся князь Михаил домой, а тут гонец из Орды: упокоился хан Тохта, ждёт великого князя новый хан - племянник Тохты - Узбек.

Не хочется, а надо ехать, а то ведь Юрий опередит и ярлык выпросит.

Стал князь в дорогу собираться. Вместе с ним и митрополит Пётр.

Наконец, всё готово: дружина малая, обоз со скарбом и припасами да дарами для хана и его чиновников. Отдельно - обоз монашеский, митрополитом Петром собранный. Он впервые едет в ханскую ставку, которая в низовьях большой реки Итиль находится.

Перебирают ногами сытые, отдохнувшие перед походом кони, ждут дружинники, пока князь с чадами и домочадцами прощается. Более всего он со старшим сыном Дмитрием говорит.

- Сколь молодой хан продержит - неведомо, - наставляет. - Ты, Дмитрий, главный в моё отсутствие. Не уступай никому - доброе у нас войско. Ежели шведы пойдут большим числом - гонца шли, я с хановым войском прибегу. Ежели беспричинно или даже по причине какой взбунтуются снова новгородцы - приневолю к покорности. И мне через почту ханскую сообщай всё, в чём нужда будет.

Князь Дмитрий то на отца, то на сопровождающих князя глядит, с трудом нетерпение скрывает - хочется быстрее остаться за главного; он уже давно во всех княжеских делах научен, тайны от него отец ни в чём не делал.

- Сохраним всё, как есть, без урона, - заверил.

- Ежели Юрий чинить что станет - тут же зови, не медли.

- Сделаю, батюшка, великий князь.

Митрополит тоже подошёл, на добрые дела благословил наследника великого князя.

Князь Михаил на коня подведённого сел, митрополит не столь ловко, но тоже на своего коня забрался, воевода дружине команду дал - и побежала-попылила колонна от городских стен...

Столица Орды по-над большой рекой раскинулась-растянулась. Со всех сторон сходятся сюда набитые копытами да накатанные тележными колёсами дороги. С противоположного берега на юрких судах тоже и гонцы почтовые переправляются, и торговцы, и чиновники ханские, и начальники народов, в единое государство собранных, как замышлял в своё время божественный Темурчин - Чингизхан.

Весной всё вокруг здесь буйно зеленеет, вверх тянется, вольно в округе коням татарским, да и всем прочим, пастбища всем вблизи определены; ближе к городу боевые гурты отдыхают, сил набираются, дальше рабы мясные табуны и стада пасут, тут же верблюды да кобылицы бродят.

Не первый раз князь Михаил в Орде, всё уже знает, это для митрополита всё в новинку. Разместились в месте, отведённом ханом для урусов, от которого до юрт ханских совсем недалеко. Гонца к хану отправили - мол, прибыли, когда позовёт? Ждут ответа.

А пока выспрашивает князь у ханского толмача, к ним приставленного, что с прежним ханом случилось. Оказывается, тот, одержав очередную победу над непокорными ханами и назначив главой войск своего племянника Озбяку-Узбека, собрался вверх по течению к ним, к урусам, наведаться. И одолела его хворь как раз тогда, когда корабль от берега только отплыл...

- Знамо дело, вернуться пришлось, - подсказал князь выдерживающему печальную паузу толмачу.

- Там, на корабле, посреди реки и помер хан Тохта, - закончил толмач.

- А к нам-то зачем плыть собрался? - поинтересовался князь, испытывая беспокойство, - не извещал его Тохта, что к нему собирается.

- Теперь кроме него и аллаха никто этого не знает, - закатил глаза толмач.

- И хан Узбек тоже не ведает?

- А это ты его и спроси, - прищурил тот и без того узкие глаза, усмешку не скрывая.

Знал, что гадать теперь станет урус, бояться, как он молодого хана боится, который в новую веру всех обращает, а кто противится, того не щадит.

Племянника Тохты - Узбека - в прежние свои визиты князь Михаил не запомнил, всё больше с Тохтой беседовал, хотя был тот

уже юношей приметным и военачальником ханским. А нынче ему столько лет, сколько Михаилу было, когда в первый раз за ярлыком в Орду приехал.

- А что, хан Узбек не так, как прежний хан, своим толмачам доверяет?

Знал же князь, что не ответит толмач, но в отместку спросил. А тот как не услышал, своё талдычит:

- Строг хан Узбек, но справедлив. И вере нас новой учит. Много знает, скоро новое имя у него будет...

При словах о вере митрополит Пётр интереса скрыть не смог: наслышан уже был о том, что молодой хан Орды склонен к магометанству и будто бы уже готовится принять эту веру, арабских проповедников слушает. Оттого он втайне и опасается, что не будет теперь того, зачем и приехал - ярлыка на привилегии для священнослужителей да монастырей.

- А ясу Чингизхана он не отменил? - спрашивает.

- Зачем отменять? Великий Чингиз по ней жил, деды наши, отцы. Нельзя никак без ясы, - с искренним непониманием и даже осуждением произносит толмач и окидывает митрополита, словно несмышлёного ребёнка, снисходительным взглядом.

А тот таким ответом доволен.

И князь Михаил доволен; в прежние свои приезды он законы Чингизов изучил, немало они с ханом Тохтой обсуждали их, а по возвращении из Орды рассказывал он о ясе и удельным князьям, и боярам, и воеводам, видя, что многие из тех законов словно из книги книг об их, христианской, вере списаны.

Гонец от хана явился.

- Хан велел спросить, всем ли довольны? Надобно чего?..

- Довольны и нужды ни в чём нет, - отвечает князь Михаил, которому весь ритуал известен.

- Отдыхайте, - гонец кивает. - Хан вас пригласит, когда соизволит.

Ждут князь с митрополитом уже много дней. За это время трава совсем зелёной стала, вода в реке после половодья опала, берега сблизились. Не зовёт хан Узбек.

За это время, правда, многое выведали у толмача: тот всё время при них - ему следить за урусами велено да доносить, что услышит, а как это узнаешь, если сам не разговоришься.

Более всего с ним митрополит Пётр беседует. Всё уточняет, как законы Чингизхановы соблюдаются, да про то, отчего вера магометанская им нравится. Правда, о вере толмач твердит одно и то же: что так хан Узбек хочет, а значит, так лучше будет для всех.

Князь Михаил в их разговоры не вникает, они об этом с покойным ханом Тохтой немало говорили. И про христианство, и про магометанство, и про ту веру, что предки хана да и он сам и приближённые его исповедовали. И как ни спорили, какие аргументы ни выискивали, а каждый в своей вере только ещё больше утверждался. Оттого не сомневается князь Михаил: вера, как и родина, как и жизнь, каждому человеку свыше даётся раз и навсегда.

Наконец зовут к хану.

В ханской юрте просторней и светлее, чем у хана Тохты было. А на видном месте - рукописи толстые в окладах богатых, чего у Тохты отродясь не было. Хан Узбек на возвышении сидит, рядом визирь и арабы учёные, а по обе стороны эмиры да военачальники. Среди них и темник Кавгадый, которого князь Михаил в прошлый раз перед Тохтой нехорошо выставил - пожаловался, что тот, дань собирая, лишку для себя берёт. Попенял тогда Тохта тому, а Кавгадый врагом стал. Вот и сейчас так взглядом резанул, что можно было не сомневаться: перед молодым ханом как мог уничижил. Но не сомневается князь Михаил - ясу чингизханову тот нарушить не посмеет, клеветать не станет, живота может лишиться.

Хан Узбек над всеми возвышается, фигурой хорош и лицом красив, ничего не скажешь. И выражение лица открытое. Их кивком приветствует, место указывает. На подарки, что перед ним выкладывают, особо не смотрит - больше на князя. А ещё острее - на митрополита. Смотрит так, словно тайну выпытать хочет.

- Помню тебя, князь Михаил, когда ты наш ярлык получал. Доносят нам, что правишь ты неплохо, слово держишь, законы наши и договор соблюдаешь. Но с тобой нам ещё много говорить.

И на митрополита Петра взгляд направил.

- А ты, урусский митрополит, для нас личность новая, оттого хочу знать: как нашу веру и законы понимаешь?

Митрополит с ответом не торопится, чувствует силу, от хана идущую, понимает, что надобно говорить как думает, остроты избегая и повода к вопросам разъединяющим не давая.

- Вера у нас своя, и у вас она своя. Ваши правители изначала, от предка твоего великого Чингизхана, любую веру чужую и нашу тоже уважали и к своей такого же уважения требовали. Я знаю это и менять ничего не стану. О том, что ты, хан, теперь магометанство выбрал, наслышаны, на то воля твоя и Творца всего сущего - значит так тому и быть. Только нет между нами противоречий, наш Иисус и магометанский Мухамед одно нам завещали.

- Нравится мне, как ты говоришь, - произнёс хан Узбек, подождав, пока арабский толмач переводить закончит. - Ваши предки вольны были в выборе веры православной, и мы теперь свой выбор делаем. Твою веру мы давно знаем и видим, но не для нас она. Ни

великий мой предок Чингизхан её не признал, ни все последующие властители подлунного мира и нашего государства великого. Я вот теперь другую веру выбрал, более понятную и верную.

- На то воля Всевышнего, твоя и твоего народа, - митрополит Пётр голову склонил. - Надеюсь, что это не изменит законов ваших, по которым церковь наша и впредь будет от поборов освобождена.

- Знаю, за ярлыком ты приехал... Будет тебе ярлык при прежнем условии: чтобы уважение к нашему народу и вере нашей внушал.

- Мы в нашей религии распрей иноверцам не чиним.

- Чтобы молились по вашей вере за нас, как и прежде, за укрепление государства нашего великого, куда земли ваши входят.

Наклонил голову митрополит - не поймёшь, то ли соглашается, то ли ропщет безмолвно.

И хан ждёт ясности, молчит.

Поднимает голову митрополит Пётр:

- Не станем нарушать заведённого. Но позволь тогда ещё об одном послаблении просить.

Подумал хан.

- Верить тебе хочу. Проси.

- Позволь не твоим чиновникам, а мне судить людей, которые к церкви относятся, так по справедливости будет и по совести.

Задумался хан, на князя Михаила взгляд перевёл, потом что-то шепнул стоящему подле толмачу.

- А что на это князь Михаил скажет? Ему мой дядя хан Тохта ярлык дал на Русь, чтобы он справедливо правил и судил сам.

- Пусть митрополит эту ношу разделит, у меня забот меньше будет, - сказал князь, подтверждая своё согласие, которое уже митрополиту Петру дал.

- А сможешь по справедливости? - хан опять к митрополиту повернулся. - Всё ли справедливо в вашей вере? Вон Киев-град в распрях, да и ваши князья меж собой никак не сладят, режут друг друга да разоряют. - Обвёл взлядом подданных своих. - Оттого и выбрал веру магометанскую, более справедливую, которая всех объединяет. - Перевёл взгляд на князя Михаила. - Гляди, князь, тебе ярлык давали на то, чтобы все земли урусские вместе собрал, чтобы под тобой твои князья, как мои эмиры подо мной, ходили повинуться, а знаю - с новгородцами ты так и не справился, с московским князем Юрием не сладил

- Вот вернись - и укоротим, - пообещал князь, надеясь на скорое возвращение домой и с ярлыком, и с ханской подмогой.

И опять хан к митрополиту Петру повернулся.

- А ты как считаешь, кто из князей сильнее? А то, может, ярлык лучше московскому князю Юрию дать? Мне доносят, он в верности клянётся и на обещания дань сполна собирать не скупится.

И взгляд на Кавгадые задержался.

И князь Михаил следом за ним на Кавгадые посмотрел, не сомневаясь, с чьих слов хан говорит.

Не хочет митрополит отвечать на этот вопрос, а надо.

- Мало московское княжество, не сравнить с тверским, - наконец отвечает.

- Вот и мне доносят, что твоё княжество, великий князь, за то время, пока ярлык у тебя, богатеет, а остальные плохо дань собирают, баскаков моих огорчают. Но об этом у нас ещё будет время поговорить.

Знак подаёт стоящему за ним чиновнику, тот грамоту протягивает.

- А тебе, митрополит, в дорогу пора - молиться за всех нас да паству твою направлять на укрепление государства нашего.

Протягивает грамоту-ярлык.

- Учёл я твою просьбу, даю тебе право судей быть людишек ваших. Может, так и правда князю поможешь, а то жалоб от вас много.

- Новгородцы строптивые ябедничают, - не удержался, вставил князь Михаил.

- Мы ещё поговорим с тобой об этом, князь, - посуровел хан. - А теперь ступайте. Митрополита в дорогу соберите, и ты, князь, лишних людишек своих с ним отправь, нечего им тут без дела оставаться. А ты у меня побудешь.

Бежит время.

Сколько раз уже князь Михаил на берег выходил и в даль степную глядел. И плодоносящей она уже была, и снежной, и цветущей, потом снова плодоносящей... Вместе с ханом к горам белоснежным скакал, куда от жары несносной табуны уводят и где на берегу озера большого стоит город Мажары. И дальше в ущелья горные бежали, наводя ужас на местные племена.

Сколько за это время перевидел, пережил, узнал, чужую речь научился понимать. Когда вернулись обратно, в столицу Орды, думал, что теперь-то уж домой хан Узбек отпустит. Но пришлось ещё одну зиму пересидеть вдали от родных мест - не отпустил хан, всё чего-то выжидал.

Вот и вновь степь зазеленела, птицы с юга на север потянулись, домой торопятся. И никто их удержать не может.

Стоит князь на берегу, птиц взглядом провожает.

Толмач прибежал, зовёт к хану.

В ханской юрте только родственники его да арабские проповедники, которые при каждом разговоре присутствуют, про свою веру правильную хану толкуют и с князем порой в спор вступают.

- Садись, князь, хочу с тобой разговоры наши завершить.

Хан место рядом с собой приготовил, как делал это последнее время. И князь привычно опустил, чашу с кумысом принял, выпил.

- Вот ты у нас долго уже гостишь. Был ты всё это время одним из моих князей, ничем я тебя не отделял от них. Законы наши не нарушал, обычаи уважал.

Кивает князь Михаил, соглашается.

- В походы ты ходил, от врага не бегал. Видел я тебя разным. Воин ты хороший. Видел и то, что не нравилось тебе, что не по вашим законам и вере вашей было, но сдерживал себя, а это главное качество, когда судить других поставлен. Много уже лет тому назад привёл в эти места, где твои предки жили, предков моих воинов мой великий предок Чингизхан. И создал на великих просторах великое государство, в которое собрал множество разноязыких племён и народов, чего бы они сами никогда не сделали, потому что враждовали между собой. И всё это время учился один народ у другого, традиции друг друга чтя и веру чужую уважая. Согласен ты, князь, со мной?

- По твоему разумению верно ты говоришь.

Хан усмехнулся.

- Договаривай, с чем не согласен, я тебя уже хорошо знаю.

- Не все по доброй воле в Орду шли.

- Мои эмиры не все покорны бывают. И ты со своими князьями удельными воюешь. В табуне тоже не все за вожаком идут. Только тех, кто от него отбился, быстро волки находят. Не будь Орды, ходил бы ты сейчас под немецким рыцарем или шведом, а то ещё кем.

Нечего князю возразить.

- Ты вот ответь мне, князь, отчего за столько лет так и не стали вы жить по нашим законам? Разве яса не справедлива?

- Многое в ваших законах верно и нашим законам не противоречит. По таким и мы живём, - осторожно ответил князь.

- Отчего тогда этот не соблюдаете: «Кто лжёт с намерением или волхованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступает между двух спорящих и помогает одному против другого - смерти предаётся». Этот закон вы, князья урусские, все годы нарушаете.

- А разве твои эмиры или военачальники не нарушают? Да и ты, хан, как иначе спорящих разнимаешь, как не заняв одну из сторон.

- Я понимаю, отчего мой дядя с тобой беседовать любил. Мои подданные мне так не скажут, как ты. Только ты по-своему трактуешь; мой предок, великий Чингизхан, не войска ваши видел перед собой,

а соплеменников ссорившихся, не живота вас лишал, а судил. Так и я суд творю: обе стороны выслушиваю и ничью не занимаю. Но, может, ты прав, и этот закон требует изменения, чтобы вере соответствовал. А какие ещё наши законы не устраивают народ твой?

- Отчего нужно было запретить мыть платье в продолжение ношения, пока оно совсем не износится?

Усмехнулся хан.

- Знаю, всех иностранцев этот закон удивляет, хотя ты же видишь, мы этот закон сегодня не соблюдаем. А когда великий Темучин народ наш собирал, были все бедны и равны в своей бедности. И все о платье новом мечтали. И когда наступило время побед, у некоторых новые платья, и не только они, появились. И вызвало это у остальных зависть, породило воровство, убийства. Вот тогда и нужен был этот закон. Вам тоже бы такой закон нужен, но поздно уже.

Князь помолчал, потом продолжил:

- Тогда я получил объяснение и тому, что по вашему закону всякий проезжающий мимо людей трапезничающих должен присоединиться к ним без приглашения и никто не смеет ему отказать в этом. Несомненно, это тоже избавляет от зависти. Но согласись, хан, ущемляет и обижает тех, чья это еда. Может быть, она у них последняя...

- По другому нашему закону запрещено насыщаться одному без товарищей... Поэтому нет обиженных: сегодня ты за моим столом, если же у меня нет еды - завтра я за твоим столом. Так самый бедный всегда будет сыт. Наши законы объединяют, ваши разъединяют. Поэтому не мы вам, а вы платите нам дань... Ты не согласен, князь?

- Слишком много тех, кто готов сесть за чужой стол, и мало тех, кто этот стол накрывает.

Хан засмеялся.

- Я ожидал от тебя подобного ответа. Вот поэтому вы никогда не сможете создать своё государство, а мы пойдём дальше, завоюем другие страны, которые живут по таким же, как ваши, законам, и они будут платить нам дань.

- Но среди твоих приближенных не все живут по ясе, - негромко произнёс князь.

Хан посуровел.

- Я знаю об этом, а ты знаешь, что я делаю с такими. - И, откинувшись на подушки, задумчиво произнёс: - Время и Всевышний помогут моему народу побороть соблазн, которым вы нас, правоверных, смущаете.

Торопится князь, коня не щадит, к виднеющему впереди берёзовому околку. У первых же берёзок соскакивает, узду бросает, обнимает ближайшую. А следом уже и дружина малая подскакивает, тут же спешивается, разбредается меж деревьев.

- Ну вот и дома, - выдыхает князь Михаил.

- Князь, скачет кто? - дружинник вперёд вглядывается.

И князь уже видит: бежит навстречу дружина с его стягом.

- Дмитрий Михайлович это, - улыбается. - Встречает, не терпится ему...

Спешивается молодой князь Дмитрий, к отцу подходит, еле сдерживаясь, чтобы не бежать. Отмечает великий князь, что возмужал за это время сын, раздался в плечах и лицом построжел. А как иначе - два года со всеми великокняжескими делами управлялся. Знает великий князь, что пришлось без него князю Дмитрию против новгородцев постоять. Да и с удельными князьями непросто было.

- По делу выехал или уделы объезжаешь? - спросил, хотя не сомневается: получил сын известие, что он из Орды возвращается, вот и выбежал навстречу.

- Дела уже все сделал, с князьями разобрался, - сдержанно отвечает сын.

- Всё ли дома справно?

- Всё справно, - кивает князь Дмитрий.

Ждёт, пока отец первый в седло вскочит, и пристраивается рядом, но чуть - на полконя - поотстав, как и полагается.

А за ними две дружины, перемешавшись, выстроились. Не спешат теперь, вольно идут, пусть кони немного отдохнут...

Не дал Бог князю Юрию наследника. Одна дочь Софья. А наследник ой как нужен. На кого оставлять княжество, ради чего укреплять его, да и ярлыка ханского добиваться? Ежли даже и мал наследник будет, после братьёв станет править. А то ещё и не переживут они сами старшего брата.

Первый брак князя Юрия был с выгодой заключен, с князьями ростовскими породнился. От этого брака и княжна Софья. Теперь новую жену искать надо.

А где её искать, как не в Орде.

Так князь Юрий давно уже надумал, как только прослышал, что есть у хана Узбека сестра незамужняя.

Решил посоветоваться с митрополитом Петром, тот к князю московскому с благосклонностью относился. Да и Москва ему нравилась - тих город и ухожен, любил здесь бывать.

Митрополит согласие дал: отчего же и не быть тому, пусть только та веру примет православную да имя новое, христианское.

...Уже третий год князь Юрий хана Узбека обхаживает, задаривает не скупясь, своим уже в Орде стал и своими мыслями о том, какой Русь должна под ханом быть, делится с его советниками. Ближе всех сошёлся с послом Кавгадыем. Ему первому и высказал своё желание сестру ханову замуж взять. Ну, а от Кавгадыя это и до ушей хана дошло.

Подождал, как хан к этому отнесётся. Донесли, что послушать хочет, что князь московский ему взамен предложит.

А что он может предложить? Верную службу, если породнятся, да ретивость, чтобы князя Михаила ослабить - вон, доносят ему: хочет тот из-под ханской руки выйти, с литвой якшается.

С этим и отправился князь к хану, об ярлыке помышляя. Хотя знал, что почти два года, что провёл князь Михаил в Орде, сблизили их с ханом.

Но и другое знал - были у него свои уши в ханском окружении: что не желает хан Узбек, чтобы и дальше Михаил силу набирал, чтобы Русь сумел объединить.

Стоит князь московский Юрий Данилович перед ханом, одного с ним возраста, но разного могущества, и своего почтительного уважения скрыть не может. Да и не хочет - пусть приятно будет хану: кому не лестно мнить о себе много.

- Рад встрече нашей, великий хан, - голову князь Юрий клонит - ничего, не отвалится - и в поясе гнётся.

- Наслышан о тебе, князь московский, теперь вот перед собой вижу.

- Знаю, что сказывали много неправдивого, только лучше сам спроси - я вот перед тобой стою, я и отвечу, не утаю.

Окинул хан Узбек взглядом князя, усмехнулся.

- А не слишком ли ты смел?

- Так мне терять нечего: ярлык не у меня, жены тоже нет - сам знаешь, по какой нужде здесь.

- Уж больно ты моему Кавгадыю нравишься, а отчего - не пойму. А если я не понимаю, то обязательно всё, что мне надо, узнаю. Где же ваши пути с ним пересекались?

- Обьезжал он уделы непокорные, разбирался с теми, кто дань не хотел платить, а я ему помогал. И гостил он у меня знатно - к твоим послам я с уважением отношусь.

Усмехнулся хан.

- Похоже, что мысль о моём ярлыке на великое княжение ты не оставил. Или уже совсем успокоился?

- Честно сказать или утаить? - вскинул глаза князь Юрий: а чего ему пугаться, сверстник перед ним стоит, значит, одними мечтами живут и думают они одинаково. - Я верным тебе помощником буду,

ежели сестру свою за меня отдашь. Породимся - крепче всех твою славу и богатство блюсти буду.

- Твоё княжество невелико и небогато, не сравнить с княжеством дяди твоего, - сомневается хан.

- Да, с тверским не сравнить, только вот это для тебя и нехорошо, - мысли хана неприятные подтверждает. - Укрепился Михаил за эти годы с помощью ярлыка твоего. Глядишь, возгордится, со шведом или литвой объединится и власти твоей не признает. Да что растолковывать, ты и сам это понимаешь.

- А если я не разрешу сестре в твою веру перейти, возьмёшь её?

Не торопится с ответом князь Юрий.

- Взять-то могу, раз назвался, только выгоды тебе от этого никакой. Ведь какой я тогда великий князь - враз все от меня отвернут-ся. А то и объединятся, загубят в одночасье.

- Только ты, князь Юрий, мне правду всегда говори, - подвёл итог смотринам хан. - Врать станешь или утаивать - живота лишу. Ладно, ступай. Позову, когда нужен будешь.

Стоят наготове подводы гружёные, дружинники князя Юрия уже в седлах. Сестра ханская Кончака со своими подругами-прислужницами в платье походном, возле кибиток стоит. Тут же воин ордынский, телохранитель, коня её держит под узцы, ждёт, пока та прислужниц разместит и в седло вскочит.

Князь сверху, с коня нетерпеливого, застоявшегося за эти дни, а может, тоже, как и он, домой стремящегося, смотрит на провожающих, в себе силу и уверенность ощущает. Возвращается князь с молодой женой теперь не кем-нибудь, а гурганом - зятем ветви правителей монгольских; оттого и почтительны перед ним военачальники и вельможи ханские. Тот же Кавгадый не как прежде, высоко, а даже чуть снизу смотрит.

У князя Юрия теперь ярлык великокняжеский, над всеми князьями земли русской стоит он отныне, как и хотел того. А родит ему новокрещённая православная Агафья-Кончака наследника - смешаются две крови, две ветви, и быть ему не только великим князем Руси.

Но эти мысли от всех пока скрывать надо...

Кончаку он так и разглядеть толком не успел. Ночью темно, а на ощупь она, вроде, как все остальные девки. А днём вся занавешенная - только глаза и сверкают. И в этих глазах ничего он не увидел. Оттого теперь и разглядывает. И хотя всё так же пол-лица закрыто у неё, но фигура гибкая, сильная, и в седле как влитая сидит. Нравится она князю, веру в то, что всё, им загаданное, сбудется, вселяет.

Вот и готовы все, трогать можно.

Поднял руку князь Юрий, указал направление - и побежали вперёд дружинники. А он рядом с Кончакой, как и обещал хану, внимание ей уделяет.

Рядом же послы ханские Астробыл и Острев.

А следом темник Кавгадый со своими воинами в помощь против князя Михаила. Одному Юрию не справиться с войском тверского князя и его сторонников.

Доложили князю Михаилу о хитрости Юрия, через которую тот ханский ярлык получил. Вдвоём они в горнице с сыном Дмитрием. Тот горячится, глазами сверкает.

- Неужно мы не соберём силу, чтобы справиться с московским войском да с татарским темником? - спрашивает отца. - Большинство князей за нас, а татар с Юрием не так много.

- Я, сын мой, хана хорошо знаю, не отступит он теперь. Да и законы не позволят своему гургану не помочь, отвернутся от него тогда в Орде.

- Ну так давай хотя бы силу свою покажем.

- Разобьём эту рать - новую, великим числом, пошлёт, всё пожгёт, кого не побьёт - в полон возьмёт. Против всей ордынской силы мы не выстоим, а себе хуже сделаем, - не соглашается князь Михаил. - У нас уделы только окрепли, войско большое собрать можем, от Юрия - ежели по своей воле набегать станет - отобьёмся, а сейчас зачем эту силу показывать?

- Что же, на наши земли допустим его дружину и татар?

- Зачем же, - князь Михаил помедлил, окинул сына взглядом: поймёт ли?.. Поймёт - опора уже ему, наследник. Глядишь, и вернёт ханский ярлык. - Выйдем навстречу в чистом поле и подождём. И силу свою, малую только, покажем, и покорность выкажем, чтобы соблазна не было пожечь да пограбить. Знаю я ханских соплеменников...

Между перелесками костромскими по обе стороны большого луга стоят две рати. Вернее, рать одна - большая, грозная, татарская за дружинниками князя Юрия. А с другой стороны и сотни воинов нет, а впереди князь Михаил тверской со своим старшим сыном Дмитрием.

Князь Юрий на всякий случай опять лазутчика пытается:

- Ты мне правду говори: точно не таится никто за вон тем лесочком?

- Всё как есть обежал, нигде никого боле.

- Неужто дядька с этой горсткой против моей силы встанет? - недоумевает Юрий. - И стоит так, что с любой стороны наскакивай беспрепятственно.

Кавгадый рядом на лошади сидит, тоже с недоумением разглядывает малое войско напротив, улыбается: понимает, что прокатятся его воины в одно мгновение по этому войску и останется враг на земле лежать.

Рядом с темником жена князя Юрия в седле застыла, тоже глаз не сводит с противника.

Смотрит на неё Юрий и не выдерживает, шепчет что-то толмачу, который пока между ними посредничает. Тот тут же отъезжает, передаёт сказанное и мигом с ответом возвращается.

- Разглядела княгиня князя Михаила и отсюда, глаз у неё острый. Только сказала, что не похоже, чтобы драться тот собрался.

И точно, князь Михаил вдруг один вперёд выехал и к ним рысью направился.

Князь Юрий в седле привстал, тоже вперёд выбежал. Лошадь сначала прищипорил, а потом остановил: не след ему, великому князю, суетливость выказывать.

Князь Михаил, не подъезжая близко, но так, чтобы голос не надо было напрягать, напротив остановился.

- Слыхал я, жену ты себе из Орды везёшь? - спросил задорно, глядя на Юрия и словно не замечая за его спиной войско немалое. - С княгиней, выходит, возвращаешься, гурганом стал.

- Верно говоришь, с женой возвращаюсь. И с войском ордынским, или ты, князь, на глаза слаб стал, годы сказываются.

А князь Михаил словно и не слышит издёвки.

- А ещё слыхал я, что ярлык ханский на великое княжение у тебя.

- Не веришь или противиться собираешься?

- Отчего же не верить и зачем противиться... Ты теперь гурган, а я знаю, где у гургана место, - подле хана. И ярлык у тебя. Значит, так тому и быть. Глядишь, может быть у тебя лучше получится Русью править, чем у меня.

- Ежели ты мешать не станешь, ещё как получится, - вырвалось у Юрия. И, вспомнив, кто он теперь, добавил: - А ежели станешь, так побьём.

- Ты же видишь, - обернулся вполборота князь Михаил, руку назад простёр. - Разве могу я на пути встать. Ты уж иди во Владимир, благословение митрополита получай, а я к себе вернусь.

И, развернувшись, неторопливо, лёгкой рысцой поехал к ожидавшим его.

А князь Юрий всё глядел вслед, не в силах справиться с огорчением: не так он представлял своё восшествие на долгожданный престол, не так... И хотелось ему пустить вслед стрелу да и растоптать копытами дружину княжескую. Но понимал - нельзя, нет повода,

а хан велел пуще всего княжества оберегать, сверх дани да больше собственной надобности не зорить: мол, будут у него походы - и дань тогда понадобится, и воины русские. Вот тогда и прикажет.

Вернулся князь Юрий к своему войску, а дружина князя Михаила уже к лесочку подходит.

- Хитёр князь тверской, - произнёс Кавгадый. - А трогать нельзя - послушный, по доброй воле уступает и дань исправно платит.

- Нельзя, - с сожалением произнёс Юрий и закрепил своё превосходство великого князя земли Русской: - Теперь это всё - моя вотчина, придёт время - возьмём всё, чего захотим.

И, переглянувшись с молодой женой, тронул коня вслед за уже исчезнувшей за лесочком дружиной князя Михаила.

Всё сложилось у князя Юрия.

Во Владимире собравшиеся князья в верности ему поклялись.

Тех, что роптали, усмирил - прошёлся по их уделам с татарским войском.

Митрополит Пётр ему благоволил, даже зачастил в Москву, где Юрий больше, чем во Владимире, времени проводил.

С новгородцами поладил, о чём тут же хану донёс, показывая, что по праву ярлык получил.

Кавгадый теперь стал часто наведываться со своими воинами к гургану ханскому. Хан его отпускал охотно: походы темника - и демонстрация силы, и забота о сестре одновременно. Ну, а принимал ханского посла князь Юрий как полагается, со всей широтой хлебосольной, и на подарки был щедр.

Вот и нынче сидят за накрытым столом.

Откровенничает Кавгадый, гургану, как своему, новости ордынские сообщает. Что не все довольны новой верой хана Узбека, в которую тот теперь всех насильно заставляет переходить.

- Мудры были наши предки, всегда огонь и вода главными были. Великий Чингиз это соблюдал, он это и в ясе закрепил: тот, кто мочится в воду или на пепел, тому смерть. Даже руку запретил опускать в воду. Наши предки до нас так жили, мы так жили при старом хане. А теперь будем по вере арабской на колени вставать и бить головой землю...

- Наши предки тоже когда-то многим богам поклонялись, - поддерживал разговор князь Юрий. - Но Иисус, Бог христианский, сильнее всех других оказался. Много всяких чудес от него было.

- Может быть, ваш бог и сильный, но хан Узбек считает, что магометанство сильнее вашей веры. Ваша вера только об одном верующем печётся, чтобы ему было хорошо, а магометанство - обо всех. От вашей веры силы нет, а от магометанской - большая сила. Наш хан теперь много времени проводит с учёными араба-

ми, много знает и всех побеждает. Наш народ ещё никогда так хорошо не жил.

- Арабские учёные много знают.

- Много уже голов тех, кто был верен ясе Чингизхановой, полетели, - вздохнул посол.

- Так что же, недовольны вы ханом? - спросил хитро Юрий.

Кавгадый взглядом его резанул, но не сказал то, что думал.

- Мы тоже у хана нашего мудрости учимся, - уклончиво ответил он. - Ну, что ты меня, князь, пресным потчуеть - где красавицы?

Хлопнул в ладоши князь - тут же в горницу впорхнули танцовщицы, что вместе с княгиней приехали, в одеждах лёгких, гибкие, соблазнительные. Вертятся, крутятся в танце, звенят украшениями, но не настроен нынче Юрий на веселье, и Кавгадый тоже не веселится.

- Отправь их, - говорит. - Это радует, когда с победой вернёшься, чтобы павших воинов забыть, а новых зачать...

- Однако, менять хан Узбек будет послов старых да темников, - произносит Юрий, когда танцовщицы уходят.

- Хан Узбек подарки любит, денег ему много надо, - уклончиво отзывается Кавгадый. Но оба понимают то, что не договорили вслух.

- А тверское княжество всё богатеет, - говорит Юрий.

- Дядя твой хитрый, дань исправно платит, нет у хана к нему претензий.

- Хан далеко, а мы тут рядом - как потом обскажем, так и будет.

Кавгадый долго смотрит на князя, ждёт чего-то.

- Всё, что возьмём, поровну поделим, хотя я и гурган, - наконец отвечает на его безмолвный вопрос Юрий. - Хану подарков богатых отделим, доволен будет.

И видя, что слушает тот внимательно, продолжает:

- Немало князей с нами пойдёт.

- За ним тоже сила немалая.

- Но воину без битвы да хорошей добычи никак нельзя, - напоминает князь Юрий. - А Тверь - город богатый. Много там всего не только у князя есть.

- Мои воины пусть первыми войдут, - напористо произносит Кавгадый. - И не забудь, гурган, вся добыча - пополам.

- Договорились.

- Вот теперь зови обратно рабынь, пусть перед битвой глаза повеселят...

Скачет, подгоняет загнанную лошадь всадник. В морозном воздухе пар валит от лошади, из-под копыт снег вылетает. Распахива-

ются перед ним ворота городские. Проносится он мимо стражников, вот уже к княжеским хоромам подскакивает, спрыгивает с лошади и по крыльцу взбегает.

- Донесение срочное.

И к стене притулился, тяжело дыша.

Первым молодой князь Дмитрий появляется.

- Ну, что стряслось?

- С заставы я.

- Вижу.

Тут и князь Михаил входит.

- С заставы нашей гонец, - поясняет князь Дмитрий. - Новость спешная.

- Не томи, - князь Михаил на гонца смотрит.

- Лазутчик к нам добрался, говорит, князь московский со своей дружиной и татарским войском, что в округе грабили, теперь в нашу сторону двинулись.

- Может, куда ещё? - неуверенно говорит князь Михаил. - Может, на новгородцев собрался Юрий?

- Они с московским князем поладили, - напоминает Дмитрий.

- Лазутчик сказал, что и за новгородцами тоже побежали, звать тех в поход, - поясняет гонец.

- А лазутчик сам где? Отчего не явился? Может, специально заслан? Мы с ними уже сколько переговоры ведём, - размышляет вслух князь Михаил. - Неужли осмелились без ханского ведома...

- Занедужил лазутчик. Совсем плох. Но всё пересказал.

- А ежели с ведома, то чем я хану не угодил? - задумался князь Михаил.

- Так вроде нечем, - подсказывает Дмитрий. - Дань исправно платим, татар не трогаем...

- Он ещё сказывал, что промежду собой татары обсуждали, как Тверь делить для грабежа, - сказал гонец.

Князь Михаил на него смотрит пристально.

- Лазутчик-то надёжный, знаешь его?

- Знать не знаю, но сказал, что ты, князь, его знаешь. Мол, не впервой тебе доносит. И всё сам хотел к тебе, но плох, не добежал бы.

- Иди. Пусть тебя накормят, и отдыхай. Понадобись ещё, - сказал князь Михаил. Повернулся к сыну. - Зови бояр да воевод. Думать будем, как незваных гостей встречать станем.

Собралось в горнице ближайшее окружение князя - воеводы да бояре. Тут же епископ тверской.

Поднялся князь Михаил.

- Не всё мне судить, рассудите меня с племянником, - начал он. - Не сам ли хан утвердил меня на великом княжении? Потом отказался я от сего достоинства, ярлыка ханского, но всё не могу укротить злобы Юрия. Вот он снова ищет головы моей, собирается сжечь, разграбить область, доставшуюся мне от отца, а тому от своего отца. Совесть меня не упрекает, когда я думаю об отмщении, но может быть, я ошибаюсь? Так скажите: виновен ли я пред Юрием?

Недолго молчали собравшиеся, ровно столько, чтобы просить епископа ответ держать.

Поднялся тот, глядя на князя, сказал:

- Ты прав, государь, пред лицом Всевышнего. И когда смирение твоё не тронуло врага, тебе ничего не остаётся, как взять праведный меч. Возьми же его и иди: с тобою Бог и верные слуги, готовые умереть за доброго князя.

И перекрестил князя Михаила.

- Не за меня одного, но за множество людей невинных, лишаемых крова отеческого, свободы и жизни, - произнёс в ответ князь. - С вашего одобрения и с Божьей помощью противостою я ему.

Перед городскими воротами выстроилась дружина тверская, тут же те из тверян, кто вызвался с войском идти. Розвальни обозные в линию растянулись. На стене дозорные в даль вглядываются. Наконец один из них копьём размахивать начинает. Князь Михаил, доселе на крыльце стоявший, на коня садится и первым за ворота выезжает. Тут и соединяется с дружиной Дмитрия, за которой пешие, кто с копьём, кто с топором, ополченцы идут, им собранные из окрестных деревень.

- Вот князь, что смог - собрал, - подсказывает Дмитрий к отцу.

- Хлипкое войско, ну да пусть, нашему подспорье. Пойдём сразу, чтоб не разбрелись куда не след... Ты с ними двигайся, а я вперёд к войску нашему.

И поскакал князь Михаил по московской дороге, заспешила дружина его, а следом потянулась вереница, князем Дмитрием ведомая.

Подгоняют своё войско князь Юрий и темник Кавгадый. Совсем немного осталось им до Твери, но прежде нужно соединиться с новгородцами, которые навстречу вышли. На берегу Волги встретиться должны.

Впереди едут князь Юрий и Кавгадый, потом дружина князя. А следом татары темника: лица недовольные - непривычны они к долговому стоянию в местах этих, от родной степи далёких. И хотя мороз им не страшен - одеты хорошо, как и надо в набегах на урусские города, куда только зимой через болота и речки и можно бы-

стро добежать, - а раздражены нынешним долгим пребыванием в местах этих. Вот только близкая победа и возможность хорошо поживиться в богатой Твери и воодушевляет.

А ещё пример сестры хана Кончаки, по-теперешнему княгини Агафьи. Она тоже пожелала принять участие в походе, рядом с князем на коне гарцует, воинов подбадривает.

Вовремя донесли князю Михаилу о новгородцах, на соединение к противнику направившихся. Собрал он воевод на совещание и прежний план изменил. Поднялись на холм, возвышающийся над берегами. Окинули взором белоснежное пространство.

- Вот туда Юрий пойдёт, - выкинул вперёд руку князь Михаил, указывая предполагаемое направление движения врага. - Там он собирается встретиться с новгородской ратью. - И к князю Дмитрию повернулся. - Что лазутчики доносят, близко они?

- Новгородцам день ещё бежать. А войско московское да татарское к полудню как раз там и будет.

- Ну, и мы к тому времени там будем. Поспешим, встретить надобно.

И поскакал князь вниз к войску, а за ним остальные.

Князь Юрий и Кавгадый первыми на возвышенность поднялись, с которой ожидали увидеть новгородцев.

И замерли как вкопанные: на берегу прямо перед ними вытянулись в линию воины князя Михаила, а за ними дугой чернели пешие ратники. И много их было, как ни Юрий, ни Кавгадый не ожидали.

Они ещё на вершине стоят, разглядывают преграду неожиданную, а к ним уже мчится по снежной целине конница неприятельская во главе с князем Дмитрием.

- Геть! - первым разворачивает коня Кавгадый, прикидывая, успеет до своих доскакать или нет: всё же далеко они с князем от них убежали.

Князь Юрий следом развернулся и скоро темника опередил - конь у него порезвее. Только перед своим передовым отрядом и осадили коней, развернулись - на том месте, где только стояли, - князь Дмитрий со своим отрядом.

- Хитёр князь Михаил, - процедил сквозь зубы Кавгадый, когда сблизилась с Юрием, и рукой своих воинов остановил, которые рванулись было к противнику. - Командуй, князь, своим, пусть линию выстраивают.

Понимают оба, что скоро на возвышенности всё войско тверское появится, теперь нельзя ждать, когда новгородцы подтянутся.

- Я со своей дружиной встречу, а ты со своими с боков их охвати, пешие и разбегутся, - командует князь Юрий.

Рядом с ним и жена ордынская: раскраснелась, глаза горят.

- Ты за обозами гляди, - приказывает ей Юрий, надеясь, что поймёт и без толмача - кое-что она уже понимает.

И заторопились князь и темник своих воинов подгонять, в боевой порядок выстраивать.

Но пока дружина Юрия и татары готовились конницу врага встретить, рядом с князем Дмитрием на возвышенности черно стало от пешех, а конница тверская уже их войско с боков охватила, и покатила вся эта волна сверху вниз да с боков с устрашающим гулом и ударила по так и не успевшим до конца перестроиться воинам гургана и темника.

«И была битва великая и сеча злая, и помог Бог князю Михаилу Ярославичу тверскому, и побежал князь великий Юрий Данилович московский... А Кавгадый (ордынский посол) повелел дружные свои стяги повреши и неволею сам побежал в станы».

И было это 22 декабря 1317 года у села Бортенева, что недалеко от города Старица.

Обходят князь Михаил с сыном Дмитрием обоз захваченный. Вот и к полонянке, княгине московской, подходят. Та сидит в доху закутанная, одни глаза только и видны.

Любопытно князю Дмитрию.

- Вот жена Юрия, - усмехается. - Сам сбежал, а её оставил.

Князь Михаил смотрит на закутанную княгиню, к ней обращается:

- Не помню я тебя, хотя ведь видел. - Поворачивается к сыну. - Никак не научусь их женщин различать, все в одном ходят, и лиц не видно.

- Там ещё брата Юрия - Бориску - полонили.

- Последи, чтобы их устроили как следует. Пусть будут гостями, хотя и пленники.

- А что с воинами князя делать?

- Побитые пусть домой идут. Ханских воинов живота не лишать, пока в полон поведём. А раненых сами пусть несут, ежели захотят. Нет - так отдай тому из поселян, кто пожалеет. А посол ханский, Кавгадыюшка, где?

- Нет его, убёг со своими приближёнными.

- Убёг, говоришь?.. - задумался князь.

- Может, я с дружиной по следам пробегу - видно по снегу-то, - Дмитрий предлагает.

- Не стоит... Подождём. Ежели ханский это наказ был, то он уже в Орду бежит - не догонишь. А ежели своевольничал - сам объявится.

И поскакал князь Михаил в голову колонны, направляющейся в Тверь, где розвальни с воинами его ранеными.

К середине следующего дня прибежал гонец к князю сообщить, что появились перед городскими воротами татары, но совсем немного - пересчитать можно, просят ворота открыть.

- Не от хана? - спросил князь, одеваясь, чтобы на улицу выйти.

- Не похоже. Будто битые они, с сечи вчерашней.

- Веди к ним.

Вышли на улицу, дошли до ворот городских, а тут уже князь Дмитрий с дружинниками стоит: на всякий случай изготавился биться.

Вышел князь Михаил за ворота, встал перед Кавгадыем, которого издали узнал.

- Ну что, Кавгадыюшка, зачем пришёл? Сказывай - что хочешь? Или грамота ханская есть? Так давай. - Князь сразу решил всё выяснить.

- Нет грамоты, - не хочет тот достоинства терять, отвечает, как и положено ханскому послу: не пленник он, сам пришёл, потому послом себя и чувствует.

- Так что же тогда пришёл? Что же с Юрием не побегал?

- Князь, ты наши законы знаешь: нет мне дороги обратной без воинов моих, тобой полонённых.

- Я-то законы ваши знаю и договорённости соблюдаю. А вот что ты со своими воинами под моими стенами делаешь?

- Вот и мы ныне твои есть, - обернулся Кавгадый к тем, кто позади него ждал. - И многие другие у тебя. Мёртвых, в мир лучший ушедших, мы уже похоронили там, где легли они. Мы на тебя с князем Юрием, гурганом ханским, без повеления ханова приходили, - разделил вину темник на двоих. - И в том мы виноваты. И боимся опалы хана нашего - да продлится жизнь его, - потому что много крови пролили без его ведома.

- А где же князь Юрий? Вину ты на двоих поделил, но не вижу я его рядом с тобой, хотя его слово хотел бы услышать.

- Он не раб мне, с новгородцами ушёл.

- А ты, значит, хочешь, чтобы я за тебя перед ханом вступился?

- Воинов моих забрать хочу и уйти с ними, - проглотил обиду темник.

- Ты на богатство моё позарился или Юрий? - не выдержал князь Михаил. - Не скажешь - нет дальше разговора.

- Оба соблазнились, - честно признался тот.

- Хану правду расскажешь?

Задумался Кавгадый: врать, по ясе, нельзя, но и всю правду как было он хану не скажет, это точно.

- А как бы ты на моём месте поступил?- в свою очередь спросил он князя и взгляда отводить не стал.

- Правду сказал.

- И я законов наших не нарушу.

Хочет верить послу и темнику ханскому князь Михаил, хотя и знает, что враг тот ему до конца дней кого-то из них.

- Знаешь, что у меня сестра ханова, княгиня, жена Юрия, и брат его Бориска? - спросил Михаил.

Кавгадый кивнул.

- Передай князю Юрию, что не скажете правду хану - не отпущу жену его и брата, а сам обо всем Узбеку донесу. А правду мою подтвердят сестра ханова и Бориска. Они у меня до той поры и побудут. - Повернулся к Дмитрию. - Прикажи выпустить пленников, пусть темник своих воинов забирает. Да одари их чем на дорогу, чтобы доброту нашу знали да за воинов побитых.

И, повернувшись, ушёл за ворота.

Гонец от хана прискакал, как только снег сошёл, и велел быть князю Михаилу в ставке. Сказал, что великий князь Юрий уже отправился туда.

С Юрием такая договорённость у них и была, когда пришёл тот сразу после сечи с ратью новгородской к Волге, да биться так и не стали. А помирившись, на кресте поклялись: пойти им обоим в Орду, чтобы там правду всю рассказать. Тогда князь Михаил сказал:

- Хан рассудит нас, и воля его будет мне законом; возвращаю свободу супруге твоей, брату и всем новгородским аманатам.

Тогда же сына своего, подростка Константина Михайловича, отправил князь Михаил в Орду, своё доброе намерение показывая.

Но неожиданно-негаданно сгинула княгиня Агафья, жена Юрия, сестра ханова Кончака. То ли вера православная её не приняла, то ли от тоски, только как ни старались лекари, ничего не смогли сделать.

А потом и слух пошёл - дескать, отравили её по княжескому наущению. А как дошёл этот слух до хана Узбека, медлить князю Михаилу более с поездкой в ставку уже было нельзя.

Посол ханский Ахмыл объявил ему во Владимире:

- Не медли, князь, спеши к хану, или полки его через месяц вступят в твою землю. Кавгадый хана торопит выступить на тебя, говорит, что не будешь ты повиноваться, не придёшь сам к хану.

Собрал князь Михаил своих домочадцев попрощаться, не ведая, навсегда или ненадолго, понимая, что вряд ли займёт хан его сторо-

ну. Но всё же надеясь на ханскую справедливость: разберётся, поддержит в Орде да и выпустит обратно. К тому же надо было сына Константина выручать, уж тот ни в чём не повинен, а морит его хан, как передали, голодом.

Всё это и изложил близким.

- Так, может, не ехать тебе вовсе? - князь Дмитрий главенства своего предстоящего над областью и татар не боится, готов уже самостоятельно княжить.

Окинул его долгим взглядом князь Михаил: если не суждено ему вернуться, должен старший сын с ношей справиться...

- Действительно, отец, может, мне вместо тебя к хану поехать? - предлагает сын Александр.

- Нет, хан Узбек меня видеть хочет, а не вас. Я ему нужен, тебя он так же, как и Константина, пленником своим сделает.

Не сомневается в правильности принятого решения князь Михаил.

- Сами знаете, что будет, ежели не поеду. Сможем ли мы бороться со всей силою неверных? И Константин по моей вине живота лишится. И Юрий всех врагов наших соберёт, новгородцы придут, пограбят, пожгут, людишек побьют. Нет, мне идти и мне голову терять. За моё послушание падёт множество голов христианских, бедных россиян толпами поведут в плен. А мне надобно будет умереть и тогда; не лучше ли же ныне, когда могу ещё своею погибелью спасти других? Так вот всё неожиданно обернулось...

- Ты же говорил, что хан Узбек справедливый, по законам живёт и религия магометанская безвинных убивать запрещает, - напоминает с надеждой княгиня Анна, глаз с мужа не спуская.

- А как доказать смогу, что сестра его, Кончака по-ихнему, а по-нашему уже Агафья, упокоилась от тоски или хвори неведомой, а не от моей руки или приказа княжеского живота лишилась?

- Меня возьми, я свидетелем стану, - выступает Дмитрий.

Горяч князь Дмитрий по молодости, порой гневлив бывает несправедливо, надо бы, чтобы ещё рядом поучился, но это теперь как Бог даст.

- Хан твоему свидетельству не поверит, а иных свидетелей у нас нет. Да и здесь ты нужен больше, княжество на тебе.

Провожают до границ князя Михаила и княгиня Анна, и сыновья, и духовник его, и бояре.

Настала пора прощаться.

Сначала с родными князь прощается.

Потом с боярами, что стоят головы опустив. Понимают все, что могут и не увидеть больше князя.

Напоследок с духовником в сторону отошли - решил князь Михаил исповедоваться.

А когда закончил исповедь свою, сказал духовнику так, чтобы никто больше не слышал:

- Может быть, в последний раз открываю тебе внутренность души моей. Ты знаешь, я всегда любил отечество наше, но так и не смог прекратить наших злобных междоусобий. Если не доведётся мне вернуться обратно, то по крайней мере буду доволен, если смерть моя наконец успокоит племянника.

...Опять весна, и снова князь Михаил в Орде.

Только теперь он не великий князь земли русской и прибыл сюда, в ханскую ставку на берегу Дона у моря Сурожского, не по доброй воле, хотя и принял хан его как всегда, и дары взял, и супруга его и вельможи от подарков не отказались, и велел жить вольно, как прежде было.

Неделя за неделей шли, а хан Узбек и не вспоминал, зачем позвал князя.

А потом вспомнил.

И вот теперь стоит князь перед ханом в шатре особом, что подле ханского, так далеко от ханского возвышения, как никогда прежде ему места не отводили. Знает, что давно уже здесь племянник Юрий и что они с Кавгадыем много неправды хану рассказали.

- Хорошо, князь, что ты сам явился, - начал хан. - Значит, не ошибся я в тебе, когда ярлык свой давал. Только с той поры много всякого произошло, вон реки русла меняют, а люди рек слабее...

- Русла-то меняются, да стрежень остаётся, - старается князь своего волнения не показать. - Что же на безвинных свою вину возлагать. Вот он я, перед тобой, а сына своего, Константина, не вижу.

- Значит, вину свою знаешь?

- Не доглядел, в том вину не отрицаю. Не думал, что слаба жена князя московского и сестра твоя здоровьем.

- Об этом ты потом расскажешь. А вот зачем ты с моей данью к немцам бежать собрался?

- И в мыслях не держал. И кто такое придумать мог? - и на Кавгадыя, тут же присутствующего, посмотрел князь.

- А что же ты тогда новгородцам не помогаешь?

- Нужды не было.

- А мне другое донесли. И рассуди, кому я верить должен, тебе или гургану и послу своему? Ты бы на моём месте чьему слову поверил бы?

Склонил голову князь Михаил.

- Но сын мой тебе ничего не сделал, а я вот он, перед тобой. Отпустил бы ты его, мал он ещё и в помыслах безгрешен...

- Отпущу. А ты будешь суда моего ждать.

- На то воля твоя. Поверишь в безвинность - чист останешься перед своим богом. А не поверишь - значит быть тому.

Задумался хан.

Потом словно и не ему, а своим приближённым, на них глядя, произнёс:

- А ты ведь мог и не приезжать. Я бы, конечно, град твой пожёг, людишек побил бы, но жил бы... Отчего не спрятался?

- Людишек жалко. Да и град хороший.

- И не страшно тебе?

- Чего страшиться, коль на том свете легко будет.

- Ступай, князь, жди нашего решения. - И приказал: - А пока держать его как пленника.

Остались подле хана только его приближенные.

- Хочу услышать, как вы судите. Кто из них прав, князь Михаил или гурган князь Юрий?

Поднялся Кавгадый, главный обвинитель и судья.

- Мы уже думали, великий хан, и находим, что гурган в своём своеволии меньше виновен, чем князь Михаил. Суди сам: богатства у князя Михаила много, а с тобой он не делится, больше оговорённого не даёт. Для чего, как не для тех, кто Русь у тебя отнять хочет, собирает?... А ещё вступил он в сношение с литвой, а через них и с ляхами. Мне мои люди доносили, что хочет он с ними породниться. А потом и силы сложат. Потому и пошёл князь Юрий на него без твоего ведома...

Задумался хан, пристально смотрит на своего темника. А тот почтительно голову наклонил.

- Я хочу, чтобы всё по справедливости было. Чтобы никто не усомнился в моём решении, - наконец вымолвил хан. - Идите и ещё раз всё обдумайте.

Долго тянулись дни; уже перестал надеяться князь Михаил, что поверит хан его правде, сам порой примерял трудность такого решения. Но более думал о младшем своём сыне, князе Константине: отпустил ли его хан, как обещал.

Наконец повели его на суд ханский.

И встал против него главный обвинитель, враг его, Кавгадый.

- Горд ты и не покорился великому хану и против него мыслил. Признаёшь это, князь тверской? - начал он, вражды своей не скрывая.

- Хана я слушал и слушаю и на него работаю.

- Ты посла ханова Кавгадыя осрамил, бился с ним и войско его побил, и в том виновен безмерно.

Странно это было слышать из уст этого самого побитого Кавгадыя.

Повернулся князь к хану.

- Не я к ним, они ко мне пришли с мыслью злостью, разве не мог я защищаться? Я поневоле бился, а потом воинов и посла твоего Кавгадыя отпустил с дарами. Пусть подтвердит.

- А разве перед тем, как пойти на тебя, не увещевал тебя посол мой? Не доносил моё недовольство? - спросил хан.

- Твоё недовольство не доносил. Говорил, чтобы я ему дал сверх дани ханской.

Хан повернулся к Кавгадыю.

- Что ты скажешь на это?

- Виноват, хан, без твоего ведома так поступил, - склонил тот голову. - Но хотел я выпытать, что он от тебя прячет, страшать стал, чтобы откупился, а всё взял бы и тебе отдал.

- Так отчего не стал откупаться? - спросил хан князя Михаила.

- Вины своей не знаю перед тобой, оттого и не стал откупаться.

- Продолжай, - приказал хан Кавгадыю.

- Дани ханские ты, князь, себе брал и в немцы с казной бежать хотел, - напористо выпалил Кавгадый, дрожь унимая.

Удивился князь этому обвинению, даже выпрямился и голос повысил.

- Ложь это. Дань я исправно платил, как наложено было, и никуда бежать не собирался.

- И с литвой переговоры не заводил? - спросил хан.

- Нужды не было, но собирался, - не стал отрицать князь.

- Продолжай, - приказал хан Кавгадыю.

- Сестру ханскую Кончаку, княгиню Юрьеву, ядом травил, и в том вина твоя безмерная.

- Княгиня Агафья, православная, царство ей небесное, слаба здоровьем оказалась и своей смертью умерла. Не морил её никто.

Повернулся Кавгадый к хану.

- Нет веры нашей слову князя Михаила. И во второй раз мы говорим тебе, великий хан, - виновен он. - И, оглядев судей, повысил голос: - Мой хан, князь этот недостоин милости, но достоин смерти. Я же служил тебе верно и свою вину, если есть она, искуплю.

Долго смотрел хан на князя, измождённого, но голову не склонившего. Потом промолвил.

- Если так справедливо, так пусть вину почувствует, - наденьте цепи на него и колоду. Я скажу своё решение.

Идёт, пылит по степи ханское войско, а следом обоз с хозяйством и телега с князем, окружённая теми, с кем он в ставку прибыл.

Вот уже который день идёт хан к Тереку. Наконец в жаркой степи завиднелся-замерещился впереди город на берегу большого озера. Оживились всадники, пришпорили уставших лошадей. Даже обоз ускорил движение.

Здесь, недалеко от площади в центре, и определили место узнику.

Бросились его спутники князю Михаилу с колодой да в цепях помочь с телеги сойти да в тени устроиться.

Слаб князь и от солнца и пыли тёмен. Но держится как и положено князю русскому. Присел в тени.

- Отчего же, братцы, вы так печальны?

Не ждёт ответа, понимает, что его слова соратники его, тоже немало натерпевшиеся, ждут.

- Если обо мне печалитесь, то не стоит. Вы долго видели меня в чести и славе: будем ли неблагодарны? Вознегодует ли на Бога за уничтожение кратковременное? - И, приподняв колоду руками, со слабой улыбкой добавил: - Шея моя скоро освободится от сего древа, гнетущего оную.

А вокруг уже собрались любопытствующие горожане на знаменитого пленника - урусского князя - посмотреть. Спорят между собой. Кто говорит, что он государём земель северных был и даже войско темника ханского побил, а кто - что изменник, который хана хотел отравить, но только успел сестру его погубить.

Подошёл и Кавгадый, послушал споры, да и говорит:

- Государь это урусский, но нет никого выше нашего хана, и я, именем его, сейчас заставляю уруса на колени встать.

Наклонился к князю:

- Не встанешь - сына твоего велю убить.

Поднял на него глаза князь.

- Недолго тебе ложь множить, скоро за мной уйдёшь, только с чистым ли сердцем? А твой бог ведь тоже судить тебя станет...

И встал на колени, всё так же глаз со своего врага не спуская.

А Кавгадый от злости зубами скрипнул, понял, что не добился того, чего хотел. Но сделал вид, что так всё и должно быть, громко произнёс:

- Вижу, совсем запечалился ты. Не унывай. Наш хан милостив, но справедлив, даже родных наказывает, как тебя. Глядишь, и тебе милость объявит и снова в чести будешь. А пока велено с тебя колоду и цепи снять.

И, махнув рукой стражникам князя, быстро ушёл.

Стражники стали снимать с князя колодку и цепи, а любопытные, так и не дождавшись того, чего хотели, стали молча расходиться.

Наконец убедил Кавгадый хана в виновности князя Михаила. Утвердил тот вынесенный судьями приговор.

Прибежал к князю один из подростков-христиан из ханского окружения, присланный женой хана Баялыной. Та всё это время пыталась убедить хана смягчить приговор. Но у судей не было расхождений: виновен князь в смерти Кончаки.

- Скоро здесь будет князь Юрий, Кавгадый и люди, им верные. Знаешь, зачем? - торопливо выпалил подросток.

- Ведаю.

Пристально посмотрел подросток на князя, обвёл взглядом стоящих вокруг приближённых, проговорил:

- Жалко тебя хану, но закон нарушить не может.

И убежал.

Поздравил князь сына Константина, которому позволено было эти дни быть с отцом.

- Сын мой, час мой близится. Готовился я к нему и готов. Но ты жить должен. Я благословляю тебя. Сейчас ты пойдёшь к супруге хана, Баялыне. Она укроет тебя от бесчинства врагов наших. Вернёшься домой - передашь матери-княгине и братьям, что умру я, их любя безмерно. А ещё пусть позаботятся о людях верных, что вблизи от меня все испытания перенесли.

Только успел выбежать Константин, как подскакали к шатру князь Юрий и Кавгадый. Спешились, остановились недалеко. Вокруг них сообщники собрались. Среди них и русские, люди князя Юрия.

- Хан приказал казнить изменника! - прокричал Кавгадый. - Кто исполнить это хочет?

И отделились от этой группы несколько человек.

- Прежде всех из шатра выгоньте, кого не велено живота лишать, - приказал князь Юрий.

Бросились остальные выполнять его приказание, выволакивая из шатра приближённых князя, священнослужителей его, а заодно и вещи, что там были. И когда остался князь Михаил один, ворвались туда убийцы.

Как князь Михаил в это время молился, так и продолжил, слово не видя их.

И тогда, озверев, они набросились на него, сорвали с него одежду, сбили с ног, обзывая и выкрикивая имя Кончаки убиенной, стали избивать, а затем один из них ударил князя большим ножом в сердце.

Закричал тот от боли.

- Нет, не справедлив суд твой, - только и успел прошептать, перед тем как испустить дух.

Убийцы похватали всё, что было в шатре, выбежали наружу.

Не торопясь подошли князь Юрий и Кавгадый. Вошли внутрь. Остановились над телом князя.

- Дядя он твой, - повернулся Кавгадый к Юрию. - Оставишь его труп на поругание или иначе поступишь?

- Накройте его, - приказал князь.

Один из его слуг снял с себя верхнюю одежду, прикрыл нагое тело князя Михаила.

Выходя, Юрий сказал Кавгадыю:

- Он мне и теперь нужен. За него я тело своей супруги возьму.

Определила своё будущее княгиня Анна: свет ей без мужа не мил. Но прежде чем в монастырь уйти, надобно сына старшего, Дмитрия, выгодным браком соединить. И видит она этот брак с дочерью великого литовского князя Гедимина, чья власть всё более укрепляется, - вот уже и Русь южная к нему склоняется. Такое объединение позволит и военный союз закрепить. А даст Бог - вместе противостоять хану Узбеку, который вовсю магометанство насаждает и, в отличие от прежних правителей Орды, не столь благосклонен к христианству.

- Батюшка твой стремился от ханской власти уйти, - в который раз напоминает она старшему сыну.

- Знаю я про то, - хмурится Дмитрий.

- С дочкой слюбишься - поладишь и с тестем, литовским князем. А там и между собой договоритесь. Союз этот и против Юрия подмогой будет.

- Договоримся, раз нужно.

- Тогда не одолеть вас хану.

Кивает согласно Дмитрий.

Наконец, всё устроилось.

Стоит народ перед собором. Тут и бояре, и горожане, и гости литовские, подруги да дружки невестины.

Радуются колокола, новость разносят.

Выходят из храма уже супруги: князь Дмитрий и княгиня Мария. И под крики радостные и песнопения свадебные идёт процессия праздничная к хоромам княжеским. А за столами длинными, тут же, на площади, недалеко от собора, сооружёнными да накрытыми уже, рассаживаются горожане почётные, те, кому места в хорах не хватило или по чину не положено.

Мир да любовь молодым!

Хорошо быть гурганом.

Это князь Юрий запоздало оценил.

И вовремя жена его Кончака, Агафьей недолго побывшая, покинула этот мир. Не случись этого - иным суд ханский был бы. А так всё обошлось.

Теперь нет соперников у великого князя Юрия Даниловича на земле русской. И хотя долго ещё придётся перед ханом свою верность доказывать, а всё одно - главный он теперь на Руси и тверское княжество скоро своим сделает, хотя и приказал ему хан Узбек разора не устраивать, дать сыну Михаила, Дмитрию, править у себя. Но зато выговорил князь Юрий право рязанских князей данью обнести, чего раньше не позволялось, потому что те сами с ханом ладили. Рязанскими уделами тоже неплохо прирасти, тоже не бедные.

Ну, а с Тверью он придумает, как быть: не зря уговорил хана отдать ему малого князя Константина Михайловича и бояр его и слуг как пленников. Хан и слово, данное князю Михаилу, сдержал - вроде отпустил сына, и его, великого князя Юрия, просьбу уважил.

Хорошее настроение у князя, расхаживает по горнице, брата Ивана ждёт. Теперь тот у него первый помощник, в том возрасте, когда самостоятельно княжить должен.

Наконец входит Иван.

- Разговор у меня к тебе, брат, неспешный. Присаживайся.

Великий князь не торопится, что надумал, сообщить.

- Слушаю тебя.

- Ты видишь, нет у меня наследников. Братьёв наших - Афанасия я на Новгород посадил, а Бориска здоровьем слаб. Так что могу я только на тебя надеяться, тебе передать Русь нашу.

Клонит голову младший брат Иван, но эмоций не выдаёт, держится. Только пальцы столешницу обхватили и сжимают.

- Ты, брат, великий князь, как решишь, так и будет.

- Не должны мы из своих рук упустить ярлык ханский. Знаю, что не все меня любят, гурганом не в уважение обзывают. Тебе после меня легче будет. Но для того укрепиться надо.

- Само собой.

Иван уже и сам об этом мыслил, но вслух не говорил.

- Сходим мы на князей рязанских, коль миром не захотят - войной возьмём, - хан мне на то грамоту дал, - а потом за ярлыком на княжество московское к нему поедешь.

Замолчал, ждёт благодарности. И Иван хотя и молча, но с уважением поклон кладёт.

- Премного буду благодарен, брат старший и великий князь. И коли так и быть мне князем московским, просьба у меня к тебе: хочу я предложить митрополиту Петру к нам в Москву из Владимира переехать со всеми своими служками. Согласен ли ты, великий князь?

- Ну что же, митрополит Пётр мне препонов не чинил, а Москва ему нравится, знаю. Приглашай, если надумает. - И добавил, воодушевившись: - А что, хорошо быть нашей Москве столицей земли русской. Зови так, чтобы не отказал.

- Только он хочет, чтобы церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы мы заложили...

- Возражать не стану. - Доволен князь Юрий, что и митрополит на его стороне. А ежели их княжеское гнездо ещё и градом столичным станет - о чём ещё мечтать? Тут тебе и богатство потечёт само собой, и почести. - И ещё спросить тебя хочу: как тебе наш пленник, молодой князь тверской Константин Михайлович?

- Переживает он очень, в Орде многого навидался, оттого и здоровьем пока слаб. Да и по родным тоскует.

- Мне кажется, или так и есть, что с княжной Софьей моей они много времени проводят?

- Может, и так, не замечал я.

- А ты последи. - Помолчал Юрий, раздумывая, наконец добавил: - Я вот что надумал: а пусть князь тверской Дмитрий не только брата выкупит, но и женит его на Софье. Как ты считаешь, помиримся мы тогда?

- Князь Дмитрий тебя ненавидит, убить грозит, о том много от кого слышал.

- Не нравится мне, что он с литовским князем породнился. Сложит с Гедимином свою силу - тогда и с ханской помощью нам с ними не совладать. Да и от родственной связи в мести своей поостынет. Одним словом, поспособствуй, пусть себе милуются. И с Дмитрием переговоры начни - нам с ним встречаться никак нельзя.

Не думал тверской князь Дмитрий Михайлович, что придётся убийце отца подчиняться, а вот пришлось. И нет у него никакого прощения ни к уже почившему, всего лишь на год пережившему отцу темнику Кавгадью, ни к князю Юрию, который великокняжеский ярлык имеет. Но велено ему послом ханским дань, собранную в тверском княжестве, сборщикам Юрия передать. Он противиться не может.

Велел только своим людям всё как следует описать и подтверждения сборщиков письменно получить, что, дескать, всё сполна забрали.

И сложил эти расписки за образа.

Не думал также, что придётся не только выкуп за брата Константина Юрию давать - восемнадцать тысяч тот запросил, но и согласие на брак с дочерью врага своего. Но ничего не поделаешь - нет иного способа помочь брату.

- Ежели хочет с нами Юрий породниться, значит, мира хочет, - размышляет брат Александр, с которым они это предложение обсуждают.

- Юрий без выгоды ничего не делает, - говорит Дмитрий.

- Так и мы станем выгоду искать.

- В чём?

- Не станет Юрий козни строить да хану наговаривать.

Усмехнулся князь Дмитрий.

- Он через Константина на княжество наше замахнулся. И мы с тобой Константину соперники. Не хранить - сживать со света белого Юрий теперь нас станет.

- Оно так, - согласился Александр, - только княжество наше ему теперь разорять не с руки. Ну, а в остальном что свершится - воля Божья. Вот встретимся с Константином и узнаем его. Не думаю, что он врага нашего простил.

- Не выпустит Юрий его из Москвы, при себе держать станет.

- Ну, не всегда же... Найдём возможность своих людей подослать.

- Может, и прав ты, - соглашается Дмитрий. - Но не могу я даже думать об этом. Пусть будет так, коль Господу угодно. Но ты уж сам занимайся хлопотами этими... Матюшка вот от мира ушла, её совета не спросишь, сами решать будем.

- И сговоримся на этом, - сказал Александр. - Так я и сообщу Юрию: выкуп за брата даём и против свадьбы не возражаем.

- Только пусть сразу знает: передай, что я с ним встречаться не стану, - сказал князь Дмитрий.

Нет уже верного пособника во всех делах Кавгадыя, никто не сможет посодействовать в задуманном князем Юрием.

Но, с другой стороны, и хорошо, что нет, а то бы тот враз догадался, отчего вдруг такая грамота пришла от великого князя урусов.

Диктует Юрий письмо хану:

«Непросто стало дани собирать тебе, великий хан - упирается тверской князь Дмитрий, норовит всё недодать, утаить да на нищету жалуется, а у самого закрома ломаются, и торговлю он ведёт споро со многими, те же новгородцы не намного лучше делают это».

Передохнул князь, дождался, пока писарь перо почистит.

- Ты гляди, чтоб всё чисто и ясно было. Дай-ка...

Посмотрел - вроде всё понятно.

- Ничего, толмач толковый, разберёт.

Вернул грамоту.

- Дальше пиши... На чём я остановился?

- Новгородцы торгуют хуже князя тверского.

- Пиши, - Юрий помедлил. - «Но я твоё всё одно у него заберу, только, может, не по сроку будет, пока мои людишки всё разведывают-разузнают да соберут спрятанное. Так что за промедление за мной вины не ищи, верно я тебе служу и с немалым усердием».

Подумал.

- Ладно, добавь ещё для убедительности: «И всё, что тебе может пригодиться о тверском княжестве и сношении их с литвой али с иными иностранцами, визнаю. И отчего крепчает княжество и людьми множится - тоже выведаю. А ежели заговор какой против тебя обнаружится - тут же донесу без промедления». - Руку протянул. - Ну-ка, давай сюда.

Ещё раз оглядел написанное. Погрозил писарю.

- Смотри мне, ежели что исказил.

Печать свою великокняжескую приложил.

- Иди. И гонца зови.

Гонец уже давно ждёт, тут же и появился в дверях. Князь грамоту в берестяной лубок вложил.

- Особо не спеши, - сказал, подавая. - Но на всех почтах отмечайся, что, мол, бежишь к хану. Пусть впереди тебя весть дойдёт. А в дороге поболее немного, отдохни. Но грамоту потом чтобы обязательно доставил. Всё понял?

- Понял, великий князь.

- То-то.

Остался князь Юрий один, ходит - руки потирает: знает, что обоз с данью тверской в это время уже к Новгороду подходит. А там сборщики его надёжные, проверенные всё брату Афанасию передадут. А у того уже договорённость с купцами своими да заморскими. Хороший навар им будет.

Стоит перед ханом князь Дмитрий, незаслуженный выговор получает.

- Твой отец был честным передо мной, князь. И от тебя я ждал той же честности. Но, видно, не чтить ты ни слова своего, ни законов наших.

- Вины не ведаю своей, - не согласился князь. - Всё исправно делаю, как договорено было с отцом моим и мне досталось.

- А великий князь Юрий на тебя жалуется.

- Не в чем ему меня винить, мы с ним боле не сталкивались, на земли друг друга не заходим, людишек не разоряем.

- А может, другое что ты забыл?

- Не знаю вины за собой. Тебе, хан, виднее, скажи... А я, как и полагается, правдой отвечу.

Хан руку протянул, и ему в неё грамоту вложили.

Разворачивает её князь Дмитрий не торопясь.

- Прочти, чтобы все слышали.

Дмитрий глазами пробежал, читать стал:

- Упирается тверской князь, всё норовит недодать тебе положенное да на нищету жалуется, а у самого закрома ломаются, и торговлю он ведёт споро со многими... - Отстранил грамоту, говорит хану: - Нет правды в этом.

- А что дальше не читаешь?

- Так ведь если с начала нет правды, так откуда ей потом взяться?

Помолчал хан.

- Так что скажешь в своё оправдание?

- Врёт князь Юрий.

Полез Дмитрий за пазуху, достал берестяную шкатулку, а из неё бумажки. - Вся дань тебе, хан, как и велено было, вовремя сборщикам передал. Вот расписки их.

Чиновник ханский, тот, что грамоту подавал, к князю подошёл, забрал бумаги, читать стал, шевеля губами.

- Читай, - Хан приказывает.

- «Зёрна для хана полной мерой получил сентябрём, десятым днём. Монет от князя тверского сколько положено получил сентябрём...»

- Покажи.

Глядит хан - всё верно, и отметки сборщиков есть.

- Сборщики князя Юрия, говоришь, забрали?

- Твоих баскаков не было, по грамоте великокняжеской всё до последней монеты отдал сборщикам.

- И куда они отправились?

- Вот это, хан, мне неизвестно. Я их за ворота проводил, а там не моё дело.

- Тебе неизвестно... Я узнаю. Но гляди, князь, если это не так... А ещё известно мне, что с литовским князем ты породнился.

- Отрицать не стану.

- И что против меня союз свой крепите.

- А вот этого и не было, - возмутился князь Дмитрий. - Враги твои и мои, хан, клеветуют, рассорить нас хотят.

- Так на чём вы поладили? - хан взглядом князя сверлит, но тот глаз не опускает, лицом не смущается, отвечает спокойно.

- Договорились, что враждовать не станем, друг у дружки не воевать земель и торговлю наладить.

- Значит, дань больше платить будешь, - говорит князь. - Я твою правду проверю, а ты пока погостишь у меня.

Ждёт князь Дмитрий в Орде. Прикинул, что дней десять придётся, не меньше, пока посол ханский в Москву и обратно не сбегает.

Так и получилось. Что тот донёс хану, не ведает князь, но идёт к тому без страха, вины за собой не знает.

На этот раз хан приветливее, рукой показывает, чтобы место ближе к нему занял.

- Правду ты сказал, князь Дмитрий, не твоя в том вина, что дань не дошла.

- Ну вот, видишь.

- Верно у вас говорят, что яблоко от яблони недалеко падает. Чтишь отца своего.

- Чту.

- Велел я отдать его тело вам - благодарен за это?

- Благодарен. И братья благодарны. Упокоили, как и полагается, на родной земле. А тело княгини князю Юрию отдали.

- Слышал я, поклоняетесь теперь его мощам...

- Батюшка много добра сделал, и прах его долгий путь выдержал и сохранился, благовоние распространяет.

- Знаю, донесли мне, что чудом это и веры своей подтверждением считаете.

- Так и есть.

- Ну, по вашей вере пусть так и будет. Но наша вера, магометанская, сильнее и справедливее. И будет у нас мечетей больше, чем ваших церквей, и стану я вас в свою веру обращать, так, как вы мою сестру в свою обратили.

- По доброй воле это должно быть. Насильно веровать нельзя.

- Нельзя. Но привыкнете и к нашей вере, как мы привыкли, увидите, что лучше она... Поэтому, когда будет на твоей земле хоть один магометанской веры, чтобы ты и твои подданные не чинили ему вреда и запретов никаких не клали на то, чтобы тот рассказывал о вере магометанской всем, кто слышать захочет. И чтобы кого пошлю я из учёных разъяснения давать, оберегали и не перечили.

- Нет таких на моей земле.

- На твоей, княжеской, может, и нет пока, а вот в других местах Руси есть. И говорю тебе об этом потому, что ярлык тебе даю на великое княжение.

Протягивает хан свою грамоту растерявшемуся князю Дмитрию.

- Теперь ты князь всей Руси, и ты мне за всё ответ держать станешь.

- А как же...

Чуть не вырвалось у князя «зять твой», да вовремя остановился, понял, что разгневаться этим может хана.

Но тот сам о князе московском вспомнил.

- А князь московский Юрий пусть прощения добивается. Если держать ответ за свой поступок не может, значит, нет ему больше

моей веры и ярлыка ему больше не видать. Но учти, князь, прослышу, что против меня замышляешь, - не пощажу.

Тише воды ниже травы ведёт себя князь Юрий, ныне принятый в Новгороде и сместивший там брата Афанасия. Исправно выполняет все договорённости с новгородцами, советуется с обществом при спорах, в торговом деле отличается. И всех послов ханских привлекает охотно, дань с новгородских земель регулярно собирает да ещё подарки разные хану отсылает. И границу со шведом укрепляет. Крепость Орешек заложил, на Устюг сходил, мир со шведом заключил.

Наконец дождался доброй весточки от своих соглядатаев в Орде, кто ещё не забыл, что он зять чингизидов, а оттого ещё неизвестно, какое место подле хана после опалы занять может. А весточка была такова, что хан со своей новой верой утвердился, противников казнил, все походы у него удачные были, жить стали в Орде с большим достатком и помягчел хан к провинившимся. И будто вспомнил как-то о нём, что, мол, почти родственником стал, великокняжил неплохо.

Собрал Юрий своих ближних советников.

- Ну что, новгородцы, нравится вам, как я договор исполняю?

Те в один голос:

- Да, князь, нет у нас к тебе претензий.

- И в торговле поднаторел.

- Всё, как договаривались, исполняешь.

- Все вы со мной походы выиграли? - остановил их князь.

- Пусть кто скажет иначе.

- Крепость поставили?

- Хорошая крепость, крепкий Орешек.

- Швед больше не беспокоит?

- Ну так ты же, князь, мир заключил.

- А вот теперь хочу я у хана ярлык на великое княжение обратно брать, хватит тверскому князю к себе всё тянуть. А стану великим князем - вы меня поддержите и внакладе не останетесь.

- Поддержим, князь. Без ярлыка - за тебя, а с ярлыком - тем паче.

- Ну вот, выходит, ещё один договор с вами заключили. Я-то со своей стороны его исполню, главное, чтобы вы своё слово сдержали.

- Сдержим, князь.

Ушла делегация, а князь тут же гонца своего в Орду шлёт:

- Дай знать немедля, как только ехать можно будет.

Разными дорогами едут к хану великий князь Дмитрий Михайлович и князь Юрий Данилович. Но всё одно пересеклись их пути.

Перед ставкой ханской и встретились. И встал Дмитрий перед Юрием.

- Зачем в Орду едешь?
- Тебе знать не надобно.
- Я великий князь земли русской, ты мне подчиняешься.
- А я зять ханский.
- Ты отца моего убийца. И нет тебе места ни на Руси, ни в Орде.

Никто и глазом моргнуть не успел, как выхватил князь Дмитрий меч.

- Защищайся.

Сошлись князья; каждый понимал, что кто-то из них останется на этом месте лежать.

И от удара Дмитрия Михайловича, прозванного теми, кто его знал, князем Грозные Очи, пал убийца его отца, князь Юрий Данилович, так и не получив вождеденный ярлык.

Стоит перед ханом Узбеком князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи. По бокам два татарских воина.

Огорчен хан и не скрывает этого. Думал, помирят князей уруских, заставит друг за дружкой следить да на Орду работать.

- Плохо ты, князь, заветы отца своего выполняешь.
- Славно выполняю, - не соглашается Дмитрий Михайлович. - По сердцу и законам нашим.

- Не поверю, чтобы он тебя не учил, что не волен никто руку поднять на близкого моего без моего на то разрешения или суда моего.

- Отчего же, запомнил я: рассказывал батюшка, как дядя твой, хан Тохта, казнил воина русского, который его врага, хана Ногая, живота лишил. Такова благодарность ханская.

- Не боишься умирать?
- У каждого свой срок.
- Не жалеешь, что на Юрия руку поднял?
- Не жалею, что отцеубийцу наказал.
- Значит, в праведность ханского суда не веришь.
- Выходит, не верю.

Помолчал хан, глядя на стоящего перед ним князя.

- Хочу вот ярлык передать брату твоему, Александру. Как ты считаешь, по силам ему великокняжить на Руси?

- По силам. Будет он тебе помощником.
- А я думал, с тобой дружить будем долго. Но даже хан не волен законы нарушать.

- Понимаю я это, чего уж. Батюшка голову не на родной земле сложил, и мне выпало. Видать, так Господу нашему угодно.

- А крепок ты в вере своей? Князь Михаил крепок был.

- А ты проверь, хан.
- Ладно, иди пока, день твой ещё не наступил.

Встретились два брата. Князь Александр Михайлович в одеянии княжеском походном - только прискакал в ставку ярлык получать. Князь Дмитрий Михайлович в колодках, за это время прежний облик утративший, только взгляд грозный и остался.

- Ты, брат, ярлык получишь - первым делом с новгородцами разберись. Не успокоятся они, пока твою силу не поймут. И с князьями московскими мирно живи, нет там теперь врагов у нас. Пусть брат Константин с княжной Софьей живут, не в ответе она за отца, а так союз будет, - с трудом, но выговаривает князь Дмитрий.

- Хана просить буду за тебя.

Твёрдо старается говорить князь Александр, не показывая жалости к брату, да голос дрожит.

- Не надо, - головой тот качает. - Не иди наперекор, не нарушит он законов своих, мне уж недолго мучиться осталось. И так свидетелься нам с тобой позволил, и то славно.

- Сделаю, как ты говоришь. Тебе лучше знать.

- Да, лучше... Только меня здесь не оставляй, хочу рядом с батюшкой быть. Уж в этом тебе хан не откажет.

- Исполню твой наказ, брат.

- Иди, ярлык бери и Русь береги.

Год 6835 (1326 от Рождества Христова).

Раскинулась по-над Волгой Тверь.

Звучат колокола, перед собором весь знатный люд собрался. Великий князь всей Руси Александр Михайлович домой вернулся. И первым делом скачет он к усыпальнице, что рядом с собором, некогда дедом его и отцом с матерью построенным.

Прежде в храме молитву творит благодарную, а затем к нетленным мощам отца идёт, чтобы в верности земле Русской поклясться и в том, что продолжит отца и брата Дмитрия дело по укреплению земли русской.

А потом на площадь соборную выходит, на которой народ уже собрался.

Приветствуют великого князя тверяне, радуются, верят, что впереди всё будет хорошо, не ведая, какие испытания ждут их.

АНДРЕЙ И ИОАНН

Пограничная застава осталась позади. Подвода с самым необходимым добром неторопко катила дальше по земле, которая для него теперь должна была стать родной. Курбский придержал коня, обернулся. Его стремянный* Васька Шибанов остановился рядом. Их кони всхрапывали и тоже косили глаза назад.

- Неужли не вернёмся? - не сдержался, выпалил то, что вертелось на языке, Васька.

- Вернёмся... Обязательно вернёмся! - уверенно произнёс Курбский и, повернувшись спиной к тому, что было его страной, его родиной, прищипорил коня...

Хотя польские вельможи в тайных переговорах заверяли, что примут как своего и не только никаких ущемлений не будет, но на новой родине жить ему будет слаще, ливонские немцы на границе на обоз князя поглядывали с жадным любопытством, не очень-то пугаясь угроз пожаловаться великому князю литовскому, королю польскому Сигизмунду II Августу и требуя мзды. И проще было отдать то, что особо не ценил, чем противостоять поборам. Да и неловко было с первых шагов отречься от своих слов, ранее сказанных витебскому воеводе Радзивиллу, с которым имел до этого долгие сношения, передавая сведения о состоянии войск русских. На обещания того от имени Сигизмунда почёта и владений на новой родине, сказал как-то:

- Не за тем к вам бегу... Невмоготу больше сумасбродство царя выносить. Нет на него управы в отечестве, только зло от него людишкам и христианству вред.

Так он тогда говорил.

Но не договаривал главного, что гнало его из пределов родных. Донесли свои люди при дворе, что царь Иоанн напрочь уважать перестал и бояр, и вельмож. И тех, кто ему славу в битвах принёс. И что и его, воеводы Курбского, прежнего соратника царя, голова теперь тоже под угрозой, ибо отнёс царь его к врагам своим. Так что надо было или ждать смерти своей, или бежать. Он покорным никогда прежде не был, к тому же давно уже единомышленником царя себя не считал и деяний того не разделял, вот и не особо мучился в

* Главный конюх.

выборе. А то, что тайное врагу открывал, так не считал Сигизмунда врагом и не поддерживал царя Иоанна в его войне с западными соседями. Убеждён был, что дружить с ними надо, а внимание обратить на южные рубежи царства - там настоящие враги.

Нет не видел он возможности вернуть былые, почти дружеские, отношения с царём и предателем себя не признавал.

Сигизмунд своё обещание сдержал: встретил, как и положено встречать знатного и уважаемого гостя, а теперь уже даже и не гостя, а соратника, воеводу своего боевого, и щедр оказался: поместья на Волыни дал - сёл больше трёх десятков и город Ковель. Правда, пожалованы они были «на выхованье». То есть во временное владение без права собственности. Но на первых порах и это годилось.

- А чем, князь, заниматься думаешь? - спросил, довольно выслушав слова благодарности знатного русского беглеца.

- Тем, что умею более всего, - не замедлил с ответом тот. - Моё дело военное, а сейчас война идёт.

- И что же, против своей родины пойдёшь? - Прищурился князь литовский и король польский, глаз не спуская и ответа ожидая, чтобы по нему определить, насколько верен ему будет перебежчик.

- Пойду. Но не против родины. Против царя, который над ней измывается, - не замедлил отозваться Курбский, сверкнув глазами так, что Сигизмунд все свои сомнения прочь прогнал. И подумал, что, видать, сильная вражда разделила некогда верных соратников. И порадовался этой своей победе: измена князя была сродни выигранному сражению.

- А готов ли идти с нами в поход на Полоцк?

- Готов. Дай мне воинов, поведу без колебаний.

- Но ведь изменником прослывёшь. Да и головы родных своих подставишь под немилость царя.

- Родных у меня там не осталось, - сжал губы Курбский, отгоняя мысли и об оставшейся жене, и обо всей родне, понимая, что не избежать им мести царёвой. - Все кто хотел со мной быть, - здесь со мной, а кто не хотел - ну что ж, такова их судьба и воля Господа.

Не всю правду сказал: бежал он тайно не только от царя и соратников, но и от родных. Им тоже не доверял.

- Проклянёт тебя царь русский.

- Я его уже давно проклял за его дела. Так что с меня не убудет...

- Ну что же, князь, примешь под своё начало воинов, а положение войск русских тебе лучше моего известно. Верю, что доверие моё оправдаешь и победами своё положение в нашем государстве укрепишь...

Так, не успев обустроиться в своём новом замке и не оглядев должным образом свои поместья, вернулся Курбский на войну. Правда, теперь уже на другой, некогда противной ему стороне...

Но томило его невысказанное царю, которого когда-то любил и которому до поры верил безоговорочно. И делал всё, что тот приказывал, пока не стал Иоанн друзей своих прежних, которых ещё недавно слушал и во всех начинаниях поддерживал, недругами считать. Кого в изгнание отправил, а кого и сразу на плаху. Томила потребность объяснить своё бегство. А ещё более свой поход против родины, против тех, с кем ещё совсем недавно сражался рядом, плечом к плечу. И неумоготу стало носить это всё в себе.

«Напишу врагу своему, царю русскому», - наконец решил он и словно тяжёлую ношу сбросил с плеч...

«Царю, от бога препрославленному, паче же по православии пресветлу явившуся, ныне же грех ради наших сопротивным обретесе»...

Первое предложение он давно уже вынашивал. Оно должно было задать тон всему посланию, которое он задумал отправить царю теперь уже не его отчины. Написал эти строки и задумался. Хотел далее изложить всё рассудочно, ибо чувствовал за собой правду, да вот только никак не мог избавиться от обуревавших эмоций. И видел он перед собой царя не тем, каким тот был в их большом походе на Казань, когда понимали они друг друга и всё было между ними почти по-братски, а тот, который потом вдруг стал рушить всё, прежде им создаваемое, изгоняя друзей своих - того же боярина Андрея Адашева или священнослужителя Сильвестра, друзей своих прежних, без причины озлобляющийся на слуг своих верных.

«...неслыханные от века муки, и смерти, и гонения, умыслил еси» начертал он, помянув тех, кого уже царь казнил и кого ещё обязательно казнит. В этом он не сомневался, понимая, что и родичи его, и близкие, и дальние, не избегнут царской немилости. Отчего не мог не написать *«всеродно погубляя нас»*, видя пред собой того же Адашева, уже не бывшего на этом свете.

Нет, он не забыл славных прошлых времен, когда властвовала избранная боярская рада и всё в царстве творилось по её усмотрению, а молодой царь был занят собой и слушался во всём бояр. И тогда всё делалось так, как мыслили бояре да воеводы, стоящие на страже своих вотчин и границ государства, и не боялись они за свои жизни. Но и не падали себя в сражениях. Разве мало ран получил он. Разве мало отметин битв осталось на его теле? С юных лет он находился на военной службе. Есаулом ходил на Казань, потом был назначен воеводой и служил верно везде, куда посылал его царь. До того дня, как перешёл гра-

ницу, не избегал никаких сражений, не щадил живота своего, отчего ран у него не меньше, чем наград. Но теперь это уже не является заслугой. Не служит заверением верности. И так или иначе, но он всё возвращался к библейскому тексту, напоминая царю истины прописные, которые православному грешно нарушать, и что теперь Иоанн только и делает, находя вокруг себя не только измены, но и чародейство: «... *изменами, и чародействы, и иными неподобными облыгая православных...*».

И чем дальше он писал, тем более наполнялся ненавистью к тому, кто некогда был ему господином и примером. И непримиримая ненависть не позволяла отказаться от эмоций, а искала и искала подтверждения в том, что осталось в прошлом и там, где теперь пребывали и его друзья и недруги, потому что главным врагом его был теперь царь Иоанн. И он не мог это не сообщить ему. Не заверить в своей непримиримости: *«до дни скончания живота моего буду безпрестанно со слезами вопияти на тя пребезначальной Троицы...»*. И не преминул подчеркнуть свою нынешнюю преданность недавнему врагу своей, бывшей теперь уже, отчизны: *«Писано во граде Волмере государя моего Августа Жигимонта короля, от него же наделся много пожалован быти и утешен от всех скорбей моих, милостию его государскою, паче же богу ми помогающую»*.

- Поручение у меня к тебе будет важное.

Шибанов - слуга верный. Преданный. Жалко посылать его, но, с другой стороны, кому ещё можно доверить дойти до самого царя.

- Царю Иоанну надобно послание моё доставить и в руки передать. Кроме тебя не вижу никого, кто справился бы с этим. Готов ли?

- Готов, князь.

Ему показалось, что стремянный обрадовался возможности вернуться, и даже на миг он усомнился, выполнит ли тот поручение, а то, может, перейдёт границу и потеряется в российских просторах, примкнёт к какой-нибудь вольной ватаге...

И тот словно мысли его прочитал, заверил:

- Не сумлевайся, князь, доставлю батюшке-царю.

И это «батюшке-царю» резануло. Чуть было не выговорил Шибанову - как смеет убийцу бесчестного так величать, но опомнился: пусть идёт с верой в то, что примут его обратно, и поносит ещё свою голову.

- И не должно оно больше ни к кому другому попасть. Ежели какая опасность будет - хоть сам съешь. И никому из бояр ни за какие посулы не давай, только самому Иоанну. Говори всем, что таков мой наказ и что нечто тайное ты несёшь, только царю и доступное, а кто прочтёт - тому головы не сносить.

Склонил голову Шибанов.

- Положись, князь, на меня, всё сделаю как велишь.

- Ну, а отдашь, ежели пожелаешь и царь отпустит - возвращайся. Ты был мне верным, верным и останешься.

Обмолвился насчёт царской милости, почти не сомневаясь, что её-то как раз Шибанову и не будет, не простит царь тому изменства, пусть и не по своей воле. Да и возвращение стремянного не оценит. Но не в первый раз отправлял он на верную смерть, такова участь воеводы - людскими жизнями распоряжаться бестрепетно во благо отчизны ли, царя ли или по собственной воле...

Своему господину верный раб Васька Шибанов. Может, и не надо было пытаться его, да уж вывел из себя своей наглостью Курбский. Надо же, вопияти он будет до последнего дня жизни своей псовой. Предательской. И Васька с ним заодно. Пусть и клялся в верности ему, царю русскому. Да если б верен был ему, а не господину своему, разве побег бы с ним к врагам?.. Но хоть помер, покайся, как и положено христианину.

Не хотел никакого ответа писать изменщику, так ведь расползлись слухи, в которых уж и не предатель Курбский, а вроде как сатрапа, то есть его, противник достойный. Доносят ему, что шепчутся бояре, поощряя предательство да собственную измену готовя. И надобно не только Курбскому - всем ответ дать, чтобы домыслы и умыслы свои паскудные оставили.

Но надо так сказать, чтобы понятно всем стало, за что казнить станет, что не простил и не простит никогда. И начать придётся с отрочества, с тех дней, когда многое, что никак не забыть, пережить пришлось.

«Когда же суждено было по божьему предначертанию родительнице нашей, благочестивой царице Елене, переселиться из земного царства в небесное, остались мы с почившим в бозе братом Георгием круглыми сиротами - никто нам не помогал; осталась нам надежда только на Бога, и на Пречистую Богородицу, на всех святых молитвы и на благословение родителей наших. Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний - получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили!..»

Хотел было перечислить дела те неблагочестивые, но не стал: велик список бы получился. Только напомнил о самоуправстве Шуйских, о тех, кто от них пострадал, да и не выдержал, высказал обиду выстраданную: *«...нас же с единокровным братом моим, в бозе почившим*

Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище».

Можно было ещё много обид, так и не забытых по сей день, изложить в объяснение своих поступков нынешних, когда полноправным царём стал, но упомянул только про надменство Ивана Васильевича Шуйского, презиравшего юных царевичей, да про расхищенную казну, про попрание законов, про мзду безмерную, что бояре брали. И в конце не сдержался: «Со дня кончины нашей матери и до того времени шесть с половиной лет не переставали они творить зло!»

Потом про московский пожар написал. Не мог не написать в защиту своей бабки, княгини Анны Глинской, которую в колдовстве обвинили и в том, что она пожар и наколдовала. За что князя Юрия Васильевича Глинского и убили. *«Мы жили тогда в своём селе Воробьёве, и те же изменники подговорили народ и нас убить за то, что мы будто бы прячем от них у себя мать князя Юрия, княгиню Анну, и его брата, князя Михаила. Как же не посмеяться над таким измышлением? Чего ради нам самим жечь своё царство?»*

Не мог не напомнить Курбскому, что раны свои тот в боях получил тогда, *«когда господствовали вы с попом и Алексеем».* Но несмотря на это, *«ты был среди наших вернейших слуг - в славе, чести и богатстве...»*

Много описал из того, что было, но чувствовал, что похоже это больше на оправдание, а не на обвинение псу-предателю, отчего вернулся к началу, предпослав посланию такие строки: *«Благочестиваго Великого Государя царя и Великого князя Иоанна Васильевича всея Руси послание во все его Великие России государство на крестопреступников князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене».*

Начал теперь уже спокойно, с достоинством и обращением к Святой Троице, напомнив, с чего началось самодержавство Российского царства, кем крепилось и множилось и кто отступил от честного и животворящего креста господня... *«Ты же ради тела погубил душу, презрел нетленную славу ради быстротекущей и, на человека разъярившись, против бога восстал. Пойми же, несчастный, с какой высоты в какую пропасть ты низвергся душой и телом!»* И напомнил слова апостола Павла, что тот, *«кто противит власти, противится божьему повелению».*

После этих слов уже понимал, что надо возвысить власть царскую, утвердить её божью предначертанность и своё, помазанника, право распоряжаться жизнью своих подданных, как некогда пытались распоряжаться эти подданные его жизнью. Знал, что будут вчитываться в его послание все бояре, все воеводы, и старался так

писать, чтобы верным его слугам было радостно, а врагам страшно и наполнялись они пониманием неизбежности наказания за предательство. Оттого долго искал последние слова, чем следовало завершить это обращение к псу-предателю.

«Город Владимир, находящийся в нашей вотчине, Ливонской земле, ты называешь владением нашего недруга, короля Сигизмунда, чем окончательно обнаруживаешь свою собачью измену. А если ты надеешься получить от него многие пожалования, то это так и должно, ибо вы не захотели жить под властью бога и данных богом государей, а захотели самовольства. Поэтому ты и нашёл себе такого государя, который, как и следует по твоему злобесному собачьему желанию, ничем сам не управляет, но хуже последнего раба - от всех получает приказания, а сам же никем не повелевает...»

И было дано это крепкое наставление в 7702 году от Создания мира, или 5 июля 1564 года от Рождества Христова...

Получил князь Курбский ответ, уже зная, что верен ему остался Васька Шибанов, приняв смерть от узурпатора безвинно. А чего ещё, кроме смерти, ждать от самодержца, который считает, что имеет полное право распоряжаться жизнями своих подданных. Прочитал царское послание и ещё более утвердился в правильности своего поступка. Не простил бы ему царь дружбы с Адашевым, рано или поздно, но бросил бы в застенки или на плаху. И более писать не хотел. Да ежели бы и возникло такое желание, не до его воплощения стало: началась война с бывшими соплеменниками - поход на Полоцк, в которой он показал свою доблесть воинскую и преданность королю Сигизмунду. А потом надо было и свои личные дела решать на новой родине, где, как оказалось, жить не проще, а, может, даже и более сил требуется оттого, что чужое всё вокруг, а соседи тебя не жалуют, на твоё добро зарятся. Довольно скоро он понял, что на землях польских и литовских страсти не меньшие, чем на русских, и при дворе короля Сигизмунда плетутся такие же интриги, как при дворе царя Иоанна.

Первым делом в данной ему вотчине он укрепил свою дружину, настроив её не бояться соседей и не уступать им. А те с первых дней стали испытывать новоявленного князя Ярославского, как его здесь именовали, на прочность. Скоро столкнулся он с воеводой волыньским Чарторыйским, отстаивая свои права на поместья. Потом была поместная война с челядью каштеляна* сандомирского Матеевского. Следом пришлось сразиться с отрядом Матвея Рудомина. А там ещё и с воеводой брацлавским Вишневецким. Каждый хотел от дарованных ему владений часть себе отделить, границы перекро-

* Должность в Польше и великом княжестве Литовском.

ить в свою пользу. Так что помимо большой войны с русскими было у него немало войн и с новыми своими согражданами.

А в 1569 году на сейме его волыньские соседи пожаловались королю Сигизмунду Августу на притеснения от русского князя и требовали забрать у того имения, ранее ему дарованные. *«Ненавистные и лукавые суседи прекаждаху ми дело сие, лакомством и завистию движими, хотящи ми vybrати данное ми именье з ласки королевския на препитание, не только отъяти и поперети хотяще многия ради зависти, но и крови моей насытися желающе»*, - делится он в своих записках...

Но отказал король, цена не только прошлые заслуги Курбского, но и отчаянную храбрость того в этой вражде с панями. Да ещё считал новый король, что после подписания Люблинской унии*, по которой польские и литовские земли объединились в Речь Посполитую, тот вполне может быть полезен в противостоянии с царём Иоанном. А для усиления его положения ещё и содействовал браку Курбского с богатой вдовой Марией Козинской, урождённой княжной Гольшанской, приумножившей своими поместьями вотчину князя. Правда, брак был несчастливый и закончился скандальным разводом.

...Так год за годом князь Курбский и служил королю Сигизмунду, воевал с соседями, устраивал личную жизнь. Но не забывал следить и за тем, что на его бывшей родине творится. В собственной суеде да в развенчании прежних призрачных мыслей о заграничной счастливой жизни обида на царя отошла, но не пропала вовсе. Ревниво следил за тем, что делается в государстве Российском, ловя себя то на сожалении, то на мысли злорадной, раздваиваясь в своей нелюбви и даже ненависти к Иоанну и всё более со стороны понимая, в чём сила государя русского и какими просторами ему дано владеть.

Бегство и предательство князя Курбского стало последней каплей в царском терпении. Иоанн уже мало кому мог верить и каждый день ждал очередного предательства своих бояр и воевод. Наконец не выдержал этого напряжения, объявил, что отказывается от царства, и уехал в Александрову слободу, поставив двору ультиматум: или бояре принимают его условия, или пусть выбирают себе другого царя.

Заволновался московский народ: как это - жить без помазанника божьего, законного, и вынудил бояр направить к царю делегацию - умолять вернуться на трон.

* Государственный союз между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским.

Вернулся Иоанн, но уже со своими требованиями. И первым делом решил положить конец засилью думских бояр, учредив опричнину - личный удел царя, доходы от которого шли теперь исключительно в его казну. А для исполнения обязанностей по управлению этим уделом набрал опричников. Подход к отбору был строгий. Помимо того, что были это дети дворян и бояр, идущие против отцов, опричники давали клятву преданности лично царю.

И в большом государстве стал Иоанн строить своё, отличное от того, что строили бояре, государство по образу монашеских орден. Сам он взял на себя обязанности игумена*, сам вёл службы.

Келарем**, вторым после себя человеком, назначил Афанасия Вяземского. Пономарём***, который не только в колокола звонил, но и врагов разоблачал, Малюту Скуратова. И завел жёсткий распорядок дня: в полночь - полунощница. В четыре утра - заутреня. В восемь - обедня.

Особо приближенные служили в государевом полку - в царской гвардии.

Помимо полка были ещё четыре приказа: постельный - обслуживающий помещения, бронный, он же оружейный, конюшенный (лошадей у опричников было много) и сытный - продовольственный.

Теперь вокруг него были верные ему люди, которые должны были очистить государство от предательства, взяточничества и растаскивания. Теперь царь переставал быть нищим просителем, а засидевшиеся в думе и потерявшие ощущение реальности бояре утратили свою не ограниченную ничем прежде власть. К тому же царь противопоставил им их же детей, жаждущих вырваться из-под родительской опеки, жить самостоятельно.

Наводя порядок в государстве, некогда было отвлекаться на бывших изменников. Не до Курбского было. И тот молчал, так и не ответив на царское письмо. Да и что он мог ответить на слова правды. Но не нравилась царю Иоанну активность короля Сигизмунда Августа в объединении польских и литовских земель. Предвидел он, что немало проблем будет у него с созданием Речи Посполитой. Да и с других концов государства подпирали враги. Только успевай поворачивайся.

Кавказ успокоил, женившись на «из черкас пятигорских девице», княжне кабардинской, крещённой Марией. Но бог не дал им совместный долгий век, да и не заменила она ему первую жену, Анастасию, и наследника не принесла. Но зато князя Черкасские были ему верны и Кавказ держали.

* Духовный сан в православной церкви, начальник монастыря.

** Заведующий монастырским столом, кладовой, отпускающий продукты на кухню.

*** Служитель, обязанный прислуживать при богослужении, а также звонить в колокола.

Заговор бояр по свержению его с престола, дабы посадить на трон его двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого, пресёк. А Старицкого, который собирался его отравить, казнил.

Назревавший бунт в Новгороде умирил, предательство пресёк.

Потом крымский хан Девлет-Гирей подошёл к Москве. Бились в посадах, на окраине, а не уберегли Москву - запылала та да почти вся, кроме Кремля, выгорела.

Не везло царю с жёнами.

Третий брак, с Марфой Собакиной, оказался скоротечным. Та спустя две недели после свадьбы скончалась.

Четвёртый брак, с Анной Колотовской, а потом пятый, с Анной Васильчиковой, тоже были недолгими - никак не подходили они на роль царицы, сослал Иоанн их в монастырь.

Но, признаться, это его не столь заботило. Другое дело - дела государственные, от которых никуда деться не мог.

После смерти Сигизмунда 11 Августа, у которого не было наследника, пошёл на сближение с польской шляхтой, вёл переговоры с литовским послом об условиях избрания Иоанна королём в Речи Посполитой. Это избрание могло решить многие задачи. Но не сложилось. А если бы вышло - став королём, обязательно вспомнил бы о Курбском: предательство он прощать не собирался...

И ещё много всякого было в государстве Российском при Иоанне-царе, получившем прозвание Грозный, за минувшие двенадцать лет...

Казалось бы, всё утряслось в жизни князя Андрея Михайловича Курбского. Разобрался с соседями, остался в фаворе у короля. Правда, пришлось поволноваться, когда после смерти Сигизмунда встал вопрос о выборе нового короля и в сейме стало звучать имя Ивана Грозного. Не сомневался он, что не простит царь ему предательства, станет королём не то что поместья, голову потеряет. Да и во многом, в чём он был прежде уверен, обвиняя Иоанна, теперь начал сомневаться. На отдалении да по истечении времени многое видится и понимается лучше. И как ни претило, как ни не хотелось, а знал, что всё может повернуться не в его пользу и вполне уместно донести царю своё новое отношение и к прошлому, и к настоящему. Тем более сейчас, когда Иоанн захватил Ливонию и подпирает границы Речи Посполитой.

К тому же теперь не был он так, как прежде, уверен в том, что царь Иоанн - гонитель христиан. И даже наоборот - видел, что тот пытается укрепить веру. Но доходили слухи, что, как и прежде, если и вспоминает о нём царь, то только недобрым словом. И понимал - примирение возможно только по воле божьей на общем понимании праведности христианской. Может, оттого на этот раз письмо царю получилось коротким, а в конце признался: «А хотел,

царь, ответить на каждое твоё слово и мог бы написать не хуже тебя, ибо по благодати Христа моего овладел по мере способностей своих слогом древним, уже на старости здесь обучился ему, но удержал руку свою с пером, потому что, как и в прежнем своём послании писал тебе, возлагаю всё на божий суд; и размыслил я и решил, что лучше здесь промолчать, а там дерзнуть возгласить перед престолом Христа моего вместе со всеми замученными тобою и изгнанными, как и Соломон говорит: «Тогда предстанут праведники перед лицом мучителей своих», тогда, когда Христос придёт судить, и станут смело обличать мучивших и оскорблявших их, и, как и сам знаешь, не будет лицепрятия на суде том, но каждому человеку прямодушие его или коварство предъявлены будут, а вместо свидетелей собственная совесть каждого провозгласит и засвидетельствует истину. А кроме того скажу, что не подобает мужам благородным браниться, как простолюдинам, а тем более стыдно нам, христианам, извергать из уст грубые и гневные слова, о чём я тебе не раз говорил и раньше».

Не ждал не гадал царь, что осмелится вновь написать ему изменник. Но получил письмо, которое можно было за покаянное принять. Теперь уже не войну и если не мир, то перемирие оно предлагало. Видно, за эти годы многое пережил не только он, государь российский, но и некогда его соратник, а теперь предатель князь Андрей Курбский. Годы делают своё дело, приглушают остроту суетного, поспешность в суждениях, опрометчивость в решениях. Возможно, и Курбский сожалеет о своём предательстве, только смелости сказать об этом не имеет.

На этот раз он прежде начертал: *«Такая грамота послана Государём также из Владимирца к князю Андрею Курбскому с князем Александром Полубенским»*, хорошо помня, как указал место написания своего первого письма Курбский.

Потом перечислил все свои титулы, демонстрируя обширность Русского, его, царства, включая земли Сибирские и страну Северную. И только после этого, отвечая на упреки давние и теперешние в отступлении от христианства, начал ровно, с полной уверенностью в своей правоте:

«Со смирением напоминаю тебе, о князь: посмотри, как к нашим согрешениям и особенно к моему беззаконию, превзошедшему беззакония Манассии, хотя я и не отступил от веры, снисходительно Божье величество в ожидании моего покаяния. И не сомневаюсь в милосердии Создателя, которое принесёт мне спасение, ибо говорит Бог в святом Евангелии, что больше радуется об одном раскаявшемся, чем о девяноста девяти праведниках...»*

* Царь Иудеи, при котором процветало поклонение Солнцу, Луне и звёздам.

И далее писал уже без всякой злобы на предателя, словно сидел с ним теперь за одним столом и высказывал то, что давно уже было обдумано и не подвергалось никакому сомнению. Напомнил лишь то, в чём незыблемо был уверен и сейчас: *«Вы с попом Сильвестром, и Алексеем Адашевым, и со всеми своими родичами хотели видеть под ногами своими всю Русскую землю, но Бог даёт власть тому, кому захочет».*

Писал ты, что я растлен разумом, как не встретишь и у неверных. Я же ставлю тебя самого судьёю между мной и тобой: вы ли растленны разумом или я, который хотел над вами господствовать, а вы не хотели быть под моей властью, и я за то разгневался на вас? Или растленны вы, которые не только не захотели повиноваться мне и слушаться меня, но сами мною владели, захватили мою власть и правила, как хотели, а меня устроили от власти: на словах я был государь, а на деле ничем не владел...

И вы мнили, что вся Русская земля у вас под ногами, но по божьей воле мудрость ваша оказалась тщетной. Вот ради этого я и поострил своё перо, чтобы тебе написать. Вы ведь говорили: «Нет людей на Руси, некому обороняться», а нынче вас нет - кто же нынче завоёвывает претвёрдые германские крепости?..»

Дальше не стоило уже ничего и расписывать. Этот год, 1577 от Рождества Христова, ознаменовался победами и походом по Ливонской прежде, а теперь русской земле, о чём, конечно же, Курбский знал. И не стоило повторять то, что было сказано много лет назад в первом послании. Поэтому расписывать больше ничего и не стал и завершил поучительно:

«Итак, мы написали тебе лишь немного из многого. Рассуди сам, как и что ты наделал, за что великое Божье Провидение обратило на нас свою милость, рассуди, что ты натворил. Взгляни внутрь себя и сам перед собой раскройся! Видит Бог, что написали это мы тебе не из гордости или надменности, но чтобы напомнить тебе о необходимости исправления, чтобы ты о спасении души своей подумал».

Писано в нашей отчине, Ливонской земле, в городе Вольмере в 7086 году на 43-м году нашего правления, на 31-м году нашего Российского царства, 25-м Казанского, 24-м Астраханского».

Не мог не ответить на это письмо Курбский. Задело его перечисление Иоанном своих титулов. Отчего и начал с упрёка:

«В скитаниях пребывая и в бедности, тобой изгнанный, титул твой великий и пространный не привожу, так как не подобает ничтожным делать этого тебе, великому царю, а лишь в обращении царей к царям приличествует употреблять такие именованья с пространнейшими предложениями».

Решил, что тем самым поставил царя на место. Вровень с собой. Потому что не считал себя ниже, ибо был он из рода князя Смоленского Фёдора Ростиславовича и первая жена Иоанна была ему близкой родственницей.

Но более всего задело в новом послании царском упоминание о якобы несправедном поведении бояр в пору юношества того. Никак не хотел Иоанн признавать, что для него, князя Курбского, было очевидно и бесспорно. Оттого не мог не упрекнуть. *«А мог бы ты и о том вспомнить, как во времена благочестивой жизни твоей все дела у тебя шли хорошо по молитвам святых и по наставлениям Избранной рады, достойнейших советников твоих, и как потом, когда прельстили тебя жестокие и лукавые льстецы, губители и твои и отечества своего, как и что случилось: и какие язвы были богом посланы - говорю я о голоде и стрелах, летящих по ветру, а напоследок и о мече варварском, отомстителе за поругание Закона Божьего... и внезапное сожжение славного града Москвы, и опустошение всей земли Русской, и, что всего горше и позорнее, царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; как некие здесь нам говорят - будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с кромешниками* своими, едва и ты от голода не погиб!»*

Понимал, что повторяется, а в чём-то, может быть, и несправедливо обвиняет. Не забыл, как блаженный Сильвестр в те, давние уже, времена не смотрел на царский титул и не щадил молодого царя. Но и тут вступился на защиту того: *«Язвительными словами осыпал тебя и порицал и суровыми наставлениями, словно бритвой, вырезал твои дурные обычаи... А порой он, словно уздой крепкой и поводьями, удерживал невозддержанность твою и непомерную похоть и ярость».*

И снова не признал себя изменником, а написал, что был оклеветан врагами своими...

И был уже 1578 год от Рождества Христова. После написания первого письма прошло четырнадцать лет.

Оба были они уже далеко не юноши и даже не те горячие мужи, которые разошлись в понимании будущего земли Русской. У обоих позади была жизнь, заполненная и победами, и поражениями, счастливым и горькими днями.

Князь Андрей Михайлович Курбский скончался на чужбине, ставшей ему родиной. Он умер в 1583 году на пятьдесят пятом году жизни.

Царь Иоанн 1V Грозный скончался в 1584 году, ему было пятьдесят три года.

* Общее название нечистых духов.

ВЕСТНИК

(Повесть о Данииле Андрееве)

Бусенька

Он проснулся, а Бусеньки нет.

- Бабушка, - позвал Даня. - Я уже совсем выздоровел.

Но вместо бабушки вошёл дядя Филипп.

- Вот и замечательно, - бодро произнёс он.

Положил мягкую руку Дане на лоб.

- И ты выздоровел, и солнышко светит... Покажи-ка мне горлышко...

Он открыл рот, не ощущая прежней боли, отчего даже охотно выставил как можно дальше язык, и дяде Филиппу не пришлось долго разглядывать, что у него осталось в горле, так мешавшее прежде дышать.

- Ну вот, совсем хорошо, - сказал он.

- А где Бусенька?

- А она теперь далеко...

Дядя Филипп отвернулся, что-то делая с трубочкой, через которую он узнавал, что у кого болит, потом, повернувшись, внимательно глядя на осунувшееся после болезни лицо мальчика, произнёс:

- Давай мы тебя слушаем...

Даня охотно откинул одеяло, открывая своё тело, с улыбкой ожидая прикосновения трубочки и ощущая кожей ветерок от дыхания склонившегося над ним дяди Филиппа.

- Подыши, Данечка...

Он глубоко вдохнул, отчего стали видны рёбрышки и солнечный луч, проскользнувший в щель портьеры, ласково и тепло их коснулся.

- Повернись, - сказал дядя Филипп.

Так не хотелось прогонять этот тёплый лучик, но дядю Филиппа надо было слушаться, он всегда слушался его даже больше, чем папу, и Даня быстро перевернулся на живот. Трубочка коснулась его спины, стало щекотно. Он хотел засмеяться, но сдерживался, пока дядя Филипп не убрал её, и тогда весело повторил:

- А где Бусенька, пусть она придёт...

- Ну вот, скоро можно будет и гулять, - сказал дядя Филипп, убиравая трубочку и поднимаясь. - Но пока полежи.

- Пусть Бусенька придёт, - повторил он.
- Понимаешь, Данечка, она никак не может прийти.
- Почему? - удивился он.

Бусенька всегда была рядом, сколько он себя помнил. Бусенька и мама Лилия. А ещё дядя Филипп. Совсем редко - папа. Он больше помнил папу играющим с ним на зелёной лужайке перед домом, в котором ещё жил его старший брат Вадим, которому было уже девять лет, а ещё капризный брат Савва, который любил убежать от папы, а тот его любил догонять. Ещё там жила большая девочка Нина и маленькая - Вера, с которой было неинтересно... А ещё папина тётя Аня. Но она с ними совсем не играла.

Больше всего ему запомнилось, как они ездили в большой лес, где были огромные деревья и текла река с коричневой водой, а в ней шевелились зелёные существа, которые цеплялись за ноги, когда папа учил его плавать. Папа называл этих существ тиной, говорил, что они совершенно неживые, и они действительно становились такими, когда их вытаскивали на берег, превращаясь в мягкую и скользкую массу, неподвижно лежавшую на берегу, совсем непохожую на ту, что продолжала угрожающе извиваться в тёмной воде.

И высокие деревья со стройными тёплыми стволами, и извилистая речка, то быстрая и говорливая, то совсем замершая, тихая, гладкая, и выстроенные полукругом большие телеги, на которых они все приезжали, и расставленные, разложенные возле них сверкающие на солнце самовары, ослепительной белизны блюда с кушаньями, большие кувшины с напитками - всё это вызывало у Дани желание смеяться, бегать, проказничать... И они все, включая папу, бегали, визжали, ловили друг друга, падали, пока совсем не уставали. А потом на обратной дороге забирались на телеги и под мерное покачивание быстро засыпали...

Он бывал у отца и зимой, но катания на лыжах и санках не так ему запомнились, хотя рядом с домом заливали большую скользкую горку, с которой санки неслись так, что щёки обжигал мороз...

Иногда они с Бусенькой или дядей Филиппом и мамой Лилей заставляли у папы незнакомых ему дядю и тёть. Тогда отец не обращал на детей никакого внимания, разве что только на маленького Савву, которого выводил к дяде художнику, жившему неподалёку. Этот художник рисовал папу, но никак не мог нарисовать. А однажды папа захотел сам всех нарисовать каким-то странным ящиком. И заставил бабушку взять в руки большое знамя и сесть на маленькую лошадку. Бусенька послушалась, но у неё за стёклами очков глаза были совсем невесёлые, и Даня догадался, что она совсем не хочет, чтобы её нарисовали...

- Я соскучился по Бусеньке, - он жалобно посмотрел на дядю Филиппа.

- Я потом тебе всё объясню, - сказал тот, выходя из комнаты.

Лучик всё ещё пересекал постель, и Даня пододвинулся так, чтобы он опять лежал на его груди, подумал, что теперь он не болеет и они могут с Бусенькой съездить к папе. И ему надо было сказать ей об этом тотчас же. Он встал, осторожно приоткрыл дверь своей комнаты и медленно пошёл по коридору, сначала решив, что Бусенька обязательно в передней, - она часто там читала сидя в кресле или на диване или беседовала с пациентами дяди Филиппа, которые ждали приглашения в приёмную на осмотр.

Но её там не было, и он заглянул на кухню, откуда всегда доносились разные запахи и зимой было тепло, а летом жарко и где она бывала непременно, пробуя готовившуюся еду. Он поднялся обратно, решив, что она пошла гулять или же сидит во дворике перед домом. Об этом могла знать мама Лилия, поэтому он зашёл в комнату к ней.

Та при виде его не смогла скрыть удивления:

- Данечка, почему ты здесь?

- Я ищу Бусеньку, - сказал он.

- Тебе ещё надо полежать в постели, - сказала мама Лилия, вставая из-за стола и беря его за руку. - Ещё немножко, чтобы болезнь больше не вернулась.

И повела в его комнату, уложила в постель, укрыла одеялом, подтыкая уголки.

- Мне надо с ней поговорить, - прошептал он.

Но усталость от столь длительного путешествия уже брала своё, постель превратилась в мягкое и тёплое облако, на котором было так сладко засыпать...

Теперь он проснулся совсем здоровым, и дядя Филипп разрешил ему вставать и обедать вместе со всеми.

Бусеньки за столом не было. Но спросить, где она, Даня не успел: уже совсем большая его сестра, дочь дяди Филиппа и мамы Лили Шурочка, которой он верил и даже доверял кое-какие тайны, сказала, что после обеда она расскажет ему о бабушке, а сейчас он должен хорошо кушать, чтобы быстро набраться сил, и тогда они отправятся гулять в Кремль...

Ходить в Кремль он любил. Но это надо было заслужить. Гулять по городу его водили в награду за хорошее поведение и успехи в течение недели. И больше всего ему нравилось путешествовать на трамвае.

Дядя Филипп тоже любил ездить на трамвае и обязательно брал с собой книгу, а возвращаясь, рассказывал, что он прочитал, пока ездил к своим пациентам или в больницу, где он служил.

Когда Даня поощрялся поездкой с кем-нибудь из старших, он каждый раз выбирал новый маршрут и, заняв место, прикинул к окну, разглядывая незнакомые улицы, дома, людей...

Кремль был ближе, но ходить с ним туда не очень-то любили, потому что не могли зимой или в холодную погоду заставить его надеть шапку: он был уверен, что в этом месте можно находиться только с непокрытой головой...

Но рассказать Шура так и не успела: в прихожей раздался голоса - пришли гости. Они проходили мимо, непременно глядя его по голове, отмечая, что за то время, пока его не видели, он опять вырос. А кто-нибудь обязательно говорил, что он стал совсем взрослым и, направляясь к столу, добавлял, что что же делать, так всё в мире устроено: юное растёт, а старое уходит, чтобы освободить место...

Потом гости расселись вокруг стола, но его никто не стал отправлять в свою комнату, и он, пристроившись в сторонке, ждал, когда сюда придёт Бусенька: она, высокая в своём длинном платье, со строгим выражением лица, всегда обязательно выходила к гостям и охотно с ними разговаривала.

- Леонид тоже виноват, он поступил неосмотрительно, - говорил один из гостей. - Разве можно доверять револьвер чужому человеку. Мало ли, что он себя называл революционером. Не следует поддаваться симпатии.

- Действительно, трудно кого-либо осуждать, мы ведь не знаем всех подробностей, - произнёс статный и серьёзный мужчина, которого все звали Иваном Алексеевичем. - Но случай вопиющий и свидетельствует об общественном нездоровье. А вы знаете какие-нибудь подробности? - повернулся он к дяде Филиппу.

- Елизавете Михайловне что-то рассказывали, - уклончиво отозвался тот, и гости ожидающе стали смотреть на маму Лилю.

- Этот ваш революцион-эр едва не убил Леонида, - с осуждением произнесла она. - На самом деле они оба, учитель и этот преступник, оказались, несмотря на то, что читали книжки, невежественными людьми. И поразительно наглými...

Услышанное от племянника и жены Леонида всё ещё не было ею пережито. Занятая последние дни своим горем и печальными хлопотами, она забыла о теперь уже давнем, закрытом собственными хлопотами случившемся с бывшим мужем её сестры, но теперь вспомнила и, отвлекаясь от собственных горьких мыслей, стала рассказывать то, что слышала от видевших эту сцену племянника Вадима и жены Леонида, Анны Ильиничны, благодаря которой, собственно, тот и остался жив.

Она помнила, как радовался Леонид, когда в их доме появился учитель - молодой, переполненный смелыми мыслями выпускник университета Михаил. Он надеялся, что тот станет другом для старшего сына, в какой-то мере восполнит тот недостаток внимания, которого не могли дать ни мачеха, ни он сам. Он видел, что отноше-

ния между его старшими сыновьями от так рано покинувшей этот мир Александры и нынешней женой Анной Ильиничной никак не складываются. И хотя та не выделяла свою старшую дочь Нину, но детей, родившихся от Леонида, любила больше, чем сыновей его первой жены, и не скрывала этого. И если младший, Даниил, живя у Добровых и лишь изредка наведываясь к ним в гости, этого не замечал, Вадим подобное отношение переживал. Учитель должен был компенсировать недостаток внимания к старшему сыну, стать тому другом. К тому же Михаил оказался начитанным и любознательным молодым человеком, весьма оригинально и смело мыслил, и Леониду Николаевичу самому было интересно разговаривать, а нередко даже спорить с ним.

Но спустя время первое впечатление, произведённое стройным юношей с модной бородкой и такими же модными суждениями о жизни, сменилось на разочарование. Его методы обучения были не только непонятны, но и казались странными. За малейшую провинность он наказывал Вадима. «сажая в тюрьму», то есть запирал в пустой комнате, заставлял штудировать уроки, не особенно их объясняя.

И всё-таки отказаться от его услуг Леонид Николаевич не спешил, уж слишком интересны были их беседы и споры, к тому же Михаил оказался большим книгочеем и добился разрешения хозяина пользоваться его библиотекой.

Летом хозяева уехали в Крым, и именно учителя Андреев оставил за главного в доме. А тот распорядился принять и оставить неведомо каким ветром заброшенного к ним беглого преступника, крестьянина из Новгородской губернии, который объявил себя «политическим». Звали его Абрам. Вернувшиеся хозяева, поверив на слово и Михаилу, и Абраму, определили обязанностью последнего следить за хозяйством и охранять его. Как охраннику ему и выдал Андреев револьвер с патронами.

Необычайное сближение образованного выпускника университета и полуграмотного «политического» заметили все. И видя, что Абрам теперь в свободное время сидит с книгой, расценили это как доброе дело.

Сказать, что за два года, которые прожила эта пара в семье Андреевых, у них не случалось ссор с хозяевами, нельзя. И прежде всего это проявлялось в неподобающем отношении к чужой собственности. Оба, и учитель, и Абрам, не спрашивая, брали и пользовались не только книгами, но и другими вещами хозяев. Но Леонид Николаевич относил это к новому прогрессивному взгляду на собственность, который проповедовали оба, и даже упрекал Анну Ильиничну, которая никак с этим не хотела согласиться.

Но в конце года всё накопившееся в Леониде Николаевиче раздражение прорвалось, когда Абрам опять взял без спроса то, что хотел, и он, вспыхнув, велел охраннику убираться.

- Это настоящий убийца, - голос Елизаветы Михайловны, севший за эти дни от печали и слёз, вдруг зазвенел. - Как Лёня не мог этого не видеть!..

- Лизонька, успокойся, - вмешался дядя Филипп. - Всё же хорошо закончилось...

Даня уже слышал эту страшную историю, которая приключилась с его отцом и людьми, жившими с ними. Учителя своего брата он помнил, тот был совсем нестрашным, хотя Вадим и не любил его. А вот того, кого называли Абрамом, совсем не помнил и поэтому представлял его то с чёрной повязкой на глазу, то со злым, как рисуют преступников, лицом и обязательно с огромным револьвером в руке...

- Вадим слышал, как они ругались, и по его рассказу это выглядело так: Леонид приказал Абраму немедленно уйти - тот отказался. Тогда Леонид из своего револьвера выстрелил в потолок. А Абрам из того, который ему Лёня дал раньше, стрелял в Леонида Николаевича, но Анна Ильинична ударила его по руке и пуля пролетела мимо... - закончил дядя Филипп рассказ за жену.

- Как замечательно, когда рядом верная жена, - негромко заметил Иван Алексеевич. И продолжил: - Но лучше было, если бы они не пригрили этого «политического». Такие, как этот Абрам, ещё принесут России немало горя.

- Зачем же сразу - «политический» - значит, преступник, - возразил другой гость. - Не всякий, кто себя выдаёт за революционера, им является. Этот Абрам - чистый уголовник, это теперь всем ясно. А Леонид Николаевич разбираться в разнице не был намерен, вот и результат...

И взрослые продолжили совсем неинтересный Дане разговор, а бабушка всё не приходила, и он незаметно выскользнул за дверь...

Шурочку он нашёл в её комнате и, входя, сразу же сделал насупленное лицо, показывая, что обижен на неё, так и не рассказавшую, почему нет Бусеньки.

- Садись, Данечка, - предупредила она его наворачнувшие слёзы, и сама отчего-то вытирая глаза платочком. - Ты же знаешь, где твоя мама?

Даня посмотрел на неё. Кивнул.

А Шурочка, всё продолжая сжимать в руке платок, блестя влажными глазами, продолжила:

- Когда ты заболел, бабушка всё время была рядом с тобой, ты же это помнишь?

Он кивнул, хотя не мог точно сказать, чьё лицо видел над собой, когда задышался и, как ни старался, никак не мог вдохнуть полной грудью.

- Ну вот... А потом наша бабушка Ефросинья Варфоломеевна, Бусенька, тоже заболела. И сейчас она в больнице, её там лечат, как и тебя.

Шурочка глубоко вздохнула, словно ей тоже не хватало воздуха, прижала платок к глазам и, стараясь быть бодрой, произнесла:

- Но она так соскучилась по своей Шурочке, по твоей маме, что хочет скорее с ней встретиться.

- Но моя мама в раю.

- Вот и бабушка очень хочет туда попасть. А ты же знаешь, чтобы пойти по дороге в рай, нужно умереть...

И она посмотрела на него, ожидая подтверждения.

Даня кивнул.

- Она бы уже это и сделала, но очень хочет, чтобы ты одобрил её решение. Ты же не будешь против?

И Шура замолчала, ожидая его ответа.

- А она очень хочет увидеть маму? - через некоторое время спросил он.

- А ты очень хочешь видеть Бусеньку? - ответила вопросом она. - И бабушка хочет видеть твою маму ещё сильнее...

- Тогда она, так же как мама, больше не придёт?

- Нет. Оттуда никто не приходит, там всем хорошо, - сказала Шура. - Но когда ты вырастешь, придёт время, и ты встретишься там и с бабушкой, и с мамой.

- Когда? - уточнил он.

- Когда тебе нужно будет идти туда, - ответила Шура. - Но это ещё очень нескоро, - торопливо добавила она. - Так ты отпускаешь её?

- Если она так хочет, - неуверенно отозвался он.

- Ну вот, я так ей и передам... - вздохнула Шура и опять поднесла платок к глазам.

- А можно я напишу ей письмо? - вдруг спросил он.

- Письмо? - удивилась она. - Ну хорошо, напиши...

Получив от Шурочки всё необходимое для письма, он побежал в свою комнату и стал выводить на листе большие буквы, разрешая Бусеньке отправиться в рай и обязательно передать там маме, что придёт время, как сказала Шурочка, и он с ней встретится...

...Потом наступили замечательные дни, заполненные множеством событий, которые бывают летом, когда мир раздвигается так, что его трудно даже вообразить. И когда уже стало совсем тепло и

наступили самые короткие ночи, они всем семейством дядя - Филипп, мама Лиза, Саша, Шурочка и он - выехали в дом отца на Чёрную речку.

Отец был в отъезде по делам, но зато все остальные в большом доме были им рады, и дни завертелись в весёлых заботах и играх.

Скоро Даня исследовал все окрестности, определив свои любимые места. Больше всего ему нравилось ходить на реку. Вода, то янтарная в солнечных лучах, то коричневая под тенью белых облаков, то чёрная в пасмурный день, притягивала его, поражая непредсказуемой и всегда неповторимой игрой живых зелёных водорослей, неостановимым движением невесть куда и зачем. Он догадывался, что вставать на его пути бессмысленно, что любая преграда не остановит это движение, а лишь заставит воду растекаться в разные стороны, упорно стремясь к своей цели...

Он уже знал, что когда люди тонут, они также направляются по дороге в рай, где теперь уже бабушка встретилась с мамой. Однажды ему так захотелось их увидеть, что он уже совсем было решил спрыгнуть вниз с моста, но помешал дядя Филипп, который совсем его заискался, потому что уже было довольно поздно.

- Что же ты здесь делаешь? - удивился он его отстранённому выражению лица, отсутствующему взгляду.

И Даня сказал о том, о чём только что думал.

Дядя Филипп почему-то побледнел и, крепко взяв его за руку, по пути домой стал объяснять, что встречу с мамой и бабушкой нельзя ускорить, потому что эта встреча будет только тогда, когда настанет срок.

- А когда он настанет? - спросил Даня.

- Ну, этого никто не знает, кроме Господа, - ответил дядя Филипп. И добавил: - И кроме него никто не может определить точное время. Поэтому, если бы ты это сделал, ты бы никогда с ними не встретился.

И Даня, подумав, согласился с ним...

...Возвращались они домой раньше времени и вместе с Вадимом. Взрослые говорили, что отпуск пришлось прервать из-за войны, которая вдруг началась. И папа решил, что Вадиму лучше это беспокойное время пожить в городе. Добровы с ним согласились.

По возвращении братьев разместили в бывшей комнате Бусеньки. От неё здесь остались образа, сундук и ларец. Перед иконами стояли никогда не зажигавшиеся венчальные свечи их матери, в сундуке хранились её платья, а в ларце лежали бусы и ленты её украинских костюмов, напоминая братьям о их родстве с далёким предком Тарасом Шевченко.

Вадиму с младшим братом играть было неинтересно. Даня боялся высоты, не любил быстрых игр и вообще больше напоминал девчонку, чем друзей Вадима. Гимназия, куда его определили, ему тоже не понравилась, и он скоро заскучал и стал проситься обратно к отцу. И Добровы, поняв, что не могут его переубедить, отвезли Вадима обратно.

Даня не очень огорчился - у них с братом были разные игры. К тому же у него теперь было увлечение, о котором он даже сообщил отцу в письме.

«Дорогой папа! Поздравляю тебя с праздником. Как ты живёшь? У меня недавно болели грудь и горло. Я ужасно интересуюсь допотопными животными. Наш знакомый господин надиктовал мне разные названия животных. Там были и Атлантозавр, Протозавр, Телеозавр и многие другие.

У нас в школе завели собственную азбуку... Мне ужасно хочется, чтобы было лето. В Москве ужасные лужи, и так здесь плохо, что на трамваях по четыре стоят на последней подножке. Шура уедет на осень и на зиму в Тифлис актрисой. И она так рада, что не проходит минуты, чтобы она не накричала так, что в Петрограде слышно.

Целую крепко бабу Настю.

Как живёт Вадим? Его поцелуй тоже от меня.

Всё ли ещё Поляна спрашивает прохожих, сидит ли на ней Вадим? Неужели баба Настя играла в опере простого волка? На меня прямо на нервы влияет слово Пасха Х.В. Я её не могу дожидаться. Хотя у нас и светит солнце, всё-таки ужасно умопомрачительно плохо.

Я целую всех. Даня».

А ещё он не мог сдержаться, чтобы не поделиться своими творческими планам, и сообщил, что пишет два рассказа «Путешествие насекомых» и «Жизнь допотопных животных».

Пасха в этот первый год войны была ранней, в марте. Он писал это письмо, втайне надеясь, что тем самым ускорит её приход.

Как надеялся, что своими письмами солдатам на фронт ускорит окончание войны.

«Скоро кончится война, и мы все будем в городе и будем с тяжёлыми душами вспоминать о прошлом». «Так надоела эта война, что прямо кажется - умрёшь», - чётко выводил он, так, чтобы это было понятно солдатам.

Дядя Филипп теперь работал не только в первой градской больнице, но и в госпитале.

Гости теперь говорили в основном о положении на фронте и о возникающих в связи с этим трудностях в их жизни.

Но скоро к войне привыкли.

Следующим летом к ним неожиданно приехали отец с Вадимом.

Добровы снимали дачу в Бутово, и у них было достаточно свободного времени для общения. Взрослые довольно скоро переговорили всё, что считали важным, и отец стал больше времени проводить с сыновьями. Июльскими вечерами они втроем ходили гулять берёзовыми рощами к уходящим к горизонту полям. Когда-то отец гулял здесь с их матерью, и однажды по пути он стал вспоминать, где они останавливались, чем любовались. Наконец дошли до маленького, заросшего жёлтыми кувшинками и белыми водяными лилиями пруда, окружённого ивами и высокими стройными берёзами, куда когда-то счастливые влюблённые приходили купаться. И вдруг отец замолчал, остановился, затем быстро пошёл обратно...

На следующий день он уехал, хотя хотел прежде побыть несколько недель.

Восход души

В мире взрослых, который становился всё более понятным ему, происходили какие-то перемены. Но в доме Добровых всё так же многолюдно, шумно. Здесь непрерывно что-то варится, жарится и подаётся к завтраку, обеду, к чаю и просто так всяческим внеочередным гостям, которые обсуждают мировые проблемы, делятся новостями, говорят об искусстве и неизменно спорят. Гости теперь стали более громкими и раздражительными, чем прежде, часто споры приводят к разладу. Прежде обсуждали войну, а теперь всё больше революцию.

Даниил уже многих из них знал.

Иван Алексеевич Бунин был писателем, а Александр Николаевич Скрябин - композитором. Самым шумным и громкоговоросым был Фёдор Иванович Шаляпин, который, наведываясь после гастролей, всегда рассказывал о том, что видел и где бывал. Чаще всего заходила Надежда Сергеевна Бутова, тётя Надя. Она была актрисой и давала уроки Шурочке, мечтающей о театре. Но совсем не походила на других актрис, которых Даня видел, больше - на монахиню. Она была глубоко верующей и сосредоточенной на чём-то неведомом ему. И очень интересно рассказывала о православии.

А его крёстный, записанный в церковной книге некогда как «го-рода Нижнего цеховой малярного цеха Алексей Максимович Пешков», был, как и Бунин, писателем, но Даня уже знал, что на его крестинах тот не был, потому что находился за границей, но письменно уведомил о своём желании «быть крёстным отцом сына Леонида Николаевича Андреева - Даниила» и за него был брат мамы, дядя Павел, а крёстной мамой - мама Лиля.

Ему было уже одиннадцать лет, и он уже давно знал, что его любимую Бусеньку, заразившуюся от него, похоронили, прежде чем он окончательно выздоровел. Что его отец, известный писатель, наконец-то справился со своей «запойной» болезнью, так огорчавшей родных и близких, и совсем перестал выпивать. Он стал необычайно энергичен, охотно принимал участие в политических дискуссиях и вспоминал мятежное время, когда они с его крёстным добивались столь нужных прогрессивному обществу свобод и которое Даня не мог помнить, потому что он тогда только собирался родиться. И выходило, что свобод ещё было недостаточно и нужно было снова совершать революцию.

Наступил тысяча девятьсот семнадцатый год от Рождества Христова, споры и шумные разговоры уже вышли из квартир на улицы. И Даня ощущал беспокойство и ожидание чего-то страшного, но неизбежного впереди, которые охватили не только Добровых и их знакомых, но, кажется, разлились по улицам.

Впитывая этот, пока непонятный ему, ветер перемен, январским днём он записал в свою заветную тетрадь, которая уже постепенно заполнялась собственными сочинениями:

*Буду Богу я молиться,
Людам помогать,
А чудесная Жар-птица
Мне тоску свивать.*

Январь сменился февралём, царь отрёкся от престола, все громко стали говорить о свершившейся революции.

Дядя Филипп убеждал всех, что произошедшее, к лучшему, потому что перемены давно уже назрели и следует соответствовать цивилизованному миру, в котором сегодня всё более привлекает демократическая форма правления.

Отец тоже не скрывал своей радости, отметив эту дату в своём дневнике: «27 (т.е. 28) февраля 1917 г., 4 часа ночи. Нынче - 27 февраля 1917 г. Один из величайших и радостных дней для России. Какой день!»

Он не мог и не хотел скрывать своей причастности к свершившемуся: ещё до рождения Даниила, в феврале 1905 года, на квартире Андреева состоялось заседание ЦК РСДРП, за что Леонид Николаевич был арестован вместе с девятью членами ЦК партии и посажен в Таганскую тюрьму. И с того времени был под неусыпным вниманием жандармов. Тогда они и стали очень близки и дружны с Алексеем Пешковым.

Но этой убеждённости в долгожданных благих переменах хватило ненадолго. Теперь всё менялось настолько стремительно, что

не успели обсудить Керенского, как уже более интересными стали Ленин и Троцкий.

Потом темой разговоров стала карточная система: на карточку давали четверть фунта хлеба на человека в сутки. И не хотелось верить, как предрекали многие, что это ещё хорошо. Отец в Петербурге стал очевидцем большевистского переворота и ужаснулся ему. Отношения крёстного с отцом совсем разладились. Леонид Николаевич обвинил Горького в сотрудничестве с большевиками, которых считал губителями России. Теперь они - некогда близкие друзья - стали едва ли не врагами. Приняв февральскую революцию, Леонид Николаевич не принял её лидеров, в которых не видел достойных руководителей новой демократической страны. Возник проект патристической газеты «Русская воля», где он сначала был редактором трёх отделов, а немного спустя стал главным редактором, который писал: «По июльским трупам, по лужам красной крови вступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор, - громче приветствуй его, русский народ!» И далее, непонятое современниками и Даниилом: «Кто же ещё идёт за тобою? Кто он, столь страшный, что бледнеет от ужаса даже твоё дымное и бурное лицо? Густится мрак, и во мраке я слышу голос: «Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнём и соберёт пшеницу в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым». Антибольшевистская газета просуществовала всего девять месяцев, как неспособный к жизни эмбрион, только до октябрьского переворота и прихода к власти большевиков.

Но это всё проходит мимо Дани, хотя отзвуки политических баталий, в которых принимает участие отец, - предмет частых обсуждений взрослых. У него полно своих забот и дел...

Потом наступил новый год уже в новом государстве. На какое-то время темой разговоров становится введение нового календаря, когда первое февраля вдруг сразу стало четырнадцатым.

Дольше всего обсуждали знамение, когда в заходящем солнце над Москвой обозначился багровый крест. По мнению большинства, он не предрекал ничего хорошего.

Совсем недолго говорили о переезде большевистского правительства в Москву, дольше - о том, что верующих не пустили на Пасху, в этот раз позднюю, 4 мая, в Кремль.

А летом дошли слухи о расстреле царя...

Одним словом, событий было так много и они менялись с такой быстротой, что даже рисунки, которыми теперь Даниил отражал взволновавшие его события, быстро теряли свою актуальность. И тем не менее он рисует. Только уже не сибаритствующего дядю Филиппа с его сутуловатостью, густыми бровями, бородкой клиныш-

ком, которую он любил поглаживать сверху вниз, словно собирая в щепотку, и не оригинальную подругу Шурочки, налысо выбритую загадочную Эсфирь (она ходила в мужском костюме, и её небольшая, не по-женски лысая голова непроизвольно притягивала взгляд и вызывала желание ощутить колючесть упорно отрастающих волос), а брюхатого господина с рукой в кармане и тощего - с тросточкой. И пишет их диалог:

- Василий! Ты мой дворник бывший?!

- Ишь буржуй, худышкой стал! А во-вторых, какой я тебе дворник? Кто старое вспомнит - тому глаз вон.

- А вот мы, Василий, настоящее вспоминаем, ты теперь будешь буржуй, ты, мой дворник.

Взрослые картинку обсудили, соглашаясь, что устами младенца отражается та самая истина. А потом дядя Филипп, как всегда, сел за рояль, и то, что было там, за стенами дома, уже не казалось таким пугающим...

Но уверенности дяди Филиппа, и не только его, в прекрасном будущем уже очевидно поубавилось. К тому же ощутимо менялся привычный образ жизни: даже пациенты стали обращаться меньше к своим докторам, словно совсем перестали болеть. Надо было на чём-то зарабатывать, чтобы содержать семью, и доктор Добров составил рецепт дрожжей, благотворно действующих на организм. Стоили они недорого, а отклики первых больных оказались настолько хороши, что желающих их заказать становилось всё больше. Сам дядя Филипп уже не успевал их разносить по адресам, и тогда Даня вызвался помочь. А с ним охотно согласилась бегать по Москве Танечка Оловянишникова, которую он знал столько же, сколько помнил себя. Она жила рядом, была верным другом во всех играх и делах. Вдвоём они обошли почти всю Москву, приобретая привычку к неспешным прогулкам по её улицам с внимательным разглядыванием и обсуждением всего, что встречалось на пути.

Но более всего Даниила тянуло в Кремль. Сердце Москвы - Красная площадь с собором Василия Блаженного - было для него олицетворением Горнего мира, а Большой театр - исключительно земным порождением. Это было особое место, которое он остро чувствовал, но не мог объяснить почему.

А ещё он любил гулять в Нескучном саду...

И было интересно путешествовать на дребезжащем трамвае по Арбату, окидывая взглядом пёструю публику, которой всегда здесь много.

Вообще, на трамвае можно было многое объехать, и он пользовался этой возможностью, чтобы увидеть незнакомые ему уголки Москвы.

А ещё у него был свой мир. Он так и написал в предисловии, которое должно было разъяснить читателю, как относиться к тому, что они прочтут. «Автор сочинения «Юнона» имел целью позабавить молодёжь своеобразной и оригинальной выдумкой «Мой собственный мир»... Лишь некоторые дети придумывали от скуки подобные вещи... Автор сочинения «Юнона» фантазирует, что где-то в бесконечных полутёмных пустынях Вселенной есть уголок с почти такой же, как и наша, планетой. Эту планету, которую он окрестил именем Юнона, т.е. богиня плодородия, населяют такие же люди, как мы сами».

По вечерам, укладываясь в постель, а нередко и днём, отвлекаясь от скучного урока в гимназии, он уносился мыслями на свою планету, пристально разглядывая её поверхность, открывая уклад жизни, знакомясь с правителями государств, портреты которых он рисовал и развешивал на стенах своей комнаты.

Ему не нужна была большая планета, которую трудно охватить взглядом, и он решил, что Юнона значительно меньше Земли. А следовательно, она быстрее вращается и её год тоже меньше и составляет всего 64 земных дня. Но так как она всё же похожа на Землю, значит, материков на ней также пять, только маленьких. И государства очень похожи на земные, они также или торгуют, или воюют, захватывая чужие территории, а управляются они по-разному. У них даже боги разные.

И этих богов он тоже рисовал.

Теперь в его комнате было тесно от всяческих событий, происходящих на Юноне, и от правителей тамошних государств...

И ему было интересно и радостно придумывать, как от главы к главе он будет описывать, что в его мире на Юноне происходит. Все события должны были завершиться путешествием по Вселенной с посещением Луны, Марса, на котором есть жители и о них он тоже расскажет, затем мимо Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна корабль долетит до звезды Альфа, в систему которой Юнона и входит, и там будет...

Нисколько не сомневаясь, он предположил, что там его путешественники увидят рай, в котором теперь мама и Бусенька...

Но как тот должен был выглядеть, представить никак не получалось, отчего вдруг возникли сомнения, и он написал в плане своего сочинения: «Что это - рай?» А затем добавил ещё одну, последнюю главу «Ай! А это - ад!.. ай!», посчитав, что она также необходима, но пока не определив, кого из знакомых там увидит...

Но был и другой мир, в котором он не был летописцем, как в своём.

...О смерти Леонида Николаевича Андреева Добровы узнали слишком поздно, чтобы успеть на похороны. Да и Финляндия была

уже заграницей, и время было не для поездок, поэтому он не видел отца в гробу. Но представляет, как это было сентябрьским днём 1919 года, когда уже больной, но всё ещё настроенный воевать с большевистской идеологией отец покинул этот мир, отправившись вслед за мамой и Бусенькой по дороге в рай.

Во всяком случае, он надеялся, что в рай, хотя никогда не был с отцом по-настоящему близок...

Добровы выбрали для него частную гимназию. Здесь он увидел Галочку Русакову. Они учились в одном классе, и он довольно скоро понял, что она и есть главная героиня его сочинения и даже его жизни. Всё в этой девочке привлекало его. Ему хотелось видеть её постоянно, но они виделись только в классе, у неё были другие интересы и ей нравились другие мальчики. А он грезил, как они, взявшись за руки, будут гулять по тем местам в Москве, которые так дороги ему...

Правда, время было уже не для гуляний - на улицах стреляли, грабили, убивали... На смену одним правителям так стремительно приходили другие, что трудно было разобраться, кто и куда ведёт страну. Наконец верх взяли большевики, на улицах стало много людей в шинелях и штатских в кожанках и с оружием. Какое-то время гимназия ещё работала как прежде, потом становилось всё труднее придерживаться прежнего распорядка, многие учителя и гимназисты ушли из неё: первые - по причине ненужности их предметов или по нелояльности к новой власти, последние - не видя смысла в продолжении обучения. Всё, что происходило теперь вокруг, было так непостижимо интересно, что заветная тетрадь с «Юноной» была забыта. Но зато другая, куда он записывал стихи, теперь часто открывалась...

Свои чувства к Галочке он держать в себе не мог. И какое-то время ему казалось, что она тоже испытывает к нему - пусть и не такое всепоглощающее, как у него - ощущение благодарной нужности. Ей было интересно с ним разговаривать, он это видел. Но видел и то, как она провожала взглядом других гимназистов, особенно тех, кто был старше. Иногда она, не задумываясь, что делает ему больно, спрашивала:

- Данечка, скажи, а вот этот мальчик такой же умный, как ты?.. Мне кажется, он тоже пишет стихи...

Он сердито поджимал губы и коротко бросал, что этот мальчик ему незнаком, но привлекательная внешность не всегда говорит об уме.

- И у девочек тоже? - в отместку спрашивала она, не сомневаясь, что в девочках главным для мальчиков как раз является внешность.

Но он не соглашался, потому что уже понимал очарование умной женщины, даже если та и не была красавицей. Такой в его памяти осталась Бусенька. Такой была мама Лилия. И даже Шурочка, удивлявшая экзотичностью своих нарядов, поступков и суждений. Правда, она готовилась стать актрисой и её поведение он считал исполнением ею же выдуманных ролей.

Но были и другие заботы и игры, в которых каждый старался самоутвердиться перед сверстниками, иногда ссоры и даже драки, которых он старался избегать, но если не получалось, поступал, как и положено мальчишке.

А ещё дух гимназии, в которой учителя позволяли ученикам раскрыть свои способности, много споров и эксперименты. Так, однажды заспорили, сколько груза поднимут воздушные шары. В складчину купили связку шаров и стали искать, что привязать. Мимо пробегала дворовая собачка. Кто-то предложил использовать её вместо груза. Эта идея всем понравилась, потому что позволяла увидеть, как поведёт себя живое существо, когда оторвётся от земли. Пёсика подманили и привязали шары. И неожиданно для всех спорщиков те подняли собаку до второго этажа, и она с громким лаем, пугая прохожих и удивляя выглядывающих из окон жильцов, летела вдоль переулка, пока шарики не перестали её держать...

Они переходили из класса в класс, взрослея и не очень-то вникая в круговерть вокруг, потому что в гимназии, которая умудрилась сохраниться, что возможно было только благодаря влиянию родителей гимназистов и покровителей, которые, кто искренне, а кто по необходимости, приняли новую большевистскую власть, занятия шли не прерываясь. Добровы же большевиков то принимали, то не принимали, в отличие от крёстного Даниила, который был на короткой ноге с их вождём Лениным. Но так же, как и прежде, этот дом был открыт для гостей, куда теперь они тянулись особенно в осенние и зимние холодные вечера, потому что у Добровых всегда было тепло: пациенты доктора часто расплачивались дровами. Правда, теперь это были не друзья и ровесники хозяев, а молодые и азартные сверстники Шурочки.

У большевиков сторонников становилось всё больше и больше. Было холодно и голодно, и всем хотелось уже спокойствия, а не перемен.

Леонид Николаевич эмигрировал в Финляндию. Он был всё так же категоричен и непримирим: «Большевики не только опоганили революцию, они сделали больше: быть может, навсегда убили религию революции. Сто с лишним лет революция была религией Европы, революционер - святым в глазах врагов... Ясно, что Бог ушёл из революции и превратилась она - в занятие».

Большое семейство Андреевых в Финляндии бедствует. Посланец передаёт Леониду Андреевичу предложение Горького дорого продать сочинения издательству, которое тот организует. Но отец отвергает это предложение своего старого и, как оказалось, милосердного к идейному противнику друга-врага.

Что касается Даниила, то он относился к происшедшим переменам и к новой власти вполне лояльно, веря в то, что со временем всё станет лучше, хотя изучение истории революции в той же Франции не располагало к оптимизму.

В дела отца он особо не вникал, они виделись с ним в последний раз в начале 1918 года. Но имя писателя Андреева было у всех на устах, и Даниилу стоило немало трудов, чтобы в какой-то мере отстраниться и от отца, и от Горького, который становился всё более известным и влиятельным деятелем уже новой России.

Главным объектом интереса теперь была обворожительная Галочка или, когда она не обращала на него внимания, другие повзрослевшие и такие притягательные девушки. Галочка была лучше всех, но она честно сказала ему, что ей нравятся другие и они могут быть только исключительно друзьями. И он согласился быть её другом, нежно обожавшим и не оставившим надежду когда-нибудь стать и любимым...

Он писал теперь стихи в первую очередь именно для неё, видя её облик перед собой, такой воздушно-притягательный, светлый... Но не всегда решался ей их прочесть.

Ему было уже почти пятнадцать лет, вокруг все менялось динамично и труднообъяснимо. Теперь в его жизни были неразделённая любовь и притягательные Шурочкины подруги и знакомые.

Так и не ставшая актрисой из-за боязни сцены, что чрезвычайно удивило всех её знакомых, она прекрасно чувствовала себя среди интеллектуальной публики, представая перед гостями то загадочной персиянкой, то недоступной египтянкой. И к друзьям старших Добровых: писателю Борису Зайцеву и его жене Вере Алексеевне, актрисе Надежде Сергеевне Бутовой, подруге Елизаветы Михайловны (правда, она теперь бывала совсем редко, болела), вдове композитора Скрябина Татьяне Фёдоровне, пианисту Игумнову, с которым Филипп Александрович любил играть на рояле в четыре руки, - добавились друзья Шурочки. Подолгу жили здесь болезненная Эсфирь, Виктор и Вера Затеplinские, впечатлительная Варя Мирович, которую все звали Вавой. Самая интересная и непредсказуемая - Эсфирь, которая чаще бывает раздражённой, чем умиротворённой, и вечно с кем-то конфликтует. Но она здесь давно и уже своя. А Виктора, быв-

шего офицера, вдруг арестовали, отчего Вера стала безутешной и тоскливой.

Иногда заходили Владимир Маяковский, Лиля Брик, Марина Цветаева.

Вновь объявившаяся Олечка Бессарабова, когда-то бывшая воспитательницей Даниила, а потом подруга Шурочки, познакомила их со своим братом Борисом, который воевал, был ранен и после госпиталя командирован в военную железнодорожную организацию столицы. Он был большевиком и очаровал Марину Цветаеву (её встретил на одном из собраний у Шурочки, пикировавшуюся здесь с громогласным и загадочным Маяковским, уже слывшим первым поэтом нового времени). Цветаева, претендующая также на это звание, однажды вечером прочла стихотворение, посвящённое Маяковскому. Это стихотворение было неинтересным, оно неловко скрывало завистливую насмешку и не запомнилось Даниилу. А вот ответ Маяковского был короток и отменен: «Поэты града Московского, к вам тщетно взываю я - не делайте под Маяковского, а делайте под себя!»

Даниил с Ариадной Скрябиной, дочерью композитора и его сверстницей, также пристрастной к сочинительству, тоже читали свои стихи, заслуживая поощрительного одобрения.

Иногда заходил к гостям и Александр Добров, высокий, стройный, красивый, неотразимый для женщин трепетных, в основном балерин и актрис. Интеллектуальные разговоры его мало прельщали, он предпочитал обольщать внешностью, поэтому долго не задерживался, убегая к очередной своей поклоннице.

Шурочкины гости все были старше Даниила, и у них были свои симпатии. Цветаева соблазнилась Борисом Бессарабовым: «Коммунист... Без сапог... Ненавидит евреев... В последнюю минуту, когда белые подступали к Воронежу, записался в партию. Недавно с Крымского фронта... Отпускал офицеров по глазам...

Слывёт дураком... Богатырь... Малиновый - во всю щеку - румянец - кровь выиграла! - вихрь неистовых - вся кровь завилась! - волос, большие, блестящие как бусы, чёрные глаза...»

А Шурочке понравился Александр Коваленский. Теперь в доме Добровых часто собирались три Александра: сама Шурочка, её младший брат Александр и жених.

Коваленский был увлечён мистикой и находил некий мистический смысл во всём происходящем в России, и он нравился Даниилу больше всех.

Впрочем, Россия теперь воспринималась как-то отстранённо, столичные жители были озабочены решением собственных проблем,

привыканием к новой власти и к новым условиям существования. По инерции ещё ходили друг к другу в гости, но столы становились всё менее хлебосольными, а разговоры менее оптимистичными: где-то на окраинах новой советской России шла война, в которой русские убивали русских.

А в доме Добровых всё ещё старались жить как прежде: Елизавета Михайловна всё так же проводила дни на кухне за стряпнёй для семьи, приживалок и гостей, Филипп Александрович свободное от пациентов время - в латыни, в стихах... Шурочка теперь была главным истопником, она отвечала за тепло, за печи. Даниил же весь обитал в своём творчестве и в своей юной жизни, отчего в его лице многие видели следы напряжённой работы мысли, подтверждавшие одарённость мальчика, превращавшегося в юношу.

Ему уже исполнилось пятнадцать лет. И у него есть свои тайны и откровения. Как отметила проникательная Вава: «Ты, Данечка, один у нас в эмпиреях живёшь...»

И он действительно не замечает, как вымоталась Елизавета Михайловна, мама Лиля, которая жалуется на сердечные боли, как мечется Шурочка, которая всё собирается куда-то уехать от всех. Даже не замечает то, что дом словно взбунтовался: то прорвало водопровод, то обвалился потолок, то испортилась плита, то вдруг оказалось, что закончились дрова...

Он знает, что в этом доме его все любят. Это особенно проявляется, когда он болеет.

Но его больше волнует другое. Кроме Ариадны. Но об этом мало кто знает.

...Однажды августовским вечером он бесцельно бродил по улицам, мечтая и загадывая свою будущую жизнь. Остановился в одном из скверов возле храма Христа Спасителя, очарованный видом, открывшимся перед ним: река, Кремль и Замоскворечье с его десятками колоколен и разноцветных куполов. Звонили к вечерне... и вдруг ему стало очевидно, что сейчас над ним и над всем окружающим миром есть другой, бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывавший всю историческую действительность России в странном и пока непонятном ему единстве с чем-то неизмеримо большим над ней... И понимание того, что задуманный им, но так и не описанный мир Юноны, и грёзы о Галочке, и все его планы - это всё приходит оттуда...

Вся обыденность вокруг него, всё уже познанное вступило в противоречие с этим вдруг открывшимся прозрением. Оно было сильнее. Оно всё более охватывало его, наделяя не только новым знанием, но и неведомой прежде силой... Он уже определился, чем бы хотел заниматься. Не обладая музыкальным слухом, как дядя

Филипп, который радовал гостей замечательной игрой на рояле, он удивлял всех окружающих своими чувством слова. Они поражались его рассказам об оттенках и многослойности слов и фраз, а он удивлялся тому, что они не слышат, не понимают очевидной магии слова...

Но и в суетной жизни тоже были события радующие. В середине февраля в год пятилетия революции состоялось венчание-свадьба Шурочки и Коваленского. Шурочка вся светилась от счастья и явно была в восторге от теперь уже мужа, который был и умён, и молод, на пять лет моложе невесты, и изящен. Он был троюродным братом Александра Блока, которого Даниил считал величайшим поэтом. И несмотря на молодость, в суждениях мог бы дать фору профессорам. Он начинал учиться на медицинском факультете в университете, но скоро увлёкся физикой и аэродинамикой и занимался у Жуковского.

На праздничном ужине были родные и близкие, в том числе Варя Минович, сестра Коваленского Мария и её муж, Сергей Соловьёв, внук историка Соловьёва и двоюродный брат молодого мужа, профессор-филолог Грушка и отец Виктора, профессор-математик Коваленский. Разговор за столом зашёл о Флоренском. Затеяла его Минович, которая находилась под впечатлением его трудов, и вдруг оказалось, что почти все присутствующие знали Флоренского. Филипп Александрович видел его у Бердяева, остальные в иных местах, но все отдавали должное его уму и обаянию.

Даниил, которого те, кто его давно не видел, нашли повзрослевшим, а женщины милым, с интересом слушал блистательный рассказ филолога и убедительные выводы математика и давал себе обязательство познакомиться с трудами Флоренского.

А следующий день - день рождения Александра Доброва - опять собрал гостей. Но на этот раз всё было, как бывало прежде: говорили о мистике жизни и о мистике в этом доме, Коваленский - о несомненном влиянии героев своих рукописей на реальность, потом читал свои стихи. И, наконец, Филипп Александрович и адвокат Вильгельм Юльевич Вольф играли Вагнера в четыре руки.

А спустя месяц дом переживает настоящее столпотворение: Шурочка, её молодой муж и отец и мать мужа перебираются сюда жить. Из вещей во всех комнатах - настоящие дебри, в которых бродят люди. Кроме больного Александра Доброва. Он лежит в своей комнате среди книг и гравюр. Не так давно приехавшая из Воронежа Ольга Бессарабова заходит к нему поднять настроение.

- Саша, все бегают как ветры-зефиры. У меня есть десять свободных минут. Говорите, не нужно ли вам что-нибудь сделать, принести, устроить, принять.

- Посидите со мной эти десять минут, а то я ошалел от топота и грохота и переселения народа.

- Тогда я лучше тут у вас наведу порядок.

И раскладывая книги по шкафам, находя место гравюрам, слушает Александра, мечтающего о тепле, о юге, о даче...

Возвращение Оли на руку Даниилу.

Через несколько дней он, маясь от зубной боли и желания бежать по своим делам, выполняет задание - мелет ячмень на кофейной мельнице для пивных дрожжей.

Ольга не может смотреть на его страдающее лицо, забирает у него, не очень-то и сопротивляющегося, мельницу.

- Лети уж, страдающая птица...

И тот не может скрыть радости, но обещает обязательно отработать.

Но выручает она его не так уж и часто, потому что постоянно живёт в Сергиевом Посаде и бывает в Москве наездами. Да и больше времени проводит с Коваленскими - всё не наговорятся об оккультизме. Он и сам любит слушать Александра Коваленского: так много тот знает, так интересно рассказывает...

Иногда Ольга приносит странные новости. Вот в последний раз рассказала, что видела на платформе Маяковского в окружении молодёжи. Сказала, что выглядел он очень хорошо: высок, строен, коротко стрижен... А её знакомая рассказала, как на даче четверо мужчин несли Лилию Брик на простыне голую после купанья в реке, а Маяковский шёл рядом и поливал её водой из лейки.

А вообще она благоговеет перед Коваленским - «прозрачным от «предстательства» перед Богом за Люцифера», и очень подружилась с Александром, которого пытается отвратить от кокаина, анаши и прочих плохих пристрастий. Хотя Даниилу кажется, что она просто в него влюблена. Она не скрывает, что он «сверхъестественно красив».

Но в начале февраля, через год после Шурочкиной свадьбы, женится и Саша Добров. На Ирине Филатовой, которой всего-то шестнадцать лет, легонькой, тоненькой... но совсем не похожей на обитателей этого дома. Она некрасива, но в ней есть какое-то очарование. Их с Александром связывает слабость к бездумной жизни. И Шурочка, подавшись за столом к мужу, Олечке Бессарабовой и Дане, предложила тайный тост «за просветление двух душ». И все, глядя на молодых, подумали о том, что непросто будет Александру жить в непривычной ему среде, явно не склонной к душевным разговорам, в семье Ирины, так настояла тёща...

Вдруг у Коваленского обнаружился туберкулёз позвоночника, эскулапы долго решали: замуровывать его в гипс или же надеть кор-

сет. Даниилу тоже не хотелось, чтобы тот был лишён возможности двигаться, и он порадовался, когда консилиум решил, что достаточно корсета.

В 1923 году Даня и его сверстники покидают стены уже не гимназии - советской школы. Им по семнадцать и восемнадцать лет, и отныне их пути разойдутся. Но пока они все вместе и у них есть КИС: кружок исключительно симпатичных - кружок друзей, который сложился к последнему классу. В него, помимо Танечки Оловянишниковой, вошли Леночка (Нэлли) Леонова, Ада Магидсон, Галя Русакова, Лиза Сон, Юра Попов, Кирилл Щербачёв, Борис Егоров. И после выпускного они едут в именнице Леоновых в село Осинки, недалеко от озера Сенеж. Играют в крокет, бегают в озеро купаться, бродят по окрестностям, острят... и они с Адой творят «Осиниаду».

*«Порой весёлой сентября
Желаньем шалостей горя,
Три восхитительные рожи
Помчались к берегам Сенёжа,
Кирилл, Данюша и Елена...»*

Они спят на сеновале, поделив его на мальчишечью и девичью части, временами пытаюсь границу сломать, выплёскивая симпатии друг к другу в долгих вечерних прогулках, путешествуя по звёздному небу, когда звёзды выглядывали из-за осенних туч... И каждый пытался отгадать свою судьбу и предсказать будущее друзей...

Галочка, вероятнее всего, скоро выйдет замуж. Может быть, даже за нравящегося сейчас ей Юру Попова.

Возможно, и он встретит ту, которая сможет заменить ему её. Но он не может не выразить всё накопившееся за эти годы безответной любви, не пробросить в будущее их отношения именно такими, какими он их видит и какими они обязательно должны остаться, несмотря на то, что с ними может случиться и какими они станут.

Потом он ещё не раз возвращается к набросанным тогда строкам, находя в них изъяны и добиваясь предельной точности томивших его чувств.

*Над зыбью стольких лет незыблемо одна,
Чьё имя я шептал на городских окраинах,
Ты, юности моей священная луна,
Вся в инее, в поверьях, в тайнах.
Я дерзок был и горд: я рвался, уходил,
Я пел и странствовал, томимый непокоем,
Я возвращался от обманчивых светил
В твои душистые покои.
Опять твоих волос прохладная волна*

*Шептала про ладью, летящую над пеной,
Что мимо островов несётся, пленена
Неотвратимую изменой.
Ты обучала вновь меня моей судьбе -
Круговращению ночей и дней счастливых,
И жизни плавный ритм я постигал в тебе -
Приливы моря и отливы.
Союзу нашему, привольному, как степь,
Нет имени ещё на языке народном.
Мы не твердили клятв, нам незнакома цепь,
Нам, одиноким и свободным.
Кто наши судьбы сплёл? когда? в каком краю?
Туман предбытия непроницаем взору,
Но верность странную хранил я и храню
Несказанному договору.
Неясны до конца для нас ни одному
Ни устье, ни исток божественного чувства,
И лишь нечаянно блик озаряет тьму
Сквозь узкое окно искусства.
Да изредка в ночи пустынная тоска,
Роясь, заискрится в твоём прекрасном зоре, -
Печаль старинных царств, под золотом песка
Уснувших в непробудном море.
Тогда смущенье нас и трепет обоймёт,
Мы разнимаем взор, молчим, страхась ответа,
Как будто невзначай мы приоткрыли вход
В алтарь, где спит ковчег завета.
Одна и та же мысль пронзит обоих нас,
И жизнь замедлит шаг - нежнее, чутче, строже,
И мы становимся друг другу в этот час
Ещё дороже.*

В прошлом остаётся школьная светлая, несмотря на неразделённую любовь, пора познания мира чувств и мира вокруг. Теряется в пространстве, но не в его существовании и Галочка. Он не сомневается, что ему делать дальше.

Антитеза

Он не задумывался, какие отношения связывают отца и его крёстного: оба они были далеки от него, и он нечасто ощущал их участие в своей жизни. Но всегда хотя и незримо, но весомо было родство этих двух людей. Теперь он начинал догадываться, что это духовное родство вытекает отнюдь не из земных отношений, хотя

внешне кажется, что именно так, а является следствием каких-то более важных и могущественных связей. Одно время он огорчался от того, что его крёстным был Горький. Ему казалось, что тот не так искренен в жизни, как его уже ушедший из этого мира отец. Но в шестнадцать лет, когда он увидел воспоминания об отце, вышедшие благодаря дяде Лёше, он уже мог оценить столь неожиданный поступок того.

Ещё большей неожиданностью было то, что, оказывается, узнав о смерти отца, Горький не смог и не захотел скрыть слёз. И во всеулышание заявил, хотя это было не совсем безопасно, что это был его единственный друг.

И это было неожиданно для Даниила. Может быть они и были друзьями до его рождения или когда он был маленьким, но из суждений взрослых он знал, что они были людьми полярных взглядов, и видел их ожесточёнными противниками. Теперь же, когда прочёл воспоминания, удивился: оказывается, они были две половинки единого целого, как ночь и день единых суток. В вышедшей к трёхлетию смерти отца «Книге о Леониде Андрееве» Горький откровенно, а точнее даже будет сказать - исповедально, рассказывал не только о человеке, которого он считал своим другом, но и о себе.

Да, они были разные люди с разным видением этого мира. Спорили, словно непримиримые противники. Горький, как сам признавался, жил в мире мысли, веря исключительно в её силу, в человека. Отец же воспринимал мысль, как «злую шутку дьявола над человеком», а человека, «сплетённого из непримиримых противоречий инстинкта и интеллекта», духовно нищим.

Отец был нетерпим по отношению ко многому в человеческой натуре. И часто бывал несправедлив по отношению даже к родным. Но порой Даниил соглашался с тем, что отец именно его винит в смерти матери, поэтому и отдал его в чужую семью. Впрочем, Добровы уже давно не были ему чужими, теперь это была его семья, его отец Филипп и мама Лиля, брат и сестра. И всё же эта мысль не оставила его, не ушла бесследно и словно отгородила их с отцом друг от друга, лишив какой-либо близости и, тем более, взаимопонимания.

Теперь же, вчитываясь в строки этой неожиданной книги, он узнавал своего отца, глядя на него глазами других людей и, прежде всего, своего крёстного, последние сочинения которого он не только не понимал, но и не принимал.

Он даже кое-что подчёркивал в тексте.

«Ты врёшь, что тебя удовлетворяет научная мысль,- говорил он, глядя в потолок угрюмо-тёмным взглядом испуганных глаз. - Наука, брат, тоже мистика фактов: никто ничего не знает - вот истина.

А вопросы: как я думаю и зачем я думаю - источник главной муки людей. Это самая страшная истина!»

И соглашался с отцом и не соглашался с крёстным, понимая, что тот в уничижение чужой и в угоду своей философии описывает своего друга-соперника заведомо слабым - у отца никогда не было испуганных глаз, в споре они у него горели и смотрели куда-то в неведомое собеседнику.

«Высшее и глубочайшее ощущение в жизни, доступное нам, - судорога полового акта. Да, да! - приводил Горький слова своего друга, опять же вызывающие сомнение. - И, может быть земля, как вот эта сука, мечется в пустыне вселенной, ожидая, чтобы я оплодотворил её пониманием цели бытия, а сам я, со всем чудесным во мне, - только сперматозоид».

«Ну конечно же, он подобными откровениями неосознанно старается возвыситься», - подумал Даниил.

И ему было это неприятно.

На самом деле, может быть, и не было того пьяного разговора. А если и был, то не совсем такой, не в тех словах, в которых теперь зачем-то его вспоминал крёстный. Хотел показать чужую гордыню? Но разве так поступают с друзьями?

«Я, брат, декадент, выродец, больной человек. Но Достоевский был тоже больной, как все великие люди. Есть книжка - не помню, чья - о гении и безумии. В ней доказано, что гениальность - психическая болезнь. Эта книга испортила меня. Если бы я не читал её, я был бы проще. А теперь я знаю, что почти гениален, но не уверен в том, - достаточно ли безумен?»

Он вновь и вновь перечитывал эти, кажущиеся предельно честными откровения Горького, и его покидало чувство благодарности, которое он испытал, увидев книгу. И всё явственнее требовал ответа вопрос: что же связывало столь непохожих, фактически антогонистов, людей. Неожиданно пришла мысль: может быть, таким образом Горький соотносил себя с тем, что считал гениальностью?

Даниил знал, что их отношения - он и теперь не мог назвать это дружбой - начались с публикации отцовского рассказа «Бергамот и Гараська», от которого, как писал Горький, «повеяло крепким доверием таланта».

Так, может быть, это вечное соперничество, которое присутствует во всякой любви. Соперничество Моцарта и Сальери...

И отец это чувствовал.

А Горький, не осознав, что это его саморазоблачение, взял и увечил эту правду:

«Я боюсь тебя, злодей! Ты - сильнее меня, я не хочу поддаваться тебе.

И снова серьёзно:

- Чего-то не хватает мне, брат. Чего-то очень важного, а? Как ты думаешь?

Я думал, что он относится к таланту своему непростительно небрежно и что ему не хватает знаний.

- Надо учиться. Читать, надо ехать в Европу...

Он махнул рукой.

- Не то. Надо найти себе бога и поверить в мудрость его...

Как всегда, мы заспорили. После одного из таких споров он прислал мне корректуру рассказа «Стена». А по поводу «Призраков» он сказал мне:

- Безумный, который стучит, это - я, а деятельный Егор - ты. Тебе действительно присуще чувство уверенности в силе твоей, это и есть главный пункт твоего безумия и безумия всех подобных тебе романтиков, идеализаторов разума, оторванных мечтой своей от жизни».

И Даниил был благодарен Горькому за это признание в собственном безумии и от этого ещё больше уважал отца, сожалея, что не имел счастья вести с ним подобные беседы. Может быть, потому что был мал. А может, по какой другой причине...

«Я знаю, что бог и дьявол - только символы, но мне кажется, что вся жизнь людей, весь её смысл в том, чтобы бесконечно, беспредельно расширять эти символы, питая их плотью и кровью мира. А вложив все, до конца, силы свои в эти две противоположности, человечество исчезнет. Они же станут плотскими реальностями и останутся жить в пустоте вселенной глаз на глаз друг с другом, непобедимые, бессмертные. В этом нет смысла? Но его нигде, ни в чём нет».

Эту фразу Даниил выделил особо, ещё до конца не постигнув её смысла, но отчего-то зная, что обязательно к ней вернётся.

А ещё он подчеркнул с улыбкой и удивлением:

«...И, наконец, русский писатель обязан быть либералом, социалистом, революционером - чёрт знает чем ещё! И всего меньше - самим собою.

Усмехаясь, он добавил:

- По этому пути шёл мой хороший приятель Горький, и - от него осталось почтенное, но - пустое место. Не сердись».

И Горький представился ему грешником, который вот так исповедально пытался всенародно покаяться...

Теперь Даниил более всего близок с Коваленским. Тот всё ещё ходит в корсете. К тому же у него обнаружилась эпилепсия. Даниилу семнадцать, Коваленскому - двадцать шесть, и он жалуется всем

знакомым, что до сих пор ничего не сделал в жизни значимого и не стал чем-нибудь... Но для Даниила он прежде всего поэт. У него необыкновенный творческий ум, эрудиция, музыкальный вкус, хорошо играет на фисгармонии, рисует. Он очаровывал самого скептически настроенного собеседника, не скрывал своих мистических убеждений, и знакомые женщины влюблялись в него, а заодно и в Шурочку. Ольга Бессарабова не скрывает своего обожания и по возможности приезжает к ним из пригорода, и тогда они говорят ночи напролёт...

Шурочка мужа обожает и даже перестала любить театр, который тот не признавал. И зовёт его ласково «Биша», чтобы отделять от других Александров. А тот, в свою очередь, стал Даниила, с которым быстро сошёлся, звать «Брюшон».

Коваленский писал стихи в стол, не надеясь на публикацию и читая только самым близким людям. Даниил любил эти вечера читок:

*«... Но папоротник абажура
Сквозит цветком нездешних стран...
Бывало, ночью сядет Шура
У тихой лампы на диван.
Чуть слышен дождь по ближним крышам,
Да свет каминный на полу
Светлеет, тлеет - тише, тише,
Улыбкой дружеской - во мглу.
Он - рядом с ней. Он тих и важен.
Тетрадь раскрытая в руке...
Вот плавно заструилась пряжа
Стихов, как мягких струй в реке.
Созвездий стройные станицы
Поэтом-магом зажжены,
Уже сверкают сквозь страницы
«Неопалимой купины».
И разверзает странный гений
Мир за мирами, сон за сном,
Огни немыслимых видений,
Осколки солнц в краю земном...»*

«Неопалимая купина» - это поэма Коваленского. Для своих.

А ещё Коваленский писал детские стихи. Для всех.

И Даниил хотел быть похожим на него и так же легко писать...

Он собирался поступать в университет, но, несмотря на то, что вышла книга об отце и тем самым как бы тот был признан новой властью, он был уже «сыном контрреволюционного писателя», и таких даже не допускали к экзаменам.

Поэт Брюсов только основал литературный институт, в который охотно поступали даже наследственные поэты. Здесь учились Игорь Дельвиг, потомок поэта и друга Пушкина, внучка издателя Лена Сытина, дети менее известных, но имеющих отношение к литературе людей, и Даниил решил пойти туда, не сомневаясь в своём поэтическом призвании.

...Сочельник 1924 года встречали большой компанией у искусствоведа Анатолия Васильевича Бакушинского, который был хранителем галереи, устройтелем выставок и преподавал Даниилу. Пришли Коваленские, Добровы, Александр с Ириной, Даниил, Оля Бессарабова и другие знакомые хозяина. За столом сели так, что один его конец был занят гостями пожилыми и солидными, другой - молодыми. Говорили, как всегда, в основном об искусстве, и, может, поэтому женщины посплетничали и об облике мужчин. Александр Добров всеми без исключения был признан самым высоким и самым красивым. Коваленский - самым умным. Что же касается Даниила, то Вавочка сказала, что его голова похожа на голову Байрона с профилем Гоголя, но остальным больше понравилось сравнение его с врубелевским демоном. Кто-то сказал, что Даниилу можно играть Гамлета без грима. И следом посыпались предположения, что он похож и на композитора Листа, и на Паганини, если, конечно, сделать хороший грим.

Обсуждали не очень громко, бросая взгляды на явно смущённого Даниила, который сам считал себя некрасивым.

Шуточно гадали и, как всегда, читали стихи.

А потом было траурное окончание января - умер Ульянов-Ленин (на плакатах было начертано более точное: «Ильич умер. Ленин жив»).

27 января - похороны Ленина. День морозный, везде костры и вереницы, толпы людей в гнетущей тишине, разрываемой заводскими гудками.

Олечка Бессарабова не скрывает переполнявших её эмоций: «Острое чувство события огромного значения - смерть Ленина. Его жизнь так тесно слита с жизнью страны. Записываю в отдельной тетради все отзвуки о нём от живых людей, видевших его, работавших с ним, слышавших его. Какая это целеустремлённая, большая жизнь. Человек.

Ленин не только для нашей страны, на весь мир. И не только, когда он жил на свете, а навсегда и на будущее, может быть, ещё больше, чем при его жизни».

Но время берёт своё, и 12 февраля Шурочка и Биша отметили два года счастливой семейной жизни. И на этом событии восемнад-

цатилетний Даниил впервые был в костюме, который ему предложил Коваленский. А Александр Викторович надел чёрную бархатную блузу Даниила с отложным воротником, которая очень пошла ему, так что женщины стали советовать дома ходить всегда в такой одежде.

Говорили о Михаиле Бакуnine, о «Бесах» Достоевского и статье Гроссмана о Бакуnine и Ставрогине и критике на неё. Одним словом, разгорелись полемические страсти не на шутку, и хорошо, что вовремя перевели разговор на сочинения Уэльса: утопии не вызываю такого накала эмоций.

Этот год закончился тоже печально - в октябре умер Брюсов. И существование института, собравшего тех, кто уже осознал себя поэтом, или мечтал таковым быть, стало неясным. Наконец институт был преобразован в высшие государственные литературные курсы, вечерние и платные. Правда, преподаватели остались те же, что были в институте, и требования тоже были прежними.

Но более всего занимали разговоры с Коваленским. Невзирая на периодически обострявшуюся болезнь, он не унывал. На новый 1925 год приболевшей Бессарабовой он прислал своё стихотворение:

*Под охраной серых зайцев
Видит Ольга много снов;
Видит крашенных китайцев
С Алеутских островов.
Вот летят, несутся мимо,
Шевеля крылами ель:
И Флоренский, и Ефимов,
И туманный Рахмиэль.
Вот вокруг столпились братья,
Точно тени на стене;
Вспоминая про Зачатьев,
Ольга стонет в полусне.
Точно память - перевитый
Именами толстый том...
«Жизнь доходит до зенита,
Что-то ждёт меня потом!»
«Боже, вновь придут отливы,
Сяду, сяду на мели!
Ах, пока я так счастлива,
Уведи меня с земли!
Надоела форма носа,
И фигура, и черты,
Лучше, лучше в звёздных росах
Собирать Твои цветы!»*

Получилось не очень оптимистично, но вполне в стиле Коваленского с его мистицизмом и собственными страданиями.

Даниил отвёз большой снеди и книги «Голый год» Пильняка, «Своя душа» Мариэтты Шагинян и «Кубок метелей» Андрея Белого.

Добровых уплотнили, забрав часть комнат. Но всё равно он оставался Ноевым ковчегом, дававшим приют тем, кто нуждался в крове. Правда, теперь, приезжая сюда, Ольга Бессарабова спит на диване в прихожей. А за дверью, в приёмной для больных, на диване же - художник Фёдор Константинович Константинов. Он уже полгода ищет себе светлую, пригодную для работы комнату и непременно здесь, между Остоженкой и Поварской. Он долго жил за границей, в Париже, в Италии, в Германии, но, по мнению Ольги, «всё иностранное не испортило русскую его сущность».

Некогда огромный кабинет Филиппа Александровича разделён на шесть комнатушек, в которых живут: еврейская семья, сестра Елизаветы Михайловны - Екатерина Михайловна - с собакой Динкой, Даниил, племянник Екатерины Михайловны по мужу Владимир Павлович, Фимочка. Три года назад её отец, священник из Сибири, у которого умерла жена, жил с восемью детьми в Москве под мостом. Елизавета Михайловна как-то пригласила его к себе, и он умер, когда прилёг на диван отдохнуть. Всех детей, за исключением старшей, Фимочки, удалось устроить в разные детские учреждения.

Из спальни Елизаветы Михайловны - дверь в комнату Коваленских, но она завешена коврами с двух сторон, а входят к Коваленским из коридора. Из этого же длинного коридора ходят в свои комнаты ещё члены двух семей.

Кроме рояля Филиппа Александровича, фисгармонии Александра Викторовича в еврейской семье появилось пианино, которое, правда, пока издавало только звуки гамм.

А ещё в доме жили теперь три кошки, их такая теснота совсем не смущала, в отличие от Даниила - он теперь не ощущал прежнего уюта и собственной свободы в некогда просторном доме.

В октябре Александра Доброва, который жил отдельно, отвезли в больницу для нервнобольных: сказалось многолетнее употребление кокаина и анаши...

Эту беду каждый переживал по-своему, но, несомненно, тяжелее, чем если бы не было такого уплотнения...

Только Коваленский не растерял вдохновения, сочиняя сказки в стихах для дошколят: их охотно брали в Госиздате.

Александры окружали Даниила. Это имя обладало какими-то чарами. Сестра - Александра, брат - Александр, муж Шурочки -

Александр. И, наконец, Сашенька Гублёр, которую он встретил в институте.

Она была на год младше, приехала из Киева и довольно быстро и бесстыдно, как бывает при восторженной первой любви у экзальтированных девушек, стала считать его своим суженым, настойчиво заставляя его исполнять эту роль и ускоряя близость. Впрочем, подобные отношения соответствовали времени - свободная любовь при полном равенстве полов была в моде. «Долой стыд!» - под таким лозунгом коминтерновец Карл Радек провёл колонну обнажённых по Красной площади. К тому же Сашенька не могла без него жить и могла объявиться даже среди ночи, уводя его с собой гулять по Москве. Её желание быть с ним было настолько сильным, что он наконец перестал сопротивляться.

И они тайно обвенчались.

Придя домой, Даниил долго не решался сказать об этом. Наконец осмелился.

- Мамочка, я перед тобой очень, очень виноват, простишь ли ты меня когда-нибудь? - искренне повинился он перед мамой Лилей.

Елизавета Михайловна уже догадывалась, что такое начало разговора связано с Сашенькой, которая за это время так и не захотела по-настоящему познакомиться с ней, с остальными домочадцами. Но спросила, называя его так, как звала в минуты особой близости.

- Дуся, дитя моё, в чём дело?

- Мамочка, я женился...

Она ожидала чего угодно, только не такого признания. Справившись с волнением, понимая, что жениться он мог только на Сашеньке и теперь уже ничего не изменить, всё же не выдержала, спросила:

- Милый ты мой, зачем же ты это сделал?

- Мамочка, так надо было, да мы и любим друг друга.

Она не стала допытываться, почему так было надо, поверив ему и предполагая некие данные им обязательства. И не поверила, что он её любит. Сашенька, вероятно, действительно его любит, как любят эгоистичные натуры, не желая ни с кем делить, оттого и не захотела войти в их семью, а вот он... Он просто не устоял перед её напором...

- Почему же ты сделал это тайком от нас? - вздохнув, спросила она.

Он, глядя ей в глаза, признался:

- В церкви во время венчания я почувствовал, что сделал не так, как надо, мне было так тяжело, что тебя не было в церкви. И мне всё казалось, что ты войдёшь...

«Нет, он её не любит», - подумала Елизавета Михайловна, проинициально предвидя короткий срок этого не угодного никому брака.

И, действительно, дальнейшее подтвердило это.

Даниил переехал жить к Сашеньке, но скоро заболел scarлатиной. И тут же к нему поехала заботливая и решительная сестра Шурочка и, не слушая возражений молодой жены, забрала брата домой.

После выздоровления он уже не вернулся ни к Сашеньке, ни на курсы, не в силах видеть женщину, которую, как он сам считал, обманул и оскорбил...

В августе 1926 года они венчались, а в феврале следующего года брак расторгли...

Но наряду с этой душевной драмой, которая заставила его многое переосмыслить в себе и своём поведении, чем-то напомнив ему сочинения отца, в которых так много было тёмного, случились в эти годы и светлые проблески. Так, он побывал в Крыму, в Судакe, где принял участие в археологической экспедиции. Там же познакомился с художником Глебом Смирновым, в котором увидел родственную душу. Вступил в только что созданный Союз поэтов. А пока ходил на курсы, часто общался с сокурсниками, удивляясь и поражаясь одновременно. Удивляясь талантливости каждого и поражаясь разному отношению к жизни, творчеству. Вадим Сафонов, приехавший из Керчи и поразительно легко вписывающийся своим творчеством в требуемые властью каноны, легко писал на требуемые темы и благодаря этому публиковался. А вот Арсений Тарковский и Юрий Домбровский предпочитали писать только то, что хотели, избрав уделом чтение своих произведений друзьям.

Объявился пропавший было брат Вадим, с которым за эти годы многое произошло. В гражданскую войну он был в Добровольческой армии, вместе с остатками войск из Батуми попал в Константинополь. Потом были София, Берлин, который он не любил, но где вышла у него книга стихотворений. И, наконец, осел в Париже. Здесь он женился на Ольге Черновой, дочери художника Митрофана Фёдорова, которую воспитал отчим. В письме он писал, что хочет вернуться на родину, пусть сегодня это уже и Советская Россия. И Даниил надеялся на скорую встречу с братом.

Он пишет в Париж Вадиму:

«Дима, милый мой брат!

Долго лежало у меня большое письмо к тебе во много страниц, долго не мог решить - посылать его или нет, и наконец понял, что это невозможно. Понимаешь: так всё выходит в нём плоско, дере-

вянно, грубо - просто неправильное впечатление может получиться, да и трудно вообще посылать подобное.

А многое нужно было бы рассказать тебе. В моей жизни произошло много очень тяжёлого за последний год. А так как ни с кем я об этом не говорю, то всё это накопилось в душе и требует какого-нибудь выхода».

И он доверяет всё невысказанное бумаге...

Он пишет роман «Грешники», главы из которого читает прежде всего Коваленскому. Тот уже занимается литературной работой профессионально, издавая одну за другой детские книжки, которые хорошо расходятся. Но это он не считает серьёзным делом - исключительно необходимостью зарабатывать, всё так же самое лучшее, как считает, пишет в стол.

Впрочем, расхождения требований редакторов издательств и журналов с тем, что творили молодые поэты и прозаики, уже были очевидны. Редакторы, если и не свергавшие царя и не воевавшие за новую страну, видели главным достоинством идеологически выверенную линию произведения, отдавая предпочтение воспеванию гегемона - рабочего класса - и большевиков-коммунистов. Многие из тех, кто не разделял этой установки, и Даниил в их числе, увидеть свои сочинения на страницах журналов и тем более в книгах не особенно надеялись. Писать в стол было общепринято и даже почётно. Это свидетельствовало о свободе автора и даже смелости. «Грешники» тоже не писались для издания, в этом романе Даниил хотел рассказать всю правду о себе и о своём поколении.

Он писал, но тёмная тяжесть, вызванная, как он понимал, его неблагоприятными поступками, грехами, всё не отпускала. Он физически ощущает в себе борьбу светлого и тёмного, борьбу за свою душу.

Дай искупить срыв в бездну роковой,

Пролить до капли кубок тёмной жизни

Перед тобой.

И это случилось в одно мгновение.

Он вошёл в квартиру Добровых, в эту атмосферу добра, благожелательности, любви, и вдруг физически ощутил, как с него спала тёмная тяжесть и стало необычайно легко и ясно, как давно уже не было. И перехватил взгляд вышедшего в прихожую дяди Филиппа, который, как ему показалось, понял, что с ним только что произошло...

Раскрытие

Теперь он был свободен не только от постыдного прошлого, низменных страстей, но и от давящего настоящего. Это внешнее дав-

ление он продолжал ощущать в каждодневной вынужденной суете, но уже воспринимал её не так остро как прежде. Хотя ещё не был до конца уверен, что преодолено прежнее состояние затемнённости, бессмысленной круговерти. Но нет-нет да и переживал вновь радостное освобождение от невидимых оков, которые, как ему казалось, носили все вокруг. И тот свет, который теперь был в нём, всё время подвергался смущению, соблазну, всё время кому-то мешал.

Он особенно остро почувствовал потребность ходить в храмы. Там не было такого влияния извне.

В один из весенних дней 1928 года зашёл в знакомую с детства церковь Покрова в Левшине и после пасхальной заутрени остался впервые на раннюю обедню - захотелось вдруг услышать первую главу Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. / Оно было в начале у Бога. / Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. / В нём была жизнь, и жизнь была свет человеков; / И свет во тьме светит, и тьма не объяла его...» Эта глава читается всего лишь один раз в году. Была глубокая ночь, и с разных сторон церкви участвующие в службе священники и дьяконы возглашали поочередно стих за стихом на разных языках - живых и мёртвых. И вдруг ему стало очевидно, что за этими звуками и торжественными движениями участников виден тот самый вышний, небесный мир, в котором вся планета и есть единый великий Храм, в котором происходит вечное богослужение просветлённого человечества. И вся история человечества есть не что иное, как мистический поток, словно неостановимое движение речки, которое он так любил наблюдать в детстве... А значит, смысл жизни каждого человека - служить свою службу в великом Храме. И ему теперь дано понимание этого...

Но это понимание не освобождало от насущных потребностей. Оставив надежду зарабатывать литературным трудом, он теперь пишет так, как ему Бог на душу положит. Не заботиться о куске хлеба пока позволяют гонорары, получаемые за книги отца. Его крёстный, Горький, оказался хорошим другом. Несмотря на то, что в 1921 году он из-за разногласий с Лениным и руководителями советского правительства уехал за границу, во многом благодаря ему книги Леонида Андреева выходят. А «Избранные рассказы» вышли в Госиздате даже с предисловием Луначарского. Идут в театрах и пьесы.

В марте 1928 года шестидесятилетие Горького по решению правительства отмечается с размахом. И, тронутый этим, в мае он приезжает в Россию.

Крёстный и крестник не могли не встретиться. Но духовного родства между ними не было. Первый верен был дружбе и памяти,

но уже не понимал ни новой страны, ни нового поколения. Не понимает и неприкаянного крестника. Он считает, что повторять его опыт бродяжничества, свободной от государства жизни нынче невозможно и следует найти себе какое-то надёжное занятие. К тому же гонорары за книги отца не всегда будут такими, что позволяют жить не трудясь.

А пока они позволяли, и Даниил даже обещает пересылать часть денег Вадиму, которому в Париже живётся не сладко.

В Ленинграде Пушкинский дом открывает выставку, посвящённую Леониду Андрееву, и даже планирует создать музей. Даниил едет туда, остановившись в бывшей большой квартире отца на Мойке, где живут его двоюродные братья. Теперь она стала коммунальной. Но это не мешает ему пережить возвращение в прошлое, постараться понять отца. Но тот всё так же остаётся непостижимым до конца ни в своём творчестве, ни в своей жизни, хотя он остро чувствует своё родство и даже в какой-то мере своё продолжение в поисках ответа на одни и те же вопросы...

Иногда он пишет сутками напролёт, иногда бесцельно днями бродит по городу и не подходит к письменному столу. Многочисленные обитатели дома Добровых теперь заняты исключительно выживанием. Елизавета Михайловна даже жалуется в письме Вадиму: прежде на спонтанность Даниила - «неправильность работы», а затем и на собственные заботы, сообщая, что «Катя у нас за повариху, а я - за прачку».

В доме Добровых теперь мужчины заняты зарабатыванием денег, а женщины хозяйством. Коваленский наконец-то стал получать приличные гонорары. Александр архитектором так и не стал и работал художником-оформителем, благо, такой работы теперь было полно - советская власть много внимания уделяла агитации и пропаганде. Научить Даниила писать шрифты было несложно - сказалась его склонность к рисованию, а работу найти - ещё проще. Это уже был более или менее стабильный заработок.

Но если представлялась возможность жить как хочется, Даниил ею пользовался. Так, на всё лето уехал вместе с Коваленским в Тарусу, место обитания многих не принявших новую власть. Да и окрестности здесь были замечательные, и это для него было намного важнее. Цветущие луга, поля, высокое небо и простор перед глазами - всё это после Москвы было чудодейственным снадобьем. Природа изначально несла в себе и оптимизм, и чистоту, и вековечность... «Природа - хмелит, - делится он с Владимиром Павловичем Митрофановым своим ощущением, - разница в том, что в её опьянении нет ни капли горечи».

Но лето заканчивается, ему надо ехать в Ленинград, где он стоит на воинском учёте, и просить отсрочки от армии. Пока он хлопочет об этом, они близко сходятся с Люсиком, Леонидом Аркадьевичем Андреевым, крестником его отца и его двоюродным братом. Люсик так же, как и он, верит в мистические силы и процессы и не принимает материализм. Ночами напролёт они разговаривают друг с другом, находя много совпадений во взглядах на нынешнюю власть и на смысл жизни. И оба не понимают, как большевики-коммунисты могут отрицать Бога и устроить такие гонения на церковь. Не могут согласиться и с тем, что теперь не имеют никакой возможности выехать за границу, как это в своё время делали их родители. Даже Вадим не может приехать к ним. Эта власть совсем не уважает человека и не предоставляет самой необходимой свободы. Не говоря уже о том, что под запретом даже творчество, если оно не соответствует идеологии государства, то есть мысль...

И Даниил ловит себя на раздвоенности. С одной стороны, в глубине души он понимает мелочность, суетность и кратковременность всего происходящего сейчас вокруг него. С другой, он не может полностью закрыться от внешнего воздействия. Можно было бы, конечно, уйти в монастырь, но он и там себя не очень представляет. К тому же он ещё не настолько устал от жизни... Или не настолько приблизился к тому, что могло бы ему заменить ту радость, которую он получает хотя бы от общения с природой и переживания своего единения с ней. Как в той же Тарусе, гуляя по полям. И он живёт теперь в ожидании лета и «солнечных полевых дорог».

Но всё-таки: «Мой дом стал моей совестью, - пишет он Вадиму, вернувшись в Москве к обычному времяпрепровождению за письменным столом. - И уже, кажется, я не могу без него существовать. Даже за две недели житья в Питере - начал мучиться».

И снова осенние дождливые вечера и письменный стол, тетради...

И вот упало вновь на милую тетрадь

От лампы голубой бесстрастное сиянье...

Ты, ночь бессонная! На что мне променять

Твоё томленье и очарованье?

Один опять. В шкафах нагроможденье книг,

Спокойных, как мудрец, как узурпатор, гордых:

Короны древних царств роняли луч на них,

И дышит ритм морей в их сумрачных аккордах.

Теперь он одержим Востоком, о котором так восторженно говорит Коваленский.

Халдея, Вавилон, Навуходоносор...

И сам переносится туда:

*Я молча прохожу, спокоен, мудр и стар
По бурой площади утихшего Эрэха...*

Это ночью.

А днём его ждут суетные дела. Правда, среди них есть и те, которые он считает обязательными и необременительными. Даже наоборот.

К десятилетию смерти Леонида Андреева готовится книга воспоминаний. Он работает над ней вместе с Верой Евгениевной Беклемишевой, хорошо знавшей отца. Она секретарь издательства «Шиповник», в котором печатался Леонид Андреев. В этот сборник вошли его дневниковые записи, а также письма и воспоминания Вересаева, Беклемишевой и Кипена.

Но отношение к Леониду Андрееву за эти годы изменилось. Сборник под названием «Реквием» удалось издать лишь на следующий год и с навязанным предисловием большевика В. И. Невского. В предисловии Леонид Андреев был назван «потерявшим нить жизни представителем чуждого нам класса» и сделан вывод, что «его психика, его мировоззрение, его мироощущение враждебны нам».

...Как ему хочется, чтобы рядом был старший брат. Да и Вадим хочет вернуться в Россию. У него уже вышла вторая книга стихов, он пишет критические статьи в свободное от работы наборщиком, развозчиком молока, разнорабочим, наконец, киномонтажёром время... Он познакомился с Бабелем и тот тоже ходатайствует о возвращении старшего сына Леонида Андреева. Но безрезультатно. Надежда только на Горького. Даниил не спешит обращаться к крёстному, пытается сам поручиться за брата. Но, пройдя по инстанциям, начинает сомневаться, что у него получится. И он реально описывает возможные проблемы с работой и жильём, которые того ждут, если вдруг всё сбудется. Но заканчивает так: «Вот такие предупреждения. Но, с другой стороны, я великолепно понимаю, что значит столько времени прожить вне России, понимаю, что дольше так тянуться не может, что ты должен так или иначе вернуться. В конце концов без работы (регулярной) ты можешь сидеть и там и тут, разница же в том, что здесь будут свои, что здесь своя земля, свой воздух, свой народ».

Ручательство Даниила, «не члена партии и профсоюза», в конечном итоге ничего не значило.

Для того, чтобы стать членом профсоюза, у него нет постоянной работы. Коваленский, который уже входит в число признанных авторов для детей и является членом комиссии по созданию новой детской книги, находит ему творческий подряд: написать книжку для детей «о рыбной промышленности». И он соглашается, беря

пример с тех, кого он знает. Тот же Вадим Сафонов издал уже книгу «Ламарк и Дарвин», всю пишет требуемые газетами и журналами очерки. Об этом он узнаёт, будучи приглашён на свадьбу своего бывшего сокурсника. Но ни коллективизация, ни индустриализация, которые становятся главными лозунгами жизни страны, не кажутся ему достойными пера...

Летом поехать в Тарусу не получается. На несколько дней он выезжает на Украину, в городок Триполье над Днепром, где вновь переживает то же тарусское единение с природой, постижение её силы.

По возвращении - радостная весть: Саша Добров и новая его жена Маргарита уехали на социалистическую стройку в Магнитогорск. К моменту их отъезда дом Добровых уже утратил для Даниила благодатную привлекательность. С появлением в нём Маргариты он был разделён на два лагеря: Шура, Коваленский и он - с одной стороны, а Александр и его жена - с другой. Атмосфера стала тяжёлой. Они сталкивались по мелочам, и даже старшим Добровым не удавалось их совсем примирить.

Заняв освободившуюся комнату, он пишет Вадиму: «После 7 лет, проведённых в нашей «ночлежке», где жило 5, одно время даже 6 человек, после семилетней варки в хозяйственно-столово-телефонно-разговорно-спально-крико-споро-сцено-дрязго-семейном котле (я преувеличиваю мало!) - после 7 лет почти полной невозможности систематически работать и заниматься - и вдруг очаровательная, тихая, солнечная комната...» Эти семь предыдущих лет он жил в большой проходной комнате.

Снята и ещё одна проблема: его не призвали в армию, он попал во вневойсковую подготовку, то есть месяц в два года должен был проходить переподготовку на месте, в Москве. «Я доволен этим: к войне и военному делу не чувствую никакого тяготения».

Он пишет теперь поэму и следит за поэтами советской страны. Выделяет Сельвинского: «хотя поэзия не ступала на эти страницы даже большим пальцем правой ноги, всё же этот «поэт» - самое значительное, на мой взгляд, явление нашей литературы за последние несколько лет. Он чрезвычайно остроумен, и если разъять слово - то и остр, и умен (по-настоящему)». Признаётся, что не любит Пастернака: «Кстати, твоей любви к Пастернаку не разделяю. Мне в оба уха напели, что это гениальный поэт, но я, как ни бился, сумел отыскать в его книгах всего лишь несколько неплохих строф. Вероятно, я его просто не понимаю. Но мне претит это косноязычие, возводимое в принцип». Отмечает и советует брату прочесть Чапыгина «Разин Степан» и Тынянова: «Писатель очень культурный, что ставит его выше огромного большинства наших литераторов, кото-

рые, не в обиду будет им сказано, при всей своей революционности обладают, однако, куриным кругозором». Делится своим мнением и о Шолохове: «Шолохов - несомненный талант (читал его «Тихий Дон»?), но ведь интеллектуально это ребёнок». Просит, если есть в Париже, приобрести для него книгу Вячеслава Иванова. И признаётся, что любит всё-таки больше всего поэзию Блока и символистов.

В августе 1930 года вместе с Коваленскими, детским поэтом Варварой Григорьевной Малахиейвой-Мирович и Беклемишевой с сыном Юрием, который только что окончил физико-математический факультет, но мечтает стать писателем, они едут на Брянщину, в Трубчевск. Этот городок на берегу Десны должен помнить мать Даниила, здесь одиннадцать лет служил управляющим удельных лесных дач его дед Михаил Михайлович Велигорский. От этой поездки он ожидал прежде всего духовной связи с прошлым. И не ошибся: красота окрестностей показалась ему сказочной, высокий берег Десны с Троицким собором над её изгибами - возвышенным. Да и городок, упоминавшийся в «Слове о полку Игореве», сохранил в себе историческую память, которую он ощущал как неспешность, тягучесть жизни, позволяющую прочувствовать время...

Он много гуляет один, забредает на притоки Десны - Неруссу и Навлю, впитывая в себя энергию этих мест.

Это были чудодейственные дни «слушания крика петухов, шелеста вершин да голосов ребят и хозяев, чтения спокойных, глубоких и чистых книг». Но главное было в том, что он постиг в это лето видимый мир «как живое, глубоко осмысленное и дружественное». И это «живое», несомненно более сильное, чем он, человек, и даже всё человечество, ни в коем случае не хотело сделать ему ничего плохого, причинить страдания его телу. Наоборот, оно ласкало, баюкало, успокаивало, лечило и настраивало на нечто более важное, значимое, чем привычная суета...

На следующее лето вновь едет сюда и уже уходит не на один, а на несколько дней, иногда присоединяясь к группам пилигримов, ночуя возле костра, на берегу рек или во встречающихся деревеньках...

С одной стороны, он реализует давнюю мечту о бродяжничестве, наслаждаясь полной свободой от общества, в которую так никто из окружающих и не поверил. А он вовсе не шутил, когда говорил, что хотел бы пройти по России, как в своё время это сделал Горький. Он почти уверен, что не будь в жизни Алексея Пешкова периода бродяжничества, не было бы и писателя Горького. Именно тогда что-то ему приоткрылось, что он так и не смог распознать. Но его крестник сможет...

Теперь тому, что он увидел над Москвой, что понял когда-то в храме, необходимо было ещё нечто. И это необходимое дополнение - что-то подсказывало ему - следовало искать именно здесь, возле чистых и неспешных Неруссы и Навли...

И он нашёл... но долго ни с кем не делился найденным, отчасти боясь непонимания, отчасти опасаясь, сказав, утратить обретенное... И лишь спустя время, уверясь окончательно, что те прогулки были неслучайны, пишет Жене Федуловой, теперь в замужестве Рейнсфельдт, с которой когда-то вместе начинали постигать родное слово:

«Меня тогда охватило невыразимое благоговение, и не кровавым смятением, а великолепной, как звёздное небо, гармонией стала вселенная. Я обращался к Луне, быть может, с тем чувством, которое поднимало к ней сердца далёких древних народов, всё было в росе, всё сверкало, поляны казались покрытыми блестящими тканями, и когда я снова вернулся и лёг у костра, ветви ракит блистали, словно покрытые лаком. А дальше, за ними, уходили в божественной тишине таинственные, залитые синевой пространства, сверкающий луг, чёрная неизвестность опушек, песчаные отмели - днём жёлтые, а теперь голубые. Я лежал, то следя за ветвью, слабо колеблемой над моей головой жаром костра, то ловя скрывающуюся за ней голубую Вегу, то отворачиваясь и снова опускаясь взглядом к низко нависнувшим листьям, вырезавшимся на белом диске луны, как тонкий японский рисунок. Звёзды текли, и казалось, что вся душа вливается, как река, в океан этой божественной, этой совершенной ночи! Птицы, смолкшие в чащах, люди, уснувшие у хранительного огня, и другие люди - народы далёких стран, солнечные города, реки с медленными перевозами, сады с цветущим шиповником, моря с кораблями, неисчислимые храмы, посвящённые разным именам Единого, - всё было едино. Всё-таки были минуты, когда стёрлась грань между я и не я...»

Реалии

В 1931 году, весной, в Россию вновь приезжает Горький. Но уже совсем другой - неожиданно возлюбивший эту власть и строй и не сомневающийся нисколько, что у СССР много врагов, тайных и явных, как за рубежом, так и в стране. Об этом он пишет в статьях и говорит на встречах.

На следующий год он окончательно перебирается в Москву и возглавляет оргкомитет по подготовке съезда писателей СССР. И окончательно перестаёт быть для Даниила крёстным - слишком далеко, полярно они теперь разошлись во взглядах и понимании реалий жизни. Но ему всё ещё больно поверить в это, он ещё благодарен

крёстному за верность дружбе, пусть теперь это уже и не столь очевидно. Но их непримиримое противостояние уже очевидно.

*Когда-то под аркой вокзала,
К народу глаза опустив,
Он видел: Россия встречала
Его, как заветнейший миф.
Всё пело! Он был на вершине!
И глядя сквозь слёз на толпу,
Шагал он к роскошной машине
Меж стройных шеренг ГПУ.
Всё видел. Всё понял. Всё ведал.
Не знал? обманулся?.. Не верь:
За сладость учительства предал
И продал свой дар...*

В декабре 1931 года взорвали храм Христа Спасителя. И это ещё одно деяние, убеждающее его в том, что эта власть пытается разрушить светлый Храм...

Спустя чуть более года вернулся из Магнитогорска, где он работал прорабом и переболел энцефалитом, Александр Добров. Но живёт он теперь отдельно, на Плющихе, не стеснив никого и не изменив сложившегося уклада.

Даниил устраивается на работу в редакцию многотиражки завода «Динамо». Но выдерживает всего два месяца. Он не может писать атеистические материалы, которые становятся обязательными для советской прессы. И тем не менее он пишет брату, что эти два месяца, «эта работа, главное - завод и его жизнь, - дали мне очень много». Но это многое не относилось к производственному процессу: он заболел, и в жару, в этом полубреду-полубодрствовании болезнью он увидел, постиг то существо, которое определил главным в происходящем в его стране и обозначил как «третий уицраор». Это слово пришло к нему само, и за ним скрывалось некое исполинское существо, схожее «пожалуй, с чудищами морских глубин, но несравненно превосходящее их размерами, я бы определил его как демона великодержавной государственности».

Мир вокруг него всё более наполнялся невидимым для остальных содержанием. И в этом многослойном мире люди совсем не были всесильными и не соответствовали взглядам его крёстного, который теперь являлся самым главным писателем страны, судьёй и центром творческого процесса.

Он бежит от суеты всё в те же брянские леса и здесь июльской ночью полнолуния на берегу речки Неруссы находится в компании подростков и молодёжи. Знаменитых плёсов достигли уже ближе

к вечеру знойного дня. Долго купались, словно смывая суетное, а потом после разговоров незаметно его спутники засыпали у костра, а он всё продолжал сидеть, впитывая эту тёплую, светлую от луны ночь, вечный шум реки. Потом откинулся навзничь на охапку сена и словно пропустил сквозь себя этот струящийся шум реки, это вечное движение, а прямо перед ним было многозвёздное небо...

«Торжественно и бесшумно в поток, струившийся сквозь меня, влилось всё, что было на земле, и всё, что могло быть на небе. В блаженстве, едва переносимом для человеческого сердца, я чувствовал так, будто стройные сферы, медлительно вращаясь, плыли во всемирном хороводе, но сквозь меня; и всё, что я мог помыслить или вообразить, охватывалось ликующим единством. Эти древние леса и прозрачные реки, люди, спящие у костров, и другие люди - народы близких и дальних стран, утренние города и шумные улицы, храмы со священными изображениями, моря, неустанно покачивающиеся, и степи с колышущейся травой - действительно всё было во мне тою ночью, и я был во всём.

Я лежал с закрытыми глазами. И прекрасные, совсем не такие, какие мы видим всегда, белые звёзды, большие и цветущие, тоже плыли со всей мировой рекой, как белые водяные лилии. Хотя солнца не виделось, было так, словно и оно тоже текло где-то вблизи от моего кругозора, но не его сиянием, а светом иным, никогда мною не виданным, пронизано было всё это - всё, плывшее сквозь меня и в то же время баюкавшее меня, как дитя в колыбели, со всеутоляющей любовью».

Как он ни оттягивает, но наступает неизбежное возвращение в суетную жизнь. Всё труднее и труднее становится вспоминать пережитое, да и нет уже той недолгой наполненности вечным бытием, к которому человек - он это понимает - совсем не готов. У него есть круг знакомых, разделяющих его взгляды, но им трудно понять, да и невозможно передать словами, что он пережил в ту ночь. Для себя он это определил как просветление, истинное счастье раскрытия внутреннего зрения, слуха и глубинной памяти. Он любит проводить с ними вечера за разговорами о поэзии, о религии, о любимой им Индии, родство с которой он ощущает, барахтаясь в привычных мыслях, присущих всем.

Самым заинтересованным собеседником становится Виктор Василенко. Их сблизила любовь к поэзии и совпадение вкусов, оценок. Они говорят о поэзии Блока, Волошина, Гумилёва, Фета... А ещё о Достоевском, которого Даниил считал писателем для всех возрастов.

- Его сочинения надо обязательно перечитывать, - говорил он. - И в разном возрасте будешь понимать их по-своему...

Впрочем, они обсуждали и все заслуживающие внимания новости. Иногда Даниил читал свои стихи. Неторопливо, ровным голосом, внимательно глядя в тетрадь. Он был убеждён, что в уже найденных и записанных словах и рифмах нельзя ничего менять. Василенко с удовольствием его слушал, вникал в суть, выяснял для себя то, чего не понимал до конца... Одним словом, он был замечательным, благодарным слушателем, и скоро между ними сложились близкие отношения, когда уже никто не хранил от другого свои секреты.

Молодость брала своё, требуя не только умных разговоров. Однажды Василенко, который вступил в пору влюбчивости, пожаловался другу на очередную отвергнувшую его девушку. Даниил, с улыбкой выслушав его, вдруг сделался серьёзным и тоном, не допускающим никакого опровержения, произнёс:

- Витя, тебе пора понять, что с этой девушкой ты встречался в своей прошлой жизни. Ты, конечно, этого не можешь вспомнить, у тебя такого дара нет. Но знаешь, может быть, тогда и ты её любил, и она тебя любила... А теперь дай ей полюбить кого-нибудь другого.

Василенко взвился:

- Ты негодай, Даня...

Даниил несколько не обиделся и всё так же ровным тоном продолжил:

- Да, тебе не дан этот дар, и ты не знаешь, что большей частью люди, с которыми мы сейчас встречаемся, встречались нам и в прошлых жизнях. Кого-то мы встречаем заново, а кто-то уже был нам знаком. И часто любимые из той, прошлой, жизни вновь нам нравятся. - Добавил, помедлив: - А враги остаются врагами, и они причиняют нам боль, потому что делали это и тогда. Но иногда бывает, что они заглаживают свои прежние грехи и даже стараются сделать что-то хорошее тебе, даже не осознавая это, но чувствуя, что это необходимо для них...

И Василенко со вздохом принял столь неожиданное для него, но вполне логичное для друга объяснение его очередной неразделённой любви... За годы их дружбы он уже почти поверил в то, что Даниилу дано неведомое никому знание своей прошлой жизни, в которой тот был воином в Индии. И там у него была возлюбленная, жрица храма...

- Но это было в давние времена, когда складывались стихи «Рамаяны», - подчёркивал Даниил. - И мы должны были скрывать свою любовь...

Он был влюбчив не меньше, чем Василенко, но прошлый опыт отношений и поспешной женитьбы научили его не поддаваться эмоциям. Он надеялся на встречу со своей возлюбленной из прошлого,

которая будет верна ему и здесь. Но порой начинал сомневаться в этом, примеряя на себя совет, выданный Виктору: а если и он должен был позволить ей полюбить кого-нибудь другого и они уже разминусь?..

В доме Добровых нет-нет да и собирались те, кто ещё не до конца утратил интерес к слову. Но такие встречи-посиделки становились всё реже, а круг всё уже. Да и споры поугасли, разделив спорщиков на тех, кто принял и вписался в новую действительность, и на тех, кто продолжал её если и не отвергать, то молча терпеть. Старшие Добровы были уже больше озабочены собственным здоровьем. Шурочка - своим внешним обликом и отношениями с мужем. Саша жил теперь отдельно и редко заглядывал. Что же касается Коваленского, когда-то единомышленника и даже в какой-то мере учителя в невидимом мире мистики, то он вернулся к занятиям прагматичным, вспомнив своё посещение лекций Жуковского, вписавшись в новые отношения и неплохо зарабатывая. Он был теперь членом комитета по оборонному изобретательству, конструктором-консультантом в Авиатресте и видел перспективу в сотрудничестве с органами, которые организовывали новые производства в исправительно-трудовых колониях и искали туда специалистов. Теперь в разговорах он если и принимал участие, то не столь азартно и не отстаивал былых убеждений, предпочитая в свободное время конструировать авиамodelи, полёт которых демонстрировал в коридоре.

Леонида Андреева издавать перестали, пьесы тоже почти не шли, гонорары становились всё меньше, нужно было заботиться о заработке. Даниил пишет книгу для «Энергоиздата» - серию биографий выдающихся учёных и изобретателей: Архимеда, Леонардо да Винчи, Паскаля, Эйлера, Даниила Бернулли, изобретателя турбины Фрэнсиса и академика Жуковского. Но гонорара не хватает, да и выплачивают его с задержкой, поэтому он подрабатывает, выполняя по заказу чертежи и диаграммы.

Но реальный мир и каждодневные заботы не закрывают от него уже увиденные им иные миры и не меняют иное, чем принято, понимание всего происходящего. И он получает подтверждение своим убеждениям...

...Ноябрьским днём 1933 года он неожиданно для себя самого зашёл во встреченную на пути церковь. Открыв дверь, очутился в волнах хорового напева. И вдруг он опустился на колени, хотя прежде никогда не ощущал в себе такой потребности и даже считал это недостойным выражением рабского почитания. Но куда делись все

прежние мысли, когда, коснувшись руками пола, он вдруг пережил блаженный восторг и, поддерживаемый нездешней теплотой духовных потоков, льющихся из средоточения, которое он когда-то определил как Небесный Кремль, поднялся туда, в Небесную Россию, к просветлённым. И небесный дух в облике Серафима Саровского приблизился и склонился к нему, укрыв его шатром струящихся лучей света и ласкового тепла...

Потом он переживал это состояние каждый раз, когда ходил к акафистам преподобному Серафиму в эту церковь во Власьевском переулке, пока её не закрыли...

И каждый раз он выходил в этот мир с новым ощущением своей силы, своего очень важного для него знания, удивляясь столь серьёзному отношению других людей к мелким проблемам, которыми была полна окружающая действительность.

Но порой они приобретали устрашающие размеры и их невозможно было не заметить. Трубчевск, как и Украину, поразил голодомор, и его знакомые Левенки, с которыми он в своих летних поездках сошёлся довольно близко, даже подружился в совместных походах, выживали там с трудом. И Добровы как могли старались им помочь, отправляя посылки с тем, чем могли поделиться.

Впрочем, о неурожае и нагрянувшем на южные окраины голоде в столице говорили мало, словно не замечали. Коллективизация и индустриализация были главными направлениями, а выполнение пятилетнего плана - главным содержанием жизни. Не остались в стороне и литераторы. В августе 1934 года состоялся первый всесоюзный съезд советских писателей, на котором Горький сделал доклад и произнёс заключительную речь. Даниил следил за этим многодневным собранием, среди участников которого было немало тех, кого он знал, но ещё больше тех, кого он никак не мог считать писателями. Перестал удивляться и превращению Горького в апологета новой власти. Но всё же не мог спокойно воспринять его лживые слова о Достоевском, что тот «ненасытный мститель за свои личные невзгоды и страдания». Не постигал и возвышение Пастернака до главного поэта страны.

Но более всего вывела Даниила из равновесия ссылка Горького в его заключительной речи на отца, которая подтвердила некогда мелькнувшее сравнение их дружбы с дружбой Моцарта и Сальери: «Однажды в припадке похмельного пессимизма Леонид Андреев сказал: «Кондитер - счастливее писателя, он знает, что пирожное любят дети и барышни. А писатель - плохой человек, который делает хорошее дело, не зная для кого и сомневаясь, что это дело вообще нужно. Именно поэтому у большинства писателей нет желания обидеть кого-то, и хочется всех обидеть».

Он перечитывал эту фразу и следующее за ней предложение о том, что «литераторы Союза Советских Социалистических Республик видят, для кого они работают», как антитезу и не понимал, зачем нужно было цитировать отца, разве что только для того, чтобы навесить ярлык пьяницы...

Но он не хотел над этим долго размышлять, не разделяя взглядов ни самого главного писателя страны, ни членов съезда. Гораздо важнее в этом реальном мире была такая же, как и у Виктора Василенко, неразделённая любовь.

...Он ехал на трамвае, когда увидел её, стоящую на остановке и ожидающую свой трамвай. И подчинился зову, забыв собственные разумные объяснения товарищу. Следом за ней впрыгнул в её трамвай, доехал до железнодорожного вокзала, не приближаясь, издали наблюдая за её танцующей походкой, развевающимися волосами и испытывая охватывающую его нежность, проводил до перрона на пригородные поезда...

А потом несколько дней в одно и тоже время приезжал сюда и выглядывал в толпе приезжающих и отъезжающих... пока наконец не увидел, и уже всё до этого хорошо обдумав, сжимая в руке тетрадку со своей поэмой о любви, в которой он и она жили в Индии и любили так, как возможно только любить в светлом и чистом мире, протянул ее ей:

- Прочтите...

Она удивлённо посмотрела на него, их взгляды встретились, помедлила и, протянув руку, взяла.

- Когда бы будете в Москве? - запоминая черты её лица, спросил он.

- Дня через три, - неуверенно произнесла она.

- Я вас встречу...

И он пошёл не оглядываясь, зная, что она смотрит ему вслед, и подумал, что именно она и была в той прошлой жизни его возлюбленной...

К её приезду он стоял на том же месте. И она сразу увидела его. Шла к нему неторопливо, пристально вглядываясь, словно желая что-то сказать взглядом. Наконец остановилась напротив, протянула тетрадь.

Их взгляды вновь встретились.

- Я замужем, - прочёл он по губам.

И поймал себя на чувстве облегчения. За эти дни ожидания он уже понял, что должен ей позволить в этой жизни быть любимой другим...

И, уходя, подумал, что, наверное, и Галю Русакову, чей портрет стоял на его столе, он тоже должен был в своё время отпустить...

Прострация

1935 год начался с громких процессов. Были осуждены Зиновьев и Каменев и их сторонники. Распущено общество старых большевиков. Ликвидировано общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Начались аресты знакомых. Добровы не отказывали в участии жёнам арестованных соседей, согревая их уютом своего дома и сердечным участием.

Отдушиной для многих стало посещение церквей, хотя это и не поощрялось властью, а для коммунистов было запрещено. Именно там, под куполами и ликами, к человеку возвращалась уверенность в устойчивости и справедливости если не этого мира и не при его жизни, то того вечного, в который каждому предстояло уйти в своё время. И только здесь можно было безбоязненно помолиться за родных и знакомых, на долю которых выпали тяжёлые испытания. Вера давало надежду, надежда помогала переносить невзгоды и жить.

Семью Добровых несчастья пока обходили. Старшие Добровы вышли из опасного для государства возраста, когда вольнодумство может реализоваться в противозаконном действии, Коваленский теперь был вполне лояльным гражданином и примерным семьянином, Александр, живущий отдельно, более всего занят зарабатыванием денег, а Даниил, не скрывавший своего отношения к происходящему, предпочитал шумным спорам тихие беседы наедине с людьми, которых он давно и хорошо знал. К тому же он тоже приобрёл статус благонадёжного гражданина, вступив в горком художников-оформителей. Теперь ему шёл трудовой стаж, а работы было даже с избытком: наглядная агитация, которая теперь разукрашивала город, менялась часто, а перед каждым майским и революционным праздником - в обязательном порядке. Но он предпочитал работать в музеях, где проектировал экспозиции, делал чертежи стендов, писал шрифты, рисовал всяческие схемы и диаграммы.

На события в стране он старается не особо реагировать, не сомневаясь, что всё происходящее является закономерным итогом предшествующих лет в истории России. Даже в обозримом прошлом, в жизни и сочинениях отца и Горького, он видит теперь истоки нынешних процессов. Он уже не сомневается: свершающееся здесь - на самом деле лишь отзвук того, что происходит в иных, более высоких мирах. И у каждого пришедшего в этот мир своя задача, которую он должен решать, не отвлекаясь на ненужное. Для себя он считает важным писать стихи или задуманный роман о своём поколении под не всем понятным названием «Странники ночи».

Да, он видит эти выпавшие на жизнь его поколения годы тёмными. Он не может принять атеизм, который так усиленно насажда-

ют коммунисты. Его раздражают насаждение одной-единственной социалистической идеологии и прокрустово ложе разрешённого и поощряемого творчества. Он разошёлся уже со многими знакомыми, с тем же Сафоновым, который, не сомневаясь, пишет на самые востребованные темы и становится всё более известен.

У него появляется и новый круг общения. Это Женя Белоусов и его друзья. В их числе и замужняя женщина, которая нравится ему, и он видит, что интерес взаимен. У неё умный и интеллигентный муж, с ним интересно беседовать. Встречи с ней волнуют, и всё идёт к их физической близости. Но ему совсем не хочется участвовать в обмане, он понимает, что это соблазн тёмного, что это возвращение туда, откуда он с таким трудом недавно вырвался. Но чужая жена всё настойчивее в реализации своего желания, а он с каждой встречей находит всё больше оправданий своему будущему падению...

Чередой проходят дни, всё меньше оставляя ему свободы выбора и всё больше заставляя идти на поводу обстоятельств: много работать, чтобы не бедствовать, редко встречаться со знакомыми и стараться на людях сдерживаться в оценках нынешней власти и событий.

Новый год облегчений не приносит. К тому же весной заболевает Елизавета Михайловна, мама Лиля, и пока она болеет, дом становится неухоженным, теряет свой былой уют.

Не всё хорошо и у его давних друзей. Женя Рейнсфельдт делится в письме своими несчастьями, а он, испытывая к ней что-то среднее между дружбой и симпатией, поддавшись обаянию заведомо платонической любви на расстоянии и под магией своего тридцатилетия, вдруг пишет предельно искренне:

«Моя жизнь сейчас проходит однообразно и почти совсем без внутреннего света, как и всегда весной...

Это чётко выраженный годовой цикл с июля по январь - линия восхождения, затем - спад. Кончается всё каждый раз гнетущим депрессивным состоянием... Причин этой прострации - 4, между ними 1 внешнего характера, две - исключительно внутреннего, а одна, так сказать, спонтанного... До 30-летнего возраста блуждать в поисках единственно пленяющего образа, отсекая в себе все ростки живого тяготения к другим - это не только мучительно, но (очень может быть) это ошибка, непоправимая, калечащая душу и жизнь.

Что же касается одной из внутренних причин, то здесь дело заключается в том, что я по своим интеллектуальным, волевым и прочим данным - только поэт, и вместе с тем с детских лет не смолкает голос, требующий ДЕЛАНЬЯ... Не хватает религиозно-волевых сил, да и даже просто нервных и физических сил...

Осенью я начал большую поэму... Сейчас эта поэма - единственное, что по-настоящему заставляет меня хотеть жить: хотя бы для того, чтобы кончить её. Материальные дела плохи, поехать летом не удастся, по-видимому, никуда. Здоровье же очень и очень требует ремонта: я что-то совсем захирел. К сожалению, мне отпущен природой непропорционально малый запас сил... Главное: успеть воплотить хотя бы основное из того, что неотступно стоит перед душевным зрением...»

Одиночество, сомнения в том, что он поступает правильно, не желая смириться и жить не задумываясь, невозможность делать то, что хочется, не проходят.

Через несколько дней он пишет брату, отмечая, что на фотографии, которую тот прислал, видна печать страданий:

«Не подумай, что моя жизнь была безбедной и безпечальной - но тяжёлое в ней было другого рода, чем в твоей... Внешне я выгляжу не моложе тебя... Ты спрашиваешь, курю ли я? Да, и даже очень усиленно. Занимаюсь ли спортом? К сожалению, должен отвечать отрицательно... Скверное здоровье заключается в постоянной слабости, головных и прочих болях, пониженной работоспособности... Многое я порчу себе и своим образом жизни: двойной нагрузкой (графической и литературной), ночными занятиями, беспорядочным сном...

Когда-то в ранней юности я любил город, но теперь давно уже утратил вкус к нему и ужасно мучаюсь без природы...

Не понимаю прелести зимы, терпеть не могу холода и из зимней красоты могу воспринимать только иней, настолько же люблю - до самозабвения - зной, бродяжничанье по лесам, лесные реки и вечера, ночи у костров, холмистые горизонты, даль - русскую «среднюю полосу» и крымские горы, - без этого совсем не могу жить.

Я люблю: Восток больше Запада, в истории Запада мне ближе 12 -13 века.

Музыка: Бах, Вагнер, Мусоргский. В особенности Вагнер.

Боттичелли, Фра-Анжелико, но на первом месте среди них - Джотто.

Врубель.

Дон-Кихот. Пер Гюнт.

Тютчев.

«Пиквикский клуб» перечитываю почти ежегодно.

Лермонтов и Достоевский возвышаются надо всем.

Из древних культур не перестаю благоговейно удивляться Египту.

После литературы на 2-ом месте по силе впечатляемости стоит для меня архитектура (а затем уже музыка и живопись)...

Некоторые из отрицательных черт характера: лень, эгоцентризм, вспыльчивость, любовь к комфорту.

...Солнце люблю больше, чем луну, но вечер больше, чем утро».

Взаимооткровения с братом продолжаются, и это для обоих как целительное снадобье. Исповедуясь друг перед другом, они одновременно и стараются поддержать друг друга. И вновь возвращается надежда на скорую встречу, о которой оба так мечтают. Даниил обещает брату напомнить Горькому о нём, не сомневаясь, что его крёстному, второму после Сталина, как считают многие, человеку, вождь не откажет в просьбе. Он тут же звонит ему, но берёт трубку Екатерина Павловна - оказывается, Алексей Максимович эту зиму и весну живёт в Крыму.

Он с нетерпением ждёт возвращения того.

В конце мая Горький возвращается в Москву, но приезжает больной, с температурой, и сразу же отправляется на дачу в Горки. А с 6 июня в «Правде» публикуют бюллетени о его здоровье вплоть до самой смерти 18 июня.

Спустя некоторое время прошение о разрешении на въезд Вадиму Леонидовичу Андрееву было отклонено.

Омовение

На этот раз всё же получилось вырваться из города, и в начале июля, жаркого, по-настоящему летнего, он уехал в Трубчевск.

За три года, что не был, городок не изменился. «Почти все домики в нём деревянные, окружённые яблоневыми садами, а на пожарной каланче каждый час бьют в колокол, большинство улиц поросли зелёной травой и ромашками... - пишет он брату. - Можешь позавидовать: вот уже две недели, как отвратительное изобретение, называемое обувью, не прикасалось к моим ногам, шапка - к голове: прикосновение этих гнусных предметов заменено лаской тёплого нежного воздуха и материнской земли. Стоит удивительный, чарующий, мягко-обволакивающий зной, грозы редки, пасмурных дней нет совсем во всё это лето - это лето прекрасно, как совершенное произведение.

С круч, на которых расположен городок, открывается необъятная даль: долина Десны, вся в зелёных заливных лугах, испещрённых бледно-жёлтыми точками свежих стогов, а дальше - Брянские леса: таинственные, синие и неодолимо влекущие, в этих местах есть особый дух, которого я не встречал нигде; выразить его очень трудно; пожалуй, так: таинственное, манящее раздолье...»

Вот в это манящее раздолье он и отправляется, на этот раз выбрав дальний семидневный маршрут и в одиночестве. Старший сын Левенок, Всеволод Протасевич, который охотно ходил с ним пре-

жде, теперь стал заведующим краеведческим музеем и был занят приведением его в порядок.

Но одиночество Даниила не только не пугало, но даже радовало.

Эта неделя путешествия выдалась жаркая. То там, то здесь загорались леса, иногда на пути встречалась свежая гарь, а порой приходилось обходить поднимающиеся столбы дыма, свидетельствующие о близком пожаре. И тем не менее каждый день его радовал, и он чувствовал, как набирается сил, наполняется энергией, которой так не хватало ему всё последнее время. Он наслаждался своим одиночеством со всем окружающим, пронизанным теплом и светом миром, в котором всё было естественно и необходимо и напрочь отсутствовало всё надуманное. Днём он порой страдал от жары, ночью от прохлады. Но всё это компенсировалось звёздным небом, утренней росой, вечерним отдохновением у потрескивающего костра.

Но один день выдался особенно трудным: песчаная дорога между двумя речками оказалась неожиданно длинной и горячей даже для его отвердевших за эти дни ступней. К тому же он не запасся водой, и скоро его стала мучить жажда. За каждым поворотом дороги он ожидал, что вот-вот блеснёт долгожданная речушка, но её всё не было и не было. И наконец, когда она открылась, он в нетерпении, на ходу скидывая тяжёлый рюкзак, одежду, влетел в вожделенную воду... «И когда горячее тело погрузилось в эту прохладную влагу, а зыбь теней и солнечного света задрожала на моих плечах и лице, я почувствовал, что какое-то невидимое существо, не знаю из чего сотканное, охватывает мою душу с такой безгрешной радостью, с такой смеющейся весёлостью, как будто она давно меня любила и давно ждала. Она вся была как бы тончайшей душой этой реки - вся струящаяся, вся трепещущая, вся ласкающая, вся состоящая из прохлады и света, беззаботного смеха и нежности, из радости и любви. И когда после долгого пребывания моего тела в её теле, а моей души - в её душе я лёг, закрыв глаза, на берегу под тенью раскидистых деревьев, я чувствовал, что сердце моё так освежено, так омыто, так блаженно, как могло бы оно быть когда-то в первые дни творения, на заре времён. И я понял, что происшедшее со мной было на этот раз не обыкновенным купанием, а настоящим омовением в самом высшем смысле этого слова».

По возвращении домой после пережитого летом он почувствовал себя способным противостоять той темноте, которую он так ощущал в городе. Знание, данное ему, понимание незримых, но более могущественных, чем человеческие, законов диктовало иное, чем прежде, отношение к происходящему.

...Накануне нового года умирает друг семьи Добровых Николай Константинович Муравьев. Даниил читает над покойником Евангелие. И как раз в это время пришли с ордером на арест покойного и обыск. Арест уже был невозможен, но обыск сделали.

Но внешне в столице всё выглядело безмятежно, и побывавший здесь Лион Фейхтвангер в своей книге «Москва 1937» пишет: «Громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием, и более того - счастьем».

После летнего отпуска накопленные долги заставляют работать напряжённо. К тому же Филипп Александрович теперь часто прибавляет и не может обеспечивать семью, как прежде. Болеет и Елизавета Михайловна.

Даниил прилагает усилия, чтобы помочь брату вернуться на родину. Екатерина Павловна сказала ему, что Алексей Максимович говорил на эту тему со Сталиным, и он вновь обретает надежду и пишет письмо вождю. Но тщетно ждёт ответа.

В начале года тридцатисемилетний друг Даниила Сергей Ивашев-Мусатов, переживший один неудачный брак и безумную любовь к однокласснице Андреева Зое Киселёвой, родители которой восстали против брака и не позволили им объединиться, неожиданно женится на молодой, с разницей в пятнадцать лет, художнице Алле Бружес. Алла - дочь профессора-филолога, а её мать была из рода ходившего за три моря Афанасия Никитина.

Женившись, он захотел познакомить жену со своим другом, и в начале марта снежным вечером они пришли в гости. Даниил ждал их, встретил на пороге, окинув взглядом молоденькую жену друга и отметив её не меньшую, чем у Зои, красоту, пожал ей руку и встретился взглядом, ощутив некое волнение, но списав это на мучающие его последнее время мысли о невозможности семейного счастья. В этот вечер они много говорили, как всегда бывает, когда в компании появляется кто-то новый и неясно, какие темы могут быть интересны и ему, более всего, естественно, о живописи: всё-таки молодожёны - художники. Ивашев-Мусатов был счастлив и не скрывал это, а Алла, посматривая то на него, то на негромкого и несколько отстранённого Даниила, пыталась понять, что же так нравится её мужу в этом высоком и немногословном мужчине.

В общем, был вечер знакомства, после которого Ивашевы стали частыми гостями в доме Добровых, но приходили теперь они в основном к гостеприимным Коваленским, которые по причине склонности к домоседству сами редко куда ходили, но с радостью привечали гостей. Даниил выходил к ним нечасто, он был озабочен сейчас своими личными проблемами. Он мучился оттого, что боль-

ше не хотел поддерживать связь с женщиной, которая принадлежала другому и которая никак не хотела его отпускать. Наконец он разорвал все отношения, не думая о последствиях, и помогла ему в этом другая женщина, Мария, Марийка Гонта. Она была свободной женщиной, расставшись давно с мужем, с лёгким характером и артистически изящной, с тонкой талией и подчёркивающими женственность бёдрами и грудью. Она недавно снялась в кино, а прежде писала очерки, статьи и сценарии. Эта лёгкость и необязательность долговечности отношений, не накладывающих никаких обязательств, позволяющих быть одновременно и свободным, и нужным кому-то, были замечательным лекарством после того, что случилось в его жизни. Он хочет бежать из города, дать успокоиться страстям, и Марийка охотно соглашается вместе с ним поехать в Крым, в Судак.

*Убирая завтрак утренний,
Ты звенишь и напеваешь,
И считаешь крошки хлеба
Прямо в светлую ладонь;
В доме нежен сумрак внутренний,
А в окошке - синева лишь, -
То ли море, то ли небо -
Утра крымского огонь.
Там, мельчайшим бризом глажимый,
Парус млеет в знойном свете,
Нежа киль струей прохладной
И не помня ничего...
Там, над бухтами и пляжами,
Воздух светится, и дети,
Словно правнуки Эллады,
Пьют, блаженные, его.*

*Хочешь - мы сквозь виноградники
По кремнистым перелогам
Путь наметим полудённый
На зубчатый Таракташ:
Там, серебряный, как градинки,
Мы попробуем дорогой
У татар миндаль солёный
И вино из плоских чаш.*

*Меж пугливыми отарами
Перевал преодолеем,*

*И пустыня нам предстанет
Вдоль по жёлтому хребту,
Будто выжженная карами,
Ураганом, суховеем,
Где лишь каперсы, как стая
Белых бабочек, в цвету.*

*Там айлантами и кедрами
Нам природа не предстанет,
Матерью зеленокудрой
Не приветствует гостей,
Только солнце вечно-щедрое
Любоваться не устанет
На своих счастливых, мудрых,
На невинных двух детей.*

*И ни возглас человеческий,
Ни обвалов грозный голос
Не нарушат вековую
Тишь, открытую лучу,
Чтобы горы стали к вечеру
Облекать свой камень голый
В золотую, в голубую
Литургийную парчу.*

*И, синяя дымкой дальнею,
Розовея, лиловея,
Череду всех красок мира
Сменят в стройном бытии,
Как во храме в ночь пасхальную
Чередуют иереи
Многоцветные подиры -
Ризы пышные свои.*

*День открыт нам всеми гранями:
Ритмом волн, блаженным жаром,
Родниками, лёгкой ленью,
Стайкой облаков, как пух, -
Чтоб, влекомые желаньями,
Шли мы вдаль, в его селенья,
За бесценным Божьим даром -
Страстью двух - и счастьем двух.*

Марийка уезжает раньше, он ещё остаётся, теперь уже проводя дни в общении со старыми знакомыми, и возвращается в Москву полным энергии, и даже вести об аресте знакомых ему людей, в том числе родителей жены Юры Беклемишева, который после того, как был издателями отвергнут его первый роман, теперь пишет новый, под названием «Танкер Дербент», и нередко просит у Даниила совета, не выбивают его из рабочего настроя. Теперь он сам весь в собственном романе, в котором три его «странника», три брата Горбовы помогут ему рассказать всё, что он знает и думает. Не случайно он выбирает для старшего профессией астрономию, для среднего - археологию, ну а младшему определяет быть поэтом.

Дружба

Ивашев-Мусатов с Аллой взялись в Останкинском музее сделать выставку, посвящённую крепостному театру, и предложили Даниилу поработать шрифтовиком. Заказ он делал дома и приносил сделанную работу. В тот день он тоже принёс сделанное и, сидя на скамеечке перед дверью, ждал, когда друзья освободятся от своих неоткладываемых дел. Наконец они вышли. Первой шла Алла, всё ещё возбуждённая работой, творческим поиском и волнением оттого, что мужа уже несколько раз вызывали в НКВД и вот снова вызывают. Это теперь была больная и самая важная тема в их разговорах.

Даниил поднялся со скамейки, пристально посмотрел на неё и вдруг как-то странно вздрогнул, переменившись в лице, и быстро отвёл взгляд.

Сергей эту перемену в друге не заметил, но она не удержалась, спросила:

- Что с вами?

Даниил помедлил, встряхнул головой, словно избавляясь от наваждения, и ответил.

- Нет, ничего...

Разве мог он признаться, что в эти минуты пережил пронзительное понимание магической власти над ним этой женщины, жены друга.

И она отвела свой взгляд, пытаясь вникнуть во взволнованную речь Сергея, который торопился поделиться с другом своими опасениями по поводу этих обязательных визитов, допросов, и сознавая самой себе, что думает о другом и волнуется совсем по другому поводу... И видела, что Даниил также невнимателен, что он думает о чём-то своём, проницательно догадывалась, о чём, и не знала, как к этому относиться... Он был такой большой, неловкий, потерянный сейчас, что ей хотелось обнять его, приласкать...

Потом Даниил ушёл, а они с мужем сели в трамвае, как всегда, друг напротив друга и замолчали, думая каждый о своём. Ехать было недалеко, и это уже стало традицией - вот так ехать молча, глядя друг на друга, или иногда перебрасываясь вдруг пришедшими в голову мыслями о незавершённой работе.

Но на этот раз что-то мешало принять обычное состояние эфирной близости. Наконец Сергей подался к ней и произнёс:

- Я знаю, о чём ты думаешь.

- Вот как? О чём же, - после паузы отозвалась она, не сразу постигая смысл сказанного.

- Тебя тревожит, как ты относишься к Даниилу.

Она помолчала, потом призналась:

- Да.

- Я хочу, чтобы ты знала, что я очень высоко ценю дружбу. Ничуть не ниже любви, - непривычно твёрдо сказал муж.

- Зачем ты это говоришь?

- Чтобы ты не беспокоилась...

«О чём?» - подумала она. А потом догадалась: Сергей предположил, что она ревнует его к другу, - и, улыбнувшись, молча положила свою ладонь на его.

Муж удовлетворённо вздохнул, принял свою обычную позу ослабленного самосозерцания, а она никак не могла объяснить самой себе, почему она испытывает волнение, видя высокую худую фигуру Даниила, его смуглое лицо с тонким носом, может быть, несколько великоватым, но только подчёркивающим очерченные выразительные губы. Но главное - почему и сейчас видит его глаза, карие, притягивающие. Может, она поймёт это позже...

Но у каждого из них был свой круг общения, свои дороги, которые не так часто пересекались. К тому же у Даниила появились новые знакомые - сёстры Усовы, которые даже не скрывали своего восторженного почитания и даже влюблённости. И им удалось лучше, чем ей, преодолеть его замкнутость.

Кому из сестёр принадлежала идея познакомиться с сыном Леонида Андреева, который, по слухам, был даже талантливее своего отца, хотя никогда и нигде не печатался и не печатается, трудно сказать. Может быть, всё же младшей, Ирине, которая была более подвержена стремлению узнавать чужие тайны. А если не печатается, но талантлив - значит, тайна есть...

Случай, отчасти срежиссированный, свёл их в гостях у знакомого астронома, у которого был телескоп, и Даниил договорился посмотреть через него на туманность Андромеды. Сёстры, естественно, тоже оказались здесь. Старшая, Татьяна, решила не терять време-

ни и сразу же, знакомясь, пригласила в гости Даниила, обосновав это приглашение своим знакомством с Волошиным. Даниил мечтал встретиться с Волошиным.

- К тому же наша матушка, Мария Васильевна, очень любит поэзию, и мы все с удовольствием слушаем ваши стихи.

Тот буркнул что-то неопределённое, но номер телефона записал.

Ожидаемого сёстрами звонка в ближайшие дни так и не последовало, пока Татьяна сама не напомнила о приглашении и его обещании прийти. И на этот раз он не смог отказаться, как и не отказался прочесть восторженным почитательницам свои стихи.

С этого дня Даниил стал регулярно приходить к Усовым, которые жили втроем, без мужчин, и где его приходу всегда искренне радовались. Он обменивался с ними новостями и обязательно читал свои новые стихи, внимательно выслушивая их мнение. И когда читал - словно забывал о своих слушательницах...

А однажды попросил назвать каждую стихотворение, которое больше всего понравилось. Мария Васильевна назвала «Мимозу», Татьяна - «Чтоб лететь к невозможной Отчизне...». А Ирина, уже не скрывавшая своей влюблённости в Даниила, прочла:

За днями дни... Дела, заботы, скука

Да книжной мудрости отбитые куски.

Дни падают, как дробь, их мертвенного стука

Не заглушит напев тоски.

Вся жизнь - как изморозь. Лишь на устах осанна.

Не отступаю вспять, не настигаю вскачь.

То на таких, как я, презренье Иоанна -

Не холоден и не горяч!

Он удивлённо взглянул на неё.

- Действительно понравилось?..

Она торопливо закивала, подтверждая.

- Это из ранних... Мне было тогда двадцать два года.

И она замерла от его признательного взгляда, на мгновение перестав даже ревновать его к сестре.

Он всё более ощущал себя в этом доме своим, неосознанно найдя здесь замену некогда столь важному для него уюту дома Добровых, который теперь очевидно ветшал, замыкался в заботах её обитателей, утрачивая былую притягательность вместе со стареющими хозяевами.

Он мог говорить сёстрам обо всём, что его волновало, и охотно отвечал на вопросы, интересующие их. И каждый раз чтение стихов давало повод для обсуждения. Например, порассуждать о профессии актёра. На восторженные слова сестёр о том, что быть актрисой очень интересно и, несомненно, эта профессия несёт в себе творче-

ское начало, он не согласился, заметив, что, вживаясь в чужое «я», очень легко потерять собственное, а вместе с тем и смысл жизни.

Однажды заговорили об истории. Было очевидно, что эта тема ему интересна, а выводы продуманы. По его убеждению, история человечества состояла из духовных циклов больших масс людей, народов. Для каждого такого цикла были характерны подъём, взлёт духовности, а затем наступал неизбежный спад.

- И где же сегодня мы, наша страна?

Ответ был ожидаем и не вызвал никаких возражений.

Но более всего поразили сестёр цветковые характеристики, который Даниил давал каждому этапу. Так, подъём он видел в золотистоголубых цветах, взлёт духовности - в светло-лучезарных, а спад - в зловещих кроваво-багровых.

А ещё он приучал их ходить босиком, как делал, по возможности, сам. Свою страсть к хождению босиком, которая была присуща и его отцу, он объяснял тем, что «вся соль в подошвах», и с восторгом делился ощущениями от этого незащищённого обувью соприкосновения, даже какого-то органичного и необходимого соединения с землёй, и удивлялся, как этого могут не понимать остальные...

Когда сложившиеся отношения уже можно было назвать без натяжки дружбой, если, конечно, не принимать во внимание определённую влюблённость обеих сестёр и соответствующие отношения симпатии между ним и Татьяной, Ирина, старающаяся привлечь внимание к себе, посвятила ему стихотворение.

Благо тебе - Поэт!

Во тьме наших душевных дней

Твой дар - как солнечный свет,

Как ветер родных полей!

Он на крыльях несёт аромат

Свежих трав и дыханье цветов -

Расцветает волшебный сад

За чертой озарённых слов.

И входящим в оазис тот,

Опалённым жаждой пустынь -

Подаёшь ты напиток вод,

Омывающих воды святынь.

Прозревающий Духа рассвет

И нездешнего Солнца восход -

Благо тебе - Поэт -

Благословен твой приход!..

Когда она осмелилась и прочла его, Даниил спросил:

- Ирина, вам никогда не приоткрывалась в вашем сознании щелочка в ваше прошлое? Вы не видели, кем вы были в прошлой жизни?

Ирина задумалась. Кем она была в этой жизни, она знала хорошо, потому что с наступлением летних месяцев уезжала в свои лесопатологические экспедиции по лесоустройству, будучи лесопатологом и оставляя своего любимого на попечении мамы и сестры, к которой его ревновала, но скрывала это.

- Нет, - после паузы сказала она. - Никогда. По-видимому, мне это не дано.

- А мне как-то открылась такая щелочка, - признался он, уходя в собственные мысли и видя в ней благодарного слушателя. - Я был тогда индусом, точнее брахманом... И я был изгнан из касты за то, что женился на неприкасаемой...

Ирина с восторгом смотрела на него, завидуя той, несомненно счастливой, женщине, которую он сейчас видел своим внутренним взором...

Впрочем, он влюблялся не только в неведомой им прошлой жизни, но и в настоящей и рассказывал об этом, как о той очаровавшей его женщине, которая оказалась замужем. И признавался, что не сомневается - где-то живёт его истинная половина, потому что для каждого человека в этом мире существует только один-единственный по духу спутник, с которым суждено идти одним путём. И что творчество - это и есть умение выразить человеческие чувства, передать глубину их отношений в образах.

Тут, как правило, переходили на обсуждение классиков, того, чего они достигли своим мастерством проникновения во внутренний мир человека в своих произведениях, и нередко доходило до споров.

Стендаль для него был «фальшивым и чувственным», и с этим полностью согласна была только Ирина. А вот Наташу Ростову, в которую, кажется, был влюблён и сам Толстой, и образ которой нравился всем трём женщинам, Даниил не любил даже несмотря на то, что этот образ был наделён писателем той самой добротой, которую он считал самым важным человеческим качеством.

А как-то потом признался, что прозу ему писать труднее, чем стихи.

Сестры удивились.

- В прозе нет ни рифмы, ни размера. Ведь гораздо проще излагать мысли своими словами. Мы все пишем письма, это та же проза... - не согласилась Ирина.

- Вы не правы. В прозе, не в письмах, тоже нужен внутренний ритм. А это гораздо труднее сделать, чем в стихах.

Однажды Ирина рассказала ему свой страшный сон, в котором она по трубе или в какой-то шахте летела куда-то вниз головой, как ей показалось, внутри земли.

- И там я увидела тебя... Где-то в уголке, еле освещённом... И кто-то мне говорит: «Если спустишься в самое сердце молитвы, то найдёшь там того, за кого молишься»... Или, может быть, «кого любишь» - я не запомнила точно...

Даниил вдруг стал серьёзным и негромко произнёс:

- Это был не сон. Вы, Ирочка, на самом деле были там...

Наступивший тысяча девятьсот тридцать седьмой год ознаменовался арестами многих знакомых и не знакомых, но известных людей, среди которых было немало делегатов первого съезда писателей. Это скорректировало их отношения с братом. Теперь уже возвращение того на родину не казалось таким уж безопасным. И в мае следующего года, утратив всякую надежду на то, что Вадиму вообще разрешат приехать, и отдавая себе отчёт в опасности продолжения дальнейшей переписки, он просит брата больше писем не писать.

Он уже сталкивался с работниками ГПУ, знал иезуитскую извращённость задаваемых вопросов и настойчивость в получении нужных им ответов. Но в то же время хорошую подготовленность к допросу. Тогда речь шла об отце и его знакомых, и его поразило и даже подкупило то, что сотрудник этой организации знал творчество его отца даже лучше, чем он сам.

И теперь самыми близкими для него людьми стали Усовы. И вполне закономерно, что один летний месяц 1939 года он провёл вместе с Марией Васильевной и Татьяной в Малом Ярославце, после чего никто из знакомых уже не сомневался, что эта завидная пара и свадьба их уже не за горами. Только Ирина не верила в это, ревнуя на отдалении в своих лесных делах...

Война

В какой-то мере дружба с сёстрами Усовыми была своевременной и целительной. Она заполнила пустоту, возникшую после утраты надежды на встречу или хотя бы продолжение общения на расстоянии с братом, и одновременно смягчила тот дискомфорт, который он теперь ощущал в некогда таком желанном доме Добровых. Старенький доктор всё чаще жаловался на здоровье. Коваленский был поглощён работой, как Шура, в свою очередь, мужем и собственной, непонятной теперь Даниилу, жизнью. Ему всё более хотелось уединения, возможности писать не отвлекаясь на жизнь дома, домашние проблемы.

В апреле, в пасхальные дни 1941 года, умер Филипп Александрович. Пришёл домой от больного, прошёл в ванную помыть руки - и его разбил удар.

Теперь в доме поселилась печаль, и он уходил от неё к Усовым, к Татьяне.

Началась война, но она пока не воспринималась трагедийно: бои шли где-то далеко от Москвы. Только вот переживали за Ирину - она в это время была в экспедиции в прикарпатских лесах, всего в ста километрах от границы.

По болезни позвоночника Даниил не был мобилизован, и на лето Усовы сняли флигелёк в Переделкино, куда и уехали из Москвы. Спустя полторы недели после начала войны добралась туда и Ирина. Теперь все были в сборе, все вместе. Но в тот день, когда к ним приехал Даниил, случился первый налёт немецких бомбардировщиков на Москву. Из Переделкино им видно было, как в вечернем небе лучи множества прожекторов выискивали самолёты, а когда находили - как держали его, словно гигантскую стрекозу. Со стороны это выглядело феерически и совсем не страшно, пока не начали стрелять зенитки, находившиеся недалеко от посёлка, и над городом не появилось зарево.

Даниил нервничал, боясь за своих родных, порывался сейчас же ехать обратно в Москву, но поезда уже не ходили. Он смотрел на зарево и старался угадать, в каком месте горит, далеко ли от его дома. И рано утром с первым поездом уехал.

Москва всё более превращалась в военный город, напоминая давние революционные дни, с той лишь разницей, что теперь враг был один: и для тех, кто искренне служил советской власти, и для тех, кто её терпел или даже желал ей поражения. В 1939 году Даниил познакомился с сотрудником Литературного музея Ростиславом Митрофановичем Малютиным, который пришёл тогда к ним домой, чтобы узнать как можно больше об отце. Оказалось, что во многом их взгляды на жизнь совпадают, и с того времени они поддерживали отношения. В самом начале войны зашёл разговор и о возможном будущем. Малютин склонялся к тому, что падение советского строя позволит России вернуться на общецивилизационный путь развития и стать парламентской республикой, чего, собственно, и хотели думающие патриоты, совершая февральскую революцию. И вот теперь этому могут поспособствовать немцы, и уже сегодня следует готовиться к подобным переменам. Даниилу же, сыну почти забытого гениального писателя, прекрасно знающего мощь немецкой культуры, следует быть в рядах тех, кто будет строить возрождённую Россию. К тому же он ведь и родился в Берлине - можно сказать, по месту рождения принадлежит к этой нации.

- Ну что вы, я писатель. И русский. Был им и останусь, - отказался тогда от этого предложения Даниил.

Но согласился, что «сумрачный немецкий гений» заслуживает уважения, а Гитлер, по-видимому, является проводником каких-

то мистических сил, правда, ещё трудно разобраться - светлых или тёмных.

На этом они и разошлись.

Москва постепенно приспосабливалась к новой действительности. Учреждения и организации продолжали работать, но главным в городе теперь были военные.

Ирину вновь отправили в экспедицию, но теперь уже на Урал, на реку Белую, учитывать запасы дикорастущего шиповника: для фронта нужен был витамин С. Теперь она уже волновалась за них, вслушиваясь в сводки с фронта и пугаясь, что немцы всё ближе и ближе к Москве. И она пишет письмо Даниилу, в котором признаётся в своей любви. Но он любит другую сестру. Или, во всяком случае, ему нравится больше Татьяна, от которой у него нет секретов, и он читает это письмо ей и тем самым делает сестёр соперницами, совершенно не отдавая себе в этом отчёт.

Возвратившаяся Ирина теперь работает пожарником, тушит зажигалки, как, впрочем, и другие знакомые. Так же по ночным крышам бегают, предотвращая пожары, Сергей Попов и однажды, не удержавшись, летит вниз...

20 сентября погиб Юрий Беклемишев, в литературе его уже знали как Крымова, автора романа «Танкер Дербент», который когда-то помогал писать Даниила.

С продуктами становится всё труднее. Ирина ездит в окрестные деревни менять пожитки на продукты. Даниил и его родственники не были столь практичны, и периодически он приезжал к Усовым, где его кормили досыта.

Он пишет поэму «Германцы», пытаясь понять, а может быть, провидеть будущее, опираясь на историю нации, в которой находит немало светлого. И рефреном в поэме звучит раздвоение по отношению к прошлому и настоящему.

*Киев пал. Всё ближе знамя Одина.
На восток спастись, на восток!
Там тюрьма, но в тюрьмах дремлет Родина,
Пряха-мать всех судеб и дорог.
Гул разгрома катится в лесах.
Троп не видно в дымной пелене...
Вездесущий рокот в небесах
Как ознобом хлещет по спине...*

А немцы уже рядом, под самой Москвой.

15 октября объявляется эвакуация.

16 октября в восточном направлении, в сторону Горького, тянется нескончаемая вереница машин с беженцами. Остаются только те, кому некуда и незачем бежать.

Не хоронят. Некогда. И некому.

На восток, за Волгу, за Урал!

Там Россию за родными реками

Пять столетий враг не попира!..

Клячи. Люди. Танк. Грузовики.

Стоголосый гомон над шоссе...

Волочить ребят, узлы, мешки,

Спать на вытоптанной полосе...

В этот день оставшиеся ждут важного сообщения, о котором было объявлено заранее. По слухам - это заявление о сдаче города.

Но в полдень сообщения нет. Нет его и позже. И как считают многие, в том числе уверена и Алла Мусатова, в этот день случилось чудо. По одной версии, три женщины по благословению священника, взяв в руки икону Божьей матери, Евангелие и частицы мощей, обошли вокруг Кремля. По другой, самолёт с иконой Казанской Божьей Матери облетел в тот день Москву.

19 октября в Москве объявлено осадное положение.

А ему вдруг пишутся «Янтари» - как чудодейственное снадобье; сытое, жаркое и счастливое прошлое пришлось противостоять голодному, холодному и страшному настоящему.

В дни, когда над каждым кровом временным

Вой сирен бушует круговой

И сам воздух жизни обесцененной

Едко сух, как дым пороховой -

В этот год само дыханье гибели

Породило память дней былых,

Давних дней, что в камне сердца выбила

Золотой, ещё не пётый стих...

Коваленский по заказу издательства «Художественная литература» составляет антологию «Стихи о родине» и привлекает к отбору стихов для сборника Даниила.

Уже лежит на столе повестка в военкомат, но он заболевает гриппом и долго выздоравливает.

В конце февраля узнает, что ранен Малютин и находится на лечении в одном из московских госпиталей.

Будни тянутся однообразной вереницей, в которой главное - ожидание новостей с фронта и известий о знакомых. Ломается привычный ритм жизни, никто не строит никаких планов, главное - выстоять и выжить.

Второе лето войны было отдано стоянию в очередях по отовариванию продуктовых карточек и поездкам за продуктами в деревни, у кого ещё было на что их менять. Однажды вызвался поехать и Даниил, наметив потенциально зажиточных людей, которым хотел предложить некоторые золотые вещицы. Сёстры Усовы поехали с ним за компанию и перед дачным посёлком остались его ждать. Вернулся он довольно скоро, ничего не обменяв, и пораженный удивленным.

- Вы только представьте, сад ухоженный, значит, и садовник у них есть, розы, дорожки песком посыпаны, дом большой и красивый... И главное, оттуда звуки рояля... словно никакой войны и нет...

После он сам никогда больше не ездил менять. Только вместе с Татьяной, которая уже не скрывала своей близости с ним.

Скоро пришлось продавать книги, хотя они теперь почти ничего не стоили... Особенно переживал, когда расставался с полным собранием сочинений Достоевского.

В 1942 году после долгой и тяжелой болезни умерла мама Лиля. С её уходом дом перестал быть домом, а стал коммунальной квартирой. Коваленские теперь отделились окончательно и питались самостоятельно, и Даниил практически голодал, наедаясь досыта, только когда приходил к Усовым. В доме ему теперь было вовсе неудобно ещё и потому, что Шура всё вокруг видела исключительно в чёрном свете и этим паническим настроением заражала и его. Собственно, теперь это был её с мужем дом, и они заняли комнату Елизаветы Михайловны.

Наконец Даниила мобилизовали, но воинская часть, куда он попал, ещё долго стояла под Москвой в Кубинке, и сёстры Усовы не раз к нему приезжали. Он уже почти убедил себя в том, что в Татьяне нашёл свою половинку, хотя полной уверенности в этом не было. К тому же годы торопили, процесс поиска той, которая бы понимала его и готова была с ним пережить все невзгоды, разделить мысли, как и положено половине, затянулся, и он это ощущал. Младшая сестра Ирина, которая любила его, казалась ему неспособной на самопожертвование, он воспринимал её больше как девчонку, чем как женщину. Она была хорошим слушателем, восторженным почитателем, но у неё не было той напористости, уверенности в том, что следует делать, как в старшей сестре. С Ириной он нередко заводил

разговор, чего ждёт в их отношениях с Татьяной, отдавая себе отчёт, как больно слышать от любимого признание в любви к другой, но веря, что та желает счастья сестре. Он уверял её и себя, что он для Татьяны «единственный и неповторимый» и она «согласится на любую роль» возле него, стараясь не замечать, что характер у старшей Усовой совсем непокладистый и вряд ли она готова полностью разделить его жизненные установки...

Потом его отправили на передовую. Он регулярно писал Усовым. Служил в политотделе дивизии старшим писарем.

В начале 1943 года дивизия совершила двухдневный переход через Ладогу и вошла в осаждённый Ленинград. Этот ночной путь по тёмному блокадному городу приоткрыл для него происходящее в невидимых мирах. Над всей этой смертельной схваткой двух армий он вдруг зримо увидел противостояние непримиримых начал. Он назвал увиденное третьим уицраором. Пережил трепет ужаса, но и узрел блистание от приближавшегося не менее мощного противника «нашей надежды, нашей радости, нашего защитника, великого духа - народоводителя нашей родины»... И с этого момента уже не сомневался в победе.

Блокада была прорвана, и оставшиеся в городе нестроевики помогали распределять хлеб. Андрееву поручили торговать им, а спустя некоторое время вдруг обнаружилась недостача более чем на семьсот рублей. Его вызвали в военную прокуратуру.

Следователь капитан Борисов начал допрос. Вошедший худой и даже несколько измождённый солдат представился:

- Рядовой Даниил Леонидович Андреев.

Секретарь Хорьков, записывающий допрос, поднял голову и внимательно оглядел солдата. Уточнил:

- Ваш отец - Леонид Андреев?

- Так точно.

Хорьков повернулся к Борисову.

- Пусть он выйдет, нам надо поговорить.

Тот удивлённо посмотрел на секретаря, но приказал Андрееву выйти.

Когда остались вдвоём, Хорьков горячо произнёс:

- Это ведь сын большого писателя, Леонида Андреева.

- Я такого не знаю, - отозвался Борисов.

- Он был лучшим другом Максима Горького. Понимаешь, я уверен, этот человек никак не мог красть хлеб, тут надо разобраться.

Борисов подумал.

- Хорошо, попробуем разобраться и помочь.

Вызвали опять Андреева и попросили всё рассказать честно. И он рассказал, что, глядя на голодных детей, не мог сдержаться, что-

бы не дать им хотя бы маленький кусочек... А потом жеребёнок... Он так просил, у него такие глаза и влажный носик...

Следователи переглянулись, потом Борисов сказал:

- Значит, вы не брали для себя?

- Я не мог.

- Мы проверим. Пока свободны.

Проверка показала, что, действительно, всё так и было. Нашлись свидетели, видевшие, и как Андреев давал хлеб детям, и как подкармливал жеребёнка.

Доложили генералу, не преминув сказать, что тот - сын большого писателя, друга Горького, и допустил растрату исключительно по глупости. К тому же инвалид. Генерал дал команду в наказание направить рядового Андреева в похоронную команду.

В этом печальном подразделении Даниил, помимо исполнения основных обязанностей по захоронению, читал над погибшими православные заупокойные молитвы.

Теперь он уже определился по отношению к фашизму: виденного и пережитого хватило для ясного вывода. «Ясно, что германский фашизм я не могу рассматривать иначе как реакционную силу, посягающую на самое существование русской культуры, на самостоятельное бытие русского народа, живым членом которого себя чувствую и сознаю. Я глубоко люблю старую культуру Германии и Италии, немецкую музыку и поэзию, итальянскую живопись и архитектуру. Тем более страшной кажется мне раковая опухоль, возникшая на теле этих культур в лице фашизма и требующая удаления самым жёстким хирургическим путём, поэтому я не мыслю окончания текущей войны иначе, как только при условии полной и безвозвратной ликвидации фашистского режима, вызвавшего такие бедствия, какие были неизвестны до сих пор мировой истории.

Для себя лично я считаю долгом и обязанностью включиться в нашу общую освободительную войну...»

Он серьёзно болен, у него спондило-артрит - заболевание нервных корешков спины, отчего перед войной он несколько лет носил корсет. «Но я не мыслю для себя сейчас иного местопребывания и работы, как в армии», - пишет он в автобиографии летом 1943 года.

И тут же излагает свою позицию для тех, кто будет внимательно изучать каждое написанное слово, а он это хорошо знает. «Некоторые моральные взгляды, усвоенные мною с детства и укоренившиеся навсегда, диктуют мне не избегать ни опасностей, ни открытой борьбы. Но препятствуют участию в такой работе, где имеется элемент обмана, хотя бы и допустимого в условиях войны».

При погрузке снарядов он надорвался, и рецидив давней болезни, расщепление крестцового позвоночника, привёл его в госпиталь. После выздоровления он остался здесь санитаром, а затем регистратором. В свободное время он продолжает писать «Странников ночи». Изредка пишет письма своим знакомым.

«До чего живуча всё-таки человеческая душа, - пишет он Валентине Миндовской. - Правда, самых страшных и жестоких проявлений войны мне всё ещё не приходилось переживать, но всё же я видел немало тяжёлого и невыразимо печального, и несмотря на это, в душе не умерли ни радость жизни, ни надежда, ни жажда творчества, ни вера, наоборот, они горячее, чем когда бы то ни было раньше...»

И хотя в своей автобиографии он отметил, что женат на Татьяне Владимировне Усовой, научном сотруднике института геологии при Академии наук СССР, хотя брак и не зарегистрирован, но в свою командировку в столицу он приехал уже не к ней. Он не мог забыть жену друга, не мог забыть то обжигающее чувство, которое пережил, видя её, страстное желание взять её за руку, смотреть в её глаза... Он написал с фронта, и она ответила, они стали переписываться, рассказывая друг другу обо всём... И теперь он думал только о встрече с ней, уже зная, что она считает свой брак с Ивашевым-Мусатовым ошибкой, и что их семейные отношения давно уже охладели. Что муж знает о том, что ей нравится Даниил, а у него тоже появилась женщина, которая любит его, - Наталья Кузнецова.

От мужа Алла и узнала о приезде Даниила и, не дослушав до конца, не в силах справиться с волнением, почти бегом направилась к дому Добровых.

Даниил был в комнате Коваленских, они разговаривали с Александром, когда она ворвалась туда. Ворвалась и тут же, не замечая никого больше, бросилась к нему. И Даниил прервал разговор на полуслове и вместе с ней прошёл в свою комнату. Здесь они сели на диван, наперебой стали говорить друг другу о том, как жили один без другого... И каждый всё более убеждался, что нет никого дороже того человека, что сидит перед ним. Для неё - худой человек с выразительными глазами на измождённом лице. Для него - умная, тонкая, поразительно близкая духовно женщина...

Потом они вошли в комнату к Коваленским и коротко объявили:

- Мы теперь вместе.

- Совсем и без всяких осложнений? - уточнил Коваленский, имея в виду отношения Даниила с Татьяной, да и Алла ещё официально была женой Ивашева-Мусатова.

- Никаких половинчатых решений, - отрезал Даниил. - Мы вместе.

И они с Аллой ещё крепче сжали руки друг друга, чувствуя своё единение.

Не откладывая, сообщили об этом Татьяне, которая расценила это как предательство. А Сергей и так уже не надеялся что-либо изменить в их отношениях с Аллой. Это известие лишь усугубило его депрессию, он попал в больницу, и Алла оформила развод на основании медицинской справки. До возвращения теперь уже бывшего мужа из больницы она жила в их квартире, а когда тот вернулся, переехала в комнату Даниила, ожидая его, а Кузнецова стала жить с Сергеем в их квартире.

...В октябре 1944 года Андреева вновь командировали в Москву работать в музей связи Красной армии. Теперь они с Аллой были вместе, у него был свой дом, обустроенный любимой женщиной, уют, всё понимающий друг и любимая, которая заботилась о нём так, как никогда и никто не заботился. Он тоже изменился, старые друзья его теперь не узнавали. Впрочем, они теперь заходили всё реже и реже, потому что Алла ограждала Даниила от отвлекающих и расслабляющих встреч. Он рано уезжал в музей, поздно возвращался, и она приложила немало усилий, добываясь, чтобы ему разрешили работать дома, где она могла за него выполнять эскизы или писать шрифты, а он - заниматься своим романом.

И с каждым днём он всё больше и больше понимал, что именно Алла и есть его верная спутница и надёжный товарищ. Никто прежде так не разделял его взгляды и так не понимал его, как она. Вполне возможно, что и тогда, в прошлой жизни, его любимой тоже была она...

Двое

В июне 1945 года после открытия музея связи Даниила демобилизовали и признали инвалидом войны второй группы с диагнозом: маниакально-депрессивный психоз атипичной формы. И даже дали пенсию.

Теперь он, не отвлекаясь больше ни на что, пишет роман. Пишет по ночам, а следующим вечером читает Алле. Нередко просит совета, касающегося того или иного женского образа, и она охотно вживается в его героинь и поясняет, что и как в той или иной ситуации должна переживать женщина.

Когда наступает творческий перерыв, он вслух читает своего любимого Достоевского. Алла в это время обычно что-то вяжет, и ему нравится вот такое сочетание, когда текст словно вживляется в это простое действие...

В начале июля они откликнулись на приглашение Татьяны Морозовой и поехали к ней в деревню Филипповскую, которая находилась в сорока километрах от Загорска. Она жила с дочкой в маленькой комнатке и выглядела, да и была, больной. Но несказанно рада была гостям, тому, что ещё сумела уговорить приехать и Галину Русакову с мужем, и теперь отводила душу в воспоминаниях.

Пробыли они в деревне больше месяца, а потом тоже не торопились в свою комнату, откликнулись на приглашение Валентины Миндовской, поехали к ней в Измайлово. Муж её ещё не демобилизовался, а с ней жили Екатерина Алексеевна Андреева-Бальмонт, бывшая жена поэта, и её подруга Ольга Николаевна Анненкова. Эти две старушки (хотя Анненкова была моложе на семнадцать лет, но выглядела почти так же, как старшая подруга) развлекали их не только своими воспоминаниями, но и антропософическими беседами. Но они предпочитали, как в Филипповском, большую часть дня гулять по окрестностям, разговаривая друг с другом.

Это были дни, когда они постарались забыть о собственной неустроенности и нищете. Алла, будучи членом Союза художников, не могла найти работу, пенсии Даниила явно не хватало, и выручил их Сергей Николаевич Матвеев. Он был учёным географом и предложил Даниилу принять участие в написании книги о русских исследователях горной Средней Азии. Со стороны Матвеева были имя и конкретный материал, со стороны Андреева - литературная обработка текста. Книжечка вышла в 1946 году, и последовал следующий заказ: написать книгу о русских путешественниках в Африке. Это уже было гораздо интереснее и на какое-то время даже перебило работу над романом. Он увлёкся темой и даже разыскал в Ленинской библиотеке сведения о том, что там есть река, названная именем Николая Степановича Гумилёва. Но когда книжка была написана, набрана, набор был рассыпан...

26 февраля этого первого послевоенного года было объявлено о снижении цен в коммерческих магазинах на хлеб, макароны, крупу. Снизили на пятьдесят процентов и цены на папиросы, что его особенно обрадовало, хотя теперь он предпочитал сворачивать самкрутки с махоркой.

Летом поехали в Задонск с Бружесами: папа и мама Аллы, её младший брат Юрий с женой Маргаритой и они. Как всегда, много гуляли, купались и предавались ничегонеделанию. Даниилу особенно нравились ночные купания. «Питаемся хорошо, спим много, а больше всего валяемся в саду», - пишет он.

Для Аллы и Даниила эти дни - самое счастливое время с той поры, как они стали жить вдвоём. Каждый ощущает заботу другого и ценит это. Однажды Алла засадила большую занозу и первую

ночь от боли не могла заснуть, и Даниил всю ночь читал ей вслух, чтобы отвлечь от боли.

И оба радовались, замечая друг в друге признаки улучшающегося здоровья. Оно теперь не позволяло им отправляться в дальние походы, но позволяло совершать недалекие прогулки.

Утро сонное -

Ширь бездонная...

Тополя пирамидальные

Прячут белый тихий дом,

Степь в росе и тучи дальние

Оторочены дождём...

А ещё они с удовольствием работали: он писал роман и стихи, она делала наброски к будущим картинам...

Военное время постепенно отступало в прошлое, забывалось, хотя нет-нет да и напоминало о себе. Чаще неприятно, но иногда неожиданно радостно. Так неожиданно явился посланец от брата, фронтовик, который дошёл до Франции и там встретил Вадима. Оказывается, брат был участником Сопротивления, арестован немцами, но просидел недолго: был уже конец войны и их освободили. И он даже успел уже получить советское гражданство. С одной стороны, это Даниила обрадовало, но, с другой, он уже начал бояться, что Вадима по приезду в СССР арестуют.

Впрочем, теперь он и не чувствовал той, прежней, связи с братом, ближе всех теперь была Алла, с которой они практически не расставались, так как оба работали дома. Он - над заказанной книгой, она - над картинами.

Поселился и стал лояльным гражданином Коваленский. Он готовил документы для вступления в Союз писателей СССР и уже получил рекомендации не только критика Е. Книпович и переводчика С. Шервинского, но и от известных и влиятельных писателей Николая Асеева и Константина Федина.

Был апрель, и на наступивший 1947 год они возлагали много всяческих надежд.

Но неожиданно Даниилу предложили лететь в Харьков и прочесть там лекцию о русских путешественниках на основе тех материалов, что он набрал для книги. И 21 апреля за ним приехала машина...

Это был арест.

А спустя несколько дней был обыск в квартире, и всё, что было рукописного или уже отпечатанного на машинке, забрали, и после обыска наутро увезли и Аллу. Когда её уводили, на лестничную площадку вышла соседка, Анна Сергеевна Ломакина, которая вместе с

мужем не так давно вернулась из заключения. Протянула завернутые в тряпочку кусок черного хлеба и несколько кусочков сахара.

- Вам это пригодится...

Алла, не особенно вдумываясь, но уже предчувствуя долгое расставание и с соседкой, и с этим домом, и с привычным образом жизни, протянула в ответ то, что ещё связывало её с каждодневными заботами.

- Вот, Анна Сергеевна, мои керосиновые талоны, возьмите их.

Хотела добавить, что больше они ей не пригодятся, но не стала, боясь спугнуть надежду на благополучное разрешение ожидаемого и всё же ставшего столь неожиданным ареста.

Они с Даниилом не сомневались, что среди тех, кто ходил к ним в гости, знал и читал рукопись романа и принимал участие в их откровенных разговорах, обязательно должен был быть стукач, доносчик, сотрудничающий с госбезопасностью. Знали, но не хотели в это верить. Как не могли поверить и в то, что за мысли, за их отношение к власти их могут арестовать. Ведь в конечном итоге они никак не враги своей стране. И скорее наоборот, они хотят ей только процветания. Но критично относятся к тому, что делает нынешняя власть. Да, собственно, и к тому, какой стала их родина, которую они знали и помнили ещё царской, а затем революционной и вот теперь находящейся под гнётом карательных служб. Разве может в таких условиях развиваться свободное общество, быть счастливым народ? Конечно же, нет. И они честно об этом говорят, никого не агитируя свергать эту власть - она должна уйти сама. Но для этого как можно больше людей должны продемонстрировать свой протест, выразить своё несогласие с тем, что сегодня происходит. Даниил органически не переносил каждодневную ложь газет, ложь или недомолвки в общении. И это раздражение, неприятие поощряемой властью лжи диктовали ему образы героев его романа, более решительных и нетерпимых к власти, чем они в реальности, способных на самопожертвование во имя будущего...

В их окружении было немало тех, чьи знакомые или даже родственники уже отсидели или навечно сгинули в предвоенные годы репрессий. Их мысли, их судьбы и были положены в основу перипетий, через которые прошли герои его романа. И Даниил хотел, чтобы об этом узнало как можно больше людей, поэтому охотно читал написанные главы или давал читать рукопись всем, кто хотел их прочесть, отмахиваясь от советов поберечься, не раздражать органы, которые и так уже многие годы не выпускали его из поля своего зрения...

Во время обыска Алла отдала несколько глав рукописи романа «Странники ночи», когда поняла, что пришедшие чекисты ищут

именно его. Свой дневник, в котором было немало того, что Даниил считал по-настоящему опасным, потому что это были не слова выдуманных персонажей, плод воображения, а её, Аллы, изложенные на бумагу собственной рукой мысли, она успела уничтожить.

Читатели

Следователи оказались очень внимательными и проницательными читателями.

Они усердно готовили донесение Абакумова Сталину, в котором глава госбезопасности обосновывал арест известного вождю сына писателя-эмигранта и крестника основателя литературы социального реализма Даниила Леонидовича Андреева.

«В процессе агентурной разработки было выявлено, что Андреев Д. Л. и Андреева А. А. группировали вокруг себя вражески настроенных людей и среди них вели злобно антисоветские разговоры, распространяли клевету и измышления против Советской власти, - говорилось в нём. - Кроме того, через агентуру установлено, что Андреев написал ряд антисоветских произведений и читал их своему близкому вражескому окружению.

МГБ СССР было секретно изъято антисоветское произведение Андреева под названием «Странники ночи» в 4 частях, в одной из глав которого Андреев призывал к активной борьбе с Советской властью путём террора против руководителей Советского правительства».

Агентурная сеть - это знакомый актёр и подруга Аллы. О первом Даниил догадывался: человека с печатью Иуды всегда видно, только верить в это не хочется.

Допросы первое время даже были ему интересны. Вели их сразу два следователя: майор Иван Фёдорович Кулыгин и подполковник Михаил Андрианович Жуков. Это потом были и другие, задающие одни и те же вопросы до той поры, пока он не соглашался с предлагаемыми ими формулировками ответов и не подтверждал это согласие своей подписью под протоколом. Но этих первых он хорошо запомнил, потому что тогда ещё многого из своего будущего даже не мог предполагать...

Тот допрос они начали с письма Татьяны Усовой, найденного при обыске.

- О каком литературном завещании идёт речь в этом письме? - спросил майор, который был главным следователем.

Сидящий несколько в стороне подполковник делал вид, что присутствует здесь лишь по необходимости, но взгляд его был острым, и Андреев видел, что тот очень внимательно выслушивает его ответы.

Отвечать он начал неторопливо, излагая мысли отчасти казённо, так легче было успокоиться и подавить волнение от произошедшего с ним в последние дни.

- Находясь в армии, я послал в Москву Усовой письмо, в котором писал, что делаю её своим душеприказчиком и поручаю ей после моей смерти издать оставленные у неё мои литературные произведения. Этот документ Усова и имеет в виду, когда пишет о литературном завещании.

- Какие литературные произведения вы оставили Усовой?

- Уезжая на фронт в 1942 году, - так же неспешно продолжил он, - я оставил Усовой сборник моих лирических стихов, поэмы «Монсальват» - она была не окончена, «Кримгильда» и «Лес вечного успокоения». Название последней поэмы позднее, после возвращения из армии, я изменил на «Немереча», что на брянском говоре означает «непроходимая чаща». Оставил Усовой я также начатый мною роман «Эфемера».

- Ещё какие свои произведения вы оставляли Усовой?

- Больше Усовой я ничего не оставлял.

- Это точно?

- Да. Совершенно точно.

- Разве эти произведения по своему содержанию могли быть напечатаны в Советском Союзе?

«Странный вопрос, - подумал он, - не правильнее ли было бы спросить, отчего они не могли быть напечатаны...» И ответил, показывая, что понял всю казуистику вопроса:

- Ни в одном из перечисленных мною произведений ничего антисоветского нет. В поэмах «Монсават» и «Немерече» имеются оттенки мистики. Такие же оттенки мистики имеются и в некоторых моих стихах. Эти произведения, конечно, сейчас напечатаны быть не могут. Такие мои стихи, как «Бродяга», «Лесная кровь», «Янтари», могли бы быть напечатаны.

Подполковник хмыкнул, окинул его многозначительным взглядом: «Смотри-ка, он ещё и публиковаться хочет», но промолчал.

- Так вы утверждаете, что не писали антисоветских произведений? - с напором произнёс майор.

- Да. Я это утверждаю, - твёрдо ответил Андреев.

- Тогда я процитирую вам одно место из письма, о котором шла речь в самом начале допроса: «...такой огонь не может задеть ничто извне (как у Ирины Фёдоровны)». Кто такая Ирина Фёдоровна?

- Ирину Фёдоровну я не знаю. Полагаю, что речь идёт о Мансуровой, которую, кажется, звали Марией Фёдоровной. О Мансуровой я как-то рассказывал Усовой как о примере верности любимому человеку.

- Вы лжёте! Вам отлично известно, кого имела в виду Усова, упоминаемая имя Ирины Фёдоровны, - вмешался подполковник. - Предлагаем вам говорить правду.

- Я повторяю, что Ирину Фёдоровну я не знаю.

- А героям, описанным в ваших произведениях, вы не давали имя Ирина Фёдоровна? - быстро спросил майор.

- Нет, не давал, - так же быстро ответил Андреев.

- Прекратите запирательство! Следствию точно известно, что Ирина Фёдоровна - героиня одного вашего произведения. Говорите правду! - повысил голос подполковник и окинул его цепким взглядом.

«Они знают, - подумал Андреев, - нет смысла отрицать».

- Я прекращаю запирательство, - торжественно произнёс он, не думая, какотреагирует на его иронию подполковник, которого он считал более умным, а оттого более опасным. - Ирина Фёдоровна - это действительно имя героини одного моего романа.

- Какого?

- Роман называется «Странники ночи».

- Этот роман вы оставляли Усовой? - спросил майор.

«Они знают много», - утвердился он и не стал отрицать.

- Да, оставлял.

- Почему, перечисляя то, что вы оставляли Усовой, вы не назвали этот роман?

«Нет смысла больше скрывать, - решил он, - они хотят услышать правду, и я буду говорить правду».

- Потому что в этом романе имеется критика советской действительности, которая может быть определена следствием как антисоветские высказывания.

И уловил на лице подполковника быстро промелькнувшую довольную улыбку. И тут же последовал его вопрос:

- Какие ещё произведения вы написали, в которых имеются антисоветские взгляды?

«Как ловко, - подумал он, - я о высказываниях, а они о взглядах... Но стоит ли спорить...»

- Это мои наброски к поэме «Германцы», которые я написал в 1942 году. И ещё несколько стихотворений.

- Эти произведения тоже находились у Усовой? - уточнил майор.

- Эти произведения я оставлял в своей квартире.

- Укажите, где находятся написанные вами антисоветские произведения?

Теперь оба с очевидным интересом ждали его ответа.

«Вот уже и ярлык готов», - усмехнулся он, продолжая воспринимать всё происходящее в эти последние дни с ним как какую-то

абсурдную и не совсем ему понятную игру взрослых людей. И эти сидящие напротив него, допрашивающие его люди были сытыми, чистыми, довольными собой и властью, которой они служили. У них не было никакого желания ничего менять в своей жизни, их всё устраивало. В отличие от него и его знакомых и ещё множества людей, которые, как когда-то его отец, бежали из России, вынужденные долгие годы, как его брат, мечтать о родине, но так и не получившие право вернуться. Или как многие знакомые и незнакомые ему люди, которые перед войной исчезали неведь где без права переписки... И они были непонятны ему, и, скорее всего, он никогда их не поймёт. А им, судя по всему, абсолютно непонятен он. Так стоит ли пытаться объяснить им их заблуждения? Стоит ли доказывать своё? Да и разве они - распорядители его судьбы?

- Этого я следствию не скажу.

- Почему? - без всяких эмоций уточнил подполковник.

- Над романом «Странники ночи» я работал десять лет. Эта работа мне слишком дорога, и я не могу сознательно обрекать её на уничтожение. Другие мои антисоветские произведения, - он выделил слово «антисоветские», - спрятаны вместе с романом. Поэтому я не могу указать их местонахождение.

- Значит, вы отказываетесь выдать свои антисоветские труды?

На это раз и майор выделил «антисоветские» и переглянулся с подполковником. И в этом быстром обмене взглядами Андреев увидел нескрываемое торжество, причину которого объяснить не смог.

- Да, отказываюсь, - торопливо произнёс он, но это выражение их лиц всё не шло из памяти, и он неуверенно добавил: - Во всяком случае, сейчас я этого не скажу.

- Следствие расценивает это как продолжение вашей борьбы против советской власти, - констатировал ровным голосом майор. - Учтите это.

Андреев кивнул, вдруг почувствовав внутреннее опустошение и неожиданно навалившееся равнодушие.

Он уже догадывался, что на ближайшие дни, месяцы, а может быть, и годы его самыми внимательными читателями будут эти люди и, наверное, много других из их ведомства и не только. И что литературные герои, которых он считал исключительно плодом своего воображения, обретут плоть и кровь, предстанут отъявленными убийцами-террористами, сюжетная линия станет реальным планом действий, диалоги, которые ему, автору, мыслились как столкновение взглядов и философий, обретут смысл инструкций бомбистов. «Так кто же из нас больше мистик?» - порой удивлялся он, слушая вопросы этих людей, читая подкладываемые ему для подписи протоколы допросов, очных ставок, в которых были непо-

стижимой нереальности формулировки, из которых получалось, что он не только яркий террорист, способный на убийство, но ещё организатор и руководитель группы, готовившей покушение на Сталина, причём обезвреженный, арестованный буквально перед проведением террористического акта...

Это было похоже на бездарный роман, в соавторы которого его насильно приглашают...

И только когда он видел на очных ставках знакомых и дорогих ему людей, он начинал сомневаться - роман ли это или всё же жизнь... Но потом отбрасывал сомнения - конечно же, роман, который как можно скорее надо закончить и забыть о нём...

А спустя несколько месяцев тюремного заключения и изуверских допросов, летом 1948 года, на имя Сталина поступит докладная «об аресте в Москве террориста Андреева Даниила Леонидовича и ликвидации возглавляемой им антисоветской группы с террористическими намерениями. Всего по делу арестовано 16 человек...»

Тюрьма. Немереча

Оказывается, он был готов к тому, что произошло. И даже после ареста испытал облегчение: дамоклов меч опустился, и, оказывается, это не так страшно, как казалось ему там, на воле. Да, теперь не было домашнего уюта и пусть относительной, но все же свободы перемещений по городу. Не было рядом и всепонимающей и так поддерживающей его Аллы, и это было самое жестокое наказание. Но, с другой стороны, это и славно, что он здесь один, совершенно один и ему не за кого бояться... И получается, что именно здесь и теперь он свободен от ежедневных забот, обязательств, выбора. У него здесь ничего нет, в этом огромном каменном доме с похожими жильцами, обо всех заботятся, за всех решают и выбирают другие...

Это ощущение своей свободы, а значит, неподвластности тем, кто теперь взял на себя все его прежние проблемы, появилось в каком-то из изматывающих допросов, когда он вдруг, взглянув на следователя, пожалел его, представив, сколько усилий тот тратит на то, чтобы оправдать своё бессмысленное занятие. Как он воображает, что властен над сидящим перед ним и, вообще, что в этом мире что-то значит. Он убеждён, что подследственные должны бояться заключения, бояться наказания, бояться его, властителя судеб, и они правдами и неправдами, чаще, конечно, неправдами, стараются избежать наказания, цenia свою жизнь превыше всего...

Бессонными ночами в тюремной камере он искал оправдания чувству вины, которое не покидало его. Ведь своим бытием он навредил родным, близким и знакомым людям, которые по его вине оказались так же в заключении. Те же Алла, Коваленский, Усова...

Но разве в этом был его умысел или его воля?.. Нет, конечно, они могут думать, что он виноват, но на самом деле это просто испытание для всех них, которое было определено свыше.

И это осознание воли над всеми ними, смертными здесь и бессмертными ТАМ, которой они только и подвластны, это проникновение в тайну ночи и постижение её, когда ничто тебя не отвлекает от тебя самого, от той бессмертной твоей части, для выполнения функции которой и выбрано это тело, высветило будущее, в котором не было места страху и чувству унижения перед другими.

Но чувство вины, пусть и загнанное в дальний угол, осталось.

Но всё же это осознание своей свободы не только от тесноты камеры и тюремного распорядка, но и от всего, что было прежде и будет потом, настолько пронизало его, что он ощутил себя счастливым, что не так часто бывало и в прежней жизни.

Нет, он совсем не одинок. С ним его стихи, поэмы, мысли, для которых этих стен, этих запоров, надзирателей, сокамерников не существует, их просто невозможно закрыть, спрятать от других, они вольны и вечны. А вместе с неподвластной людям мыслью волен, свободен и он...

*Едва умолкли гром и ливни мая,
На вечный праздник стал июнь похож:
Он пел, он цвёл, лелея, колыхая
И душный тмин, и чаши мальв, и рожь.
Луг загудел, как неумолчный улей.
От ласточек звенела синева...
Земля иссохла. И в созвездье Льва
Вступило солнце. Жгучий жар июля
Затрепетал, колеблясь и дрожа,
И синий воздух мрел и плыл над рожью;
Двоилось всё его бесшумной дрожью:
И каждый лист, и каждая межа.
Он звал - забыть в мечтательной истоме,
В лесной свободе страннических дней,
И трезвый труд, и будни в старом доме,
И мудрость книг, и разговор друзей.*

Он вновь переживал те мгновения счастья, растворения в окружающем мире, почти физически переносясь в солнечный, звенящий жизнью зной, отчего совсем не ощущал тесноты и душности камеры, удивляя сокамерников своим бодрым настроением и торопясь уйти от незатейливых разговоров-воспоминаний туда, на берега Неруссы...

Начатая в тридцать седьмом году, непростом для страны, а для него противоречиво-страстном - именно в тот год, весной, он позна-

комился с Аллой, эта поэма, словно оберег, напомнила о себе, будто кто неведомый протянул ему руку, приглашая туда, где, в противовес окружающему его ныне, светло и радостно...

*Не в книгах, нет - в живой народной речи
Есть слово: звук - бесформен, шелестящ,
Но он правдив. То слово - немереча,
Прозвание непроходимых чащ.*

Запев поэмы был заложен ещё тогда. Эти годы, так и не завершённая, она словно зрела в нём. И ему казалось, что уже никогда не будет продолжения, он не сможет выразить до конца то, что смутно тогда почувствовал. И уж никак не думал, что в этом замкнутом пространстве, узником, после всего пережитого вновь услышит этот звук...

*И войдёт в эти живительные струи...
Воды! воды!.. - Беспомощный и сырый,
В тот грозный день я понял, что она
Воистину живою кровью мира
С начала дней Творцом наречена;
Что в ней - вся жизнь, целенье ран и счастье,
В ней - Бог мирам, томящимся в огне,
И совершать, быть может, нам причастье
Водю - чище и святее вдвойне.*

Теперь, по прошествии стольких лет, а ещё важнее, стольких событий в жизни страны и в его жизни, пришло понимание, на какой вопрос он тогда искал, но так и не получил ответа.

*Судьба, судьба, чья власть тобою правит
И почему хранимого тобой
Нож не убьёт, отрава не отравит
И пощадит неравноправный бой?*

Конечно, не тогда на берегах реки в те счастливые летние дни - только сейчас он услышал ответ на этот вопрос. Но, несомненно, ответ уже был и тогда, только он его не был способен понять...

Вот для чего было это жуткое путешествие по немеречи его судьбы...

*И с новой силой здесь, в лесной пустыне,
Я понял связь, - да: мировую связь, -
Связь с человечеством, с его бореньем,
С его тропой сквозь немеречу бед...
И я ступил с улыбкой, наслажденьем
На этот свежий, мягковатый след...*

Закончил «Немеречу» и словно стряхнул с себя всё наносное, как в конце знойного, заполненного не радующим, рабским трудом дня омываются в живительной прохладе реки, обретая новые силы и пьянея от новых мыслей. За стенами и решётками окон-бойниц была владимирская тёмная холодная зима, был декабрь, а он вдруг услышал симфонию городского, московского дня. Сначала поступь буден...

Он видит:

у Рогожского,

Центрального,

Тишинского

И там - у Усачёвского -

народные моря:

Там всякий пробирается

в глубь чрева исполинского,

В невидимом чудовище

монаду растворя.

Затем то, чем живёт страна, - великую реконструкцию.

И в бурю оаций,

маршей

и кликов

Век погружает

свою тоску,

И всё туманней скольженье бликов

По мировому

маховику.

И сквозь жужжанье коловоротов

И похихатыванье

электропил

Встанут колонны, встанут ворота

И заплетается сеть стропил.

...

Здесь дух века

мнёт ум тысяч,

росток нежный,

эфир душ,

Чтоб в их сердце

кремнем жизни

огонь пыла

потом высечь,

Швырнуть в город

живой каплей,

*в бедлам строек,
в стальной туш;
Чтоб верным роем,
несметной стаей
Они спускались - в любые рвы,
Громаду алчную ублажая
Ометалличивающейся
Москвы.*

*И наконец наступает вечерняя идиллия отдыха от трудов.
Тешатся масштабами. Веруют в размеры.
Радуются милостям,
долдонят в барабан...
Это - нянчит отпрысков великая химера,
Это - их баюкает стальной Левиафан.*

Но разве можно с этим согласиться? Разве ты тогда можешь считать себя человеком? Нужен прорыв!

*И только память
о прежних жертвах
Ещё не стёрта, ещё свежа,
Она шевелится в каждом сердце,
Как уголь будущего мятёжа.*

...

*Властное днём наважденье господства
Дух в созерцаньи разъял и отверг.
Отче. Прости, если уголь первородства
В сердце под пеплом вседневности мерк.*

Столь плодотворный для него, переломный в понимании собственного предназначения год, четвёртый год узника, заканчивался.

Начинались новое десятилетие и его новая жизнь.

Плодотворье

Конец пятидесятого года соответствовал прорыву, обозначенному им названием четвёртой части городской симфонии. В новый пятьдесят первый он вошёл с всходами «Железной мистерии» и прозаической «Розы мира». Пока и то и другое лишь смутно виделось вдали, не обретя определённых очертаний, а были лишь торопливые наброски и предощущения чего-то увлекательного и очень важного. Но, как и большинство творцов, он не торопился намечать или как-то ограничивать эти контуры: всё должно было прийти без всякого насилия над собой, без угодничества перед ве-

личием собственной мысли, утратив волнуемую остроту новизны, приобретя привкус пока желанной рутинности и полновкусие привычки.

Не так часто, но рождаются на земле личности, кому выпадает быть поводырями того или иного народа, выводить на магистраль духовного развития и просветления или же отклоняться от неё, приняв за истинный ложный свет. И тем и другим суждено потом мучительное бессмертие в осмыслении их бытия последующими поколениями, которым так хочется однозначности в оценках, и каждая из сторон, восхваляющих или осуждающих, прилагает большие усилия, чтобы отстоять свою правоту.

Иоанн Васильевич IV, оставшийся в истории Иваном Грозным - один из таких противоречивых поводырей. Для одних он - правитель, государь, создавший российское государство и укрепивший православную веру, для других - тиран и убийца. Для одних - пример любви к отчизне, для других - палач, заведший Россию в тупик.

Его жизнь - словно зеркальное отражение жизни князя Владимира-крестителя: тот в первой половине своей жизни был убийцей и язычником, а во второй искупал свои грехи. Иоанн Васильевич же, наоборот, в первой половине своей жизни был почти ангел, но во второй явился образцом жестокосердия...

*Но он сам, ночами в голой келии
Не встававший до утра с колен,
Чтобы утром снидить в подземелие,
Где сам воздух проклят и растлен -
Он тревожил с детства мой досуг,
Ибо тайна, замкнутая в нём, -
Ключ от наших всероссийских мук,
Наших пыток стужей и огнём,
- признаётся Даниил Леонидович.*

Пролог поэмы «Гибель Грозного» он пишет ещё в пятидесятом году.

*И встает он - и непомерный, и непохожий,
Кровью царствования
вскормлённый
исполн,
Заложивший
неколебимейшее
из подножий
Уицраорам
приближающихся
годин.*

В поэме он повествует жизнь царя так, как понимает её сам, в отличие от историков, чьими трудами этот образ уже изваян в угоду тех, чья точка зрения взяла верх.

*Хмурый отрок. Взор волчонка. Зарево
Из-под стрешен стрельчатого лба.
Именуют пышно «Государь» его,
А на деле травят, как раба.
И никто не хочет знать, что он
Будет Божьим пастырем Руси,
Что над ним таинственно зажжён
Чей-то взор, как Вesper в небеси!..*

...

*Да, он знает, помнит до рождения,
Этих дум ни с кем не разделя,
Солнце Мира в мощном прохождении
Над венцом Небесного Кремля.
Он - оттуда! Он - один из тех,
Кто играл там мальчиком в саду,
Слыша в кущах серебристый смех,
И о нём тоскует, как в бреду!..*

Поэма пишется довольно легко, всё уже обдуманно, осмыслено. В отличие от безапелляционных историков он не рядится в тогу обвинителя, отдавая себя отчёт, насколько это до глупости самонадеянно. Разве кому дано право судить того, кто пришёл в этот мир пастырем и за чью душу не здесь, там, шла немыслимая по мощи, невообразимая человеком борьба.

Право человека - постичь Промысел, но не судить.

Он уму предстал двуликим Янусом.

Он твердил - то «строй», то - «сокруши!»

Он с неистовствами окаянными

Слить научит свет и честь души.

Он любую пропасть, кручу, дно

Осенит двоящимся крестом...

Нет, не «он» - могучее «оно»

В том глаголе и в наитии том!

Иль, быть может, двух взаимоборющихся,

Двух, сплетённых скорбно судьбой,

Ни в церквах, ни в пиршественных сборищах

Не сумел понять он над собой?

Оба вместе - властны, как судья,

Неумолчны, как веретено...

*И он гасит крошечное «я»
В роковом, в чудовищном «оно».*

...

*Но помины - разве заглушат они
Тёмный шорох шепчущихся толп?
Сваи царства пышного расшатаны,
И подточен благолепный столп.
И давно уж над судьбой царя
Догорел нерукотворный свет:
Отблеск пурпура и янтаря
Снял с помазанника Яросвет.*

Поэма дописана, он высказал своё, неучёное, мнение и не сомневается, что найдутся те, кто разделят его взгляд на Иоанна IV, царя государства Российского, если не в настоящем, то в будущем.

Путешествие в прошлое закончено.

Но Ярослав...

Как подняться туда, откуда пришёл помазанник? Как описать словами, звуками тот светлый мир...

И он приступает к сложнейшей «Утренней оратории». Он знает, что она мало кому будет понятна и интересна, но не может не озвучить открывшееся ему. Ни много ни мало это значит написать историю человечества, какой до него никто не видел. Описать через небесное собрание в Мировой Сальватэрре - так он слышит название светлого мира.

Вот демиурги, создатели, творцы начинают...

Первым - демиург Древнего Двуречья... Чей сверхнарод «...завершал путь бед, не чая бессмертья, плача в неволе...»

И далее по старшинству.

Демиург эллино-римского сверхнарода: «...деяньями мудрых, славой героев Олимп богоносный я созидал...»

Демиург земли Индийской: «к Тебе вздымаю мой сверхнарод...»

Демиург Дальнего Востока: «...где раскроются лотосы - звёзды каждого «я»...»

Юный демиург стран Запада: «...мета народы, я взмёл их в бой...»

Потом все вместе: «Эфирных колоссов мгlistые клочья/Рас-слаиваются, как дым в камыше,/И луч, преломлённый зеркалом ночи,/Раздваивается в народной душе./Соблазны всё горше, борьба - всё шире,/Всё жарче рыданья миров Творцу,/И близится день, величайший в мире,/ - День неба и ада лицом к лицу».

Ваятель человечества: «Так примите в согласный круг Брата младшего!..»

И этот «Брат младший. Он - дитя...» - с одной стороны, с другой же Демиург Яросвет сам торопит: «Пора! пора! Давно тоскую,/ Давно сквозь даль провижу даль, /Мой ум слепящую, - такую,/Что детства дивного не жаль!»

Но прежде по воле Ваятеля предстоит ему брак с той, которую «пестует мать Земля».

Гении будущих героев, праведников, творцов клянутся в верности Яросвету и земле русской...

В апреле Даниил Леонидович заканчивает это вступление, не зная, не слыша продолжения. И даже ставит дату.

Но проходит время, а исполнители небесной оратории не покидают его. И он продолжает возвращаться к ней, уже перенесясь на Землю, где парящие в воздухе птицы - словно посредники между двумя мирами, а их песни - не что иное, как не разгаданная людьми небесная речь.

Затем, после голосов птиц, первое слово Стрибогу - божеству ветров, и словно эхом ему вторят воздушные стихии - «богосотворённые монады, проходящие свой путь становления преимущественно сквозь царства природы и в большинстве случаев не имеющие физического воплощения».

Потом вмешивается Ярила - божество весны и плодородия.

Затем - голос Гои, той самой ждущей невесты, которую позже поэт назовёт Навной... Наконец, сам Перун -громовержец - мы ведь всё еще среди язычников - приветствует Яросвета.

И Гамаюн, птица вещая, - не дремлет, подаёт голос: «Стихии веющие,/Кружитесь в танце:/ Спешит ликующий/ Любимец Солнца!»

Сирин - райская птица - вступает: «Душа младенческая Святого края! Встречай, увенчивай Творца-героя!»

Алконост, собрат пропевших, тут же: «Пастыря горного/Тихая дочерь!/Открой свою горницу/Для трапез и вечеры!»

И когда уже всё сладилось, итожит Ангел Византии: «Приобщитесь к познавшим Безначального Бога,/К возревновавшим Храма-Чертога!/Свяжитесь причастием/ На крест и утраты,/ На скитанье и счастье,/ На путь без возврата!»

И пора уже призывать гения первого героя, гения князя Владимира:

*Нисхожу,
посланник твой отныне,
Чужа крепость, жар и мощь твою, -
Вижу край - разливы рек, пустыни,
И утёс
зелёный
в том краю.*

*Над Днепром,
над шумной степью вольной,
Камни стен
крестами окрыля,
Да святится первый город стольный,
Первый отблеск
Горнего
Кремля.*

Оратории ещё далеко до завершения - это лишь вступление к земному действию, к уже пройденному сверхнародом Ярославца пути. Он понимает это, но пока ставит точку, потому что открывшееся ему огромно, многомерно, может быть, даже неподъёмно и неохватно умом, и он мучительно ищет тот самый сосуд-форму, которая бы позволила вместить дающееся ему...

Уже пишется, правда, неторопливо, не так, как симфония го-рода, которая выплеснулась на одном дыхании, «Железная мисте-рия». Это его главный труд...

*И я чувствую
в потрясающие
мгновенья,
Что за гранью
и галактической,
и земной
Ты нас примешь, как сопричастников вдохновенья,
Для сотворчества
и сорадования
с Тобой.*

Он видит, что она будет объёмной и не спешит...

И те же мысли, обуревающие его, стали складываться в нерифмованные строки «Розы мира» - это легче, потому что нет рамок рифм и ритма, нет персонажей и здесь он волен излагать всё от своего имени как свидетель, документалист, летописец. Наконец, как проводник для тех, кто осмелится пойти с ним... Здесь нет никаких героев, кроме него самого...

Теперь каждое утро в сумрачной камере начинается с воспоминаний ночных мыслей, встреч, бесед...

Потом, запоминание и, если возможно, запись сложившихся строк, абзацев.

Разговоры с сокамерниками на темы отвлечённые или близкие, касающиеся той же истории...

Вдруг, отложив всё начатое, написал поэму-симфонию (стихи - это звук, музыка - он слышит её) о Смутном времени, назвав её старорусским забытым словом «Рух», что означает набат, тревога, призыв к обороне...

*Предоставлен демиургом
Силам собственной гордыни,
В страхе ищет дух державы,
Кем возглавить сверхнарод.
Но сердца открыты пургам,
Пусты древние святыни;
Дряблы волей, мыслью ржавы.
Копят гнев - на брата брат.*

Он не пересказывает историю в канве минувших событий тех, уже далёких, времен, он видит столкновение высших сил. Но и человек многое может, он - сотворец.

*Виновен - как русский,
но волей - невинен,
Подвигнут на бой
набатов души,
Выходит в народ
родомысл
Минин
Из Волжской богосохранной глуши.*

Внутри сверхнарода - народ. Внутри народа - человек... И он так же велик и силен, как в целом сверхнарод.

*Так Апокалипсис великой смуты духа
Дочитывает Русь, как свой начальный миф,
Небесный благовест прирав сквозь звоны руха
И адским пламенем свой образ опалив.*

А на календаре 1952 год, заканчивающий историю ещё одного мифа русской истории...

Свободные сокамерники

Жрецы Египта посвящали в свои знания преемников, среди которых был и Моисей, закрывая их надолго без пищи в каменной гробнице, дабы ничто мирское их не отвлекало от проникновения в себя, а через себя - в Высший мир.

Теперь Даниил Леонидович понимал, что следовало за этим познанием. Как понимал и путь медитации восточных мудрецов. Нет,

Истину не следует искать извне, она действительно в человеке. Оттого человеческая душа - этот кладёзь информации, хранитель памяти - и бессмертна. Именно поэтому человеческая жизнь - не жизнь сгорающего в огне мотылька, хотя и мотылёк в этом мире не случаен, а грань узнавания мира смертных.

Он теперь вспоминал, вернее, доставал из своей глубинной памяти знания, которые остальным казались фантазией.

«...И наконец, пробуждаясь утром после короткого, но глубокого сна, я знал, что сегодня сон был наполнен не сновидениями, но совсем другим: трансфизическими странствиями».

Мысли о духовидении Данте, автора «Божественной комедии», видении тем ада, чистилища, рая всё чаще приходят к нему. И он всё больше начинает понимать своего предтечу, создавшего панораму разноматериальных слоёв романо-католической метакультуры...

Но это ночью.

Днём же сокамерники, Лев Львович Раков, Василий Васильевич Парин и он, предавались литературной забаве, сочиняя своего «Новейшего Плутарха». Они обозначили эту рукопись как «иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и народов». Это была идея Ракова таким образом отвлечься от тюремных реалий и в то же время отдалиться собственным грёзам, несбывшимся и, вероятнее всего, которым не суждено сбыться, но ведь заперто только тело, а душа вольна...

Историк Раков уже опытный сиделец, первый раз он был арестован в тридцать восьмом по доносу после того, как организовал выставку «Военное прошлое русской формы». Из этого доноса явствовало, что совсем не случайно организатор отвёл много места белогвардейской форме, тем самым выразив свои симпатии, и сидел он в одиночке как «активный участник контрреволюционной меньшевистской организации».

- А как я могу иначе поступить? - говорил он, - если форма, в которую были одеты белогвардейцы, закономерно отразила все традиции и диалектику военного костюма?.. Я прежде всего учёный, а не идеолог, и мне важно было показать это.

Спустя год, правда, обвинения были сняты, и он вернулся на прежнюю должность учёного секретаря Эрмитажа. Во время войны ушёл добровольцем на фронт, окончил военную службу полковником, был награждён орденами Отечественной войны I и II степени, медалями...

А в пятидесятом, будучи директором Государственной публичной библиотеки, арестован как космополит, приговорён к расстрелу, который был заменён на двадцать пять лет тюрьмы.

Василий Васильевич Парин был арестован в феврале сорок седьмого года, на месяц с небольшим раньше Андреева, по возвращении из четырёхмесячной командировки в США, по обвинению в шпионаже в пользу США. К этому времени он был уже доктором медицинских наук и заместителем наркома здравоохранения СССР.

Перечитавший в силу своей профессии множество жизнеописаний, которые, на его взгляд, зачастую были надуманными авторами, Раков не мог сдержаться от сарказма в разговорах, которые периодически возникали и неизменно переходили на тему отношений личности и государства, и предложил:

- Времени у нас с вами теперь свободного немало, ноги тренировать условий нет, так что хождения босиком оставим на потом, а вот голову тренировать ничто не мешает...

Действительно, не впадать же в спячку... К тому же тюрьма страшна не ограниченностью тела, а ограниченностью духа, с этим даже Парин спорить не стал, хотя и был физиологом.

Сочиняли порознь, но охотно дополняя предложенную кем-нибудь из них биографию придуманного персонажа деталями, мыслями, той самой иносказательностью, которая понятна всякому умному человеку.

В биографии китайского мандарина Гё Нан Джёна самым важным для Андреева стал такой абзац:

«Находясь на посту Командующего, Г. Н. Д. своими деяниями подтверждает мудрость правительственного назначения на эту должность: он издаёт книгу «Танец таинственных иероглифов» («Му-Дзи мей»). Философская идея, которую автор блестяще доказывает в этом труде, заключается в том, что для победы над врагами воины должны прежде всего уметь выражать своими телодвижениями иероглифы, символизирующие грозное оружие, разгром противника и торжество над ним...»

Речь вроде бы исключительно о китайском мандарине, но если кто подумает о Джугашвили, о трудах вождя и вспомнит, о чём писали перед войной и пишут теперь советские газеты, так это зависит исключительно от того, какие мысли роятся в голове подобного читателя, автор же имел в виду то, что имел...

И неуместно было бы не вывести из биографии этого персонажа некий закон, и этот абзац продолжается такими строками:

«Мир полон соответствий. Жизнь течёт миллионами параллельных русел, которые кажутся отделёнными друг от друга только непросвещённому взору. В действительности поток - един, и русло - одно. Всё связано, подобное вызывается подобным. Действие, совершаемое в уединённом доме, неизбежно отражается в явлениях, происходящих в открытом поле.»

Подобные параллели могут возникнуть и при прочтении биографии Тачибана Иосихидэ - что-то хорошо знакомое слышится уже в самом имени... Да и в биографии, кстати, немало подсказок. Но можно на них и не обращать внимания...

Биография стоматолога Изагардинера, которому «дурное прожѣвывание пищи стало рисоваться источником едва ли не большинства бедствий, постигающих человека», и пришедшего к изобретению аппарата с 42 зубами, кому-то могла напомнить о великом учёном-новаторе Лысенко...

Довольно объёмной получилась биография Мэри-Бетси-Офелии Осборн, слишком важно было автору высказать своё мнение о владеющем умами многих его современников писателе и о его главном труде.

«Напрасно, однако, стали бы мы искать в этом оригинальном произведении следов широкой филологической эрудиции, попыток объективно и научно исследовать текстологический материал канонических книг, наконец - хотя бы философски аргументированной теологической концепции. Это поток пламенных образов, вызывающий в памяти образцы апокалипсической литературы и поражающий вместе с тем некоторым новым качеством: чередованием взлётов ума с явно галлюцинаторными феноменами, глубоко-поэтических интуиций с какою-то религиозно-философской инфантильностью, проповеднического жара - с ребячески-примитивными тезисами, интересных иногда мистических построений - с грубым научным невежеством. Сильная сторона книги заключалась в её языке, местами поднимавшемся до уровня классических образцов пророческой литературы, а также в беспредельной, буквально гипнотизирующей читателя вере в себя и свою идею».

Сведущий, а только таким и мог быть читатель «Новейшего Плутарха», мог предположить, что речь идёт о Блаватской и её «Тайной доктрине».

Но самой объёмной получилась биография Евгения Лукича Ящеркина, педагога и автора системы «сознательного инфантилизма», чей прообраз настолько неконкретен, что можно было позволить себе писать проще и понятнее. Именно эта система, которая неизбежно проявляется, когда государственная машина делает народ управляемым, рано или поздно приводит к тиранической концентрации власти в одних руках, была ему хорошо знакома. Но разве власть в этом когда-нибудь сознается? - а значит, и не станет вчитываться между строк... Что же касается личностных признаний и терзаний, ну что ж, надо быть честным перед собой.

Но разве дело только в личности? Конечно, роль личности в истории велика, вообще история творится личностями, основная масса

просто ведома ими. Но не всегда ведущий выбирает верный путь. Правда, мало кто находит в себе сил признаться в своих заблуждениях. Так что остаётся лишь уповать на систему.

«Если мы хотим сделать человечество счастливым и гармоничным, - пишет Я. в своём основном труде «Стань ребёнком», - мы должны прежде всего правильно воздействовать на неокрепшую и податливую психику ребёнка. Если мы хотим на неё правильно воздействовать, мы должны понять её. Если мы хотим понять её глубоко и всесторонне, к этому нет лучшего пути, как уподобиться детям. Если же мы хотим уподобиться детям, то мы должны весь наш быт, наш душевный и житейский обиход построить так, чтобы воспринимать явления, как дети, поступать, как дети, рассуждать, как дети».

А чтобы уподобиться, «следует повторять шалости ребёнка или подростка, которые присущи тому», - делает вывод герой биографии. И далее автор описывает ряд детских поступков взрослого педагога Я. Не скрыв и тот факт, что «трагическую коллизию - вынужденное лицезрение того, как за твой поступок страдает невинный, - тоже следовало испытать и лично пережить всякому, кто стремился понять до дна детскую душу».

В свою очередь, «активное вживание в детскую психику и практика сознательного инфантилизма привели к исчезновению всех естественных границ между воспитателем и воспитуемым...» Ну, а место, где подобные отношения можно было лицезреть, было хорошо известно: «...романтическая мечта о бегстве в Америку, издавна знакомая русским школьникам, в конце прошлого века приобрела особую остроту».

Заслав своего героя в конце концов в другую страну, народ которой «пребывал в состоянии неомрачённой инфантильности», автор резюмирует итог его жизнедеятельности письмом героя к брату:

«Поделюсь с тобой, любезный Порфиша, - пишет он брату в своём последнем письме, - ослепительными перспективами, передо мною открывшимися. Язык жестов, об усовершенствовании мною которого ты уже знаешь, оказывается ключом к целому миру открытий. Это тот самый язык, отсутствие которого мешало нам до сих пор перебросить мост через пропасть, отделяющую человека от высших животных...»

Что же касается эпилога этой биографии, то в отличие от остальных она не указывает, каким образом завершил земной путь сей теоретик и практик революционной системы сознательного инфантилизма, а приводит рассказ о том, что местные жители видели, как тот удалялся в направлении девственных тропических лесов... «подхваченный с обеих сторон обезьянами».

Тут уж каждому достаточно образованному человеку было очевидно, что постреволюционное советское общество автор относит, в противовес официальному мнению, к деградировавшим. Такая про-

зрачность авторской мысли была чревата опасными последствиями, но что он мог поделать с собой, если имел возможность сравнить две эпохи, два мира, два народа. Вернее, один народ, но в двух разных системах... То, что осталось по меркам его жизни далеко в прошлом, виделось теперь Даниилу Леонидовичу ясными, светлыми днями, после которых сначала пришло хмурое ненастье, потом незаметно наступили сумерки, и наконец упала полная тьма. И только благодаря тому отсвету, который оставался на горизонте, брезжила надежда на новый рассвет...

Календарь надежды и любви

Разные были сидельцы, с которыми пересеклась его судьба. Кто-то исчезал, так и не оставив никакой, ни доброй, ни хорошей, памяти, а с некоторыми, как Раков или Парин, судьба связала до конца дней.

Первым покинул их камеру Василий Васильевич Парин, он был освобождён в конце октября 1953 года. Уходя, он обещал использовать все свои возможности, чтобы посодействовать скорейшему освобождению сокамерников. Через несколько месяцев, в 1954 году, вышел на свободу и Лев Львович Раков, с которым у Даниила Леонидовича сложились самые тёплые отношения. Он также обещал помочь чем сможет, хотя, зная Андреева, не сомневался, что тот вымаливать свободу и скрывать своего отношения к власти не станет.

И именно в эти осенние месяцы произошло то, что, с одной стороны, подняло его над суетностью всего окружающего, а с другой, сделало хранителем такой тайны, которой нельзя было поделиться. Спустя месяцы, 7 февраля 1954 года, не в силах держать произошедшее в себе, он открыл свой секрет бумаге.

«Но что происходило тогда: откровение? наваждение? безумие? Грандиозность открывшейся мировой панорамы без сравнения превосходила возможности не только моего сознания, но и подсознания... Всё это сопровождалось потрясающими переживаниями, ощущением реальной близости великих братьев из Синклита России, не смею назвать имена их, но близость каждого из них окрашивалась в неповторимо индивидуальный ток чувств; один вызывал усиление сердцебиения, блаженное благоговение, горячую любовь, и слёзы лились градом. Другого всё моё существо приветствовало с неизъяснимой, нежной, тёплой любовью как драгоценного друга, выдавшего насквозь мою душу, и любящего её, и несущего мне прощение и утешение. Появление третьего вызвало потребность преклонить перед ним колена, как перед великим, могучим, неизмеримо выше меня стоящим, и близость его сопровождалась строгим и торжественным чувством. Наконец, приближение четвёртого сопровождалось ощущением захва-

тывающей ликующей радости и слезами восторга. - Во многом могу усомниться, ко многому во внутренней жизни относиться со скепсисом, но не к этим встречам.

Этот период оборвался вместе с переводом в другую камеру...

...Пройден какой-то рубеж жизни, после которого мир и жизнь становятся имеющими цену только при условии духовного прозрения. Вероятно, в схожих состояниях люди в старину уходили в монастырь. Но даже если бы я был на воле и если бы существовали монастыри - это не для меня, моя миссия - не в уходе, а в проповеди, организации...»

На шестой тюремный год у Андреева появилась возможность переписываться с женой, та в это время отбывала заключение в Мордовии, и он теперь мечтал о скорейшей встрече с ней.

Немного спустя новым сидельцем стал молодой Зея Рахим, знаток японского языка и культуры, человек обаятельный и загадочный одновременно, который представлялся не иначе как арабский принц Гарун аль Каири. Что-то тянуло Даниила Леонидовича к этому молодому и эксцентричному человеку. И тот не скрывал своего уважения и интереса к тому, что пишет Андреев, с нескрываемым вниманием слушал и спрашивал о том, что ему было непонятно. Срок у него был тоже немаленький, и отсидел он даже несколько больше, приобрёл немало болячек, но бодрости духа не терял. Одним словом, был весьма комфортным сожителем...

Письма от Аллы были сравнимы с самыми большими праздниками. Он уже знал о ней, а она о нём с пятидесятого года, установив связь через мать Аллы. Но как же редки были эти праздники: прежде было разрешено написать всего два письма в год, и то определённого объёма, и только с августа пятьдесят третьего года в лагерях были сняты все ограничения, а в тюрьмах разрешили писать по одному письму в месяц.

И это было уже начало календаря надежды и любви.

А. А. Андреевой. 21 июня 1953 г.

«Ослабела память, но наряду с этим - извини, пожалуйста, за такую самонадеянность - я несомненно поумнел...

Почти каждый день отдыхаю за шахматами или просто за бо́лтовней...

И убеждаюсь, что выносливость, устойчивость натуры - при условии, если надежда не утрачена окончательно, - гораздо больше, чем можно было бы ожидать».

Д. Л. Андрееву. 12 июля 1953 г.

«Будь спокоен, я прошла трудный и сложный путь, и сейчас я тоже такая, какой ты меня хочешь видеть, мечтая обо мне, я это знаю...

Работаю, читаю, вышиваю (декоративных птиц на сером холсте), немножко играю на рояле, аккомпанирую, оформляю. «Театральные» дела немножко застопорились, потому что больше нет режиссёра, но художественное чтение не брошу, тем более что оно для меня труднее, чем любая роль, значит, надо это одолеть. У нас много очень красивых цветов, и я немножко возжусь с ними - это тоже радость».

19 апреля 1954 г.

«Многое за ушедшие годы я хотела бы переменить в отношении своего поведения, но абсолютно ничего из объективно пережитого не согласилась бы вычеркнуть. И, в результате, вместо прежней грусти и тревожности отличительными моими чертами стали весёлость, душевная сила и терпение. Внешне я, конечно, изменилась и постарела, но даже и это не переживаю с тем отчаянием, с каким когда-то собиралась...

Мои воспоминания о нашей прежней жизни - безоблачны, и я всегда чувствую тебя как свою защиту, покой и опору...

Ты спрашиваешь - в чём я черпаю душевные силы? Кроме глубокой веры - что ещё помогает? Я неожиданно нашла новое применение своим силам - сцена. Начала я играть случайно, а теперь уже имею некоторый опыт. Иногда страстно мечтаю о больших ролях трагедийного плана, но если этого не будет - пусть, я не боюсь ничего. Очень, очень хочу научиться читать стихи (это труднее, чем роль).

Вряд ли ты знаешь что-нибудь о родных. Шура*, Саша**, Галина*** - живы. Александр Викторович****, по-моему, тоже».

А. А. Андреевой (Конец июня - начало июля 1954 г.)

«А в моей жизни появилось нечто новое: 15 мая у меня был праздник - я получил от мамы великолепный, на 33 тысячи слов, хинди-русский словарь. Я прыгал от восторга как безумный, бросил все другие занятия и полтора месяца не поднимаю головы от этого кладезя премудрости».

Д. Л. Андрееву. 22 августа 1954 г.

«Я очень боюсь твоего чувства вины по отношению ко всем «нашим». Я уже писала тебе, родной мой, детей и слабоумных среди нас не было. Всё, что произошло, совершенно логично и иначе не могло быть. Какой смысл обижаться на историю и искать виноватого в катастрофе, которой не могло не быть. Твоего же чувства виноватости перед «друзьями» я боюсь потому, что оно может помешать тебе здраво и спокойно обдумать будущую, может быть, даже наступающую, жизнь...

* Доброва Александра Филипповна.

** Добров Александр Филиппович.

*** Г. Ю. Хандожевская, жена Доброва А.Ф.

**** А. В. Коваленский.

Продолжаю учиться читать стихи, но совсем не понимаю, каким образом надо читать Блока...

Очень не хватает режиссёра, причём не женщины, ни в коем случае. Ты знаешь, я никогда не любила их и не дружила с ними, а теперь уже смотреть на них не могу. Самая хорошая женщина годится только как довесок к умному мужчине (исключения очень редки).

Мой хаотический огорожок не рассердился на меня за отсутствие заботы о нём и старается вовсю: кабачки выросли как поросята, помидоры начинают краснеть, огурцы нам надоели, капусту съели червяки и вместо части огурцов выросло несколько дынь - маленьких и не очень вкусных, но всё же дынь.

Ещё у меня есть забота - лесной голубёнок, случайно попавший к нам. Он стал совсем ручным, глуп, как пробка, но очень мил. Он никого не боится, и больше мы его не пускаем гулять после того, как мне пришлось ползать за ним на животе по крыше, чтобы его не съели кошки».

А. А. Андреевой. 1 октября 1954 г.

«Моя прия (что значит по-индусски любимая), рии (милая), лял-лии (девочка, дочурка)!..

Но только я совсем не понимаю, к чему мне порывать прошлые связи. Разорваны они могут быть, но уж конечно не с моей стороны. (Кстати, отчего ты написала слова «друзья» и «наши» в кавычках?) Мои отношения к прежним друзьям остались прежними, да и с чего бы они могли перемениться? Никто ни в чём передо мной не виноват. Другое дело, что я сам себе не прощу некоторых вещей никогда, как и всякий человек на моём месте хоть с миллиграммом совести...И если в будущем удастся встретиться с ними, и если они при этом, грубо говоря, не пошлют меня к чёрту - величайшее счастье заключалось бы в возможности им чем-нибудь помочь или облегчить».

Д. Л. Андрееву. 16 октября 1954 г.

«Теперь, солнышко, немножко о «друзьях». Много будем говорить, когда встретимся, тогда и все кавычки объясню, а пока повторяю, что меня очень тревожит твоя «гипертрофия совести»*.

А потом случился инфаркт миокарда.

Д. Л. Андрееву. 6 января 1955 г.

«Мальчик мой милый, помни, что ты - самое светлое и чудесное, что было и есть в моей жизни, и я бесконечно благодарна судьбе за тебя, да и вообще за всё. Ты меня и постаревшую, и некрасивую

* 10 ноября 1954 года он пишет заявление на имя Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова: «Не убедившись ещё в существовании в нашей стране подлинных гарантированных демократических свобод, я и сейчас не могу встать на позицию полного и безоговорочного принятия советского строя».

не разлюбишь, здоровье - дело наживное..., а опыт и впечатления этих лет - стоят, может быть, даже той цены, которая за них заплачена».

А. А. Андреевой. 14 января 1955 г.

«Дитя моё, разница наших индивидуальностей и характеров сделалась в какой-то мере ярче от того, что жизненный путь каждого из нас за истёкшие почти 8 лет был свой, непохожий. Жизненные впечатления оказались значительно более контрастными, чем можно было ожидать. Учти это и не огорчайся, если некоторые из моих взглядов, устремлений, требований к жизни не совпадают с твоими...

Но ты знаешь, что я принадлежу к породе людей, в глубине характера которых с колыхали до могилы живёт нечто - высший для них определитель ценности жизненных явлений, указатель категорически-императивной жизненной цели и ...- «долженствование»...

Но для меня... вовсе не всякие формы жизни имеют безусловную ценность и смысл. А только те, которые дают возможность прямо или косвенно работать в пользу того, что я считаю своим долгом, делом, смыслом, оправданием... К тому же для меня совершенно неприемлемо представление о такой форме существования, где мне пришлось бы лгать перед самим собой или перед другими. Этого одного достаточно, чтобы я предпочёл остаться там, где нахожусь (если бы это от меня зависело) ещё ряд лет. Здесь я могу не лгать ни единым словом, ни единым движением. Здесь я могу не презирать себя. Я могу, хотя бы отчасти, делать то, для чего вообще живу».

Д. Л. Андрееву. 5 марта 1955 г.

«...у каждого свой путь и своя задача, и мы давно уже должны были уяснить себе свои.

Знаешь, милый, какой второй серьёзный вывод я сделала за эти годы? Переоценив все ценности, я стала ценить и в людях, и в жизни не так всякие глубинные закоулки, как чистоту и честность».

А. А. Андреевой. 2 марта 1955 г.

«Блок превосходно читал свои стихи, но несколько необычно: глухо и монотонно, завораживающе, матовым, почти не вибрирующим голосом. По-моему, его лирику нужно читать именно так, как будто плыть по тихой ночной реке, почти не двигая руками, - пусть течение само несёт, а в тучах иногда показываются звёзды и зыблятся вокруг тебя, в тёмных струях.

Я понимаю, что найти вещь для чтения с эстрады, отвечающую твоим требованиям, - дело мудрёное. Но всё-таки, почему же - именно Щипачёв? Можно разыскать подходящие вещи у Асеева, у Яшина. Это настоящие поэты... А Щипачёв - олицетворение самой серой, духовно-

сытой посредственности. Отсутствие чувства артистизма воистину поразительное! После богатейшей ритмики Брюсова, Блока, Маяковского, Сельвинского писать только одним пятистопным ямбом! Название поэта этот самозванец заслуживает не больше, чем человек, барабанивший всё время по одной клавише, - название пианиста. Впрочем, я слишком мягко выражаюсь. Правильнее сказать - то, что он делает, есть преступление перед великим русским языком: ни один язык в мире не обладает такими ритмическими возможностями; эти возможности исчерпаны до сих пор лишь в незначительной доле; сами собой напрашиваются такие ритмические открытия, что кружится голова; а он - со своим ямбом!..

...За меня не беспокойся, всё кончится хорошо, в этом я уверен. Но «хорошо кончится» - это не значит, что не будет больше никаких потрясений. Если бы планетарный космос не представлял собой систему разнотонных, разномерных миров, от Мировой Сальватеры до люциферического антикосмоса, и если бы путь монады не пронизывал их всё выше и выше, до ступени демиургов галактик и ещё выше, до самого Солнца Мира, - тогда бы могло быть место отчаянью. Мною пережито в этом направлении за последние годы нечто огромное. И, что составляет мою особенную радость, так это то, что я нашёл для некоторых тем этого порядка форму выражения. Странную, ни с чем не схожую, но, кажется, бьющую в цель без промаха».

Д. Л. Андрееву. 16 марта 1955 г.

«О Щипачёве могу сказать только одно: нужно было новогоднее стихотворение, а оно у него было, и другого ничего не было.

...Что же касается Блока, то, боюсь, та манера чтения, о которой ты пишешь, годилась в ту эпоху и при наличии личного обаяния Блока, очень слитого с такой манерой, а если, например, я попробую так читать, то ничего не выйдет...

Множко о деле. Оно пересматривается, очевидно, целиком, т.е. тебя касается так же, как меня. Если твои возможности писать официальные бумаги не ограничены, то учти следующее: наше дело пересматривает Главная военная прокуратура, главный военный прокурор генерал-майор Тарасов, очень большой смысл имеет писать в ЦК, там «нами» ведают: секретарь ЦК КПСС Суслов и в административном отделе ЦК - Дедов. Я сегодня написала маленькие заявления двум первым, на днях напишу третьему. Мало понимаю, почему ты писал именно Хрущёву, но и это неплохо».

Д. Л. Андрееву. 31 марта 1955 г.

«Из-за тебя читаю «Слякоть» Эренбурга и едва ползу со страницы на страницу. Такое количество дискуссий, какое она вызвала, объясняется только фоном».

А. А. Андреевой. 5 апреля 1955 г.

«Тебе, наверное, это покажется совсем дико (да и действительно стыдно об этом говорить), но, как теперь любят выражаться, «факты показывают» и «факты доказывают», что мне не хватает времени. Литературные занятия, хинди, плюс прогулка, краткий отдых за шахматами - дня уже нет. Ещё 2-3 часа лежишь без сна, но и это время весьма продуктивно».

Д. Л. Андрееву. 17 апреля 1955 г.

«Не знаю, что буду делать, когда стану ещё старше и совсем нельзя будет рваться в личное будущее. И сейчас-то иногда бывает совсем непонятно - о чём думать: к абстрактному созерцанию и размышлению я, как настоящая женщина, имею чрезвычайно ограниченные способности, то, что обычно у людей называется личной жизнью, - перечёркнуто возрастом, так же, как профессия актрисы, как художник я пока кончилась, не знаю, можно ли что-нибудь восстановить. Остаётся какое-то большое, объективное дело, для которого у меня, несмотря на физическую и нервную усталость, кажется, сил ещё много».

А. А. Андреевой. 2 июня 1955 г.

«Очевидно, детей нам иметь не суждено: слишком поздно. Что, если бы впоследствии, когда наша с тобой жизнь наладится, войдёт в нормальное русло, мы взяли бы на воспитание какого-нибудь мальчугана-сиротку, лет пяти? Я чувствую в этом огромную потребность, без этого для меня не может быть настоящей полноты жизни. А запаса любви в душе у меня хватило бы на целую школу...

Я люблю вспоминать, как мы с тобой читали вместе «Тристана и Изольду», «Преступление и наказание», и мечтать, как будем со временем читать по вечерам вслух, сидя на уютном диване, «Святые камни», «Симфонию городского дня», «Ленинградский апокалипсис», «Александра Благодословенного», «Гибель Грозного», «По ту сторону» и многое, многое другое. Уверен, что тогда у нас хватит времени прочитать вслух и такую махину, как «Железная мистерия», и даже «Розу Мира».

...Если бы ты знала, что произошло и происходит в моём внутреннем мире, докуда я вскарабкался, что оттуда видно, - а ведь это только начало. Личных же моих заслуг в этом нет ни крупицы.

...я не европеец и не азиат. Я - русский; Россия же это - не страна, а часть света, самостоятельная метакультура».

Д. Л. Андрееву. 26 июня 1955 г.

«По признакам, которых объяснить не умею, находимым в твоих письмах, я боюсь, что ты пишешь в прокуратуру и дальше не то, что надо, а лирико-психологические поэмы, т.е. продолжаешь наше с тобой детское, чтоб не сказать больше, поведение 47-48 года.

Я тебе уже писала: если в силу каких-то глубоких внутренних причин иначе не можешь - ничего не пиши, я одна буду писать».

А. А. Андреевой. 3 августа 1955 г.

«Жаль, моя родная, что тебе не случалось перечитывать Достоевского. Думаю, что именно поэтому, именно вследствие того, что воспоминания о нём побледнели, ты хочешь преуменьшить его масштаб. Это писатель совершенно неисчерпаемой глубины; я в нём каждый раз нахожу новое и новое. Но я не оспариваю, что для некоторых возрастов, уровней развития и темпераментов он, кое-какими своими сторонами, может быть вреден. По-моему, однако, этот вред компенсируется тем, что Достоевский делает душу человека глубже. Ты говоришь «не такая уж огромная фигура...». Но он ассоциируется у меня скорее с представлением бездонности, чем огромности.

...Что сказать по поводу твоих мыслей о простоте. Вопрос сложный, и в письме толком разобрать невозможно. Ограничусь следующим. Ты - на мой взгляд - и права, и не права. Дело в том, что никому не приходит в голову требовать от математика, чтобы он ухитрился теорию относительности или векториальный анализ излагать языком понятий, доступных школьнику V класса. В искусстве тоже есть свои векториальные анализы, и непонятно, почему об этом забывают. Выражение «кабинетная поэзия» - нарочито снижающее, вроде слова «боженька» с маленькой буквы. Ведь надо бы и 11 ч. «Фауста» считать тогда кабинетной поэзией, а между тем кабинетного в ней не больше, чем в IX симфонии Бетховена, тоже остававшейся долгое время малодоступной. Само собой разумеется, что к достижению наибольшей возможной простоты должен быть приложен максимум усилий (что и делается). Но есть круг идей-образов (и чем они новей и глубже, тем в большей степени примыкают они к этому кругу), которые даже при максимальном допустимом упрощении всё же требуют для своего восприятия известной подготовки. Разве Блок её не требует? Да и какой уровень развития возьмёшь ты в качестве критерия? Уровень современного подростка? или уровень интеллигента-производственника? или интеллигента-гуманитара? Я лично склонен принимать за критерий скорее последний из перечисленных уровней (т.е. около 2 миллионов человек в нашей стране). И оказывается, что непонятного, в сущности, не остаётся - при условии постепенного, строго обдуманного ввода в круг идей.

...Допускаю, козлёночек, что твоё мироотношение реалистичнее, хотя это не вполне вяжется с трагизмом. Моё же - не реалистично, а реально. Это не игра словами. Верно, что я ошибался во времени, сроках и т.п. Вполне могу ошибаться и теперь и вовсе не претендую на дар прорицаний. Я только уверен, что не ошибаюсь относительно духовной

стороны некоторых явлений и процессов и в их направленности. Всякий специализируется на чём-нибудь, я - на метаистории.

Верно твоё представление о моей оторванности только касательно некоторых практических деталей, но не общего и целого. Я читаю газеты, журналы, новые книги, иногда вижу новых людей, переписываюсь, и у меня на плечах всё-таки есть голова...

Верно лишь то, что я вообще не умею хорошо писать официальных документов, но не в счёт включения в них лирического элемента, а за счёт отсутствия особого юридического, практически-делового мышления».

Д. Л. Андрееву. 11 августа 1955 г.

«Всё-таки должна сказать (не в порядке продолжения спора, но немножко...), что 11 часть «Фауста» для меня под знаком вопроса, как поэзия (?) или драматическое произведение (?). А IX симфония Бетховена, опять-таки, для меня, но уже без вопроса, безусловно худшая из всех его симфоний. Всё, что можно было сказать, сказано в великолепной музыкальной истройной 1 части, всё остальное, с моей точки зрения, попытка говорить в музыке то, что ею не выговаривается».

А. А. Андреевой. 2 сентября 1955 г.

«Не знаю, как было бы для тебя на моём месте (разные характеры и склонности), но для меня в высшей степени полезно пробыть несколько лет (не до бесконечности, разумеется) там, где я нахожусь. Плодотворность этого я вижу постоянно и со временем - если доживу - докажу.

...Два слова о 11 части «Фауста». Я вижу в ней очень много недочётов, неувязок и, во всяком случае, массу «спорного». Что бесспорно, так это финал, и выше я не знаю ничего во всей мировой поэзии, исключая «Божественную комедию». Если бы к такому парению духа подводил текст, написанный не на уровне всё-таки Гёте, а даже на уровне Щипачёва, - ради такого финала пришлось бы принять щипачёвские вирши».

Векториальный анализ

Он всё более склонялся к тому, что там, за толстыми стенами его нынешней обители, за эти годы светлее не стало. И письма Аллы, в которых она высказывала своё и передавала мнение матери о том, что он уже не ориентируется в жизни там, на свободе, и газеты, которые он внимательно изучал, подтверждали его опасения о том, что советское общество, сформированное на осколках российской культуры, под идеологическим гнётом многое утратило и даже в какой-то мере деградировало.

Он отдавал себе отчёт, что два миллиона интеллигенции, вкус которой он избрал критерием оценки уровня духовности и культуры

общества, на деле представляет тонюсенькую прослойку двухсотмиллионного советского общества, а значит, она не в силах эти критерии разъяснить всем. Хотя и написал Алле, что можно не спеша подвести к пониманию и принятию даже самой сложной идеи. Но это при желании...

Он отдавал себе отчёт, что то, что пишет он, может быть непонятно и этим двум миллионам. Хорошо будет, если он найдёт хотя бы несколько тысяч своих читателей, а из этих тысяч несколько человек смогут прочесть всё написанное им...

Но «Навну» Алла должна была понять...

Грубою жизнью, грузной и косной,

Глухо ворочалась дикая Русь.

В эти лохматые, мутные космы

Даже наитьем едва проберусь:

Слишком начально...

Трудны, печальны

Игрища первонародного космоса...

...

Руку поднимет

и опростает

Лютая Ольга -

и вот, к врагу

В небе летящих мстителей стая

Огненную прочтет дугу.

Но затоскует

и шевельнётся

Собственному деянью укор,

Будто в крошечную глубь колодца

Чей-то опустится синий взор.

...

Так, облачком на кручах Киева

Чуть-чуть белевшая вначале,

В прозрачной утренней печали

Росу творящую тая,

Из дум народа, из тоски его

Она свой облик очертила,

Она мерцала и светила

Над тысячью минутных я.

...

В чём обнаружишь высокую связь

С духом Её -

наших предков?

Вчитываешься в былые сказанья,

*Вслушиваешься в монотонное пенье.
Вглядываешься в иконы и зданья,
В иноческие виденья -
Строгих и резких
крыльев и ликов
скупое убранство,
Ровное золото райских пространств,
Византийского храма очерк великий, -
а дальше
Грозно сквозит
Трансмиф христианства
В сумрачных фресках.*

...
*Где над Невою дремлют строгие
Владыки царственного Нила,
Богиня русская склонила
Глаза крылатые к Неве -
И встали месяцы двурогие,
И, овеваем мглой воздушной,
Прислушивался бледный Пушкин
К хрустальным звукам в синеве.*

...
*Нет, ещё не в праздничных огнях,
не в храме -
Ночью, сквозь железный переплёт,
в тюрьме,
Лёгкими, бесшумными, скользящими шагами
Близишь Ты воздушный свой полёт
ко мне.
Тихо озаряется душа,
как келья,
Свет благоухающий пахнул,
как сад,
Тихое, звенящее, нездешнее веселье
Льётся, драгоценнейшее
всех
наград.*

Поймёт ли жена его откровение?

А если не поймёт эту поэму, то стоит ли говорить о другой, которая тяжела даже для него, хотя он и шёл вслед за великим Данте... Правда, об этой поэме пока не стоит и заикаться, уж она-то, без сомнений, не понравится тем, кого он видит вот уже столько лет изо

дня в день и с кем настолько сроднился, что может даже писать от их имени...

*- Ваш дух был строг, а руки - чисты, -
Нарком промолвил, мне вруча
Значок Почётного Чекиста
В футляре, блеском как парча.*

...

*Списывать душу за душами «в нети» -
Это был мой
Долг.
Я то молчал, то рычал в кабинете,
Как матерой
Волк.*

Но вот герой его поэмы, Почётный Чекист, начинает своё путешествие в загробной жизни, своё падение.

Прежде в Скривнус, где «он чувствует подлинное лицо обезбоженного мира».

Затем в Мород. «Но, мир обследовав кругом, / не отыскал нигде ни звука я: / Во мне - лишь мыслей вязкий ком, / Во вне - лишь темень многорукая».

И ещё ниже - в Агр. «Где я?.. жив или нет?.. / Я - нагой, я - растерзанный, рваный...»

Но грехи ещё тяжелы. И вот Буствич: «Да, куча бесформенного гнилья / - Так вот настоящий я?..»

Далее Шим-Биг. «Каменный, прямой. / Сумрачный туннель Призрачный уклон / Вниз...»

И, наконец... «В полное Ничто / Плавно, как струя, / Влиться наш готов Сонм... / Вот он, наш итог - / Пасть небытия, / Нижний из слоёв - / Дромн».

«В Дромне сознание яснее. Является догадка о том, что всё могло бы быть иначе, если бы он сам, утверждая при жизни веру в смертность души, не избрал этим самым Небытие и покинутость».

Но это ещё не конец, далее следуют: Окрус, где «он осознаёт, что возрастающие телесные муки - это возмездие и что закон, столь жестокий, не может иметь божественного происхождения», Укарвайр - «Так я пал до Бушующей Магмы - Укарвайром зовётся глубинный её океан», Пропулк - «Так опустил я до кармического равновесья Меж злодеяньями и оплачивающей мздой, И лишь таинственнейший Архангел из поднебесья Мог видеть след мой едва змеящейся бороздой».

И наконец спуск завершён окончательно. «...В Суфэл опускаются из страдалищ только упорствовавшие во зле и уже трижды ис-

пытавшие спуски на одномерное Дно Шаданакара. Здесь те, кто не нужен и дьяволу».

«...Параллельно с возрастанием мук совершается прояснение сознания. В этом сказывается другая сторона закона - Провиденциальная, сохранившаяся донныне от древнего божественного Празакона. В Пропулке ясность сознания достигает ступени абсолютного знания о бытии Логоса».

И в заключении этой поэмы «У демонов возмездия» автор признаёт:

*Мой стих, с любезным реверансом,
В благополучный дом не вхож:
Чугунных строф не спеть романсом,
Жене не подарить, как брошь.*

...

*Мой стих - о пряже тьмы и света
В узлах всемирного Узла.
Призыв к познанию - вот что это,
И к осмысленью корня зла.*

...

*Мой стих - затем, чтоб запылала
Перед тобой другая глубь.*

*Ни бриллианта в нём, ни лала.
Он нищ. - Прости и приголубь.*

Наконец пришло письмо от Аллы.

«Знаешь, Солнышко моё, всё читаю «Навну» и никак не могу определить отношения (своего к ней)... По звучанию и по своеобразию это - чудо. Просто великолепная и совершенно своя вещь.

...Ну, чем же я виновата, что когда я читаю такие места, как вот это:

*Полночью пенились пазыри в тучах,
В тучах над тихой, хвойною хмарью...
Хвойною хмарью, пустынною гарью
Пахло на кручах.
Бед неминуемых
Запах - полынь!..
На лесных поворотах
Дятлы стучали... Ветры качали
Аир на дремных болотах.*

Читая это, я прихожу в безоговорочный восторг. А зачем и откуда взялись имена, которых ты знать не можешь, я не понимаю. И

эти имена, а также строчки (плохо говорю, не строчки, а иначе надо сказать), как:

То стихияли баюкали космос

Телесного слоя

- звучат для меня доктором Штейнером*.

И вот вся вещь для меня - смесь настоящего, огромного, недостижимого искусства с совершенно сомнительными вещами».

«О «Навне» подожди судить, - писал он. - Ведь это, с одной стороны, - только начало, а с другой - само по себе, всё в целом, является лишь серединой. Возможно, что относительно д-ра Штейнера ты останешься и в будущем при особом мнении, но дело в том, что к Штейнеру это не имеет никакого отношения, а имеет к некоторой концепции, лежащей под или за всеми текстами и постоянно проявляющейся в различных рядах слов и образов. Это не случайные ляпсусы, а штрихи системы. Именно в качестве штрихов, дополняя друг друга, они имеют свою разумную основу и воспринимаются совсем иначе, чем взятые изолированно. Существует как данность некий новый жанр, называемый поэтическим ансамблем. Какая-либо тема, весьма обширная по объёму и сложности, может найти адекватное выражение не в поэме, цикле или драме, а в жанре комплексном: все его части связаны между собой единством этой темы, различные аспекты и подтемы которой в них разрабатываются, и в то же время каждая из них является произведением, до некоторой степени автономным. При этом сюда привлекаются поэмы, поэтические симфонии, циклы, даже поэмы в прозе и т.д. Что же до названий, то почему ты так уверенно пишешь, что я не могу их знать? А если я всё-таки знаю? Представь - именно знаю, да притом ещё много десятков, и не только названия, но и «ландшафты», и смысл их, и звучание (там, где оно есть), и категории их обитателей, и многое другое. Я всё твержу, а ты всё не хочешь услышать: недаром же я пролежал в общей сложности 1500 ночей без сна. Мало ли какие бывали состояния».

«Дорогой мой, я опять про «Навну», - не соглашалась она. - Ужасно жалко, что я никак не найду слов, чтобы объяснить, против чего именно я так протестую. Теперь я перечитываю всё подряд и, хоть и должно становиться яснее начало от второй половины, всё равно я этого начала не могу принять. И названий не могу принять тоже. И не объяснение для меня - «1500 ночей провёл без сна, всякие бывали состояния». Да, всякие бывали состояния, и далеко не всем этим состояниям я бы поверила. Для меня совершенно убедительно и до слёз трогательно основное - просветление косной жизни путём проникания её светлым существом, но совсем

* Штейнер Рудольф - немецкий философ, основатель антропософии.

неубедительны эти названия, причём сущность их я, опять, целиком принимаю».

Привыкание

Д. Л. Андрееву. 22 декабря 1955 г.

«Я получаю довольно много писем от уехавших отсюда. Во всех этих письмах есть одна общая деталь: все вспоминают здешнее житьё так, как сейчас мы вспоминаем дом. Жалоба одна и та же: нет общего языка с окружающими. Неужели это обязательно? Хорошо, что мы оба прошли если не одно и то же, то близкое - не будет пропасти между нами».

А. А. Андреевой. 3 января 1956 г.

«Но должен сказать, что «в общем и целом» за этот период я стал относиться к людям менее требовательно, стараясь возможно тщательнее учитывать множество факторов и обстоятельств, определивших тот или иной поступок, ту или иную линию поведения. В числе моих выводов, сделанных из наблюдений над людьми, есть один, говорящий о неимоверной сложности и противоречивости человеческой психики, характера, поведения. В одном и том же человеке уживаются такие, казалось бы, взаимоисключающие черты, сочетание каких не снилось и Достоевскому. Поэтому я могу вынести, так сказать, нравственное «осуждение» кому-либо лишь в очень несчастных случаях.

...В частности, нельзя делить людей на овец и козлиц в зависимости от того, хорошо или дурно относятся они к нам с тобой, и даже в зависимости от того, оказались ли они героями в какой-то момент их жизни. Если основываться на последнем критерии, я должен был бы вынести беспощадный приговор самому себе, а я не могу этого - в том смысле, что знаю и другие свои стороны и проявления, знаю, наконец, и то, что совершённой подлости никогда не повторю и не считаю себя нравственно безнадёжным человеком, хотя кое-что не могу вспомнить без жгучего стыда».

А. А. Андреевой. 14 января 1956 г.

«Насчёт неправомерной конкретизации. Я знал человека, очень поэтически воспринимавшего звёздное небо и любившего его, но сердившегося на то, что звёзды имеют названия. Это почему-то мешало ему, отнимало у звёзд, в его глазах, частицу поэзии. По-моему, в твоей боязни поименования реальностей определённого порядка, вроде Лиурны, есть нечто в этом роде. У меня же - наоборот. Для меня красивое, музыкальное слово даже само по себе, вне зависимости от обозначаемого им предмета или понятия, становится источником эстетического наслаждения и своеобразной к нему при-

вязанности. Ты знаешь мою детскую историю со словом «вуаль», для меня это - «в запредельные страны музыкой уводящие звуки». Всё дело в том, что будучи совершенно лишён музыкальности в собственном смысле этого слова, я переобременён крайне острой фонетической восприимчивостью.

...Ты недовольна словом стихияли. А попробуй-ка определи это понятие иначе, но так, чтобы определение было коротко и вместе с тем сразу указывало бы, о явлениях какого круга идёт речь».

Д. Л. Андрееву. 22 января 1956 г.

«Как забавно, что мы одновременно почти (разница, по-моему, 1 день) вспомнили твоё детское валь-вуаль. Ты - себе в оправдание, а я - тебе в осуждение. Зайка, я буду отбиваться.

Человека, которому мешали названия звёзд, я до некоторой степени понимаю. Но разница между названиями созвездий и духами Лиурны есть. Названия звёзд вызывают много исторических, мифологических и просто человеческих ассоциаций, и через эти ассоциации звёздное небо воспринимается людьми в одном из аспектов, без названий - в другом и т. д. Я не имею абсолютно никаких возражений против самого слова Навна, хотя его тоже не было на свете. И я не сомневаюсь в существовании чего-то, что ты называешь Лиурной, но этому слову не верю».

Д. Л. Андрееву. 24 января 1956 г.

«Заинька, любимый.

Очень мне больно и трудно писать тебе это письмо.

Вчера я получила извещение, что нам отказано в пересмотре решения ОСО*.

Написала два заявления: одно Руденко и другое Булганину. Прошу переследствия с вызовом нас всех в тюрьму и нормального суда».

А. А. Андреевой. 28 января - 22 февраля 1956 г.

«В сущности ничего нового, никакой перемены не будет. Это меня не очень взволновало, хотя, конечно, можно было ожидать всего, чего угодно, кроме этого. Оно находится в плачевном противоречии с: 1) фактами, 2) здравым смыслом, 3) духом сегодняшнего дня - как я этот дух понимаю. Очевидно, под этими недолговечными «духами» лежат некие гораздо более устойчивые и живучие принципы.

...С твоими рассуждениями о церкви и её «преступности» согласен только отчасти. На мой взгляд, дело обстоит сложнее, но разъяснять мою позицию на этот счёт сейчас невозможно - никаких писем не хватит. Во всяком случае, безобразия церкви - только одна сторона медали. Я уже писал тебе о необычайной противоречивости

* Особое совещание НКВД.

отдельного человека, о совмещении взаимоисключающих, казалось бы, свойств и т. п. Тем более это относится к любому человеческому коллективу. Праведные люди хоть и очень редко, но встречаются, праведные общества - никогда и нигде. И брать подобный идеал за критерий значит отвергнуть все человеческие общества как неполноценные и даже преступные и - остаться на бобах. Это значит попросту отказаться от рассмотрения всего положительного в истории и деятельности этих обществ, т. е. превратить всю историю человеческой культуры (в своём представлении, конечно) в «дьяволов водевилей», по выражению Достоевского».

Д. Л. Андрееву. 2 марта 1956 г.

«Знаешь, родной, моё резкое осуждение церкви вызывается двумя вещами. Первое - я так нагляделась за эти годы на уродства православия, католичества и всякого возможного и невозможного сектантства, что не могу быть ни спокойной, ни, может быть, объективной. Если б ты видел хотя бы «свидетелей Иеговы», «выкрещивающихся» обратно и плюющих на крест, и «монашек», которых за руки и за ноги (буквально) тащат в баню, потому что грех мыться, да ещё бои между бабами разных верований, - ты бы меня хоть отчасти понял. Второе - я могу всё простить людям, кроме приплетания Имени Божьего к своим собственным делишкам. И неважно построенное общество, даже если оно пытается удержаться на высоких человеческих принципах, но это ему плохо удаётся, вызывает во мне меньшее возмущение, чем если такие вещи происходят якобы на основе Божьих слов».

А. А. Андреевой. 2 марта 1956 г.

«Термины Шаданакар, Нэртис и многие другие - оттуда же, откуда так перепугавшие тебя Лиурна и Нивэнна. На протяжении ряда лет я воспринял их в определённых состояниях, которые со временем постараюсь пояснить тебе в разговоре, если Бог даст нам свидеться. А 242 - сумма всех слоёв материальностей, с разным числом пространственных и временных координат; все вместе они составляют Шаданакар, т. е. систему различных материальностей планеты Земля. Такие системы называются брамфатурами. Их - множества, т. к. брамфатуру имеют весьма многие звёзды и планеты. Имеются мета-брамфатуры галактики, со многими сотнями и даже тысячами различных материальных планов. Например, одномерное д н о Шаданакара представляет собой как бы линию, упирающуюся одним концом в звезду Антарес (& (альфа) Скорпиона), в которой скрещиваются одномерные миры всех брамфатур нашей галактики. Впрочем, такие жалкие обрывки огромной концепции вряд ли могут тебе что-нибудь дать. (Ах да, ещё вот что, ты гово-

ришь, что названия звёзд вызывают массу ассоциаций, а эти - нет. Да, не вызывают, потому что они новы. Никакие новые слова не могут вызывать ассоциаций. Но если бы это обстоятельство пугало людей, язык не только не развивался бы, но даже не возник бы совсем. Новые понятия требуют новых слов, это аксиома. А понятия за данными словами - действительно новые, независимо от чьего бы то ни было неверия или веры. (Слово Навна - другого рода: оно просто выдуманно мной)».

Д. Л. Андрееву. 11 марта 1956 г.

«Почему нужна обязательность праведности? Почему нельзя быть честным солдатом, прошедшим свой путь - так, как сумел? У меня был приятельница, 60-летняя женщина, дама, вряд ли её можно было причислить к праведникам, но когда я на неё смотрела, я всегда думала: хорошо бы добраться до старости вот с такой же душевной ясностью, выдержкой и благожелательностью к людям. А она всегда говорила: я вовремя напилась и наелась, вот теперь и спокойна. Это путь к праведности? Не знаю, чем меня зацепила эта твоя фраза, но я хотела бы иметь возможность до конца жизни вносить хоть крошечную каплю гармонии и мира во всемирный кавардак и умереть раньше, чем перестану к этому стремиться».

Д. Л. Андрееву. 13 марта 1956 г.

«Родной мой Даник!

Я тебе должна наконец написать очень тяжёлую вещь, которую раньше написать у меня рука не поднималась.

В ночь на 9 февраля умерла Александра Филипповна. Когда я давно писала тебе, что она очень больна, я узнала, что у неё рак шейки матки. Потом я узнала, что она при смерти и около неё - Александр Викторович, числа 12-15 февраля узнала, что её нет в живых, а он в очень тяжёлом состоянии... Сейчас получила от него письмо и считаю, что не имею больше права скрывать от тебя её смерть».

Д. Л. Андрееву. 20-21 марта 1956 г.

«Я не знаю, что ответить тебе в нашем споре о словах. Логически ты прав, может быть, мне просто нужно привыкнуть и эти слова перестанут мне мешать, как мешают сейчас. А насчёт подмен и конкретизации - мне кажется, что слышимое, ощущаемое неопределённо - правда, а именно в момент конкретизации происходит подмена, потому что воспринимает - высшая, чистейшая часть души, а называет, конкретизирует - наиболее замусоренная, невольно снижая несказанный образ до человеческого, мутного, понятия. И именно этим моментом пользуется нечто конкретное, очень активное, воинствующее тёмное. Помнишь поговорку - если черти там гнездятся, значит, ангелы живут. Ну, и наоборот - тоже, как химеры на соборе».

А. А. Андреевой. 29 марта - 3 апреля 1956 г.

«Теперь о праведности. Тут я с тобой в корне не согласен, удивлён и даже очевидно чего-то не понимаю. Я понимаю под словом праведность высшую степень нравственного развития, вот и всё. Праведность совершенно не обязательно должна иметь аскетический, иноческий характер. Иноческая аскеза - только одна из её разновидностей. Д-р Гааз - другая. Ганди - третья. И, по-моему, например, Чехов находился на границе праведности. И если Диккенс грешил тем-то и тем-то, меня это мало интересует: существенно, по-моему, то, что «Пиквикский клуб» - книга такой чистоты, добра, такого изумительного отношения к людям, что автором её мог быть только праведник. Но, конечно, и к иночеству, и к церкви у меня отношение совсем другое, чем у тебя... на такие явления, как Церковь, надо найти угол зрения не только исторический, но и метаисторический, иначе будешь только скользить по поверхности. Что же касается уродливых явлений, которые ты описываешь, то я понимаю, что это может быть смешно; понимаю также, что можно испытывать к ним острую жалость, как к уродливо искривлённым, карликовым деревьям, выросшим в какой-нибудь щели или трещине, вне условий, необходимых для правильного развития... И не думай, что я таких явлений не знаю, не видел и только поэтому так говорю. Знаю их, знаю, и, кажется, кроме жалости испытываю ещё и другое чувство: уважение. За непоколебимость и силу».

Д. Л. Андрееву. 5 апреля 1956 г.

«Конечно, чтобы понять «Грозного» и «Рух», нужно знать русскую историю - раз и быть в состоянии понять концепцию - два. Сколько потеряется без этих двух факторов? Для меня это - то, чего не умеет высказать моя немая душа, и никак не могу понять - очень ли будет мало таких, как я».

Д. Л. Андрееву. 10 апреля 1956 г.

«Ты знаешь, я забыла, ответила ли на твой вопрос - кто такие Комаров, Артёмов и т. д... Помнишь крупного, плотного, тяжёлого, чёрного, с тяжёлыми чёрными глазами человека в Лефортово? Это и есть Комаров, по заданию Абакумова состряпавший наше «дело» и позже расстрелянный. Артёмов - мой следователь, его судьбы не знаю, но надеюсь, что и он, подлец, получил, что заработал. А Леонов (расстрелянный) разве не твой следователь?»

Д. Л. Андрееву. 21 апреля 1956 г.

«Хороший мой, я думаю, что к вам, если ещё не приехала, то скоро придет Комиссия Верховного Совета по разбору дел. У них - огромные полномочия. Прошу тебя об одном - не будь Дон-Кихотом, будь умницей. Советовать мне тебе нечего, сам, если захочешь, всё сообразишь, но беспокоюсь, конечно, очень».

А. А. Андреевой. 29 апреля - 3 мая 1956 г.

Ну, родное моё дитяtko, кажется, наша разлука и в самом деле близится к концу. Похоже на то, что в июне или июле я покину здешние места...

Ещё одно: я, конечно, могу в торжественном, исключительном случае надеть тапочки на час или два. Но если я стану обуваться вообще - я умру. Прекрасно знаю, какие эта экстравагантная привычка сулит осложнения и трудности, но всё-таки лучше трудности, чем лежание в гробу. А как практически разрешу я связанные с этим осложнения - не представляю и сам. Например: даже в сердечный санаторий я не смогу лечь, если режим этого санатория или врачи потребуют, чтобы я обувался. Босикомохождение - основной источник тех сил, благодаря которым я ещё существую. Многим это покажется психозом - и пусть; я-то знаю то, что знаю.

...Ещё несколько слов по поводу названий, прав мореплавателя и пр. Есть несколько (не более десятка) названий и терминов, которые я выдумал сам, в том числе Навна, Ярсвет, метакультуры, Велга и др. И сотни две названий, которых я не выдумывал и не изобретал, но слышал в тех или иных состояниях, причём некоторые из них - многократно. Их транскрипция русскими буквами - только приближение. А некоторые из них я вообще никак не мог расслышать отчётливо. Среди них есть и очень неприятно звучащие, например, Ырл, Пропулк... Но и эти очень выразительны и уместны.

...Напрасно ты жалуешься, проталинка, на малую активность светлых сил: противоположные тоже очень могучи, особенно в этом мировом периоде».

А. А. Андреевой. 2 июня 1956 г.

«Теперь - несколько слов по поводу твоих ног, «мод» и изыска. Я ненавижу и презираю - и всегда ненавидел - «моду» вообще. Человек должен одеваться - насколько это от него зависит - красиво, изящно, удобно и стильно, а вовсе не модно. Мода - нивелировка, шаблон, пошлость. В особенности же ненавижу я те «моды», от которых страдает здоровье: это кажется мне верхом нелепости и даже чем-то почти преступным. Слава Богу, что мы живём не в эпоху корсетов, париков и прочих нелепостей. Но и в наше время ещё есть в некоторых кругах антикультурный, глубоко реакционный комплекс понятий о моде как о высшем указателе якобы «хорошего тона». Это, конечно, вздор.

...На мой взгляд, твоя коренная ошибка в том, что ты ставишь знак равенства между изяществом и модой, между общественными приличиями и дурацкими предрассудками. Я всегда уважал, буду уважать и никогда не нарушу общественных приличий. Но я не хочу, чтобы смехотворные предрассудки (сродни тому, напри-

мер, что до революции считалось недопустимым выйти на улицу без перчаток и без котелка) мешали мне жить и подтачивали моё здоровье».

Д. Л. Андрееву. 24 июня 1956 г.

«Ну что ты себя мучаешь, мало тебе того, что от тебя не зависит?.. Юность давно прошла, оставив свой след и опыт - и Господь с ней! Никто на земле ещё не был прав. По-моему, если было что плохо и понял это - больше не надо, а что прошло, то прошло, впереди бы наделать поменьше плохого. Это я не навязываю тебе, а просто высказываюсь. На моём душевном счету есть просто безоговорочно подлые поступки, но моё единственное отношение к ним - анализ причин, по которым я так поступила, чтобы, по возможности, больше этого не сделать. А всегда помнить и всегда каяться - даже не подумаю».

А. А. Андреевой. 2 июля 1956 г.

«Ты пишешь, девочка, о моей склонности к «раскайанию». Это - комплимент. Я нахожу, напротив, что одарён этой способностью в весьма недостаточной степени. Ты, кажется, думаешь, что я «постоянно» (как ты выражаешься) мучаю себя подобными настроениями. О нет: я их испытываю гораздо реже и поверхностнее, чем было бы нужно. Требуется немалое мужество, чтобы не поддаваться соблазну - заглушить, отвлечь себя, скользнуть мимо, «обойти стороной», как говорил Пэр Гюнт. Я вообще считаю, что человек, если он хочет быть глубоким, и в особенности мужчиной, не должен прятаться ни от каких переживаний, сколь бы мучительны и тягостны они ни были. Наоборот, он должен стремиться пройти сквозь них до конца. А концом может быть только полное развязывание данного кармического узла - хотя бы за порогом смерти».

Д. Л. Андрееву. 17 августа 1956 г. (Москва)

«Родной мой!

Ты, конечно, недоумеваешь, почему я до сих пор не приехала к тебе. Я тоже думала, что едва поставлю в Москве чемодан - прилечу во Владимир. Многолетняя привычка жить без документов! Конечно, пришлось сразу заняться делами. Сейчас я получила разрешение на прописку в Подсосенском. Отдала паспорт в домоуправление, получу его обратно в понедельник».

Д. Л. Андрееву. 1 сентября 1956 г. (Москва)

«Ну, мой родненький, только ты успел, вероятно, успокоиться, думая, что всё кончилось, как машинка начинает крутиться сначала. Дело в том, что многие из наших знакомых, сплетённые с нами в один противоестественный узел, начали хлопоты о полной реабилитации. Они, конечно, совершенно правы, я хлопочу о том же. У нас есть все основания для реабилитации, потому что, сколько я ни

узнаю, мало было таких нелепых и, если это слово уместно, анекдотических «дел». Узел же есть узел и всегда приходит к началу - к тебе, так что сейчас от тебя зависит очень многое, если не всё».

Д. Л. Андрееву. 9 октября 1956 г. (Москва)

«Сегодня под письмом с просьбой за тебя подписались Федин, Чуковский и Новиков. Последний передаёт тебе привет и ждёт нас в гости. Подарил мне свою последнюю книжку - «Писатель и его творчество» - и вообще трогателен необыкновенно»^{*}.

Д. Л. Андрееву. 21 ноября 1956 г. (Москва)

«Роденький, решение суда уже есть - не плохое, но не до конца хорошее. Военная коллегия отменила приговор - для всех, «включая» тебя. У всех, «кроме» тебя, - прекращение дела, т. е. полная реабилитация (и у меня). Относительно тебя - дело возвращено в Прокуратуру для дополнительного выяснения.

...«Умные» люди успокаивают меня, говорят, что не надо волноваться, что с тобой просто какая-то формальная закорючка. Конечно, дело принимает всё более абсурдный вид: твоё обвинение - агитация, а все близкие полностью оправданы, даже я; кого же ты агитировал?»

Д. Л. Андрееву. 24 ноября 1956 г. (Москва)

«Солнышко моё родное!

*

*Генеральному прокурору СССР
тов. Р. А. Руденко*

Уважаемый Роман Андреевич!

Просим вас содействовать скорейшему пересмотру дела сына знаменитого русского писателя Леонида Андреева - Даниила Андреева.

Даниил Андреев решением Особого совещания МГБ в 1947 году на заседании с участием Абакумова получил приговор 25 лет.

Срок этот он отбывал во Владимирской тюрьме.

Комиссия Верховного Совета пересмотрела дело Даниила Леонидовича Андреева, отвергла наиболее тяжёлую часть обвинения, оставив обвинение по ст. 58-10, установив срок наказания в 10 лет.

Материалом для этого решения был протокол о романе: сам роман, написанный Даниилом Андреевым, уничтожен по решению Абакумова.

До окончания десятилетнего срока Даниилу Леонидовичу осталось 6 месяцев, но он тяжело болен, дальнейшее пребывание в тюрьме может оказаться для него смертельным.

Мы просим о повторном пересмотре дела и одновременно ходатайствуем перед Вами о досрочном освобождении из тюрьмы больного Д. Л. Андреева, чтобы сын крупного русского писателя, книги которого мы сейчас переиздаём, не умер в тюрьме.

*А. Яблочкина
Виктор Шкловский
Корней Чуковский
Конст. Симонов
Константин Федин
Иван Новиков
Павел Антокольский
Т. Хренников*

Моя справка о реабилитации уже у меня на руках, и я знаю постановление. Дело прекращено за отсутствием юридического обоснования обвинения. Фальшивые показания были получены потому, что следствие велось с нарушением основ социалистической законности - насильственно. Кроме того, нарушением социалистической законности является уже и то, что трое из обвиняемых - психически больные люди, которых не подвергли медицинскому обследованию до следствия... С тобой всё было бы так же, как со всеми, т. е. реабилитация, если бы сколько-то времени тому назад ты не написал заявления, в котором подтверждаешь прежнее (частично, в отношении мнений) и пишешь, что в настоящий момент придерживаешься таких же взглядов. Из-за этого тебе оставлен п. 10 и срок - 10 лет, т. е. ты должен попасть под амнистию».

А. А. Андреевой. 2 декабря 1956 г.

Драгоценная моя, прежде всего - о деле. Только что прочитал решение Верховного суда. Практически (вернее психологически) готовлюсь к возможной поездке в Москву, хотя очень надеюсь, что обойдётся без этого - приедут ко мне. Слишком уж не хочется очутиться в стенах, напоминающих весёлые переживания 9 лет назад, а ещё менее хочется к Сербскому».

Д. Л. Андрееву. 8 декабря 1956 г. (Москва)

«Хороший мой!

Сегодня узнала в Прокуратуре, что дело передано в следственную часть Комитета Госбезопасности. Это пахнет Сербским или, во всяком случае, личным разговором или разговорами решающего значения».

«Железная мистерия» (Метаистория)

Человек привыкает ко всему. Даже камера становится желанным и любимым домом, в котором, как и в любом доме, выпадают дни радующие или огорчающие. И соседи в камере, словно родственники в одной семье, хорошо, чтобы они были приятны друг другу.

Одно время соседом Андреева был Василий Витальевич Шульгин, получивший срок как активный член белогвардейской организации. Он был самым старым из всех узников, ему было уже семьдесят лет, и за плечами - полная непростых испытаний жизнь. Родившийся в 1878 году, он добровольцем отправился на русско-японскую войну, потом был в Киеве редактором газеты, членом Думы, офицером Добровольческой армии. Эмигрировал вместе с Белой гвардией и, живя в Югославии, приветствовал борьбу против большевиков и страны Советов. В декабре 1944 года после освобождения Югославии его арестовали и приговорили к 25 годам только потому, что смертная казнь была отменена. Держался он и в силу возраста, и в силу пережитого особняком -

всё-таки в отцы Даниилу Леонидовичу годился, но вдруг попросил оценить свою поэму.

«Рифмы хороши, и в ней есть другие достоинства, но стих не импозантен и не доходит», - был ответ.

А вот исторический роман «Приключение князя Воронежского», о котором автор-сокамерник рассказывал и читал отрывки, Андреев похвалил «за отражение эпохи».

Борис Владимирович Чуков, наоборот, был моложе, и Андреев сам охотно делился своими размышлениями, читал только что написанное. Чуков был первым слушателем «Симфонии городского дня», можно сказать, она рождалась на его глазах.

Как-то Андреев предложил:

- Боренька, хотите, я расскажу вам про Фёдора Кузьмича?

- С удовольствием послушаю, - ответил тот.

И Даниил Леонидович поведал историю тайного отречения императора Александра I, который, на его взгляд, был настоящим праведником. Сказал, что при вскрытии гробницы Александра в Петропавловском соборе в 1919 году обнаружилось, что гроб пуст и в нём никогда покойник не лежал.

Император Александр Павлович занял престол в двадцать три года. При нём Сперанский провёл реформу управления государством, Аракчеев - военную реформу. На время его правления выпало четыре войны: с Персией, с Турцией, Швецией и, наконец, Отечественная с Наполеоном... В декабре 1825 года он едет в Таганрог, и оттуда приходит известие о его кончине...

- А потом объявился старец Фёдор Кузьмич, Боренька, который умер в Томске в 1864 году, - закончил он. - И кто-то обязательно должен описать всю историю такого человека. Может быть, я даже напишу поэму...

Соседями Андреева были и осуждённые немцы, и бывшие дворяне, отчего камера считалась «учёной»...

Но самой творческой его дом-камера была в пору сидений Ракова и Парина.

А самой «домашней», когда к нему подселили Зею. Тому было двадцать три года, когда его в сорок шестом году осудили как японского шпиона. К этому времени значившийся в анкетах как татарин, считавший себя египтянином, родивший в манчжурском Мукдене, он только и успел закончить Токийский университет. И находился в том возрасте и в том состоянии, когда чувствуешь вкус к знаниям и не стесняешься задавать вопросы. Он был внимательным и благодарным слушателем. К тому же охотно рассказывал и о Дальнем Востоке, и о Японии...

В этот последний год своего сидения Андреев завершил «Железную мистерию», во вступлении к которой признался:

*И я чувствую
в потрясающие
мгновенья,
Что за гранью
и галактической,
и земной
Ты нас примешь как сопричастников вдохновенья
Для сотворчества
и сорадования
с Тобой.*

Он увидел и описывал отечественную историю как пишут драму, - в актах.

Но предупреждает, что читателю следует принять условность: действие разворачивается в многослойном пространстве. «Средний слой - это арена событий условно-исторического плана... Под этим слоем на больших глубинах расположен нижний слой Мистерии; это подобие некоторых миров инфрафизики, связанных со средним историческим слоем общностью протекающих там процессов... Нижний слой становится видимым лишь минутами... Человеческого обличия существа Нижнего слоя не имеют... В остальное время оттуда доносятся лишь шумы и голоса. Третий слой, Вышний, остаётся невидимым за исключением редких мгновений».

И не столько осознавая, как нелегко будет читателю его мистерии разобраться в приходящих ему образах, сколько сам пытаясь выстроить постижимую цепочку событий и образов, конкретизируя эти образы, место, проясняя многое для себя, он параллельно пишет поэму в прозе «Изнанка мира». Эта поэма не столько самостоятельное произведение, сколько необходимое ему же непоэтическое описание тёмных миров.

«В лучезарных пространствах Святой России осуществлены прекраснейшие города - если к ним применимо вообще это слово. Для того чтобы выразить величие просветлённого мета-Петербурга, слов нет и не может быть на нашем языке, не приспособленном ни к чему трансреальному. Там, в облаках, на плавно колышавшем пьедестале, мчится белый колосс на коне: я не знаю, из чего он изваян и как он мог быть сооружён. Это - не памятник, не монумент. Это - эмблема великой идеи, указание на направленность исторического пути.

Но есть миры противоположного знака, зыбкие тёмные зеркала, где меняются местами верх и низ. Познание их мучительно, раздумье о них безрадостно, но его не может отвергнуть никто, перешагивающий

за порог духовного детства. Золотом первоначальной зари платишь за зоркую зрелость. Ни вникание в запредельный смысл мировой борьбы, ни понимание зла и добра нашей эпохи, ни прикосновение к замыслу божественных сил, ни разгадывание угрожающих замыслов Противобога - ничто невозможно без этого знания».

Он описывает пережитое. Пропущенное через собственную судьбу, поэтому не может не отразить реалии, не перенести страсти неведомых сил, описывая хорошо знакомое, через форму, ритм, словесную ткань стиха выражая своё отношение к тому, чему стал свидетелем.

Порой он сомневается, надо ли так. Гротескно, непримиримо, прав ли?.. Но после ночных размышлений, которым он теперь доверял больше, чем суетным дневным, приходит к убеждению - надо. Иносказательно, без конкретики пережитого лично им и теми, кого он знал, но вызвать те же чувства, то же неприятие насилия...

Даниил Андреев не скрывает своего преклонения перед гением Данте. «Не сказочником был Дант, не лжецами - повествовавшие о лестнице преисподних. Будет осознано бытие шрастров* - четырёхмерных стран на изнанке каждой метакультуры, расы иноприродных существ на изнанке каждого из сверхнародов человечества. Друккарг** - так называется шрастр на изнанке России», - поясняет Андреев в «Изнанке мира».

Именно в «Железной мистерии», своём главном поэтическом произведении, как считал Даниил Андреев, он осознаёт и своё знание, неведомое большинству, если не всем живущим, и своё предназначение.

И параллельно, понимая, как сложно будет читателю постичь изложенное им в поэтических строках, хотя он использует все свои знания, всё своё мастерство, придавая каждому герою свою словесную образность, добиваясь зримости, признаётся в «Изнанке мира»: «Друккарг,

* Шрастры - инопространственные материальные слои, связанные с некоторыми зонами в физическом теле планеты Земля, а именно с «компенсационными выступами» материков, опрокинутыми остриями к земному центру. Обиталища античеловечества, состоящего из двух совместно живущих рас: игв - высокоинтеллектуальных демонических существ - и рарругов. В шрастрах имеются своеобразные огромные города и очень высокая демоническая техника.

** Друккарг - шрастр Российской метакультуры.

Метакультура - внутренние сакуалы - системы разматериальных слоев - Шаданакара (это собственное имя брамфатуры системы, объединённой общностью интересов, протекающих в слоях нашей планеты, которая состоит из более 240 разматериальных слоев, инопространственных и иновременных). Каждая метакультура обладает непременно тремя слоями: физическим - местом обитания в Энрофе (имя нашего физического слоя) соответствующего сверхнарода; затомисом - небесною страной просветлённых душ этого народа; шрастром - демоническим исподним миром, противопоставляемым затомису. Кроме того все метакультуры включают то или иное число слоёв Просветления и слоёв Возмездия.

твержу я. И меня томит тупая тоска оттого, что в наши дни другие не могут мне верить. Когда же это подтвердит, после медлительного подползания, после недоверчивого ощупывания, метод науки, меня, вероятно, уже не будет здесь. Игвы - повторяю я прозвище обитателей античеловеческого мира: игвы. Это слово и другие, такие же странные, буду я повторять, пока живу. Я это должен. Быть может, поверит один из миллионов, быть может, один из тысячи. И тогда будет оправдано моё существование на земле.

Игвы - пришельцы. Раругги - древнее. Свирепая вражда разделяла обе подземных расы, пока не убедилась каждая в непобедимости другой и понемногу не выработался между ними некий *modus vivendi**. А ещё раньше раругги обитали в нашем слое на поверхности земли: алчные аллозавры, хищные чудовища мезозоя. Бесчисленными инкарнациями в демонизированных мирах, о которых мы только начинаем догадываться, достигли они разумности. Колоссально возрос накал их чувств, но всё-таки неповоротливы и тупы их мозги, а тёмная душа осталась такою же тёмной».

И поясняет:

«...То, что говорит Ярослав, выразимо лишь средствами музыки. Это - невмещаема в словах мука сознания своей вины: вины того, кому был вверен сверхнарод российский и кто, создав некогда род уицраоров как щит от внешнего врага, этим завязал узел великой исторической трагедии».

Поймут ли его, Даниила Андреева, метаисторию?

Иногда эта мысль приходит ему, но он отмахивается: разве это важно - будет ли понят, признан?.. Даже самый близкий ему человек, Алла, не понимает или не верит многому из того, чем он с ней поделился. Но он должен рассказать не только о прошлом, но и передать своё видение будущего...

И «Железная мистерия» органично переходит в то откровение, которое он назвал «Роза Мира»...

Нет, не зря он жил этим столько лет! Кто-то обязательно поймёт, поверит тому, что он слышал, видел, пережил за эти почти шесть лет с момента прихода первой строки в первый день после зимнего солнцестояния 1950 года до вот этого дня второго мая 1956 года от Рождества Христова...

А значит, поймут и неожиданное признание:

«Как могу я не преклониться с благодарностью перед судьбой, приведшей меня на целое десятилетие в те условия, которые проклинаются почти всеми, их испытывшими, и которые были не вполне легки и для меня, но которые, вместе с тем, послужили могу-

* Фактическое состояние отношений, признаваемое заинтересованными сторонами (лат.)

чим средством к приоткрытию духовных органов моего существа? Именно в тюрьме, с её изоляцией от внешнего мира, с её неограниченным досугом, с её полутора тысячею ночей, проведённых мною в бодрствовании, лёжа на койке, среди спящих товарищей, - именно в тюрьме начался для меня новый этап метаисторического и трансфизического познания».

Предволье

В Институт Сербского, как не хотел, ехать всё же пришлось. А с другой стороны - это уже почти воля: надзиратели в халатах, окна без решёток, жилые дома видны...

Первым делом Даниил Леонидович к окну подошёл, чтобы скрыть слёзы, которые сами из глаз бежали.

Сокамерник или, точнее всё же, сопалатник: всё-таки больница, хотя и специфическая, - совсем молодой, в сыновья годится, своего удивления не скрывая и от этих слёз и от вида новосёла: седой, тощий и пусть, как и все, в кальсонах и халате, но почему-то босой, хотя всем тапочки положены, - спрашивает:

- А почему плачете?

Смахнул вошедший слезу тонким белым пальцем, негромко отвел:

- Простите, не сдержался... В первый раз за десять лет дерево увидел.

- Как, вы уже десять лет... А что, там деревьев не было? - опять же удивился тот. - Я думал, что на такой срок в тайгу отправляют лес валить.

- А я в тайге не был, в тюрьме, во Владимирской... - Даниил Леонидович всё ещё не мог избавиться от волнения. Словно перенесся в прошлое, когда бродил по местам, где тесно было от деревьев. - А там прогулки только в крытом дворе, кругом один цемент. А тут во дворе дерево живое, настоящее... Сами потекли... - Повернулся. - Давайте знакомиться, Андреев.

- Гудзенко Родион... Надо же, какое совпадение... А я зачитываюсь писателем Леонидом Андреевым. Я в восторге от его рассказов... И знаете, вы на него даже чем-то похожи.

- Возможно, я ведь его сын.

- Простите, не понял, как сын?

- Даниил Леонидович Андреев.

- Что, родной сын?

- Да.

Окинул взглядом опешившего Родиона, у того в глазах восторг нескрываемый, словно и не в этом, пугающем всех здравомыслящих людей, заведении свела их судьба.

- Как же мне повезло, а я зачем-то расстраивался, в тюрьму не хотел, сюда вот...

И такая искренняя радость прозвучала в этих словах, что Даниил Леонидович сразу почувствовал симпатию.

...История молодого сопалатника чем-то была похожа на собственную: любил дискутировать, критиковал Сталина, кружок единомышленников сколотил. А после смерти вождя народов совсем опасаться перестал. Вот и договорился до пятьдесят восьмой статьи...

Но о себе он особо не распространялся - о чём рассказывать, когда прожито всего ничего, зато с удовольствием и вниманием студента-отличника слушал. Пожалуй, у Даниила Леонидовича никогда не было такого благодарного слушателя. Родион хотел знать всё и о той жизни, что была до тюрьмы, но ещё больше об этих десяти годах, слушал так, словно примеривался к своему будущему, впитывая чужой, жизненно важный для него опыт.

Он уже начинал понимать, что тюрьма - это тот же дом с коммунальными квартирами, лишь с тем отличием, что все жильцы безвылазно сидят по своим отдельным комнатам и даже на кухне или в очереди в сортир не встречаются. Но, с другой стороны, со временем обслуживающий персонал - надзиратели и прочие прислужники, - если долго сидишь, становятся почти родными. Разные они, конечно: один, как суровый глава семейства, - всё строжится и дисциплину держит, а другой угодить старается в обмен на что-нибудь, а то и просто вдруг вспыхивает жалостью или ещё по какой причине выделит - глядишь, и на просьбу откликнется, даже если и противоречит она тюремным инструкциям.

- Пока не привыкнешь, не поймёшь, что уже не изменить ничего, - трудно. Ну потом, когда люди интересные вместе, скучно не бывает. Мы славно учиться стали, времени много, забот никаких... - Даниил Леонидович неприятные стороны тюремной жизни в рассказе упускал, учил Родиона видеть во всём только хорошее. - И бумагу нам давали, и книги... Библиотека у нас потрясающая... А мои товарищи учёные много знали, вот мы и делились друг с другом. Можно сказать, каждый ещё по университету закончил.

- Ну так это в тюрьме, а меня, скорее всего, отправят на лесоповал, - вздыхал Гудзенко, уже находя в прежде пугающем будущем так много хорошего.

- Родя, а вы на суде обязательно нахулиганьте, вот и попадёте в тюрьму, а там вам будет значительно лучше. Все думают, что это хуже, чем зона, а для интеллигента - там ещё наткнёшься неизвестно на что, а тут, если во владимирскую попадёте, потрясающая просто библиотека, и через год вы там будете свой человек, и к вам ад-

министрация отнесётся соответственно: надо книгу - дадут книгу, и вообще...

Он окинул взглядом внимающего Родиона и добавил не так уверенно:

- То есть будет всё, что положено, и даже если где-то надо переступить чуть-чуть инструкции - и это тоже... А какие там люди встречаются... Хотите, я вам про одного из них сейчас расскажу?

- Конечно хочу, - устроился поудобнее Родион, уже зная, каким интересным окажется рассказ: неинтересных он от Андреева не слышал.

- Посадили как-то к нам лейтенантика, артиллериста. Юра Пантелеев только из училища вышел, но у него хобби невоенное было, экономикой увлекался. Вот он изучил все данные Госплана и статистики и сделал свой анализ. А по нему получалось, что если не изменить внутреннюю политэкономическую структуру, то к 1982 году в стране наступит крах, и тогда уже ничего не поможет. И эту записку отправил в ЦК и Госплан. Так вот в пятьдесят шестом и попал к нам на восемь лет за агитацию. Хотя, если разобраться, он ведь прав был, когда говорил, что никого не агитировал, а послал правительству, желая только добра стране, чтобы разобрались, исправили, если он прав, или ему объяснили, что ошибся... Молодой такой, чистый человек... Училище военное закончил, а поэтов знает лучше многих... И не поверхностно, как большинство.

- Странно, военное училище - это «встать!», «лечь!», «подъём!», «побежали!» - больше ничего, - поделился своим видением армейской службы Родион. - Когда он это всё успел?

- Вот ведь успел... Умный юноша...

...Теперь, когда заканчивались врачебные осмотры и всяческие процедуры, которые особо не обременяли ни того, ни другого, они предавались разговорам. Вернее, не разговорам, потому что Родион слушал с открытым ртом, а Даниил Леонидович, стосковавшийся по такому внимательному слушателю, рассказывал о том, что надумал за эти годы, и читал кое-что из написанного, стараясь выбирать то, что было Родиону ближе по возрасту. И нисколько не удивлялся тому, что размышления о «Розе Мира», над которой он думал последнее время, сопалатника не очень волнуют, но зато из Афродиты Всенародной тот запоминал кусками, порой даже не особо вникая в смысл. Да и оговаривался всё время, вместо «Всенародной» говорил «Пенородной»... Что поделаешь, так воспринял сообразно возрасту...

Для народов первозданных

Слит был в радостном согласье

Со стихиями - туманный

Мир идей.
Выходила к ним из пены
Матерь радости и страсти,
Дева Анадиомена,
Свет людей.

...
Пряди похоти и страсти
Из эфирной плоти нашей -
Это ты! Твоё участие
Каждый пил,
О, блюстительница рода!
О, зиждательница чаши -
Бурной плоти сверхнарода,
Полной сил!

...
А в кварталах, клубях,
по вокзалам,
Залам -
Шёпот и объятия:
- Со мной
Давай!.. -
В бульканьях и треньканьях
гитары
Пары
Впитывают жадно
зной
Гавай.

...
Шарф
Мглы
Вьётся за каждой женщиною -
Знак
Лярв,
Мечущихся до зари,
Чтоб
К нам
Жался квартал поножовщиною,
Чтоб
Мрак
Царствовал час,
два,
три....
Стихийной мощи ль будущего Рубенса
Запечатлеть богиню на холсте...

*В уступы гор грядущий скульптор врубится,
Чтоб изваять из камня мышцы те,*

*Чтоб намекнуть на эти глыбы лобные,
На скаты плеч, на душиный аромат,
На эти груди, куполам подобные,
На эти бёдра городских громад.*

*...
И, приступая к обычному делу,
Простыни отстраняя швырком,
Нет больше тайн привычному телу:
В жилах - огонь,
в голове - партком.*

*Так,
этажами высотных зданий
Переползая, никем не видна,
За рубежами плотных сознаний
К душам присасывается
о н а.
Чтоб наслаждался
по стойлам рая
Скот, позабывший все мятежи,
Тканью эфирной своей убажая
Алчность невидимой госпожи:
Той,
что за Афродитой Народной
Прячется в гробовой тишине;
Чья цитадель за рекой темноводной
В душу, как дьявол,
взглянула мне....
Пряди похоти и страсти
Из эфирной плоти нашей,
Это - ты! Твоё причастье
Каждый пил, -
Ты, слепая, как природа!
Ты, блюстительница чаши -
Бурной плоти сверхнарода,
Полной сил!*

Это он написал в пятидесятом и пятьдесят первом году. Но всё время казалось, что не хватает самых главных строк, самого главного вывода.

В пятьдесят пятом он вернулся «Ещё к «Афродите Всенародной»:

*Так вот царица человечества,
Зиждительница бытия!
Быть может, в древних храмах жречество
О ней шептало, смысл тая.*

*И не её ль дыханье буйное
Поныне разум наш палит,
Когда в легенды тихоструйные
Вплетётся прозвище Л и л и т ?*

*Адама тёмная возлюбленная,
Полуэфир, полумечта,
Амфора сумрака, пригубленная
И изъязвившая уста.*

*Она из края сине-серого
Несёт в отравленной крови
Проклятье - семя Люциферово,
Двойник добра, двойник любви.*

*Оно в эфирном лоне плавало,
Его и в помыслах не тронь:
То - эйцехоре, искра дьявола,
Пожаров будущих огонь.*

*А если тлеющая кровь её
Воспримет кровь иерархий,
Чья нам очертит теософия
Лик сына, лютого, как змий?*

- Вы ведь гений, Даниил Леонидович! - не выдержал восторженный Родион.

Андреев недовольно поморщился.

- Ну перестань, Родион!

Прозвучало это непривычно резко, приказно, и, понимая это, спустя паузу уже другим, привычным тоном продолжил:

- Во-первых, до смерти такое говорить вообще нельзя, это кощунство. Во-вторых, даже канонизируют через пятьдесят лет после смерти, не раньше. Одним словом, вы не правы... Да я себя и поэтом не считаю...

Гудзенко собирался было поспорить, но, взглянув на словно отстранившегося от него и от всего окружающего Андреева, передумал.

Он верил, что придёт время и они смогут спокойно поговорить и на эту тему, как на многие другие, неведомые прежде; ему было внове в советской атеистической стране со своим советским образованием и тем, к чему он привык за все предыдущие годы своей жизни, слушать мистические размышления Андреева о кознях дьявола, о том, что всё в мире людей подчинено силам, которые окружают его со всех сторон, просто эти силы невидимы и мало кому удаётся соприкоснуться с ними, услышать их.

Но время летело стремительно, врачи работали ударно, самоотверженно, и через месяц пути-дороги развели их: Даниила Леонидовича - на волю, а Родиона Гудзенко - в мордовские лагеря, где отбывала свой срок Алла Александровна...

Воля

Он вышел на свободу утром 21 апреля 1957 года. Москва была залита солнцем. С Лубянки пришёл на Кузнецкий мост в приёмную КГБ, где его ждала Алла... И отсюда взявшись за руки, почти не разговаривая они пошли в Подсосенский переулок, где жили родители Аллы. Больше им идти было некуда...

Воля была совсем не такой, как он ожидал. За десятилетие многое изменилось и на улицах, и в людях. Прежде всего он обратил внимание на полное отсутствие портретов Сталина. Это было непривычно, но, с другой стороны, не очень-то этому и удивился - понятно, что развенчание культа предполагает стирание и памяти об отце народов и великом вожде. Правда, не все с этим согласны, любая власть, какой бы неправедной и деспотичной она не была, всегда имеет своих сторонников.

Видно было, что также стала забываться и война: теперь редко можно было встретить человека в военной форме, безрукого или безногого инвалида, ярче стали одеваться женщины, другими, менее напряжёнными, стали лица прохожих.

Впрочем то, что было вокруг, на шумных московских улицах, его не так и интересовало, это было всего лишь декорацией к ним двоим, идущим рядом и исподволь приглядывающихся, привыкающих друг к другу. Он видел морщины на худом лице Аллы, появившуюся сутуловатость и грузноватость в походке взамен былой лёгкости (хотя, может быть, она просто приноравливалась к его шагу), отсутствие бывшего вызова во взгляде. В ней теперь была какая-то иная сила, которую он чувствовал, но природу которой пока не мог объяснить.

- Да, мы изменились, - словно услышав его мысли, сказала она.
- А мне кажется, нет.
- Я уже не красивая и не молодая.

- Для меня ты как была самой красивой и желанной, так и осталась. И я ведь тоже не помолодел, но это и неважно... Подожди, отдохнём, - остановился он, сбивая одышку, возникшую и от волнения, и от непривычно долгой ходьбы, хотя, проверяя его на полноценность в институте Сербского, его сердце тоже подлечили...

- Ты для меня самый-самый. - Она прижалась к нему. - И я тебя вылечу, и у нас всё наладится.

Он улыбнулся, отметив, как вдруг изменилось выражение её лица, заострился взгляд, и узнавая в ней прежнюю Аллу, несломленную, уверенную в себе, любящую жизнь. Подумал, что вот сейчас они самые вольные люди в этом городе: у них нет ни своего дома, ни работы, ни средств пропитания. И в то же время у них есть всё, что необходимо для жизни: любовь, вера друг другу, недоделанные ещё на этом свете дела... Подумал, что теперь он успеет сделать всё, что наметил.

...Первое время жили у родителей Аллы, радостных и растерянных от осуществления столь долго ожидаемого возвращения дочери и её мужа. Потом, когда стало теплее, переехали на дачу друзей; наконец-то Даниил Леонидович мог насладиться общением с деревьями, ощутить ступнями не только цемент или мостовую, но тёплую, мягкую, щедро отдающую свою энергию землю. Затем месяц пришлось провести в больнице, надо было подлечить сердце. А в начале июня поехали на Оку, в деревню Копаново, которую расхвалили знакомые: мол, места чудесные, как раз для творчества.

«Уехали мы на пароходе в Рязанскую область, - писал он бывшему сокамернику Ракову, - и сейчас я пишу Вам, сидя в деревенской комнате в 2-х минутах ходьбы от Оки, которая здесь великолепна (шириной - вроде Невы у Дворцового моста). Комфорта здесь абсолютно никакого, уровень быта - есенинских времён, даже электричества нет; но это в некоторой степени уравнивается тишиной, покоем и красотой природы. Впрочем, мы здесь только 2 дня и, при моей ограниченности теперь в движениях, успели посмотреть самые ближайшие окрестности. А я так истосковался по природе, что сейчас меня радует вид любого дерева, а тем более те массивы их, которые по-русски называются лесом.

Собираемся пробыть здесь июль и август, отдыхая и работая. Алла Александровна сегодня уже ходила на этюды, невзирая на грипп и совершенно хулиганскую погоду. Я же собираюсь продолжать начатое ранее и, между прочим, думаю подготовить маленькую книжечку стихов о природе (в сущности, уже написанных, но требующих некоторой отделки и перестройки общей композиции), с которой осенью попробую сунуться в печать. Уверенности в удаче,

конечно, не может быть, но попробовать не мешает. Название книжечки будет странное - «Босиком».

Но не всему из задуманного суждено было сбыться. Восторг первых дней скоро сменился разочарованием и от погоды - она была не по-летнему плохой, и от скудости пропитания: «достать здесь можно только картошку, молоко да керосин (за последним, как и за чёрным хлебом, приходится охотиться)». Да и «вообще уровень быта страшно низкий».

Но тем не менее намеченная работа идёт. Он выстраивает всё написанное в отдельные главы своего поэтического ансамбля «Русские боги». Цикл стихотворений «Босиком» - восемнадцатая глава из двадцати задуманных. И его составили стихотворения разных лет. Как давно, в тридцать первом году, он признался:

*Ах, как весело разуться в день весенний!
Здравствуй, милая, прохладная земля,
Перелески просветлённые без тени
И лужайки без травы и щавеля...*

*А в тридцать шестом...
Вот блаженство - ранью заревою
Выходить в дорогу босиком!
Тонкое покалыванье хвои
Увлажнённым
сменится песком;
Часом позже - сухью или влагой
Будут спорить глина и листва,
Жёсткий щёбень, осыпи оврага,
Гладкая,
прохладная
травя.
Если поле утреннее сухо,
Что сравнится с пылью золотой?
Легче шёлка, мягче мха и пуха
В колеях
её нагретый слой.*

Но более всего вспоминалось об этом в пятидесятом, в тюрьме, когда об этом можно было только мечтать. И он тогда писал:

*И в том уже горе немаленькое,
Что заставляет зима
Всовывать ноги в валенки
И замыкать дома.*

*Но стыдно и непригоже нам
Прятать стопу весной
Душным футляром кожаным
От ласки земли родной...*

И в стихотворении «Вовсе не шутя» призывал отказаться от обуви, приводя в пример «премудрую» Индию.

Но более целительны были те строки, что переносили за тюремные стены.

В том же пятидесятом году он написал «Привал».

*Где травка, чуть прибитая,
Нежней пушистых шкур,
Уютен под ракиною
Привал и перекур.*

*Хоть жизнь моя зелёная
И сам я налегке,
Но сало посолённое
И сахар есть в мешке.*

*Гляжу - люблюсь за реку,
На пажити внизу,
Сухарики-сударики
Грызу себе, грызу.*

*А большего не хочется,
И весело мне тут
Смотреть, как мимо рожицы
Прохожие бредут.*

*Идите, люди мудрые,
Куда велят дела,
А мне зеленокудрая
Ракиточка мила.*

А в пятьдесят пятом словно подвёл черту:
*Бог ведает, чем совершенны
Блаженные духи снегов,
Но именем странным - Нивенна -
Их мир я означить готов.*

*К священной игре они склонны,
И краток, быть может, их век,*

*Но станет земля благовонна,
Когда опускается снег.
Кругом и светло, и бесшумно
От радостной их кутерьмы,
И все, от индейца до гунна,
Любили их близость, как мы.*

*Страна их прозрачна, нетленна
И к нам благосклонна, как рай.
Нивенна - то имя! Нивенна!
Запомни, - люби, - разгадай.*

...Скоро установилось настоящее лето, можно было даже купаться и загорать при желании, но он предпочитал работать, устроившись на огороде в тени деревьев. И в нетерпении ожидал приезда брата Вадима, который наконец-то осуществил свою давнюю мечту и смог приехать на небольшой срок на родину. Он пишет брату, как к ним доехать, о том, что в общем-то оба не очень здоровы. К тому же у Аллы держится температура, но просит об этом её родителям не говорить. Соблазняет походами в лес и купанием в Оке. И предупреждает: «Когда увидите нас, не пугайтесь: мы оба тощие, высокие, чёрные (Алла блондинка, но сильно загорела), а я по прибытии сюда дал клятву Матери-земле не обуваться до возвращения в Москву ни при каких обстоятельствах».

Планируемая и так ожидаемая встреча в деревне состоялась.

...Вадим приехал поздно вечером. На пристани его встретила Алла Александровна и сразу сказала, что Даниил болен, у него высокая температура, возможно, воспаление лёгких, и это очень опасно при его сердечном заболевании.

Описывает эту встречу Вадим Леонидович так:

«Я вошёл в избу. В комнате, уставленной фикусами, на кровати, подпёртый подушками, под маленькой лампой-коптилкой - лежал я. Действительно большое сходство двух родных братьев в первые минуты показалось мне абсолютным. Те же седеющие волосы, тот же лоб, то же худое лицо, тот же андреевский нос и складки у углов рта.

Никто не помнит первых слов, произнесённых после долгой разлуки. Да их и немного, этих бессвязных слов: главное - ощущение живых губ, небритость щёк, костлявое плечо, которое не могут отпустить скрюченные пальцы, и сквозь слёзы, в затуманенном зеркале - родное лицо.

В тот вечер у Дани упала температура, и мы долго говорили - и тут произошло последнее чудо этого неповторимого дня: очень скоро мы

ощутили оба, что понимаем друг друга с полуслова, что начатая одним фраза заканчивается другим, как будто мы прожили всю жизнь вместе. Вдруг оказалось, что нет и не было сорокалетней разлуки, что две судьбы, столь непохожие, в сущности, одна судьба одной русской семьи.

Потом Даня читал мне свои стихи...»

И одно стихотворение настолько совпало с настроением Вадима Леонидовича в тот день, что он приводит строки из него. Это было стихотворение «На пароме» из цикла «Босиком», написанное в тюрьме в пятидесятом году.

*Если мы, втроём, вчетвером,
Входим путниками на паром -
Хорошо, в закатном покое,
Озирая зеркальный плёс,
Загрубевшею братъ рукою
Влажно-твёрдый, упругий трос.
Прикасались к нему весь день
С полустанков, сёл, деревень
Каждый мальчик, всякий прохожий,
Бабы, девушки, учителя,
Старики, чью плотную кожу
Знает сызмальства мать-земля;
Знаком связи народной стал
Этот твёрдый, тугой металл;
Через эти пряди витые,
Волю тысяч вплетали в круг
Сколько ласковых рук России -
Властных, тёмных, горячих рук!..*

*Воды искрятся серебром.
Мерно двигается паром.
И отрадно вливать усилия
В мощь неведомой мне толпы...
В этом - родина. В этом - крылья.
В этом - счастье моей тропы.*

Встреча было недолгой, и братья расстанутся навсегда.

Вернувшись в Москву, всё так же без жилья, работы и понимания, как решить эти проблемы, но в надежде, что хлопоты о компенсации и восстановлении пенсии всё же увенчаются успехом, воспользовались предложением знакомых и стали жить на даче в Перловке. После перенесённой пневмонии Даниил Леонидович был слаб, да и Алла Александровна не могла похвастаться здоровьем. Но они продолжают заниматься своими делами.

«Дорогая Татьяна, - пишет Андреев Морозовой, - я не писал главным образом потому, что был загружен работой и каждый день после её окончания был уже не способен ни на что. Работа эта связана была отчасти с моей попыткой всплыть на поверхность литературы - попыткой, заранее обречённой, почти наверняка, на неудачу. Теперь на днях надо ехать к Чуковскому, но он живёт в Переделкине, и я никак не могу собрать сил, необходимых на такую поездку».

Но силы он все-таки находит...

У Чуковского в тот день гостил Лев Адольфович Гольдберг, кандидат наук, переводчик и поэт, известный под псевдонимом Озеров. Он был моложе Даниила Леонидовича лет на десять, а уж хозяйну дачи и подавно в сыновья годился, прошёл войну, защитился, а теперь вот редактировал Пастернака, жалуюсь Чуковскому, благосклонному к нему, на занудный характер автора. Когда появились Андреевы, Корней Иванович, идя навстречу им, пояснял Озерову:

- А вот и Алла Александровна и Даниил Леонидович Андреевы... Сейчас вы поймёте, кто эти люди и откуда они.

Устроились за столом. Озеров как раз напротив Андреева. Разглядывал, не скрывая интереса, уже понимая, отчего хозяин обещал интересную встречу. По измождённому лицу, худой, словно надломленной, фигуре было видно, что этот человек немало страдал, да и, очевидно, не избавлен от страданий был и сейчас. Но в то же время в нём была какая-то необычайная сосредоточенность на ведомом только ему одному. И оттого он словно был отдельно от всего, что происходило вокруг. Это ощущение усиливалось ещё и потому, что он молчал и лишь изредка, когда уже нельзя было промолчать, отвечал на вопросы. И хотя вроде бы он приехал с какой-то просьбой, было ощущение, что происходящее не столько заботит его, сколько хозяина.

А Корней Иванович, облегчая своё отношение к давно минувшим дням, желая о них поговорить-выговориться, словно продолжал рассказ, адресованный не столько Андреевым, сколько хорошо ему знакомому Озерову.

- Мы в молодости горячи бываем и несправедливы, вот и я не избежал этого, - говорил он. - А молодость моя - как раз между первой революцией седьмого года и началом мировой войны. Жаркое было время в России, модно было всех и вся критиковать, даже тех, кого и не следовало бы. Вот и Леонид Андреевич не избежал этой участи. Ему доставалось от меня. Что было, то было...

Чуковский окинул взглядом Даниила Андреевича, словно удостоверившись в его сходстве с отцом, потом перевёл взгляд на Аллу Александровну, которая слушала более внимательно.

- Критиковал, да хлётско. Про одну пьесу его написал не щадя. А он, помнится, в ответ - дескать, и неожиданен ваш взгляд, и своеобразен, но по существу верен... Каково это критику?

Он откинулся на стуле, выдерживая паузу, чтобы слушатели могли оценить его давнего оппонента, да и отношение его сегодняшнего к себе тогдашнему. И продолжил:

- Кроме врагов я в ту пору нажил и болезнь... Лёгкие... Надо было лечиться, поехать в санаторий. А средств не хватало. И вот пришла ко мне одна дама с письмом, было это в одиннадцатом или двенадцатом году. Она передала письмо, сказав, что автор его пожелал быть неназванным. Когда дама ушла, я вскрыл конверт и нашёл там сумму, достаточную для поездки. Поехал в финский санаторий «Гранкулла». Потом - первая война, две революции. Сами знаете, какое это время было... А потом в девятнадцатом году, хорошо помню, собралась редколлегия «Всемирной литературы». Ждали Горького. Наконец тот появился, необычайно сильно сутулясь и тяжело опираясь на палку:

- Я пришёл только затем, чтобы сообщить вам: умер мой лучший друг Леонид Николаевич Андреев.

И заплакал. Потом добавил:

- Заседания сегодня не будет.

Замолчал. И мы молчали.

А когда начали расходиться, ко мне подошла женщина и сказала: «Вы помните, Корней Иванович, я лет семь-восемь назад приходила к вам с письмом от неизвестного? Сейчас я могу открыть его имя - это Леонид Николаевич Андреев».

Чуковский замолчал, пристально глядя на Андреева. И вдруг стремительно, всем туловищем, подался вперёд в сторону Даниила Андреевича:

- Теперь посудите сами, спустя полвека что мне делать? Продать с молотка всё моё имущество и пойти с сумой и посохом по свету или, наоборот, после смены правительств, после всех революций и реформ и разных пертурбаций, после керенок и прочих расхожих денег и рублей я ничего вам не должен, так как всё обесценено. Скажите мне, когда решите. Хоть сейчас.

Даниил Леонидович, явно обескураженный этим монологом, пытался улыбнуться, но было видно, что он растерян. И Корней Иванович расценил это по-своему, произнёс явно продуманное заранее:

- Ну тогда вы можете рассчитывать на мою всемерную помощь.

- Да, собственно, нам помощь-то... - начал Даниил Леонидович, но Алла Александровна перебила:

- Муж сейчас много работает, у него много стихов и поэм, которые удалось сохранить или восстановить.

- Вы хотите издать книгу? - догадался Чуковский. И посмотрел на Озерова. - Давайте, Лев Адольфович, подключайтесь.

- Действительно, я могу помочь вам в составлении, - поторопился подтвердить своё согласие Озеров, обращаясь непосредственно к Андрееву. - Вам будет трудно сориентироваться, что сегодня нужно издательствам, за десять лет многое изменилось.

- Я понимаю, - кивнул тот.

И они условились о встрече для обсуждения, какой должна быть книга.

Постепенно стало проясняться с разрешением насущных вопросов. Во-первых, было обещано, что взамен отобранной десять лет назад Андреевы вот-вот получают комнату. Во-вторых, Алла Александровна устроилась на работу в издательство. В третьих, их нашла Ирина Усова. Она взяла отпуск, сняла в Перловке комнату недалеко от дачи, где они жили, так, чтобы Даниилу Леонидовичу недалеко было ходить на обеды, и стала усиленно его подкармливать, а в отсутствие Аллы Андреевны ухаживала за ним, когда тот прибалывал. Если же чувствовал себя хорошо, вместе ходили гулять в ближайший лесок. Обычно рюкзак с одеялом нёс он, хотя ему нельзя было поднимать и носить тяжести, но он говорил о том, что ему стыдно будет перед встречными, если он пойдёт налегке, а она рядом понесёт рюкзак.

На опушке они расстилали одеяло, усаживались, и он читал ей поэму «У демонов возмездия». Правда, ожидаемого отклика не получил, Ирина явно не поняла и не приняла эту поэму.

Она довольно часто не соглашалась с ним. Например, с оценкой стихотворения Пастернака «Горит свеча», в котором он увидел «магию слова».

- Что это за сравнение: «прибой, как вафли, лепит волны», - возразила она. - И разве похожи снежные вершины на «смятые простыни»?

А он всё равно считал, что Пастернак с годами стал писать проще и лучше.

К единому мнению они так и не пришли.

Однажды он сказал, что страдания - это пища бесов.

- Но если страдание из-за кого-то? - спросила она. - Страдание из-за любви? Из-за сострадания? Как же такое страдание может быть пищей бесов?

Но он не стал отвечать, перевёл разговор.

После не понятой ею поэмы, уступив её просьбам, он прочитал ещё одну - «Гибель Грозного». И опять она вступила с ним в спор, упрекнув, что он слишком мягок к Грозному, умолчал, что тот

уморил нескольких своих жен, да и с боярами расправлялся жестоко.

- Да, он приказывал зашить бояр в медвежьи шкуры и травить их сворой собак. А сам, упёршись руками в бока, хохотал, глядя на эту кровавую сцену, - согласился он.

- Но ведь этого-то вы не написали?

- Как можно писать такие вещи!

- Почему рассказывать можно, а писать нельзя?

Он пристально посмотрел на неё, но ничего объяснять не стал, хотя с трудом скрыл разочарование от того, что она так и не поняла миссии великого царя, которому выпала непосильная ноша внутреннего разлада. И в очередной раз убедился в том, как нелегко даже при искреннем желании и образованности человеку понимать истинное положение вещей. И отказался от было появившейся мысли познакомить Ирину с его главной работой, которую он писал.

С холодами вернулись в Москву, сняли квартиру.

В начале октября перевезли гроб с прахом Шурочки, кремировали и урну с пеплом опустили в могилу Добровых, её отца и матери. На погребении был и безутешный Коваленский, его тоже реабилитировали, восстановили в Союзе писателей.

Саша, Александр Филиппович Добров, и его жена приехать не смогли, оба болели. Александр Филиппович тридцатого ноября умер от туберкулёза в Zubovo-Полянском инвалидном доме.

Основной заботой оставались хлопоты, связанные с восстановлением инвалидности, как ветерана войны, и пенсии.

Но будничные заботы бывало уступали место праздникам.

«Живя долгое время во Владимире, особенно последние года 2-3, я ужасно скучал по кино, - признаётся Даниил Леонидович в письме к жене Родиона Гудзенко, Галине, с которой поддерживает связь с первых дней воли. - Не могу сказать, чтобы я к этому виду искусств питал особое пристрастие, но в специфических условиях того периода моей жизни почему-то возросла потребность именно в кино. Как я мечтал увидеть хоть несколько кадров какого-нибудь хорошего фильма! И вот, представьте, за полгода, когда появилась возможность удовлетворить эту потребность, мы удосужились побывать в кино всего два раза - на «Дон-Кихоте» и на «Лебедином озере». Просто не хватает времени и сил: днём - времени, вечером - сил. И один раз побывали в Большом театре на «Ромео и Джульетте» с Улановой. Восхищению нет границ. Это не балерина, а что-то большее».

...В январе 1958 года они едут в дом творчества писателей в Малеевку. «Здесь настоящий райский уголок», - делится своим впечатлением от этого места Даниил Леонидович в письме Родиону Гудзенко.

Здесь ему нравится всё: природа, условия для работы, персонал, и он приступает к работе над переводами. С Зеей Рахимом они заключили договор с издательством иностранной литературы на перевод с японского сборника рассказов. «Мой коллега великолепно владеет японским, но не владеет литературным русским языком. Он даёт мне нечто вроде подстрочника, дополняя его устными комментариями и даже жестикующий, а я должен всё это поднимать до художественной литературы», - пишет он Родиону Гудзенко.

Алла Александровна пишет этюды, делает иллюстрации к сказкам Бажова, которые Даниилу Леонидовичу очень нравятся, а по вечерам они смотрят кино, и это уже стало рядовым событием. Но тем не менее есть и хорошие, на его взгляд, фильмы: «Искусство друзей», «Фанфан-Тюльпан». Особенно понравился итальянский фильм «Вор и полицейский».

А вот читать не получается, урывками. Только и прочитал «Князя Серебряного».

Из знаменитостей вместе с ними отдыхают Кукрыникисы, ленинградская писательница Марич, «обогатившая нашу литературу беспомощным романом «Северное сияние», - делится он с Морозовой. Больше никого они не знают, хотя, судя по отношению персонала, «знаменитостей» значительно больше.

Здесь они могут себе позволить расслабиться, спать часов до девяти, после процедур гулять. Причём Алла Александровна выходит на прогулку с этюдником и, найдя интересное место, расставляет его и работает, а Даниил Леонидович разувается и уходит бродить по снежному лесу. Места эти, с небольшой речкой, с трёх сторон охватывающей санаторий, ему нравятся.

Здесь он пишет письмо в Центральный комитет КПСС, к которому прилагает свои рукописи.

«Кроме черновиков и набросков, у меня сейчас имеется ряд рукописей, приведённых в доступный для прочтения вид. Копии наиболее законченных из этих вещей я представляю в Центральный комитет вместе с этим письмом, надеясь, что с моими вещами ознакомится кто-либо из ответственных работников ЦК. При этом, однако, надо иметь в виду, что некоторые из моих вещей (поэмы «Гибель Грозного», «Рух», «Навна» и др.) со временем должны войти как составные части в большую книгу. По форме она будет представлять собой поэтический ансамбль, а тематика её связана с проблемами становления русской культуры и общественности.

Поэтому перечисленные поэмы следует рассматривать не как замкнутые в себе автономные произведения, а скорее как звенья в единой цепи, хотя эта цепь - будущий поэтический ансамбль - ещё весьма далека от завершения.

Причина моей просьбы об ознакомлении Центрального комитета с моими работами - фальшивое и психологически невыносимое положение, в котором я нахожусь.

Я не могу забыть, что в 1947 году на основе моего уничтоженного, к сожалению, романа было выстроено абсурдное обвинение, стоившее многих исковерканных лет мне и целому ряду людей, виновных в том, что они знали кое-что из написанного мною...

Но я теряюсь: имею ли я право читать свои вещи, до публикации большинства которых дело дойдёт нескоро, хотя бы самому ограниченному кругу слушателей - людям, причастным к литературе, и чей критический разбор был бы мне нужен и полезен.

К письму он приложил: «Святые камни», «Гибель Грозного», «Рух», «Зелёною поймой», «Босиком», «Немереча», «Древняя память», «Лирика», «Навна», «Миры просветления».

По возвращении из санатория его вызвали в ЦК.

«Разговор вёлся в благожелательном тоне, - пишет он Ракову. - Мне было указано, что нет никаких оснований мне «таиться» с теми фрагментами большой книги, которую я давно начал, окончу, вероятно, года через два-три. Печатать отрывки, вроде «Грозного» или «Руха», - не стоит, пока книга не закончена, но ненужно и вредно избегать ознакомления с этими вещами тех литературных кругов, где я могу встретить товарищеский разбор и серьёзную квалифицированную критику. Должен признаться, что эта беседа сняла с моей души порядочный груз.

Работаю очень много. Много времени отнимает и редакция японского сборника. Переводим четвёртый рассказ (всего их - 11), но, к сожалению, рассказы сами по себе очень посредственные, и я даже не понимаю, зачем, собственно, понадобилось их переводить».

Это впечатление от рассказов всё более усугубляется, и в конце концов он отмечает, что они «плохи, очень плохи», «а работа скучная, поглощающая много времени, оплачиваемая весьма скупо, а временами противная».

Наряду с тем что-то меняется и в лучшую сторону. Решением Совета министров ему присвоена персональная пенсия в размере 900 рублей. Кроме того он как наследник получил гонорар за одну из переизданных книг отца.

Что же касается публикаций, то неожиданного не происходит.

«Месяца 2 назад я отдал в «Знамя» десятка 2 стихотворений из известных Вам циклов о природе, - пишет он Ракову. - Недавно получил их назад с пространной рецензией. Много хороших слов, начиная с выражений недоумения: «Нисколько не сомневаешься в том, что перед тобой по-настоящему талантливый поэт, и удивляешься тому, что никогда не встречал в печати это имя». Но, начав за здоровье, кончают за

упокрой: «Всё это очень хорошо, но на стихах нет «визы времени», и следует познакомиться с другими стихами Д. А.» А что я им покажу? «Грозного»? «Рух»? «Навну»?

Таким образом, как и следовало ожидать, из моих попыток в этом направлении ничего не получается.

Но здоровье у обоих оставляет желать лучшего. Алла Александровна переносит операцию, потом у неё диагностируют базедову болезнь, рак, она получает ожог при рентгенооблучении. Стенокардия Даниила Леонидовича усугубляется. Весной он вынужден лечь в больницу, где пробыл больше месяца. Врачи разрешили ему работать не более часа в сутки.

В конце мая его выписывают из больницы, а в июне они отправляются в плавание.

«Плывём... плывём!.. плывём!!! - делится он своими восторгами с Морозовой. - Большую часть времени стоит чудесная, солнечная, даже жаркая погода, хотя были и ненастные дни. Берега сказочной красоты. Такой красоты, что мы не в состоянии ни читать, ни писать, ни работать, а только смотрим по сторонам, стараясь впитать это великолепие... Волга грандиозна, Кама сурова и великолепна, а Белая так прелестна, что в любом месте хочется остановиться и пожить там».

Но вот города по берегам произвели не столь хорошее впечатление. Понравились Касимов, Муром, больше всего - Горький. Разочаровала Казань. «А дальше идут не города, а жалкие дыры. Исключение составляет, кажется, только Уфа».

И опять впечатления от городов заслоняются восторгами перед великолепием дикой природы. Камские Жигули, предгорья Южного Урала, берега реки Белой вызывают особый восторг и порождают несбыточные мечты: эх, махнуть бы на всё и остаться здесь.

Здоровье лучше, чем было до больницы, а жару, оказывается, он переносит хорошо. Другое дело - пасмурная погода или дождь, тогда приходится больше лежать. И тем не менее, семнадцать дней путешествия по рекам в целом понравилось и подарило немало впечатлений.

А в планах уже всё намечено наперёд. По приезде почти сразу решили отправиться в Переяславль, где сняли в деревне Виськово на берегу Плещеева озера комнату. Но на этот раз их ждало разочарование. Чистая комната, симпатичные хозяева и монастырь, превращённый в музей, не компенсировали отсутствие электричества и уборной, сада, голые берега озера, далёкий лес...

Правда, позже первое впечатление несколько смягчилось, когда погуляли по окрестностям и полюбовались иван-чаем, медуницей.

«Тем не менее, грех роптать: эти полтора месяца были для нас обоих очень плодотворными. Алла везёт в Москву 4 картины и десяток этюдов...

А я наверстал упущенное. И к зиме с чистой совестью смогу отдаться поэзии...» - делится он в письме И. В. Бошко.

«Роза Мира»

По возвращении в Москву вновь обострилась стенокардия, и пришлось перейти на постельный режим. Но намеченную давно на осень поездку на юг, в Краснодарский край, не отменяют. И в октябре приехали в Горячий Ключ. Здесь проигнорировали Дом художников, куда у Аллы Александровны была путёвка, а у него курсовка, из-за нерабочей обстановки - сняли домик.

Даниил Леонидович отдаёт себе отчёт о своём здоровье. В письме к Родиону Гудзенко он пишет: «...настоящая беда в том, что существовать, махнув рукой на свою работу, я не имею никакого права. Мне нельзя умирать, не закончив хотя двух частей моей работы. Ведь я располагаю таким художественным материалом, которого нет больше ни у кого, и это накладывает определённые обязательства. Если ничего катастрофического не случится, 1 часть я закончу совсем скоро, но для второй требуется ещё год жизни в состоянии не худшем, чем теперь. Третья часть потребовала бы тоже года или полутора».

Речь идёт о «Розе Мира».

Его рабочим местом стал топчан под яблоней. Пишет он теперь на машинке, в минуты отдыха любясь уже обмётанными желтизной горами, отделяющими знойную Кубань от невидимого, но не очень далёкого тёплого моря.

Эту книгу он начал с признания.

«...Я заканчиваю рукопись «Розы Мира» на свободе, в золотом осеннем саду. Тот, под чьим игом изнемогала страна, давно уже пожинает в иных мирах плоды того, что посеял в этом. И всё-таки последние страницы рукописи я прячу так же, как прятал первые, и не смею посвятить в её содержание ни единую живую душу, и по-прежнему нет у меня уверенности, что книга не будет уничтожена, что духовный опыт, которым она насыщена, окажется переданным хоть кому-нибудь».

Тирания - вот что, на его взгляд, самое страшное в истории. Его жизнь - жертва тирании. Он имеет право так считать и судить. И он хотел бы надеяться, что она никогда не возвратится в его страну, но...

«Но я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией. Такие

люди не верят в то, что корни войн и тираний уже изжиты в человечестве или изживутся в короткий срок. Может быть, отстранена опасность данной тирании, данной войны, но некоторое время спустя возникнет угроза следующих. Оба эти бедствия были для нас своего рода апокалипсисами - откровениями о могуществе мирового Зла и о его вековечной борьбе с силами Света».

Он пишет это, когда книга уже им сложена, и выносит самой первой главой, словно завещание:

«Я тяжело болен, годы жизни моей сочтены. Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановить её не успею. Но если она дойдёт когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать её до конца, преодолевая все её трудности, - идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах».

Он считает, что две главные опасности для человечества - это физическое уничтожение вследствие войны и опасность его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании.

Он понимает, что государство необходимо для противостояния социальному хаосу. И в то же время государство всегда «цементировало общество на принципе насилия, а уровень нравственного развития, необходимый для того, чтобы цементировать общество на каком-либо принципе ином, не был достигнут».

Он предсказывает столкновение в борьбе за всемирное господство, отмечая «космополитический американизм», неизбежность глобальной войны, после чего над уцелевшей частью человечества установится единая диктатура, прежде олигархическая, а затем единоличная. И это будет всечеловеческая тирания. И это будет окончание цикла.

Возможно, он считает, что Библия является описанием событий одного из подобных циклов существования человечества.

Но подобное развитие событий не является единственно возможным: «всемирное единство, мечтавшееся стольким поколениям, потребовавшее стольких жертв, обернётся своей демонической стороной: своей безвыходностью в том случае, если руководство этим единством возьмут ставленники тёмных сил».

Считая, что наука является служанкой политических деспотий, потому что научная деятельность с самого начала не была сопряжена с глубоко продуманным нравственным воспитанием, он тем не менее делает следующий вывод:

«Опыт истории подводит человечество к пониманию того очевидного факта, что опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута не развитием науки и техники самих по себе, не переразвитием государственного начала, не диктатурой «силь-

ного человека», не приходом к власти пацифистских организаций социал-демократического типа, качаемых историческими ветрами то вправо, то влево, от бессильного прекраснотворения до революционного максимализма, - но признанием насущной необходимости одного-единственного пути: установления над Всемирной федерацией государств некоей незапятнанной, неподкупной высокоавторитетной инстанции, инстанции э т и ч е с к о й, внесударственной и надгосударственной, ибо природа государства внеэтична по своему существу».

На его взгляд, именно его книга «Роза Мира» отвечает на вопросы, какая идея, какое учение помогут создать братство всех, которое сменит бездушный аппарат государственного насилия.

И основу этих перемен видит в том, что «соцветие религий... под влиянием научного и социального прогресса обогащается тем, что сделает мировую религиозность вместо сочетания разрозненных лепестков целокупным и единым духовным цветком - Розою Мира».

Но где и когда затеплится первый огонь Розы Мира, кроме господ Бога, не знает никто. Правда, «страна - Россия - преуказана...»

Конечно же, он знаком с трудами утопистов, идеи которых так и не были реализованы ни одним из народов. Отдаёт себе отчёт в том, что противостояние тёмных сил велико, и воплощение подобной идеи Всемирного братства потребует очень много времени, может быть, смены многих поколений, но он так пропитан верой в светлые силы, что видит объединение земного шара в Федерацию государств с этически контролируемой инстанцией над нею уже в недалёком будущем. Правда, для этого материальный достаток и высокий культурный уровень должны распространиться на население всех стран...

Иногда он читает «Махабхарату» «в хорошем переводе и с превосходными комментариями академика Соколова. Нет, это нечто совсем уж потрясающее. Вчитаться трудно, после каждого второго слова лезешь в комментарий, но грандиозность концепции и философская глубина такова, что Гомер, Нибелунги, даже Эдда, меркнут совершенно».

Алла Александровна, если он не нуждается в ней, пишет этюды, готовясь к выставке «Советская Россия».

Южная осень - не сравнить с подмосковной. Безветренно, солнечно, тепло. Хозяева симпатичные, питание доставляют из Дома художников, работаете тоже неплохо. Но его здоровье ощутимо хуже, добавился ещё астматический бронхит. Благо, рядом Алла Александровна, которая помогает выкарабкиваться из очередного приступа.

Но когда силы возвращаются, он печатает на машинке сидя в постели, или даже лёжа. Теперь главное для него - собрать воедино всё, что так или иначе уже было осмыслено, отображено, высказано в поэтических произведениях.

«Произошла бы самая печальная ошибка, если бы кто-нибудь заподозрил автора этой книги в претензиях на роль одного из основоположников великого дела - исторического, культурного и общественного - созидания того, что обозначается здесь словами «Роза Мира». Всё обстоит совсем иначе. Роза Мира может явиться и появиться только в результате совместного труда огромного количества людей. Я убеждён, что не только в России, но и во многих других краях Земли - в первую очередь, кажется, в Индии и Америке, происходит тот же процесс: та же грандиозная потусторонняя реальность вторгается в человеческое сознание, сначала - сознание единиц, потом сотен, чтобы позднее стать достоянием миллионов... Люди, ещё ничего не знающие друг о друге... переживают потрясающие прорывы сознания, созерцают трансфизическую высь и трансфизическую глубину, и некоторые силятся - каждый соответственно личным способностям и складу души - выразить или хотя приблизительно отобразить этот опыт в творениях слова, кисти и музыки».

Метаисторическое познание, как он понимает, начинается с озарения, переходит в созерцание и наконец завершается осмыслением. И он обращается прежде всего к собственному опыту. Пятнадцатилетним мальчиком он пережил видение неведомого другим мира и восторг перед его светом. Спустя семь лет - новое прикосновение к духовной силе. Затем в 1932 и 1933 годах и спустя десять лет приоткрывалось тайное для большинства людей. А ещё в сорок девятом году в тюремной камере, во Владимире, когда «для «Розы Мира» недостаточно было опыта, приобретённого на таком пути познания. Но самое движение по этому пути привело меня к тому, что порою я оказывался способным сознательно воспринять воздействие некоторых Провиденциальных сил...»

Он долго размышлял, стоит ли главу о сакуале Просветления начать с себя, с понимания своего предназначения. И пришёл к выводу, что должен, потому что тогда он проведёт читателя по светлым мирам как уже бывавший здесь, как знающий. А знающему, а не воображающему, верят без всякого сомнения или же лишь с малой долей сомнений, если собственный опыт не позволяет принять и понять ни на что не похожее.

«Я не знаю, где и когда умру на этот раз, но знаю, где и когда умирал я в последний раз перед тем, как родиться в 1906 году для жизни в России».

С этих слов, предлагающих сразу поверить или нет, а исходя из этого воспринимать дальнейшее как откровение или же как фантазию, он начал третью книгу о структуре Шаданакара, о мирах восходящего ряда.

«Последняя смерть моя произошла около трёхсот лет назад в стране, возглавляющей другую, очень древнюю и мощную метакультуру».

Поверит ли читатель тому, что он собирается изложить дальше?

Впрочем, это не важно. Это его воспоминания, именно так он знает прошлое своего «я»...

...Тогда, триста лет назад, он прожил в той стране уже вторую насыщенную жизнь и впервые оказался свободным от необходимости искупляющих посмертных спусков в глубину слоёв, где развязывают кармические узлы.

Первый слой сакуалы Просветления, куда он попал после смерти, была Олирна, страна усопших, где обитало ангельское прачеловечество. «Наконец-то я мог убедиться, что утешение, которое мы черпаем из старых религий в мысли о встречах с близкими, - не легенда и не обман, если только содеянное при жизни не увлекло нас в горестные слои искупления».

Путь из Олирны в следующие высшие миры лежит не через смерть, а через преображение. И следующий мир - Файр - слой ликования. «Это великий праздник, уготованный каждой восходящей душе, - о, не человеческой только, но и душам других монад Шаданакара, поднимающимся по ступеням Просветления, даже высшим животным. В известном смысле Файр - рубеж пути: после него ещё могут совершаться воплощения в Энрофе, но уже только с определённой миссией».

Следующий мир - «Нэртис - страна великого отдыха». Здесь мняется эфирное тело. «По истечении долгого времени я стал ощущать всё прибывающее, радостное нарастание сил...»

И далее - переход в Готимну, Сад Высоких Судеб, последний из миров сакуалы Просветления.

«Я мог свободно выбрать одно из двух: либо подъём в Небесную Индию, конец навсегда пути перевоплощений, замену его путём восходящих преображений по иноматериальным слоям, либо ещё одно, может быть, и несколько, существований в Энрофе, но уже не как следствие неразвязанной кармы - она была развязана, а как средство к осуществлению определённых, только мне поручаемых и мною свободно принимаемых задач.

Передо мной открылась возможность спуска назад, уже в пределы другой метакультуры, мне до тех пор незнакомой и чуждой, ещё совсем молодой, но с огромным грядущим...

И я выбрал именно эту возможность...»

Описав ярко и увлекательно эти светлые миры, выразив словами, насколько мог, свой восторг перед тем, что он помнил и пережил там, в высших слоях, автор «Розы Мира» признаётся: «Если о сакуале Просветления я мог рассказать как о пережитом на основании того, что удалось вспомнить, то о сакуале затомисов* память может хранить лишь редкие, отрывочные образы, запечатлевшиеся гораздо позднее, во время моих трансфизических странствий, совершавшихся в состоянии сна отсюда, из Энрофа России».

12 октября он закончил «Розу Мира».

Вернувшись с этюдов Алла Александровна прошла в сад, где он в тот день работал. Он посмотрел на неё, дописал последнюю строчку и сказал:

- Я кончил книгу. Но, знаешь, не рад. Как у Пушкина: «Миг воделенный настал: окончен мой труд многолетний/ Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?»

...Здесь же он заканчивает поэму в прозе «Изнанка мира».

На следующий день он пишет несколько писем.

Грузинской: «...читаю понемногу «Махабхарату»... В смысле пластичности образов «Илиада» и «Одиссея», конечно, совершеннее, но перед бездонной философской глубиной и колоссальностью всей концепции «Махабхараты» меркнет не только Гомер, но и решительно всё, что я знаю, исключая, пожалуй, «Божественную комедию». Но то - создание одного лица, великого гения, глубокого мыслителя и притом воспользовавшегося религиозно-философской концепцией, в основном сложившейся уже до него. Здесь же - фольклор, обширное создание множества безымянных творцов из народа, и это особенно поражает...»

Ракову: «Привёл в порядок и закончил одну поэму в прозе, начатую ещё во Владимире. Вещь совершенно фантастическая, но имеет некоторое, хотя очень косвенное, отношение к Ленинграду».

Здоровье его становится всё хуже. «Хотя мне ещё только 52, но к своему концу я приближаюсь, кажется, довольно энергичными темпами. Во всяком случае здесь, в Горячем Ключе, было уже 3 случая, когда окружающие и я сам думали, что мои дни и часы сочтены», - пишет он Грузинской.

И в этом же письме сообщает, что прочитал «Признания авантюриста Феликса Круля» Томаса Манна и сожалеет, что этот великолепный роман обрывается почти на полуслове.

* Затомисы - высшие слои всех метакультур человечества, их небесные страны, опора народоводительствующих сил, обители синклитов (сонмы просветлённых человеческих душ). Их тридцать четыре.

И описывает, как за то время, пока они здесь, менялись горы: они застали их «зелёными, потом они стали ржаво-золотистыми, потом бронзово-красными, а теперь кажутся сиренево-голубыми».

12 декабря уже из московской больницы пишет Родиону Гудзенко, обещая переслать несколько стихотворений:

«...припоминаю одно, принадлежащее перу некоего Даниила Леонидовича и написанное лет 8 назад:

Если назначено встретить конец

Скоро, - теперь, - здесь, -

Ради чего же этот прибой

Всё возрастающих сил?

И почему в своевольных снах

Золото дум кипит,

Будто в жерло вулкана гляжу,

Блеском лавы слепим?

Кто и зачем громоздит во мне

Глыбами, как циклоп,

Замыслы, для которых тесна

Узкая жизнь певца?

Или тому, кто не довершит

Дело призванья здесь,

Смерть - раскрывающиеся врата

К осуществленью

т а м?»

Ведь я, дорогой друг, закоснелый и непереубедимый дуалист (не в философском, а в религиозном смысле), и в моих глазах вся жизнь, всё мироздание - мистерия борьбы провиденциальных и демонических сил.

Конечно, я верую в конечную - космическую - победу Благого начала. Но на отдельных участках и в отдельные периоды времени (иногда, с точки зрения человеческих мерил, весьма длительные) победы могут оставаться и за тёмными силами. Не представляю, как иначе можно объяснить историю. Впрочем, у меня это - не результат логических рассуждений, а выводы из метаисторического созерцания».

В январе 1959 года они, наконец-то, обретают собственное жильё - комнату в двухкомнатной коммунальной квартире. Но срок земного существования Даниила Леонидовича Андреева уже идёт на дни. 30 марта он перешёл в тот мир, о котором знал так много...

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДЕРЖАВЫ

(инет-повесть)

1

«...Нет, не окно Пётр прорубил. Он распахнул настежь дверь чёрного входа. А чтобы не устыдиться самобытности своего народа, непохожести его на другие цивилизованные, не растеряться перед надменной Европой, живот решил положить, но этот чёрный вход превратить в парадный, не хуже, а лучше им виденных на иноземщине, дабы встать вровень, а то и выше, чванливых европейцев, отчего и вложил весь свой недюжинный азарт в возвеличивание собственного «я» через этот город».

Так думал Летописцев, неспешно идя по Дворцовой набережной, любуясь каменной красотой зданий и отмечая вокруг многоязычный восторженный гомон туристов.

Воистину Петра творенье - не Россия, нет: творенье России завершил Иван Грозный, - а вот этот город на холодном берегу. И его никто никогда у Петра не отнимет, хотя на него, как и на Россию, на её безмерные и богатые просторы посягали, посягают и будут посягать не только завистливые государства-соседи, но и свои затаившиеся иномышленники, которым чужое всегда милее своего...

«Э, брат, куда тебя понесло», - усмехнулся Летописцев, но мысли цеплялись одна за другую, и он не стал сопротивляться их течению.

Питер - Петра творенье...

Ах да, не Питер. После сегодняшней встречи с читателями подошёл к нему мужчина того неприметного вида, который так ценится во всякого рода службах тайных, и вкрадчиво произнёс:

- Могу я сделать вам замечание?

И в этом скорее утверждающем, чем вопрошающем вопросе уже прозвучал ожидаемый ответ.

Ну как же, он всегда готов: любое выступление перед публикой - это добровольное разоблачение своих помыслов, обнажение тайного, выдача интимного... А коль уж обнажился, изволь не строить из себя недотрогу.

- Конечно, можете.

- Вот вы назвали наш город Питером, сразу выдав, что вы провинциал.

- Так оно и есть, я провинциал, - подтвердил он, давно уже утвердившийся в уверенности, что все столицы создаются именно провинциалами, которые своей активной деятельностью, как правило, и формируют тот самый деловой и культурный климат, которым так гордятся утратившие жизненный потенциал и амбиции коренные жители столиц.

- Мы ведь не зря отстаивали название нашего города - Санкт-Петербург, - с нескрываемым пафосом перед свершившимся почти три десятилетия назад фактом переименования советского Ленинграда произнёс он. - А Питером наш город называли аборигены, которые жили окрест. Так что мы - Санкт-петербуржцы...

Сказал это гордо и торжественно. И, явно довольный выполненной миссией, отошёл. По поводу прошедшей встречи он ничего не сказал...

2

- На сегодня ты свободен, - сказал бывший Десантник, майор запаса, пребывая в энергичном возбуждении словно для контраста с улыбочиво-задумчивым, молчаливым бывшим Подводником, капитаном второго ранга запаса.

Летописцеву казалось, что эти двое - противоположности.

Из Десантника энергия рвалась наружу, он её, судя по орденам, весьма эффективно выпускал в горах Афгана, затем в антипиратских вояжах в южных морях, а когда случался перерыв между дальними плаваниями - на встречах с читателями. Подводник же словно всё время накапливал эту энергию и в отличие от Десантника на встречах не рассказывал о смешных ситуациях, может быть, оттого, что весь юмор о морском быте и отношениях людей там, на морской глубине в маленьком железном корабле, оставлял в своих книгах...

- Чем планируешь заняться? А то, может, на троих?.. - предложил бывший Десантник, пронёсший этот рецепт восстановления душевного равновесия через годы непростой армейской и гражданской службы.

Бывший Подводник лишь мотнул отрицательно головой: в его службе стрессы снимали иначе, отсутствие свежего воздуха исключало запахи перегара, отчего такой привычки у него не было, и за компанию он мог себе позволить лишь пригубить чего-нибудь не слишком дурманящего.

Что же касается Летописцева, то он несколько лет назад как-то незаметно завязал с этой вредной привычкой безжалостно убивать время. Может быть, поняв важность каждого трезвого мгновения этой жизни, а может, потому, что досрочно выпил

отпущенную ему на всю жизнь бочку. Или же эта бочка была не очень большой.

- Пожалуй, я лучше посмотрю город, почти тридцать лет не был... - произнёс он как можно твёрже, решив не объяснять своё нынешнее отрицательное отношение к любому напитку, содержащему возбуждающий градус.

- Ну тогда разбегаемся.

Бывший Десантник уложил в сумку оставшиеся после раздачи автографов книги и заторопился к друзьям, которые, как он пояснил, всегда составят компанию, в отличие от, ладно уж, гостей - ему простительно, но от обитателя подводного мира такого отрицания продолжения взаимоприятной и обоюдополезной беседы он не ожидал.

- Куда нам с нашими подводными узлами за воздушной пехотой угнаться, пыли к своим собутыльникам, - по-дружески отреагировал тот.

- Я всегда утверждал и утверждаю: созерцание русалок развращает и отвращает от здорового мужского коллектива, - отпарировал бывший Десантник, который всегда последнее слово оставлял за собой.

И разошлись в три разные стороны...

3

По гороскопу Летописцев не любил власть.

В прежней стране - СССР, - где он родился, вырос и выучился, он потрудился почти два десятилетия в идеологических органах этой самой власти. Политического целомудрия, естественно, не уберёг, но если приходилось делать для газеты отклики на выступление генсека или прочих членов политбюро, прятался за псевдонимами или за фамилиями тех, кто, наоборот, жаждал отметить своей приверженностью партийным верхам. А таких было достаточно. Но подобное «чистоплюйство», как без обвиняков говорил ему многоопытный в интригах ответственный секретарь, раскусивший его «антипартийную и антисоветскую сущность», рано или поздно обязательно выйдет ему боком. И до поры до времени не открывал никому эту чужую тайну, а выдал её в перестроечные годы, когда беспартийному Летописцеву вдруг предложили занять номенклатурное место - заменить ответственного секретаря, и потребовалось срочно вступать в партию. Вот тогда тот, как истинный коммунист, не смог поступиться принципами и приоткрыл своё досье, отвоевав место под солнцем... И пришлось бы Летописцеву уйти с волчьим билетом, если бы уже не завязались первые цветы скорых плодов диссидентства и не обветшало всё партийно-государственное строение.

А время было столь динамично, перемены столь кардинальны и стремительны, что даже отлаженный партийно-бескомпромиссный механизм уже давал сбои. Собственно, скоро и вступать в доселе всемогущую партию уже не было никакой нужды: страна вдруг резко сменила курс, окончательно разуверившись в построении рая на земле - коммунизма.

Так что эта нелюбовь была взаимной.

Вот в ту пору смуты он и приехал в первый раз в это творенье Петра. Но тогда совсем не разглядел замысла творца, не очаровался, подобно иноземным туристам, концентрацией уникального прекрасного на столь малых размерах: он приехал в гости к знакомому и опальному сибиряку, ставшему петербуржцем, к Философу, занесённому с енисейских на невские берега несколько лет назад неблагоприятными для карьеры директора школы, а теперь дворника и официального диссидента ветрами в этот вольнолюбивый и изначально беременный всякого рода революциями город. Тот, написавший так и не принятую по причине несоциалистической темы (что-то о православии) кандидатскую диссертацию и работающий дворником по бартеру (это слово только что стало модным) - за комнату в коммуналке, уже ощущал с этим городом неразрывную связь.

Коммуналка была на берегу Мойки, оттого все туристические объекты Летописцев тогда обходил по утрам, не особо вглядываясь в них. Больше любил созерцать воду: Неву, каналы, чаек, рыбаков...

К обеду Философ заканчивал свои дворничьи дела, Летописцев возвращался из своих забегов по окрестностям или из Эрмитажа, куда не мог не ходить, и они пускались в путешествие по знакомым Философа: монархистам, демократам, художникам, литераторам и невесте ещё по кому. И везде говорили, говорили, говорили... Теперь уже не о генсеках и партии, не о цензуре и КГБ, не о прочитанном запрещённом, а больше о будущем, которое с каждым днём светилось заманчивее, чем даже в своё время для их дедов коммунизм.

А город уже был на революционных сносях. Невесть откуда появившийся провинциал Демократ вдруг очаровал своими словесными пассажами думающих мужчин, а женщин пленил ласкающим, притягательным тембром голоса, и петербуржцы отдали ему свои голоса, без всякого сожаления заменив им всю партийную рать Смольного, правившую в городе с прежних революционных октябрьских дней. Одним из главных обещаний Демократа тогда было обещание о возвращении городу исконного названия.

Выходит, этот человек, сделавший ему замечание, в те давние дни был такой же молодой и такой же азартный, как и он, и так

же, как и он, верил в светлое будущее, но под другим названием - в капитализм...

И, возможно, они встречались тогда...

4

Художник - косая сажень в плечах, тельняшка и бритый затылок - больше был похож на эдвэзника из фильмов о советской армии. Его комната-мастерская была загромождена приставленными лицом к стене картинами в простеньких рамках и без них, а в центре большой комнаты виселось нечто, очевидно сделанное его же руками, похожее на большой и высокий табурет. На нём стояли распечатанная бутылка водки и открытая банка кильки в томате, ещё не тронутая. Художник добавил к ним буханку чёрного хлеба - получился неплохой натюрморт.

Впрочем, об этом подумал один Летописцев.

Философ же констатировал:

- Продал за деревянные. Значит, в отечестве осталось. Валютных не было?

- Были, как всегда. Но дамочка уж больно хотела.

- И что же продал?

- Гришу-десантника.

И ушёл на общую кухню за двумя недостающими стаканами.

- Это он одинокой экзальтированной согражданке продал портрет товарища-десантника, - пояснил Философ.

- Так он всё-таки десантник, - отчего-то обрадовался Летописцев.

- Ну да, был. А Гриша - олицетворение женской незамужней мечты.

Вернулся Художник, сдвинул три стакана, привычно скользнул горлышком над ними, не пролив ни капли и наполнив каждый ровно наполовину.

- За Гришу. Чтобы жилось ему с ней как мечталось.

И выпил, не ожидая их.

Летописцеву захотелось увидеть если не Гришу, то хотя бы портрет, но он вовремя понял, что неразгаданная загадка привлекательнее разгаданной...

Художник вдруг уставился на Летописцева.

- Давай тебя напишу.

- Зачем? - удивился Летописцев.

- Продам, - ответил Художник, поднимая с пола под табуретом плотный лист бумаги. - Тоже какая-нибудь сердобольная купит. Дадут, конечно, меньше, чем за Гришу, ты не фактурен, но в тебе что-то есть, для баб...

И начал размашисто расчерчивать лист.

- А что в нём есть такое, что их привлекает? - спросил Философ, заев кильку коркой хлеба. - У Гриши - фактура, а у него?

И с интересом посмотрел на Летописцева.

- Глаза, - коротко ответил Художник

Философ ещё раз взглянул на Летописцева.

- Пожалуй... Но я вас не познакомил. Это мой товарищ из провинции, первый раз в северной столице.

- Испугался? - складывая линии в овал, спросил Художник.

- Чего я испугался? Ничего не испугался.

- Ну нет так нет, - охотно согласился Художник, отложив недописанный портрет. - Потом закончу. Давайте выпьем.

И снова наполнил стаканы наполовину.

- Я вас решил познакомить, - зачем-то сказал, выпив, Философ.

- Ну и правильно, - одобрил Художник. - Все люди - братья.

- А могу я что-нибудь купить из работ? - Летописцев обвёл взглядом отвёрнутые картины, понимая, что сгорает от любопытства.

- Тебе я не продам, - неожиданно заявил Художник.

- Почему?

- Плохое не предложу, а за хорошее попрошу больше, чем у тебя есть.

- А если конкретно...

- Что конкретно?

- Если я назову, кто мне нужен.

- Ты знаешь, что там есть? - повёл Художник рукой в сторону картин.

- Догадываюсь.

- Говори, - не удивился Художник.

- Ты можешь продать Демократа?

- Кому он нужен?

- Как кому? - удивился Летописцев. - А народ? Он его выбрал.

- Действительно, народу нужен, - не совсем уверенно произнёс Философ. - Ведь проголосовал...

- Совокупно - да. А порознь? - многозначительно изрёк Художник.

- Ты неисправимый индивидуалист, - резюмировал Философ, явно малопьющий.

- Я - уголь времени, - почти трезво произнёс Художник.

Все замолчали, осмысливая услышанное.

- А кто же тогда я? - спросил Философ.

- Придумай сам.

И опять замолчали.

Задумались.

Но в голову ничего умного, соответствующего моменту и теме, не приходило.

- Ничего, теперь построим общество без запретов и партий, - брякнул Летописцев. - Свободное и открытое.

- Не получится, - возразил Философ. - Будут другие запреты и другие партии.

- И это неправильно, но неизбежно, - неожиданно трезво сказал Художник, убирая пустую бутылку на пол. - А мне пора работать...

...Ну как тебе Художник? - спросил Философ, когда они трезвели на набережной Невы.

- Пожалуй, он прав, - помедлив, произнёс Летописцев.

- В чём?

- В том, что мы не знаем, кто нам нужен...

5

Монархист был стариком. В отцы не годился, но старшим братом мог быть.

Может быть оттого, что был седовласым.

Но это на первый взгляд, потому что когда он прошёл-пробежал им навстречу, энергично пожал руки и столь же стремительно ушёл за старинный, явно чуждый для этого помещения стол, Летописцев усомнился в своей оценке его возраста. Но за пятьдесят ему было точно, и он чем-то походил на киношного Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Ему даже показалось, что говорит тот с такой же картавинкой. Правда, это было просто слуховой галлюцинацией - дикция у Монархиста была идеальная, отработанная выступлениями перед единомышленниками.

Летописцева он словно не видел, хотя Философ первым делом их представил друг другу, обращался исключительно к Философу, словно продолжал прерванный разговор. Но и Летописцев тут же забыл имя-отчество того и больше разглядывал сейчас подвал, куда они спустились, без внимания слушая, что тот говорит.

- Первым делом следует восстановить дворянство, вернув ему все привилегии. Это золотой фонд нации, который преступно забыт, разбросан по стране и миру... Да-да, и по стране в первую очередь, далеко не все покинули страну после революции и победы большевиков, вы посмотрите «Бархатную книгу» - сколько славных имён, и не все бежали, не все утратили потомство, большинство пережили революционное лихолетье и даже тридцать седьмой год, хотя это был бесжалостный каток исторической предопределён-

ности. И наша задача теперь их разыскать, объединить и передать Отечество...

Они с Философом сидели на длинной деревянной скамье, приставленной к холодной кирпичной стене, Монархист еле был виден из-за дубового, с массивными гнутыми ножками, по-видимому, дворянского, стола, а за его спиной красовался расшитый яркими нитками матерчатый герб Российской империи. Летописцев подумал, сколько труда стоило так его вышить, и мысленно похвалил мастерицу, способную на это.

А ещё за спиной Монархиста был прикреплён Андреевский флаг и приколплено несколько бумажек, прочесть которые отсюда он не мог. Остальные стены этого подвала были свежеевыкрашены в голубой цвет, который в электрическом освещении казался грязноватым.

- Нет, мы не будем делать глупость, не станем им, то есть нам, ничего возвращать из бывшего в собственности, пусть все дворцы так и остаются народу, но именно эти люди, хранящие в генах талант управления, должны вести народ в будущее, они должны стоять у кормила власти.

Летописцев вопросительно взглянул на Философа: туда ли они попали. И Монархист перехватил этот взгляд, усмехнулся в пока ещё чёрные усы, пригладил ладонью прихваченную сединой бородку.

- Ну, с вами мы об этом договорим позже, я вижу, наш гость заскучал. Ему неинтересно.

- Отчего же, - неожиданно для себя возразил Летописцев, - очень даже интересно, мы все озабочены сегодня гаданием о будущем.

- Вот именно гаданием, - тут же подхватил Монархист. - А не следует гадать. Нужно понимать, что будущее у этой страны может быть только как монархии с царствующей особой. И это не противоречит прогрессу, а наш император встанет вровень с иными царствующими особами. Слава богу, живы ещё потомки царских кровей, потомки наших великих предтеч, есть кому быть помазанником. И вы, Юрий Юрьевич, - теперь он опять смотрел на Философа, - должны, нет, вы просто обязаны перед Богом отразить это в своих трудах. Помазанник Божий - вот кто истинный поводырь, вождь народа, вот кому дано вывести наш народ после семидесятилетнего блуждания.

- У нас атеистическая страна, - напомнил Философ. - Потребуется время, что она вновь вернулась к вере.

- Ничего, это произойдёт, вероятно, даже быстрее, чем воссядет монарх, но произойдёт... Вера ведь совсем не исчезла, её только накрыли веригой атеизма, но она живёт в народе.

- С этим соглашусь, - сказал Философ. - Но вот что касается восстановления монархии - не вижу предпосылок. История циклична, но всё же...

- Это будет не совсем так, как было, - перебил Монархист. - Смотрите, в Англии - королева, в Испании - король, в Японии - император. Это символы страны и олицетворение надзора за правящими. Когда есть надзор за теми, кто имеет власть, народу спокойнее. Демократия рано или поздно, но обязательно приводит к революции, вседозволенность всегда разлагает общество и разваливает государство.

- Ну, нам ещё до демократии далеко, - заметил Летописцев, постепенно втягиваясь в разговор.

- И было бы прекрасно, чтобы до неё мы так и не дошли, - повернулся к нему Монархист. - А вы согласны со мной?

- В чём?

- В том, что я говорил.

- Мне кажется, создать новое дворянское собрание - это утопия, - твёрдо произнёс Летописцев.

- Да что вы, какое дворянское собрание? Просто во власть должны прийти люди с хорошим генетическим кодом, никакая кухарка никогда, сколько бы её не учили, не сможет управлять не только государством, но и вообще управлять.

- Но история знает немало примеров, когда из низов.

- О чем вы говорите! - не дал завершить фразу Монархист. - Это всё советская пропаганда. Если покопаться в родословных, то в каждом из таких примеров мы обязательно найдём семейную тайну незаконнорождённого. Вы не задумывались, почему после революции большевики, - а, между прочим, все их главари были совсем не из низов - так противились сохранению памяти о своих корнях, так выпячивали пролетарское происхождение и фактически сделали полстраны безродными... Вот вам и ответ на ваш вопрос... Покопайтесь в истории семей тех, кто нами правил ещё совсем недавно, я не сомневаюсь, вы найдёте немало интересного и неожиданного. Если, конечно, найдёте, потому что революционеры в первую очередь начинают войну против прошлого. Вы согласны со мной?

- Вы заставили меня задуматься.

- И это замечательно, - расцвёл Монархист. - В этом сегодня и заключается моя роль. Присоединяйтесь к нам, я не сомневаюсь, что среди ваших предков были далеко не простые люди.

- Я попробую это выяснить, - сказал Летописцев.

Но почти сразу же забыл об этом, как только они вышли на улицу, где бурлило настоящее, устремлённое в будущее, и совсем не ощущалось прошлого.

И спросил Философа, зачем тот познакомил его с Монархистом.

- Иначе ты наш город не поймёшь, - сказал он. - В нём сейчас прошлое рвётся наружу подобно перебродившему вину... И многое рано или поздно выйдет из подвалов, ведь столько лет мы жили с одним вождем и нас кроили по одному лекалу. И совсем не задумывались, что и где зреет.

6

Он вдруг так ясно вспомнил тот свой визит на эти берега. И другие встречи, может быть, не столь поразившие его, но, несомненно, как-то сказавшиеся, повлиявшие на последующие события не только его жизни, но и страны.

И слова Философа вспомнил. Про вождя и лекало.

А ведь и сегодня они живут с новым вождем уже столько же лет, сколько с любителем наград Леонидом Ильичом. И годы, когда тот был на самом вершине властной пирамиды, ещё совсем недавно называли застоем. А вот в последнее время отчего-то всё чаще стали упоминать как расцвет социализма, от которого следует многое взять.

И отсчёт нынешней власти, как и сто лет назад, начался именно здесь, на этих берегах.

Он окинул взглядом невский простор - СКОЛЬКО раз видел это нынешний вождь?

Как часто стоял он здесь, «дум великих полн»?..

И как всё начиналось тогда, тридцать лет назад?

На златом крыльце...

Ленинград бродил.

Незаметно для постороннего взгляда, потаённо, божественными вечеринками или интеллигентными посиделками после дневной суматохи, когда можно было сменить опостылевшую или пока ещё терпимую, но не любимую службу во всякого рода больших и маленьких, значимых и не очень значимых учреждениях на бодрящие беседы с единомышленниками. В отличие от южной, привыкшей гудеть по любому поводу, а то и без него, северная столица не привыкла расплёскиваться впустую, не вызрев, не осмыслив, не поверив в необходимость свершаемого.

Пока же она ещё только бродила на самой начальной стадии, выражая это едва заметной пеной. Но ему как разведчику уже не надо было ничего объяснять, он ясно слышал пузырчатый шорох приближающегося всплеска. Мартовский референдум фактически констатировал выход из состава СССР вслед за прибалтами, Грузи-

ей и опорной республики Союза - РСФСР, руководить которой теперь должен был Президент. Июнь определил, кто займёт этот пост в стране, а также выявил и градоначальников двух столиц, отдав предпочтение представителям демократического движения.

Предложение от давнего знакомого, у которого он был когда-то студентом, пришлось к месту и ко времени. И вполне его устраивало. Во-первых, в его новые должностные обязанности входило то, чем он занимался на своей прежней работе: собирал информацию, анализировал, делал выводы, вычленил главное... Что же касается умения хранить тайны и держать язык за зубами, то этому он обучался, можно сказать, всю свою предыдущую жизнь. Ничего нового. Если не считать новизны перемен, происходящих в стране.

С его бывшим университетским преподавателем, а теперь непосредственным начальником, общий язык они нашли быстро.

- Давай сразу без всяких субординаций, - сказал тот, выйдя из-за массивного стола и протягивая руку для пожатия, подчёркивая этим свою демократичность. И, словно прочитав его мысли, добавил: - Можешь за глаза звать меня Демократом. Всё равно ведь прозвище какое-нибудь прилепите, так лучше самому выбрать. К тому же вон за границей уже по связи современной, компьютерной, переписываются, а имена-клички, ники, другие придумывают, прячутся на всякий случай. Садись. - Возвращаясь на своё мэрское место, продолжил: - Вот тебе как лучше - Немцем или Чекистом - назваться?

Откинулся в кресле, прищурившись глядя на него, не скрывая довольства собой и вот этим отношением к своему новому помощнику, сотруднику мэрии, члену его команды. И предлагая сразу же выстроить отношения если не близкие, то предельно откровенные, не допускающие никакого закулисья, никаких интриг. И он это понял, также сиюминутно определив Демократа, раз уж он сам так себя окрестил, как своего человека, коллегу по будущим совместным делам.

Постарался придать своему лицу такое же довольное выражение:

- Чекистом, конечно, какой я Немец?

- И то правда. Хотя эти берега ой как много немцев перевидали...

Мэрское кресло скрипнуло, освобождаясь от груза, его сиделец подошёл к окну, постоял, окидывая взглядом туманный город, продолжил, не оборачиваясь.

- И правили они немало лет. Но завоевать, как мечтали, так и не смогли. Нет, Чекист тоже не очень. Слушай, а может, Резидент?.. Два в одном. На мой взгляд, точнее не бывает, ты ведь за границей не только клубом заведовал.

Выжидающе посмотрел на подчинённого.

- Резидент так Резидент, - согласно наклонил голову тот.

Демократ вернулся в кресло.

- Не мне тебя учить, ты в вопросах, которые тебе по должности решать, больше моего знаешь. Дружить теперь начинаем со всем миром. Горбач хоть и коммунист, но железный занавес порвал в клочья, а попутно ещё и стену берлинскую свалил. Мы нынче друзья со всеми и прежде всего с нашими бывшими врагами, так что дружи. Но с пользой для нас.

Мэр замолчал, задумчиво уставившись во что-то за его спиной, невидимое ему.

Он же, обегая взглядом разложенные на столе бумаги, ждал конкретики, сформулированных задач, которые ему предстояло решать. Но, похоже, какими должны быть эти новые дружеские отношения с бывшими врагами, Демократ до конца ещё не понимал.

- С остальными в команде подружись, - напутствовал тот, усаживаясь за стол и пододвигая с себе пухлую папку с накопившимися на подпись бумагами. - Нам всем вместе лямку тянуть, и я не допущу, чтобы вразнойой шли. Все по-военному - в ногу, и все - одним крепким кулаком. - Он выбросил вперёд сжатый кулак, тоном, каким совсем недавно призывал с трибун, закончил: - Мы должны оправдать доверие.

И уже когда он был у двери:

- Да, обрати внимание на нашего эксперта. Мой аспирант, талантливый мальчик. И преданный. Он у меня доверенным лицом был. Ты его особо не гоняй, опыта у него нет, учи, он хоть и медлительный, но въедливый, не быстро, но въезжает. Я думаю, со временем будет тебе верным помощником.

И, словно прочитав его мысли, добавил:

- А кличка у него - Кандидат.

- Хорошо, - наклонил он голову, принимая пожелание, хотя аспиранта этого видел всего несколько раз, и то мельком. Теперь, похоже, придётся знакомиться более плотно. Возможно, что мэр что-то ещё увидел в Кандидате, кроме преданности.

А тот вдруг разговорился:

- А каковы наши петербуржцы, а! Показали, чего хотят, отстаивали историческую справедливость. Кто город заложил - того имя и носить ему. Пусть утрутся коммунисты. Ещё пару лет, и их на духу здесь не будет. Будет демократическая столица новой России - Санкт-Петербург.

- Уже есть, - негромко отозвался он, неловко было как-то молча уходить.

- Народ своё слово сказал. Ну, иди работай. Если что непонятно, вопросы будут - заходи без церемоний, будем решать вместе.

Наконец он закрыл за собой дверь.

И чуть не столкнулся с Кандидатом. Тот явно торопился к своему научному руководителю, а ныне мэру, и благоговейное выражение его лица свидетельствовало о глубочайшем почтении к тому.

- Вы - руководитель нашего комитета, - выпалил, давая понять близость его отношений с главным работником. - У меня есть предложение.

- Подходите, - он вскинул правую руку, взглянул на часы. - Через полчаса я буду готов к разговору.

- Зайду.

Кандидат мягко, но уверенно приоткрыл дверь и исчез в кабинете.

Он выбрал свою профессию по призванию, хотя усилиями диссидентов репутация этой организации была существенно подмочена и некоторые из его сокурсников и знакомых после его выбора места работы перестали прежнего товарища замечать. Но он не очень огорчился этому предательству: первые годы службы были интересными, обогатившими неведомым прежде знанием того, что для многих было и надолго ещё останется секретом. И это узнавание тайного остальным ещё более укрепило его в правильности избранного дела. Он не сомневался, что нет ничего значимее и выше служения родине. И вовсе не важно, кто и как правил страной, где он родился и вырос, важно, как он сам будет исполнять свой долг. Что же касается рассказней о миллионах репрессированных при Сталине, за которого фронтовики, и его отец в том числе, поднимали стаканы в День Победы, а один из его дедов в своё время был поваром у генералиссимуса, то теперь он уже точно знал, что никаких миллионов не было, а вот заговоры против власти и Сталина действительно были. Правда, были и завистливые доносчики, и ретивые следователи, да и ощущаемый всеми цейтнот мирного времени наличествовал, когда не было желания разбираться, а страх заставлял сгребать всех под одну гребёнку. Когда лес рубят - щепки действительно летят, никуда не денешься... Что правда, то правда - немало безвинных пострадало в те предвоенные репрессивные дни, но за это уже старшие товарищи, их предшественники, повинились перед народом.

Он знал, что среди его коллег есть и те, кто отслеживает-опекает диссидентов, но это направление было далеко от того, чем занимался он. И не сомневался, что в числе инакомыслящих наряду с идейно заблудшими есть и реальные враги его народа, его страны, а значит, и лично его, охотно принимающие подачки из-за рубежа и мечтающие о своём бегстве в капиталистический, противостоящий его родине мир.

Да, он тоже был гражданином своей страны, жил её проблемами, многим был недоволен, со многим, что диктовала партия, не соглашался, но, во-первых, даже вообразить не мог, что из-за этого можно предать родину, а во-вторых, спорил исключительно сам с собой, не делясь своими сомнениями по поводу правильности правительственных решений даже с женой, потому что как сотрудник госбезопасности и коммунист не мог себе позволить высказаться против власти даже в самом близком кругу. Но анекдоты на острые злободневные темы слушал и сам рассказывал, потому что это был рабочий материал и обсуждение их не возбуждалось. Они были индикатором отношения народа к власти и служили исключительно для анализа состояния общества.

Окончание очевидно затянувшегося правления Брежнева произошло ожидаемо и никаких потрясений не обещало. Ставший генеральным секретарём Андропов, с которого он брал пример все эти годы, был родственен ему не только по службе, но и по духу, по пониманию необходимости перемен. Он, как и его сослуживцы, воспринимал, ожидая значимых решений, отдавая себе отчёт, что именно на их ведомство в первую очередь и ляжет нагрузка по поддержанию начинаний бывшего руководителя комитета, а теперь вождя, предвидя интересную работу и успешное продвижение по службе. Но тому было отпущено править до обидного мало времени, и он только разворошил не желающую никаких перемен номенклатуру, объединив власти предрежащих в молчаливом, но ожесточённом сопротивлении и организации саботажа в исполнении спускаемых сверху решений. Уж кто-то, а чекисты знали об этом лучше всех остальных. И видели масштабы...

Выдвижение старого и немощного Черненко на освободившийся пост главы государства окончательно убедило последних оптимистов в неспособности верховной власти обновиться, настроиться на решение назревших проблем. Это была попытка реванша уходящего, отживающего взгляда на будущее страны. Организация, в которой он служил, стала терять былую значимость, но по инерции ранее запланированное исполнялось, а в этом уже запланированном была и его командировка в ГДР.

Потом были пять лет жизни за границей, наконец-то та работа разведчика, о которой он когда-то мечтал. Это было ново, интересно. Он на практике оттачивал мастерство, совершенствовал знание не только языка, но и менталитета немецкой нации, который столь односторонне считается исключительно прагматичным. И чем больше узнавал нацию, давшую миру Гегеля и Гёте, Бисмарка и Гитлера, Маркса и Канта, тем больше находил общего со своим славянским менталитетом, способным так же воспринимать и заражаться фило-

софскими глубинами, так же верить в свою предназначенность для исполнения миссии, касающейся всего земного шара, только в силу своих необъятных, в отличие от немецких, просторов совсем не прагматичного. И всё более ему казалось, что в далёкой древности они были одним народом, не случайно же царствовала Екатерина и столь проникновенно понимал Ленин учения Маркса. Разделившись, эти две составляющие приобрели разный опыт выживания, но не утратили общности цели. И как в одной семье порой родные братья до крови выясняют, кто же из них главнее, так и два их народа никак не могут согласиться с подчинённостью одного другому. Правда, был период в их совместной истории, когда выяснение старшинства было забыто...

Может быть, и теперь наступил новый период замирения после большой кровопролитной ссоры, думал порой он. И верил, что так думает новый, молодой и в добром здравии, с симпатичной и умной женой, которую не надо было прятать, генеральный секретарь его партии и новый правитель его страны. И хотя до него доходили известия о том, что происходило на родине, и он соглашался со своевременностью ускорения и гласности, он всё же жил иными заботами. И никак не мог согласиться с тем, что Горбачёв плохой политик, что тот простодушно верит обещаниям лицемерных, взращённых на законах капитализма, то есть узаконенного обмана, лидеров западных стран, делает то, что ему советует «железная леди» стародавней страны-соперницы, соглашается с обезоруживающими предложениями президента США. Но уверенность в прозорливости вождя таяла, Горбачёв скоро стал напоминать ему выслуживающегося солдата, мечтающего во что бы то ни стало понравиться командиру. Он, и не только он один, воспринимал все уступки как сдачу плацдарма, кровью и титаническим трудом завоёванного предыдущими поколениями советских людей. Кровью его отца, наконец.

На его глазах началась деморализация армии. Бесславно была закончена война в Афганистане. Выполнявшие интернациональный долг и получившие в награду перевод на спокойную мирную службу в Европу, боевые офицеры с орденами и медалями, не понимающие, отчего их война, их раны, гибель их товарищей теперь ставится им в вину, не могли понять и просидевших в здешнем европейском благополучии коллег, озабоченных добычей буржуазных материальных благ. А когда одним росчерком пера Верховного Главнокомандующего их всех, со всеми вопросами и непониманием, со всем армейским имуществом, вдруг сдали, оголяя военные городки на политой кровью их предков земле - пошли в разгул.

Впрочем, в разгул постепенно уходила вся страна.

Всю систему государственного устройства, а он это хорошо понимал, окончательно и бесповоротно сбило с прежнего наработанного ритма.

Он вернулся домой, когда нужно было немедленно засучивать рукава и спасать страну.

Основными сотрудниками комитета, который Резидент возглавлял и в функции которого входило налаживание связей с теми самыми капиталистами, с кем не так давно ему пришлось вести тайную войну, были знакомыми мэра с тех времён, когда тот ещё был рядовым демократом. Так что выбор был сделан до него, ему же нужно было оценить способности каждого и найти посильное каждому направление деятельности. И он начал с того, с чего его учили всегда начинать - с изучения персональных досье, и пока знал о каждом из них по скудным анкетным данным. Ну, и немного из своих источников. Теперь предстояло не только разобраться, что каждый из себя представляет, но и в какой-то мере раскрыть способности, найти наиболее эффективное их приложение в решении стоящих перед комитетом задач.

Впрочем, как это делать, он хорошо знал по прежней работе.

Он обвёл взглядом сотрудников, членов его команды, как это принято стало теперь говорить, но не торопился начать знакомство, всем своим видом - откинувшись в демократично-расслабленной позе в кресле, в рубашке с расстёгнутым воротником, с улыбкой благодушия на лице, как он сам это представлял, - давая понять, что настроен не столько на деловой, сколько на дружеский разговор. И затянувшаяся пауза была как нельзя кстати, он мог оценить выдержку каждого.

Эту паузу прервал вошедший Кандидат. Склонив голову на его приглашающий жест занять своё место, прошёл к пустующему стулу не близко, но и не далеко от начальствующего стола, почти посередине, признавая тем самым свой статус ценного, но не ответственного работника.

И эту осторожность, скрывающую чинопочитание и боязнь допустить ошибку, не смогла замаскировать деловитая напряжённость взгляда. Он видел, ощущал это напряжение, сочетавшее и высокомерие, и угодничество одновременно. И не удивлялся: качества каждого человека закладываются в детстве. Судя по анкетным данным, можно было не сомневаться, что, родившиеся в одном городе, они росли не только в разных районах, но и в разных социальных группах. Он - потомок крестьян, внук повара, пусть и по-своему знаменитого, готовившего для важных чинов и даже для вождей, сын рабочего, ветерана войны - вырабатывал свою шкалу

ценностей среди сверстников, детей таких же заводских рабочих, на улице. Кандидат был из другой породы - профессорский сынок, внук партийного функционера. Так что хотя дальше в глубь веков и у профессорского сынка корни крестьянские, да вот вершки разные у них... К тому же он моложе. В дети, правда, не годится, но разница в дюжину лет определяет их отношения как учителя и ученика.

Ближе всех к нему - его заместитель, Колхозник. Выражение лица деловое, сосредоточенное, выражающее готовность воспринимать услышанное и принимать как руководство к действию. И одновременно требующее почтительного уважения. Это понятно, он старше на десять лет, больше прожил - больше пережил. К тому же поднялся с самых низов, добившийся всего не родством или связями, а исключительно личными качествами. Колхозником его окрестили из-за немалых лет причастности к труду крестьян, хотя от забот крестьянских он уже давно отошёл. Но если разобраться, жилка в нём точно крестьянская: отец его был в тридцатом году раскулачен и выслан из Курганской области в Мурманскую. Ну а сын трудовой стаж для поступления в институт зарабатывал слесарем рудника. Но в технический вуз не пошёл, гены всё же сказались - закончил сельскохозяйственный институт, потом восемнадцать лет - путь от молодого специалиста до генерального директора объединения совхозов. И в период ускорения и перестройки - председатель горисполкома, первый секретарь горкома, заведующий отделом сельского хозяйства обкома партии, первый заместитель председателя облисполкома. За шесть лет - стремительный марш по четырём должностям, значит, что-то в нём есть, востребованное обстоятельствами и временем перемен...

Дальше - Борода. Его ровесник, хотя выглядит солиднее, фактурнее. Рафинированный интеллигент по происхождению, как и Кандидат, но человек из другого слоя: папа - морской офицер и учёный, мама - филолог и редактор. И сын не лыком шит - три высших образования: и технарь, и гуманитарий, и физик, и лирик - всё в одном симпатичном, располагающем к общению лице. К тому же ещё и статейки пописывает...

Наш Человек, в противовес «не нашей» фамилии, доставшейся ему от родителей-немцев, по возрасту ближе к Кандидату. Он из семьи технарей. Экономист по образованию. Немного практики в НИИ, аспирантура, младший научный сотрудник. В комитете он начальник отдела. Одержим экономическими реформами. Это сегодня востребовано. У реформаторов свой круг, ребята амбициозные во главе с Рыжим, революционно настроенные. Ну что же, все революции, как и перевороты, делались именно в Санкт-Петербурге, а с традицией трудно бороться.

Вот уж кто из рабочей семьи, так это Португалец, отец и мать работали на металлургическом заводе. Правда, он выбрал профессию, с металлом не связанную, - учился на филолога и изучал языки: французский и португальский. Два года - переводчиком в Мозамбике во время гражданской войны, два года - в Анголе, тоже на войне... Можно сказать, родственная душа. В Ленсовет попал случайно: срочно потребовались специалисты, знающие португальский. А уже оттуда - в комитет.

С Португальцем они, можно сказать, давние знакомые по работе в университете. Правда, он моложе. Разница в возрасте - семь лет. По должности - главный специалист, но с перспективой на выдвижение.

- Название комитета вы все знаете, какие функции на нас возлагаются, объяснять нет нужды. А вот о ближайших задачах стоит поговорить, - наконец прервал Резидент затянувшуюся паузу. - Название у нас новое - мэрия, но функции старые: обеспечивать жизнеспособность города.

Сказал - и усмехнулся этому своему бюрократическому словотворчеству. Продолжил уже не так пафосно.

- Вы сами знаете положение дел. Перемены в стране необратимы и вполне сравнимы с революционными. - Он задержал взгляд на напуганном Колхознике, уже догадываясь, что именно в нём найдёт главного оппонента своему видению будущего, и продолжил. - Хотим этого или не хотим, но нам с вами придётся учиться у капиталистов. - Обвёл быстрым взглядом подчинённых-сослуживцев, запоминая реакцию каждого, чтобы потом проанализировать и найти правильный подход. И, уже глядя на Крестьянина, утвердившись в скрытой оппозиционности того, закончил. - К сожалению, без внешней помощи, без капитала, без зарубежных партнёров для нас, родившихся, выросших и потрудившихся в социалистической стране, перейти в новую экономическую формацию, в капитализм, который мы с вами не любим, но вынуждены всё же признать его состоятельность, невозможно. Вот для решения этой задачи установления деловых контактов и международных связей и создан наш комитет. И наша с вами задача - приложить всё умение, знания, опыт предыдущей работы, чтобы не только установить деловые отношения с зарубежными партнёрами, но и не дать на себе нажить. Основа капитализма - выгода, и пока мы учимся, придётся со своей стороны за выгодой не гнаться. Не сомневаюсь, что это нашим зарубежным партнёрам очень понравится, нажиться на нас постараются все.

Мельком отметил, как согласно кивнул Португалец, он тоже за «занавесом» не прятался, познал и оборотную сторону долго за-

гнивающего, но так и не загнившего к этому времени капитализма. И даже заразившего своим товарным изобилием сплочённый, но уставший от повального дефицита практически всего советский народ.

- Главная задача на сегодня - не позволить развалить страну ни внешнему врагу, ни внутреннему, - и тут же поправился, вспомнив о своей новой гражданской должности. - Конкретно наша с вами задача - не допустить паники или сбоя в жизнедеятельности города. Денег в городском бюджете практически нет, помощи из Москвы ждать не стоит, если что оттуда и перепадёт, это всех потребностей не закроет, поэтому задача комитета обособдоострая.

Он помолчал, интригуя.

- С одной стороны, продавать то, что они хотят купить, а мы можем продать не в ущерб себе, и закупать то, что необходимо нам. С другой - завлекать капиталистов с их мощной, убеждать вкладываться в производство, в наши предприятия. - И упредил возражения: - Технологически мы отстали, но специалистами и перспективами нашего рынка можем заинтересовать... А первостепенная задача - найти партнёров для закупки продуктов и тех товаров, которые у нас в дефиците, а у них в изобилии. Считаю, что проблем с этим не будет, - они сами заинтересованы в нашем рынке. Но хочу обратить внимание эксперта по внешним связям, - он остановил взгляд на Кандидате. - Очень тщательно изучите законодательство тех стран, и, прежде всего, нашего главного партнёра, Германии, с представителями которых будем заключать контракты. Да и всем нам надо это знать независимо от направления работы. Что же касается задач каждого, я отдельно с каждым из вас в ближайшие дни встречу, и мы обсудим задачи и конкретные направления деятельности.

Август 1991 года стал переломным, фактически военным, месяцем, поторопившим ещё не определившихся с политическими пристрастиями, не занявших ту или иную сторону невидимых, но уже возведённых баррикад граждан страны. Обласканный и даже заласканный лидерами западных стран и заморского гегемона до утраты понимания реальности, первый президент самой большой социалистической страны, флага строителей коммунизма, на решительные действия был не готов. От назревших проблем, решения которых он не видел или не находил в себе сил на их реализацию, он улетел дышать морским прибоем, надеясь, что всё утрясётся само собой, как случалось и до этого. А может, просто решил предоставить возможность действовать другим, чтобы затем либо одобрить, либо осудить эти действия.

В его отсутствие был спешно и тайно создан привычно коллегиальный орган, правда, теперь под непривычно новым обозначением - ГКЧП: Государственный комитет чрезвычайного положения. И этот ГКЧП объявил о том, что берёт власть в свои руки. Но правящая партийная система уже не имела той жёсткой хватки, азарта, той силы мечты, а может быть, прежде всего, самой мечты, которая была у основателей этой партии, и захват власти больше напоминал пародию или опереточный акт. И согласно законам этого жанра, появился реальный претендент, способный продекларировать бунтующему народу свои августовские тезисы...

Могучий харизматичный уралец, ныне президент РСФСР, зашедший за спинами старших товарищей сначала в провинции, а затем и в столице, не испугавшись окрика «Борис, ты не прав!», вдруг вывернулся из-за спин членов ГКЧП и повёл народ за собой.

В Смольном в эти дни деление суток утратило смысл. Это было тягучее время полубодствования-полусна, в котором вся команда Демократа ощущала себя штабом одного из фронтов, на которых решается судьба страны и судьба будущего каждого из них. И начальником штаба этого фронта был Резидент. Правда, по совместительству пришлось вспомнить и навыки взводного, - он с автоматчиками персонально отвечал за жизнь мэра. Главнокомандующим, естественно, был сам Демократ, который сразу же определил, по чью сторону баррикад он находится, выступив по телевидению искини революционного города с призывом дать достойный отпор путчистам, срочно созвать чрезвычайный съезд народных избранников могучей державы, а если путчисты будут сопротивляться народной воле и чаяниям, объявить всеобщую бессрочную забастовку. И в конце выступления выразил уверенность в том, что мировое сообщество поддержит протестующий народ.

И на следующий день ленинградцы-петербуржцы действительно вышли на многочисленную демонстрацию, не давая никому повода усомниться, чью сторону они заняли. Эта поддержка северной столицы сыграла свою роль в дальнейшем развитии событий в южной. По приказу спасовавших путчистов войска из Москвы ушли, инициативный президент РСФСР издал указ о приостановлении деятельности компартии, а спустя пару месяцев, как раз накануне 74-й годовщины Октябрьской революции, следующий указ уже о запрете её деятельности.

Демократ, как, впрочем, и решительный, в отличие от президента страны, уралец, и их соратники, жаждущие демократических перемен, и тот же Резидент, сделавший свой непростой выбор не в пользу путчистов, хотя тех поддержало немало его, теперь уже окончательно бывших, соратников-сослуживцев, пережили непро-

стые часы в своей жизни. Но именно в эти часы, дни Резидент впервые в жизни понял то, что подспудно осознаёт каждый военный человек, - готовность при необходимости пожертвовать своей жизнью ради других... И познал вкус победы.

Правда, в полной мере пережить то, что переживали фронтовики-победители, и в их числе его отец, в мае сорок пятого года, он не смог, но она всё же была, эта важная и опьяняющая победа, которую одержали он и все, кто был рядом с Демократом и с новым лидером страны. И когда уже стало очевидно, что новых попыток возврата к старому можно не опасаться, позволил себе в делах возглавляемого им комитета ту самую безрассудную непогрешимость победителя, которая зиждется на уверенности в гарантированной победой безнаказанности...

К тому же страна - и это носилось в осеннем воздухе - была устремлена в перемены, торопясь избавиться от тягостного ожидания изменений. В Москве продолжил работу внеочередной съезд народных депутатов, на котором уже очевидный лидер - президент РСФСР - провозгласил программу революции. Или контрреволюции...

Был дан старт на глобальные судьбоносные перемены, и поверившие в их благостность стали работать в полную силу, преодолевая препоны суетливого безвластия, нарушая ещё не отменённые, но уже явно устаревшие законы, не ожидая ни новой конституции, ни новых законов.

Демократ благоволил перед монархией. Но об этом мало кто знал. Войдя в политику на волне демократических преобразований, он априори был заклеймён ярым сторонником демократии и придерживался этого амплуа в своих публичных выступлениях и даже в поведении. Но тайне тосковал о монархической цельности власти, о ясной и понятной каждому человеку иерархической структуре управления, скреплённой волей не множества безликих властолюбцев, а одного призванного помазанника. И став во главе пусть пока не страны, но большого, многомиллионного города, который по численности и экономическому потенциалу превосходил соседние карликовые государства, он ощущал себя таким призванным. И в этом его большом городе - маленькой стране он теперь мог и стал выстраивать ту самую иерархию управления.

Но всё-таки не хватало зримого примера, не было полного понимания внутреннего состояния этой призванности, той самой твёрдой опоры, на которой, на его взгляд, и держалось трёхсотлетнее царствование Романовых. И ему просто необходимо было понять, проникнуться этим состоянием. Вот почему он пригласил приехать

теперь уже не в большевистско-коммунистическую страну одного из живущих потомков царской ветви - князя Владимира Кирилловича. И даже помог с въездом, потому что тот был единственным из многочисленных потомков древа Романовых, рассеянных по миру, не принявший никакого гражданства, продолжавший считать себя гражданином той России, которая канула в Лету как раз в год его рождения.

Был ноябрь.

Ленинград, ставший благодаря Демократу Санкт-Петербургом, привычно туманился и продувал его жителей и гостей влажными ветрами.

Князь, которому было уже за семьдесят, приехал в Россию с женой Леонидой Георгиевной. Князь был высок, моложав и сентиментален. Княгиня широка, приземиста и деловита. Князь считал, что Господь оказал ему перед кончиной великую милость, позволив посетить Россию, и даже завещал похоронить себя в Петропавловской крепости.

Княгиня же была устремлена в будущее, интересуясь возможностями создания своего дела в наконец-то отказавшейся от социализма стране, более охотно общалась с московским мэром, уже постигшим премудрости успешного бизнеса, и знакомилась со стремительно богатеющими на запасах недр новыми русскими. У неё были виды на собственный семейный - «царский» - бизнес...

Дочь Мария и внук Георгий трепетной любви к стране предков не испытывали и не очень-то понимали князя. Они родились и выросли в другом мире, а кровь их была существенно разбавлена кровью материнской ветви грузинских Багратионов. Выросшая во Франции и будучи первым браком за американским финансистом Кёрби, родив тому Елену, спустя пару лет Леонида Георгиевна развелась, вновь вернулась в Европу и в сорок восьмом году в Испании познакомилась с князем Владимиром. Они тайно обвенчались.

Мария Владимировна родилась в пятьдесят третьем году, когда матери было тридцать девять лет. А сына Георгия она родила в восемьдесят первом году от принца Прусского Франца-Вильгельма Гогенцоллерна...

Изучая биографии сановных гостей, Резидент ещё раз утвердился в мысли, что два великих народа, которые на протяжении своей истории жили друг с другом то в войне, то в дружбе, связывают некие непостижимые человеком узы. Словно братьев, родившихся без учёта желания каждого из них и постоянно соперничающих в отстаивании своего старшинства. И доведись возродиться монархии, тут же, как встарь, шалея от просторов и богатств России после европейской тесноты и скудости недр, до конца не по-

нимая, как совладать со всем этим, но желая владеть, ринутся в Россию представители педантичной нации. И думал, в отличие от восторженного от этой встречи с царственными особами мэра-Демократа, что подобного допускать не следует. Но понимал, что именно немецкие богачи-бизнесмены охотнее всех прочих начнут вкладывать деньги в новую, теперь похожую на них капиталистическую Россию.

Князь с домочадцами были желанными гостями первого президента России, которому князь после провала путча несмотря на ностальгию по монархии, направил письмо с пожеланиями успехов в строительстве демократического государства. И княгиня видела большие перспективы для продвижения своего внука, который - а почему и нет, со временем, чем чёрт не шутит - вполне может стать и президентом - а это почти монарх - богатейшего и безмерного государства...

И хотя подобные предположения звучали в кулуарах пока пусть с ироничной улыбкой и категоричным отрицанием подобной возможности, тем не менее никому будущее не ведомо, кроме Всевышнего, а Георгий молод...

Во всяком случае Демократ допускал такую возможность, пусть и не в близком будущем.

Сам же он так и не смог разгадать наследственную силу спокойного и излучающего уверенность, лишённого всяческого налёта игры в этикет, с видимой, выношенной всей жизнью любовью к так и не ставшими для него родными берегам Невы князя. Но постарался хотя бы этим многозначительным спокойствием походить на него...

Декабрь поставил точку в неопределённости с суверенитетами. Президенты РСФСР, Украины и председатель Верховного Совета Белоруссии подписали Беловежское соглашение о создании Содружества Независимых Государств. А накануне нового 1992 года первый и единственный президент СССР подписал указ о сложении с себя полномочий уже фактически несуществующей страны. И в тот же день Верховный Совет РСФСР принял закон, по которому Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика стал Российской Федерацией. И собранная первым президентом России команда реформаторов энергично взялась за построение капитализма.

Первый этап реализации реформ начался с распродажи не только сырьевых ресурсов, но и всего, на что был спрос. В том числе он был и на военную технику. Эйфория, вера в лучшее, богатое будущее витали в воздухе, и в этом бесшабашном веселье рефор-

маторы избавлялись от того, что ещё совсем недавно представляло самую главную ценность для страны. И Резидент вспомнил, как уходила из Германии базировавшаяся там многие годы образцово-показательная группировка советских войск, оставляя обжитые городки, бросая технику, меняя всё, что только можно было, на подержанные машины и прочий дефицитный в СССР ширпотреб. Эта бездумная распродажа военного имущества ему не нравилась, но он не мог сопротивляться общему психозу желания быстрого обогащения, приобретения давно вымечтанного, заразившему весь командный состав, и тоже кое-что привёз, оправдывая себя примером старших по званию. Но это отступление от усвоенных и искренне разделяемых им принципов бескорыстного служения родине в какой-то мере и подтолкнуло к разочарованию своей профессией и увольнению.

Теперь он видел этот же психоз и в гражданской жизни, в которой к тому же служение отчизне понималось каждым по-своему. И с горечью осознал, что неразумно сопротивляться общему течению, к тому же настолько бурному, словно прорвавшему непреодолимую прежде преграду, а нужно приспособиться и к новым ценностям, и к новому темпу жизни.

Перед руководимым им комитетом стояла задача не допустить сбоя в обеспечении города продовольствием, а необходимые продукты были в изобилии только за пределами страны. Но рубли, стремительно обесценивающиеся, становящиеся «деревянными», западных коммерсантов не интересовали, а валюты не было. Но в изобилии были лес, нефть, металл... Комитет выдавал лицензии на экспорт этих востребованных материалов в обмен на поставки продовольствия, которое затем закупал. И как не старались проверять и перепроверять каждого экспортёра, немало было тех, кто обещанного не исполнял или безбожно завышал цены, ссылаясь на безудержную инфляцию.

Демократ сумел себя поставить перед Москвой, он был в хороших отношениях с президентом, добился большей, чем другие города и регионы, самостоятельности, и мэрия под его началом с каждым днём брала под свой контроль всё больше и больше городских структур, быстро привыкших к вольнице безвластия.

Комитет под руководством Резидента расширял деловые контакты. Знания и пятилетний опыт зарубежной жизни, да и профессия, помогали ему обходить ловушки, на которые столь хитры капиталисты, но не всё он мог охватить, не всех проконтролировать. Нарождавшиеся не по дням, а по часам частные торгово-посреднические фирмы и фирмочки, желающие получить лицензию на вывоз тех же лесоматериалов, нефтепродуктов, металла, множились, сами

находили покупателей за рубежом, и отследить всех было невозможно. Но несведущим наблюдателям со стороны эти проблемы были не видны. Зато в глаза бросались суммы, осваиваемые комитетом по внешним связям. Депутатам города в честность и бескорыстие его сотрудников и, прежде всего, председателя комитета не верилось. За примером ходить далеко не надо было: в Москве всю хозяйничали оказавшиеся вдруг не у дел «полковники». Они лихо торговали тем, на что был спрос, и страну лихорадило в перепродажах не только сырья, но и импортных сигарет, спиртного, неведомых прежде продуктов, джинсов. Никто из народных избранников не сомневался, что бывший сотрудник госбезопасности, нынешний руководитель комитета, с ними связан. К тому же легче всего можно было приструнить возмнившего о себе мэра, выбив из его команды опорный комитет.

В этом не сомневалась представитель Петербургского Госсовета при Верховном Совете России и руководитель депутатской группы, следящей за деятельностью комитета, активистка народного фронта - общепризнанная Бабушка Русской Демократии. Группа проверила деятельность комитета и пришла к выводу, что тот нанёс ущерб городу ни много ни мало на сто миллионов долларов. А посему его руководителя необходимо было не только увольнять с должности, но и судить. Отчёт депутатской группы был утверждён малым советом Петросовета. И материалы переданы в контрольное управление администрации президента.

Демократ вызвал Резидента к себе в кабинет, велел секретарше никого не впускать и не отвлекать телефонными звонками.

- Я на месте исключительно только для президента, - сказал он тоном, не допускающим никаких возражений.

Потом плотно прикрыл дверь и широким жестом пригласил:

- Садись, где тебе удобно.

Резидент выбрал первый от мэрского стола стул.

- Что у нас с продовольственными контрактами? - задал ожидаемый вопрос Демократ, удобно располагаясь в мэрском кресле, что свидетельствовало о его настрое не на короткий разговор.

- Людей не хватает, - коротко отозвался Резидент.

- Отчёт Бабушки читал? - перешёл к делу мэр.

Резидент знал эту воинственную старушку, сменившую почётную и уважаемую профессию педагога - она была доктором геолого-минералогических наук и преподавала в вузе - на политическую суету. И, перехватив пару раз взгляд, каким она смотрела на него, он не сомневался, что доведись быть её студентом, ходил бы в явных нелюбимчиках. Да и он к ней симпатий не испытывал.

Кивнул утвердительно.

- Не сомневаюсь, читал внимательно. Поэтому спрашиваю: помимо того, о чём я знаю, собственной инициативы в отношениях с коммерсантами из сотрудников комитета никто не проявлял?

- За своих ручаюсь, - твёрдо ответил он. - Проколы были с фирмами, не всех смогли проверить, отследить...

- Перестраховывайся по возможности. Сам знаешь, в мутной воде все норовят рыбку половить, - неожиданно вспомнил мэр народную мудрость. - Даже с твоей профессиональной подготовкой и опытом объегорить могут. И покровителей нечистоплотных хватает. Были ходоки?

- Были. С рекомендацией из Москвы, из ближнего окружения.

Мэр помолчал, обдумывая услышанное.

- Их не завернул?

- Пока проверяем.

- Вычислишь, от кого конкретно, скажешь. Вместе подумаем, как быть. Нынче трудно найти тех, кто о стране печётся, каждый о своём кармане думает. Но всё в меру должно быть. Сотрудники зарплатой довольны? - И, не ожидая ответа, продолжил: - Ты не скупись, есть возможность - поощряй. Прикормленная собака верней служит. Но не позволяй, чтобы сами искали или с чужой руки кормились.

Сравнение сотрудников с собаками Резиденту не понравилось. Но он был согласен: воруют больше от неудовлетворённости оценкой труда, чем от корысти. И его подчинённые знали, что он не пощадит того, кто свой карман с государственным перепутает.

- Ты о Бабушке не думай, спокойно работай. Но держи в уме. На будущее... Я своих не сдаю. Бабушкой я сам займусь. Да и с депутатами пора уже разобраться. - И окинув Резидента оценивающим взглядом - посвящать ли того в ведомое только ему - решил, что можно. - У президента есть желание от этих болтунов избавиться. Двоевластие для нашей страны добром никогда не кончалось. А у нас сейчас как перед смутным временем: с одной стороны - азиатчина хазбулатовская с депутатами-бездельниками в прошлое тянет, с другой - президент с командой новое окно в Европу прорубает. А мы ему помогаем... А Бабушка со своими соратниками по дремучести своей не понимает этого, чужих блох ловит... Сейчас главное не воров отлавливать - они испокон веков при власти ошиваются, всех за руку не ухватишь, - а эту самую власть не отдать говорунам ... Ты работай, не опускайся до завистников, я в Москве поговорю. Но на всякий случай подчисть там, где можешь...

Резидент согласно кивнул.

- И запомни, своих мы никогда не сдаём...

Шли первые месяцы истории новой страны, теперь не большого Союза Советских Социалистических Республик, сложенного некогда из пятнадцати республик мечтателями большевиками-коммунистами, а одной из них, имеющей, правда, тысячелетнюю историю, которую реформаторы по молодости лет поторопились отбросить за ненадобностью, объявив об открытии самой первой страницы истории новой страны. Президент нового старого государства собирал свою команду, градоначальники двух столиц торопились набрать свои, не слабее, а по возможности и круче, понимая, что рано или поздно придёт и их час брать в руки скипетр. Отдавали предпочтение неофитам, не имеющим неразрывной связи с прежней партийной номенклатурой, способным воспринимать новое и жаждущим карьерного восхождения. Особенно много амбициозных и в общем-то толковых карьеристов - а теперь это слово уже не звучало осуждающе - было в научных и высших учебных заведениях.

По Питеру ходили слухи об экономистах-революционерах, лидером которых был кандидат наук и доцент в простонародье Рыжий, сынок начальника кафедры марксизма-ленинизма одного из военных училищ, но порвавший отношения с компартией, членом которой был, и даже, вроде бы, с отцом. Эти революционеры, подобные всем предтечам, самоуверенно заявляли, что знают, как наконец-то догнать и перегнать так и не загнивший за многие годы строительства социализма капиталистический мир и быстро заменить неэффективную плановую экономику чудодейственной рыночной. Они заверяли, что стоит только перестать планировать и контролировать исполнение, как рыночные механизмы сами всё отрегулируют. Нужно лишь помочь народиться первым отечественным капиталистам. И не мешать им, самым смелым, самым предприимчивым, жаждущим богатства и способным обогатиться, а следовательно, и выстроить капиталистические отношения. Именно эти первые, пусть даже приобретшие собственность не всегда праведным путём - богатство праведникам не даётся, - станут локомотивом нового строя. И ни в коем случае не нужна никакая советская уравниловка. Пусть наконец-то каждый урвёт по своим способностям.

Рыжий умел заразить и воодушевить аргументированностью суждений, незыблемой уверенностью в истинности собственного понимания реформирования экономики, в основе которого - приватизация, то есть щедрое одаривание каждого гражданина страны толикой общего богатства. Но только на этом начальном этапе все будут уравнины, каждому достанется по одному ваучеру-удостоверению на неожиданно свалившееся богатство, равное двойной мечте каждого советского труженика - стоимости двух автомобилей «Волга».

В общих чертах Рыжий представлял, как всё должно выглядеть, в частности же готов был перенимать опыт старших товарищей-капиталистов и, невзирая на учёную степень, прилежно у них учился. Начало нового десятилетия он встретил заместителем, а скоро стал первым заместителем председателя исполкома Ленсовета.

У Демократа он был главным экономическим советником. Мэр видел в Рыжем человека, способного сотворить экономическое чудо подобное японскому, и везде, где мог, расхваливал его проекты преобразований, и этим даже заинтересовал первого и последнего президента СССР. Но тот так и не успел проникнуться гениальными идеями реформатора.

Президент несколько урезанной страны Демократу поверил, призвал Рыжего в южную столицу возглавить Государственный комитет страны по управлению всем государственным имуществом. А так как всё вокруг, за исключением личных подворий и квартир, ещё было государственным, значит, по управлению всем, что было изобретено, построено, произведено предыдущими поколениями. И тот так доходчиво донёс свою идею реформирования президенту новой старой страны, что спустя всего несколько месяцев из министров был переведён в заместители председателя правительства. А главной опорой президента, председателем правительства, в это время был сверстник и соратник по научным исканиям Рыжего, внук советского писателя-большевика. Задачей Рыжего была разработка программы приватизации.

Председателю правительства принадлежала идея шоковой социальной терапии. Рыжий её поддержал, внося весомую лепту в то, чтобы шок этот имел и соответствующую анестезию для способных к капитализму, облегчающую воспитанному на бескорыстных и человеколюбивых идеях обществу безропотное принятие несправедливости первичного накопления капитала.

О том, что эта анестезия может быть отвлекающей, чтобы не дать возможность большинству населения принять участие в дележе общего богатства, мало кто думал. А вот у Резидента в силу профессионального подхода мелькнула было мысль о грандиозном обмане большинства населения страны, но он привычно не торопился делиться этим, а лишь кивал на восторженные отзывы мэра о своём бывшем подчинённом, который теперь совершал экономическую революцию в стране. Кивал, хотя ему очень не нравилось, что в отделе технической помощи и экспертизы, созданном Рыжим, работали американские специалисты, он не сомневался - сотрудники ЦРУ, - кто же упустит такую возможность вмешаться во внутренние дела своего потенциального противника...

Но как и все государственные служащие, он должен был спускаемые сверху решения воплощать в жизнь, и если одна из главных целей приватизации - формирование слоя частных собственников - ему не импонировала, то против стабилизации финансового состояния страны или социальной защиты населения он ничего возразить не мог. Как и против привлечения иностранных инвестиций, чем его комитет, собственно, и занимался.

Кандидат постарался на совесть, всё-таки он был прилежным студентом и вдумчивым аспирантом и научился юридическим многоходовкам, запутывающим любого не поднаторевшего в юриспруденции человека. Естественно, у Бабушки Русской Демократии и у её коллег по депутатской группе было предостаточно других забот и не хватило ни времени, ни желания, чтобы на все витиеватые ходы Кандидата найти свои контраргументы. Он подвёл под все операции комитета юридическую базу, да и свидетельствовал с непогрешимым выражением лица в том, что никакого злого или какого иного умысла ни у председателя комитета, ни у кого из его сотрудников не только в делах, но даже в мыслях не было.

Но тем не менее выводы комиссии с рекомендацией если уж не возбуждать уголовное дело, то хотя бы уволить председателя комитета были предоставлены мэру. Ознакомившись с ними и с запиской Кандидата, Демократ вызвал Резидента. Как всегда в частных разговорах, велел секретарше ни с кем его не соединять и не отвлекать, если только не случится что-нибудь экстраординарное. И велел сделать кофе на двоих.

Этот кофе из звонкой фарфоровой чашечки, напоминающей дорогой антиквариат из царских покоев, он отпивал мелкими глотками и бросал взгляды на внимательно читающего выводы депутатов Резидента. Записку Кандидата тот сразу отложил в сторону, давая понять, что её содержание знает. Наконец дочитал, поднял глаза, и Демократ спросил:

- Ну, есть что сказать?

- Лучше, чем Кандидат, я бы не ответил.

- Мой аспирант, - не преминул напомнить Демократ. - Да и тебя я своим учеником считаю. Пора и тебе о диссертации подумать.

- У меня профессия не научная, - с улыбкой заметил он.

- Ну да, с твоей профессией известности и признания не дождёшься... Но теперь ты человек публичный, так что можно и за славой погоняться. А научное звание, в отличие от государственных наград и рубля, не девальвирует. Пей кофе, пока не остыл.

Резидент осторожно поднял чашку, сделал пару глотков.

- Непривычно из такой посуды? - усмехнулся Демократ. Добавил, вкладывая в слова ведомое только ему. - Ничего, не боги горшки

ки обжигают, научимся. - И, небрежно отодвинув мизинцем чашку, продолжил: - Рекомендации этих бездельников я, естественно, проигнорирую. Но должен тебя предупредить: врагов у нас немало не только здесь, но и в Москве. Начальник контрольного управления администрации президента нашу Бабушку уважает, а она ему, как я понял из нашего с ним разговора, наплела много чего. А он не понимает, что сейчас законника из себя корчить не следует, жить по закону можно только ничего не делая. Но, думаю, он долго не задержится на этой должности. Да и не до тебя нынче, президенту надо депутатам их место указать, иначе это двоевластие страну погубит. - И, перехватив взгляд Резидента, спросил: - Ты к драке готов?

- А она будет? - не отвёл тот взгляда.

- А как ты сам считаешь?

Тот помедлил, потом кивнул.

- Ну вот сам себе и ответил. И я думаю - уже скоро.

Демократ продолжал формировать свою команду из профессионалов, не зашоренных идеологическими и экономическими догмами социализма. Кого-то он знал давно, как было с Кандидатом, фактически его учеником, и Резидентом, которого запомнил ещё студентом, или же в чью способность пробивать собственные идеи поверил, как было с Рыжим. Кого-то - по рекомендации тех, кому он верил. Так, за Князя замолвил слово Резидент, они были знакомы давно, служили в одном ведомстве. Опыт специалиста по внешним связям в вузе и сотрудника аппарата экономического советника посольства за рубежом вполне отвечали требованиям мэра к руководителю отдела комитета по экономическому развитию. Что же касается Финансиста, то тот был кандидатом экономических наук, а значит, теоретически подкован, работал заместителем председателя комитета по экономической реформе в исполкоме и сохранил эту должность в комитете мэрии.

При необходимости Демократ менял штатное расписание, вводя новые должности для нужных ему людей. Так у него появился ещё один заместитель, он же председатель комитета по социальным вопросам, Футболист. На самом деле тот профессионально футболом не занимался, был болельщиком, а учился в своё время на судового механика, но проникнуться любовью к своей профессии ему так и не довелось: в советское время был выдвинут на работу в исполком районного совета, перестроечные годы встретил председателем райисполкома, затем продолжал служить обществу на том же месте, но под новой вывеской - главой администрации, откуда и был приглашён мэром, с которым у него были дружеские отношения.

Демонтаж прежней системы, который правительство реформаторов решило осуществить в самые короткие сроки посредством шоковой либерализации цен, породил гиперинфляцию и стремительное обнищание населения. Напряжение в обществе росло так же, как и инфляция, - стремительно и неудержимо. Набирали силу и сепаратистские настроения в национальных регионах.

В апреле 1992 года съезд народных депутатов отказался ратифицировать Беловежское соглашение о разделе трёх бывших республик. Противостояние исполнительной и законодательной властей нарастало. Стороны усиленно набирали приверженцев, и личная преданность президенту в столице или руководителям регионов стала самым главным критерием при приёме на работу в исполнительные структуры.

Народные избранники всё больше верили в собственную значимость и заявляли о парламентской республике как о более приемлемой для страны форме правления. Всё очевиднее становилось, что в стенах Государственной Думы страны зреет заговор, в основе которого, как пояснял своим сотрудникам Демократ, лежали не столько разногласия во взгляде на будущее страны, сколько запоздалое прозрение «бездельников-депутатов», которые за словопрениями не заметили, что имущество страны принадлежит не им, и теперь спохватились.

У Бабушки Русской Демократии с отчётом, инкриминирующим нарушение закона Резидентом, случился фальстарт. Но именно благодаря ему Демократ был в числе первых руководителей регионов, кто определился со своим отношением к президенту и сторонникам парламентской республики. С последними он теперь непримиримо боролся, используя все доступные методы. С теми же из депутатов, кто занимал сторону президента и имел влияние, старался сблизиться, поделиться громадём планов, продекларировать свои принципы надёжности деловых и человеческих отношений и перетянуть если не в свою команду, то на свою сторону.

Но главное было - выстроить отношения с начавшим возникать крупным бизнесом, невзирая на не совсем законное или даже криминальное его происхождение. Выстраиванием этих отношений, и весьма эффективно, занимался комитет по внешним связям.

Мэр оценил верность Резидента и теперь, выезжая по делам или по приглашению за границу, нередко оставлял исполнять его обязанности.

Шок от реформ оказался настолько болезненным, что президент решил выпустить пар народного возмущения, сменив главу правительства. Молодые реформаторы отошли в тень, внутренние проблемы страны взялся решать бывший нефтяник, которого тут же окрестили Стилистом. Его косноязычие, идущее от привычки

употреблять крепкие русские слова-связки, тоже способствовало стравливанию пара недовольства не хуже, чем шаманские пасы телевизионных целителей и призывы к халявному обогащению в финансовых пирамидах.

Но всё это лишь оттягивало неизбежное столкновение в борьбе за власть. И оно произошло осенью 1993 года. Верховный Совет во главе с его председателем и вице-президентом страны выступали против реформ и к этому времени уже набрали большое число сторонников. Двоевластие достигло своего пика. Считая, что депутаты хотят узурпировать функции исполнительной и судебной властей, президент издал указ о поэтапной конституционной реформе, которую начал с роспуска съезда народных депутатов и Верховного Совета.

Президиум Верховного Совета на своём заседании этот указ исполнять отказался.

Фактически это было начало гражданской войны, правда, пока только в Москве. И кровь действительно была пролита. Белый дом с укрывшимися в нём депутатами был окружён верными президенту войсками и обстрелян танками. Попытка захвата телевизионного центра, чтобы призвать народ к неповиновению президенту, у сторонников переворота не удалась. Москвичи не поддерживали народных избранников. Бунт был подавлен, президентский указ исполнен.

А следом был распущен и депутатский корпус Санкт-Петербурга.

Теперь вместо мэрии городом управляло правительство, которое возглавлял его председатель, бывший мэр Демократ. Резидент пошёл на повышение, стал заместителем председателя и одновременно продолжал руководить комитетом. А должность первого заместителя Демократ неожиданно для многих отдал Коммунисту, бывшему до этого председателем комитета по городскому хозяйству. Тот приглянулся Демократу деловой хваткой и профессиональным опытом - начинал с мастера строительного треста, а дошёл до управляющего этим трестом, затем был заместителем начальника, главным инженером жилищного управления. Ну а то, что так и остался приверженцем коммунистической идеи, которая судебной властью была признана неподсудной, а деятельность коммунистической партии вновь возобновлена, вполне компенсировалось местом рождения в далёкой Якутии, куда была выслана в тридцатые годы его мать, по происхождению из ингерманландских финнов. Так что Демократ надеялся, что со временем сможет убедить того пересмотреть своё отношение к большевикам-коммунистам. Да и к утопической идее построения всеобщего счастья на земле.

В новой же урезанной и уже не социалистической стране поспешно была принята Конституция. Период беззакония закончился. Об-

нищавшее население постепенно забывало о дефиците продуктов и вещей - невостребованные новым экономическим укладом инженеры, преподаватели, строители и прочие создали новую прослойку общества - «челноков», которая с внушительными баулами товаров бесстрашно и неустанно пересекала границы. Но возник новый дефицит. Дефицит деятельных людей, профессионалов. Причём людей с новыми взглядами, а значит, в первую очередь идеологически непорочной молодёжи. Но у молодых не было опыта, и нужно было так формировать управленческую команду, чтобы энергия молодости уравновешивалась опытом и знанием профессиональных тонкостей управленцев советской страны. И в правительстве города появился Прокурор.

Прокурор был из опытных: работал прокурором, начальником юридического отдела концерна, заместителем начальника юридического отдела горисполкома... Теперь же возглавил юридический комитет города.

А директором департамента недвижимого имущества стал Аспирант. В какой-то мере тот подвёл Демократа, который был его научным руководителем, закончив аспирантуру, но так и не защитив диссертацию. Но зато теперь имел возможность под началом уже непосредственного начальника набраться практического опыта на одном из сложных участков: недвижимое имущество манило ново-явленных капиталистов, как нектар пчёл.

Изменились и задачи. Инстинкт самосохранения тех, кто пришёл на смену партийной номенклатуре, диктовал необходимость возвращения процессов в рамки законности и подчинённости бюрократическому аппарату, то есть им. Отношения с нуворишами, или новыми русскими, как их окрестили в народе, сложившиеся в период безвластия и беззакония, в которых явно присутствовала зависимость от держателей капитала, теперь не могли устроить власть и даже представляли опасность для неё. Уже было очевидно, что те, кто, как правило, противозаконными или даже уголовно наказуемыми способами сумели захватить в личную собственность некогда принадлежащее всему обществу, настроились иметь в такой же собственности и власть. Деньги, обобщённые словом «рынок», стали устанавливать в стране свой порядок, в котором теперь всё, включая места во властных структурах, продавалось и покупалось. Москва первой продемонстрировала, к чему это ведёт: здесь олигархат уже без всякого стеснения устанавливал свои законы.

Демократ понимал, чем это чревато, и не только не хотел - не мог себя представить на побегушках какого-нибудь невесть откуда взявшегося денежного туза или главаря криминальной группировки. Своей властью он делиться не хотел ни с кем. И требовал от сво-

ей команды жёсткого противостояния с капиталом, чтобы ни у кого не возникло никаких сомнений, кто в доме хозяин.

- Я отдаю себе отчёт, насколько с нашей нищенской зарплатой велик соблазн обогащения, - признавал он если не на каждой планёрке, то через одну. - Но должность каждого из вас сегодня - это долговременные инвестиции, более надёжные, чем любые другие. Пройдёт не так много времени, и не вы этим малиновым русским, а они будут вам завидовать. Подкупать будут, подарки дарить. Там, где можно, не отказывайтесь. Но и не подставляйтесь, у юристов консультируйтесь, они подскажут. Но и никаких поблажек, никаких послаблений, всё по закону. Чтобы комар носа не подточил. И выстраивайте отношения так, чтобы ваша власть цены не имела. Ну а если подставитесь - не обессудьте. Хотя своих я не сдаю, но с законом ссориться не собираюсь.

И этому совету внимали.

Когда страна большая, трудно успеть уследить за всем, что в ней происходит, не только в эпоху перемен. А уж когда идёт на слом привычный уклад жизни, рвутся связи, там, где прежде не было, возникают новые границы, диссонанс становится катастрофическим. И в непримиримом хаотичном перемещении человеческих судеб консолидируются и сталкиваются противоборствующие приверженцы созидания и сторонники разрушения.

В северную столицу в середине лета съехались спортсмены на Игры доброй воли. Одним из организаторов этого жеста миролюбия был Резидент. А на Северном Кавказе в самопровозглашённой республике Ичкерия в это время всё необратимо шло к братоубийственной войне. Но от готовившегося к демонстрации дружелюбия и спортивного соперничества города на Неве это было так далеко, что воспринималось чем-то менее значительным. Правда, в силу своей прежней профессии Резидент иллюзий благоприятного разрешения возникших там сепаратистских настроений не питал. Хотя и не сказать, чтобы думал об этом постоянно. Он жил другими заботами, отлаживая многофункциональный механизм большого спортивного состязания, во время которого спортсмены, прежде всего зарубежные, а также зрители должны были получить исключительно положительные эмоции. А ещё, и это было самое главное, нужно было позаботиться о безопасности, а в расхристанной стране, в криминализованном обществе это было не просто. Так что это был экзамен на его умение оперативно реагировать на любую ситуацию.

Примером для подражания были Олимпийские игры в восьмидесятом году в СССР. Ему тогда было двадцать восемь лет, он уже служил, но в равной степени считал себя и разведчиком, и спортсменом. Оттого сейчас вдвойне переживал, чтобы прошло всё без

происшествий и победила советская команда. Он хорошо помнил то чувство гордости, с которым смотрел на улетающий в вечернее небо огромный талисман той Олимпиады - доброжелательного медведя. С миллионами людей разных стран и наций в тот день он пережил единение и светлую грусть прощания с чем-то очень дорогим. И память большого объединяющего праздника осталась навсегда. Ему хотелось, чтобы эта же светлая объединяющая радость была пережита и теперь на играх, которые пройдут в его родном городе.

Он, как никто другой, знал, что любые международные спортивные соревнования - это не только состязание спортсменов, но и противоборство тайных служб. Зачастую успехи в том не видимом никому, кроме посвящённых, противоборстве бывают даже более значимыми для страны, чем завоёванное количество медалей. И во многом это зависит от организаторов. Спортсмен заслуженно получит свою медаль, искренне порадует, поднимется на пьедестал, но не менее, а может быть, даже более важно, с каким чувством покинут игры те, кто формирует общественное мнение. На его взгляд, олимпийские игры в прежней социалистической стране остались в памяти гостей благодаря не столько спортивным достижениям, сколько из-за атмосферы взаимоуважения, пережитого чувства чего-то светлого, радостного, происходящего с ними и вокруг них, с чем, как и с косоплывом талисманом олимпиады, до слёз не хотелось расставаться.

У Игр тоже был свой талисман - пушистый и ласковый котёнок Петя. Хотя основатель города никак не походил на котёнка...

Помимо организационных у Резидента была и ещё не менее важная задача - опекать капиталистического медиамагната. Добрый отклик в изданиях, принадлежащих ему, вполне можно было соотнести с медальным пьедесталом. И он старался, припомнив свой зарубежный опыт, предугадывать желания зарубежного гостя и выкладывать утратившие ценность секреты. Медиамагнат, считавший себя не меньшим разведчиком, чем те, кто занимался этим профессионально, задавал всё более сложные, на его взгляд, вопросы, но на каждый получал вполне удовлетворяющий его ответ.

Вообще этот довольно молодой заместитель председателя правительства уникального и красивого, почти европейского города медиамагнату нравился. Он производил впечатление человека компетентного и, что самое главное, был одновременно по-европейски независим и в то же время гостеприимен. Но всё же он решил проверить, насколько этот бывший разведчик может быть честен, и, выбрав благоприятную минуту расслабления своего сопровождающего, вдруг провоцирующе спросил:

- Как сложно совмещать обязанности одного из хозяев этого города, возведённого императором Петром, и советского разведчика?

И устался на заместителя хитрого лиса Демократа, не сомневаясь, что тот бы точно вывернулся - по корням европеец: дед по отцу - поляк, бабушка - чешка. Думал, смутил этим вопросом, уже сам себя поставил на пьедестал победителя в этой мысленной схватке, но тот, нисколько не смутившись и не отводя взгляда, словно своему непосредственному начальнику, со вздохом признался:

- Тяжело... Но приходится...

И магнат, помедлив, осмысливая услышанное, сообразил, что после такого ответа лучше всего будет перевести всё в шутку:

- Да, спорт есть мир.

- Спорт - это тоже политика, - продолжал его удивлять представитель власти бывшей социалистической страны. - Вам понравились наши Игры?

И магнат правильно понял - его ответ должен быть таким же прямым, каким был ответ собеседника.

- Игры - да... Мне понравились... - И, подумав, добавил: - И вы мне тоже понравились. Вы способный и компетентный парень.

Сказал так, отдавая себе отчёт, что после этих слов издания его медиаимперии не найдут ничего плохого в новой стране, которая теперь стала похожа на знакомые ему европейские страны.

В декабре 1994 года в Ичкерии вошли войска федералов.

И в декабре же Демократ попал в опалу.

Сам же учил подчинённых не подставляться, брать пример с разведчиков - с того же Резидента, - они хорошо просчитывают комбинации противника, и не забывать заповедь сапёров: ошибиться можно только один раз. Учил, да вот сам подставился, не смог скрыть свои претензии на президентский пост. Надеялся, что немощный президент на выборы не пойдёт и назовёт его своим преемником, но ошибся: того уже обложили московские претенденты, окружила заботой, распространяющейся на всю страну, семья, выстроив защиту непреодолимую. И хотя при личной встрече заверил Демократ президента в своей верности и поддержке, если тот пойдёт на второй срок, но ближайшее окружение уже видело будущим преемником исключительно своего выдвиженца и, зная боевитость и настырность Демократа в достижении своей цели, предприняла контрмеры.

Повод нашёлся, казалось, в самом безобидном деянии главы правительства города - в распределении квартир. словно ни он, ни его сотрудники не имели права жить в условиях, соответствующих их статусу и делам. Но у Генерального прокурора других забот словно и не было - олигархи страну не растаскивали, сепаратисты не делили, и опасней Демократа не было никого. Вместе с Телохранителем президента он взял расследование под свой контроль.

А на носу были не только президентские, но и местные выборы, и их теперь никак нельзя было проигрывать.

Резидент возглавил предвыборный штаб Демократа. А конкурентом, скорее, спаринг-партнёром, выступил его первый заместитель, Коммунист. Вот ведь пригрей змею на груди...

- А если поразмыслить, не так уж плохо выиграть у коммунистов. Наконец поставим точку в споре капиталистической и коммунистической идеологий, - обыграл эту ситуацию Демократ. - По всем фронтам побъём: президент в стране, а мы в нашем городе.

Но и воспрянувшие после подполья коммунисты выставили кандидатом в президенты своего лидера.

Резидент наматил общую концепцию предвыборной кампании, но следить за реализацией намеченного у него не было времени, надо было и обязанности исполнять. И вносить коррективы не получалось, предвыборная машина уже набрала ход. Но ближе к финишу ему всё яснее становилось, что не настолько прочны позиции Демократа, как казалось. За прошедшие пять лет произошли существенные перемены в обществе, или, как теперь было принято говорить, в электорате. Революционный пафос перемен утратил своё эйфорическое воздействие, демократический идеал потускнел, шоковая терапия, приведшая к обнищанию большинства населения и появлению олигархов, стала визитной карточкой реформаторов-демократов. И город, недовольный и этой властью, опять бурлил. Канувшие в совсем недалёкое прошлое пустые магазины и дефицит самого необходимого в СССР не мешали начавшейся реабилитации советского прошлого. Коммунисты без труда находили, кого и за что критиковать.

И всё же по всем опросам перевес был на стороне Демократа, хотя подавляющего большинства он по прогнозам в первом туре набрать не мог. Так и получилось - две идеологии, старая и новая, олицетворением которых для электората стали Коммунист и Демократ, разделили горожан почти поровну. А во втором туре вопреки прогнозам Коммунист набрал почти на два процента голосов больше и стал губернатором города, который благодаря его предшественнику и недавнему начальнику Демократу вернул себе имя Санкт-Петербург.

В тот прощальный вечер Демократ был в приподнятом настроении. Он начал свою прощальную речь с того, что отметил высокий профессионализм всех, кто с ним работал в эти непростые годы возвращения города и страны на цивилизованный путь развития.

- Я не сомневаюсь, что каждый из вас будет востребован в будущем и займёт высокие посты не только в городе, но и в стране. И о каждом из вас там, где это нужно, хорошо знают, - сказал он. - Ну, а я отдохну от суеты, а потом вернусь. И мы с вами ещё поработаем... Новое государство нам с вами надо строить, не отдавая никому.

И ничем не попрекнул Резидента, хотя тот винился, считал, что нельзя было пускать на самотёк кампанию после первого тура. Но уж слишком сладкоречивы были политтехнологи, вообразившие себя если не всемогущими, то уж волшебниками точно. И сделал для себя вывод: никогда больше не полагаться на специалистов подобного рода.

7

Такой расхристанной Летописцев столицу не видел прежде никогда, хотя бывал в ней проездом или с остановкой на несколько дней много раз, начиная с самой первой, когда ещё подростком приезжал сюда в гости с отцом к его фронтовому другу. От той поездки в памяти осталось посещение ГУМА - он даже не мог представить, что магазин может быть таким большим, на целую улицу, - и фотографирование у Царь-пушки и Царь-колокола, когда какой-то иностранец, к которому они обратились, долго не мог понять, как нужно сфотографировать их с отцом на «Смену-2» и что-то сделал не так, потому что фотография, где они вдвоём стоят перед Царь-пушкой, не получилась. А вот он у Царь-колокола - фотографировал отец - вышла замечательно.

Тогда, в шестидесятые годы, и потом во все последующие визиты Москва была чистой, многолюдной и чопорно-строгой. Во всяком случае, таким он запомнил этот город. А москвичей - гостеприимно-необязательными, когда касалось деловых отношений. Уже взрослому, знакомый москвич показал ему настоящую Москву старых улочек и тихих дворов и дал рецепт от этой необъяснимой для него необязательности:

- Ты на нас не обижайся, вас столько сюда каждый день приезжает, и все с просьбами, всем что-то надо. Если всё обещанное выполнять, ничего другого не успеешь... Ты, если тебе что-то очень нужно, на обещания не покупайся, не уходи, не уезжай, пока обещанное не выполнят. А то ведь для нас гость за дверь - и всё, о чём он просил, забыли.

Этот совет ему очень даже пригодился.

Теперь он Москву не узнавал.

То, что она утратила привычную плакатно-кумачовую праздничность и перестала пестреть лозунгами, напоминающими о цели движения народных масс и о невидимых из толщи этих масс, но очевидно шедших впереди вождей, неожиданностью не было - на дворе конец девяностых. А вот обилие рекламы, не призывающей, как лозунги, к победе коммунизма, в котором будет изобилие всего, а навязывающей это самое изобилие, зачастую с наглой самоуверенностью, заведомо обманывающей, скоро стало раздражать. И

весь вид столицы, неухоженной, помятой, словно после большого загула, производил впечатление утраты чего-то важного. Было чувство какой-то невидимой, но подсознательно ощущаемой разбалансировки всего в совокупности, словно прежнюю упорядоченность движения всех в одном направлении сменило хаотическое метание уже не единой массы движущегося народа, а множества мелких масс невесть кого.

- Это издержки твоего социалистического образования и жизненного опыта, - сказал Математик, выслушав его сентенции, когда французский коньяк «Наполеон» был почти выпит и разговор принял форму импровизации. - Всё элементарно просчитывается, в основе всего сущего - математика... При развитом социализме уважали интеграл, или, проще, прежде всё складывалось, а потом уже делилось, условно, всем поровну. Сейчас у нас недоразвитый капитализм, и в почёте дифференциал, то есть всё сложенное прежде теперь делится.

- Но уже не поровну, - закончил за него Летописцев.

- Это естественно, на всех поровну - это уже не капитализм будет. А мы возврата не хотим, потому что человек - функция линейная.

- А народ может быть волнообразен, - не сумел сформулировать по-математически правильно свою мысль Летописцев и пояснил: то есть не обязательно идёт только прямо.

- Теорема перехода линейной функции личности в волнообразные завихрения общества очень проста, но её никто не может решить.

- Почему? - после паузы по инерции спросил Летописцев, осознавая, что коньяк не способствует ясности ума.

- Это очень сложно объяснить, - дал понять Математик, что тоже не расположен к продолжению серьёзного разговора. - Я, пожалуй, заварю кофе.

И покачиваясь ушёл на кухню.

Математик представлял интересы агентства Летописцева в столичных деловых кругах в дневное время, а в ночное, на основе разработанного им математического алгоритма накопления капитала, торговал воздухом, войдя в постоянный телефонный контакт с «чёрными полковниками». Так он называл неведомых и не виданных им собеседников, которые предлагали ему пока ещё дефицитные заморские вина и даже спирт, импортные сигареты, одноразовые шприцы, а взамен просили красную ртуть, алмазы, на худой конец, струю кабарги и прочую экзотику, о которой он не имел никакого понятия, но неустанно по ночам накручивал диск телефона, пытаясь связать никак не связывающиеся стороны в многомиллионных

сделках. В конце концов он зацепился за всемогущих «полковников», которые самолётами везли в страну спиртное и сигареты, а заодно и продавали эти самые самолёты, и с каждой потенциальной сделки отсчитывал и записывал в блокнот свои миллионы. Столбик цифр получился внушительным, но до заключения реального контракта дело никак не доходило: то подводили «полковники», то покупатели оказывались неплатёжеспособными.

Для Летописцева же он организовал встречу с американским бизнесменом русского происхождения, в начале девяностых уехавшим прежде на Землю обетованную, а затем перебравшегося в Соединённые Штаты по причине разочарования из-за отсутствия масштаба обогащения на его прародине. Этот новый американец теперь возглавлял маркетинговую компанию и проявлял особый интерес к состоянию воздушного транспорта и аэропортов страны, из которой он когда-то с такой радостью уезжал.

- Все перспективы сегодня здесь, - категорично утверждал он, вздевая палец с массивным золотым перстнем. - Но вы этого не понимаете, потому что жили в заповеднике, а когда поймёте, будет уже поздно, такие, как я, будут править этой страной.

Он готов был заключить договор с агентством на детальное изучение южных аэропортов.

Летописцев в разведке не служил, но интерес к очевидно стратегической отрасли показался ему не совсем коммерческим, да и бахвальство бывшего соотечественника не понравилось, и он попросил повременить с подписанием договора. И вот теперь с Математиком они завершали анализ встречи французским - не ахти, армянский лучше - коньяком. И Математик, написавший, но не успевший в бывшей державе защитить диссертацию о каких-то интегральных переменных, теперь штудировал теорию вероятностей и утверждал, что с каждым безрезультативным контактом он приближается к заветному миллиону - конечно же, зелёных, деревянные под ногами валяются, но за ними лень нагибаться...

- Не надоело ещё воздух гонять, на телефонных переговорах разоришься...

- В любой бизнес нужно прежде вложиться.

- И бизнес-план составить, - подсказал Летописцев, посетивший несколько лекций американских волонтеров-просветителей и уже понявший, что подобные правила подходят какому угодно, но только не русскому бизнесу. - И много ещё будешь вкладывать?

- Просчитываю. Заковыристая формула получается, пока не вижу решения. Очень много непредвиденных вероятностей, нестабильна прогрессия, - мудрёно и несколько несвязно попытался пояснить Математик.

- А чего мудрёного? - Летописцев вспомнил расхожую формулировку русского бизнеса. - Всё просто - встречаются двое таких, как ты, бьют по рукам, а потом разбегаются: один ищет продавца, другой - покупателя.

- На посредниках вся рыночная система строится, - не совсем уверенно произнёс Математик. - Вот выведу формулу...

Летописцев хотел было призвать Математика вернуться к реальности, но передумал. Никто не учится на чужих ошибках, только на своих.

Он уже переболел этой детской болезнью недоразвитого капитализма - жаждой стремительно обогащения, уже догадывался, что с каждым днём локотки соседей-бизнесменов будут впиваться всё острее, мечты новоявленных кандидатов в миллионеры рассеются и останутся в строю только те, кто зацепится за что-то конкретное, осязаемое, реальное, за те же нефть или хлеб. Жаль, что ему не дано ни первое добывать, ни второе выращивать.

- Вся надежда на руку рынка, которая всё отрегулирует, - отчего-то вдруг вспомнил мантру, которую твердили на самом верху те, кто самоуверенно вёл их в этот самый рыночный мир.

- Рынок - это арифметика, а экономика - это высшая математика, - не очень разборчиво, но пока ещё связно и понятно произнёс Математик. - Таблицу умножения мы, конечно, выучим, но поймём ли интегрально-дифференциальные уравнения - вопрос... - И, воздев палец кверху, с пафосом добавил: - Ту би о нот ту би...

8

Математик организовал встречу с «чёрным полковником». Они пришли в гостиницу «Москва», где тот снимал два номера, ровно в полдень, как было оговорено, но у «полковника» был неожиданный и незапланированный, но очень важный гость, как пояснила встретившая их молодая женщина лет пятидесяти в строгом сером брючном костюме. Она извинилась за босса и попросила подождать в номере, напоминавшем по обстановке приёмную перед кабинетом средней руки начальника, предложив кофе, от которого Летописцев отказался, а Математик, полночи гонявшийся за призрачными миллионами и теперь засыпавший на ходу, с воодушевлением согласился и, выпив, вновь стал безудержным оптимистом.

Потом женщина ушла по каким-то делам, а Математик напомнил Летописцеву, что «полковник» крутит большими деньгами, а главное, имеет связи на самых верхах и ищет надёжных партнёров в провинции, поэтому и согласился на встречу.

Какими делами крутит этот самый «полковник», он сказать не мог, потому что знакомы они были исключительно по телефону.

- Он может наладить поставки всего, что хочешь, - в который раз говорил Математик, настраивая Летописцева на быстрое обогащение, а не на совместное производство тех же лекарственных трав, над чем Летописцев уже работал и именно для этого производства искал партнёра. Но об этом он говорить Математику не стал, согласно кивая в ответ.

Наконец ожидание закончилось, вернувшаяся женщина, ещё раз извинившись от имени шефа, предложила пройти в ресторан, где тот их ожидает. И, видя недоумение, сказала, что уже время обеда, и более пояснять ничего не стала.

На невысказанный вопрос ответил сам «полковник», оказавшийся бывшим главным инженером одного из оборонных предприятий, продукция которого в одночасье стала никому не нужна. Он был ровесником Летописцева, невысоким, худощавым, неторопливым в движениях и разговоре, явно привыкшим говорить лишь то, что уже хорошо обдумал.

- Приношу свои извинения, но вот так, за обедом, даже удобнее знакомиться. У меня, увы, язва, а она заставляет жить по расписанию и по режиму. Вы не стесняйтесь, заказывайте всё, что пожелаете, а я - что позволительно...

Математик пожелал пообедать по-настоящему, признавшись, что в его домашнем холодильнике шаром покати, а с утра «во рту ни маковой росинки». Летописцев заказал кофе с пирожным.

- Я с вами заочно знаком, - сказал «полковник», окинув Летописцева внимательным взглядом. - Немного знаю и о вашей фирме, у вас ведь филиал здесь, в Москве. И место на бирже.

Летописцев бросил взгляд на Математика, но тот окончательно предался сибаритству, перейдя от мясного ассорти к отливающей масляной желтизной солёнке.

- Недавно начали осваивать это купеческое ремесло, - уклончиво отозвался Летописцев, не особенно веривший в успешность брокерского бизнеса и уступивший напору своих подчинённых, убеждённых, что все деньги нынче на бирже.

- Это прозорливое решение, - заметил «полковник». - Первоначальный капитал легче всего заработать на посреднических операциях. Но и пролететь тоже проще.

- Я торговать не умею, - признался Летописцев, чтобы сразу направить разговор в нужное русло. - Этим занимается мой заместитель. Я настроен на непосредственное производство.

- Производство чего? - заинтересовался «полковник».

- Идей много, - уклончиво ответил Летописцев.

- Да, действительно, сейчас мы живём за счёт других, на импорте, но рано или поздно должны будем вернуться к собственному

производству. Но сейчас это без поддержки государства невозможно. А государства тоже пока нет, как и ясных исполняемых законов. - «Полковник» внимательно посмотрел на Летописцева и после паузы негромко добавил: - Но боюсь, что к тому времени ни места в мировой экономике, ни нужных специалистов для собственного производства у нас в стране не останется.

- Поэтому и нельзя откладывать всё на потом, - неуверенно сказал Летописцев, не ожидавший столь пессимистичного вывода. - И производить лучше, дешевле, чем на Западе.

- При нынешним состоянии нашей экономики это невозможно, - твёрдо произнёс «полковник» и взглянул на часы. - Я бы вам посоветовал всё же идеи пока отложить и обратить внимание на биржевые операции. - Он поднялся из-за стола. - И извините, но у меня встреча в правительстве. Ещё раз извините, что так всё вышло. Давайте встретимся завтра.

- Я улетаю сегодня вечером.

- Тогда пусть ваш представитель, - он кивнул в сторону Математика, допивающего кофе и, казалось, совсем не слушавшего их, - созвонится и назовёт день, когда вам будет удобно. Вам ведь недалеко лететь?

- Пару часов.

- Недалеко. Мне домой дальше. - Улыбнулся, словно вспомнив что-то хорошее. - Не теряйтесь, нам есть о чём поговорить. Но настоятельно советую, обратите внимание на биржевые операции. Сейчас время первичного накопления капитала, а оно не бывает праведным, богатыми становятся не те, кто умнее, а кто больше этого хочет. Но такие люди не умеют делать ничего полезного, кроме денег, естественно. А к собственному производству хотя бы самого необходимого, чтобы не потерять независимость страны, мы вынуждены будем прийти. Вот тогда стране нужны будут ваши идеи. Но не сейчас. Главное, не растеряйте веру в ожидании этого времени и нарабатывайте необходимый капитал. И не брезгуйте лёгкими деньгами. Но я надеюсь, на эту тему мы с вами ещё поговорим.

Конфетки-бараночки

Всё-таки социализм был хорош тем, что начальство уходило, а подчинённые оставались. Новые времена принесли не только новые нравы, но и веяния. Теперь начальство уходило со свитой, или с командой, как стало принято говорить. И приходило новое со своей свитой родственников, друзей, знакомых, которые занимали должности повыше, поближе к рычагам управления финансовыми потоками и тоже окружали себя своей свитой. Неизменным оставался

только самый низ, непосредственные исполнители, винтики в государственной машине. Бывшему заместителю градоначальника и руководителю проигравшего предвыборного штаба в новом составе правительства места не нашлось.

Неожиданно позвонил Якут. Год назад их, прежде незнакомых друг другу, свёл случай. У Якута дочь, студентка, заболела, он позвонил своему давнему другу-земляку Коммунисту, но того не оказалось на месте. Вот и вышел на другого заместителя Демократа, на Резидента, попросил помочь, устроить в хорошую больницу. Особого труда ему это тогда не составило, а отношения с управляющим делами президента сложились самые доверительные.

- Ну что, ты теперь безработный или уже знаешь куда пойти? - спросил тот в лоб, так и не привыкнув к столичным обтекаемым полунамёкам.

- Не определился.

- А в Москву не хотел бы? - опять же напрямую спросил.

- Какой лейтенант не мечтает стать генералом, - с саркастической улыбкой, которой собеседник не мог видеть, ответил он.

- А куда бы ты хотел?

- Чтобы других не подвести и на своём месте быть.

- Конкретно можешь сказать?

- Думаю, что в администрации президента лишним бы не был.

- Хорошо. Я переговорю с кем надо. А ты пока отдыхай, переедешь - времени расслабиться не будет.

Обнадёжил и пропал.

Позвонил, когда уже ждать перестал.

- Добро получено, указ готовится, так что собирай чемоданы.

Начал собирать, забыв народную мудрость: не кажи гоп, пока не перепрыгнешь... Теперь в Кремле не то что при советской власти, на одном месте долго не задерживались, прежний резерв, возвращённый на коммунистических ценностях, как и рубль, обесценился, а нового, соответствующего новому политическому строю, воспитать пока не успели, поэтому вкус власти давали пробовать всем, кто желал и под рукой оказался. И тасовали как хотели.

Пока ждал вызова, сменился руководитель администрации. Теперь её возглавил Рыжий. Вроде земляк и тоже не без помощи Демократа поднялся, соратник, но указ выбросил в корзину, сказал, что должность, на которую уже решили было Резидента поставить, упраздняется.

Финансист, тоже уже давно в столицу перебравшийся и работавший под началом Рыжего, вслед за ним тоже в администрацию заместителем перешёл. Земляку, с которым работал в команде Демократа, он помочь хотел. Убедил Рыжего в нужности Резидента.

- Под твоё слово, - сказал тот. - Пусть приезжает, какую-нибудь должность ему найдём.

Но предложил совсем не то, на что рассчитывал Резидент, - должность директора управления по связям с общественностью.

- Ну какой из меня общественник, - усмехнулся он, напоминая о своей прежней профессии.

Хотел поинтересоваться у Финансиста, за что новоиспечённый руководитель администрации президента так его не любит, но не стал. Предположил, что, вероятно, из-за патологической нелюбви к коммунистам, тем более к сотрудникам госбезопасности. Или же по совету сотрудников госдепартамента страны, чьими советниками он обложился.

А Якут не успокаивался, привык обещанное выполнять. Обещал когда-то президенту порядок в хозяйстве навести, как делал у себя в столице самого холодного региона страны, и слово держал, обновлял Кремль. Вот и пошёл к президенту с просьбой найти подходящее место перспективному работнику, не так давно сам таким был.

- Я за него ручаюсь, - закончил изложение аргументов. - Это исключительно порядочный парень, нам такие в команде нужны. Я всё досье на него изучил, его бывшие коллеги насквозь просветили.

- Я и раньше не против был, - буркнул президент. - Чего с указом затанули? Никакой исполнительности, понимаешь ли, дисциплину подтянуть надо. А теперь Рыжий против. Он только приступил к обязанностям, я ему карт бланш, понимаешь ли, дал. Сам понимаешь, не дело сразу по рукам бить.

Стало понятно - не обойти Рыжего.

- Ну, тогда возьму его к себе заместителем.

- Это уж твоё дело, тут я возражать не стану.

Якут позвонил своему протеже, а тот:

- Ну какой из меня хозяйственник?

- Ничего, поработаешь, присмотришься, себя покажешь. У нас тут теперь постоянного ничего нет. Покажешь себя - найдётся и место приличное.

И Резидент согласился.

Место работы было новое, а задачи, в общем-то, не так и отличались от тех, что приходилось решать прежде. Те же организация и контроль, только в большем масштабе: управление делами обеспечивало функционирование всех органов власти, к тому же вело революционный ремонт кремлёвских палат. Направлять подчинённых и контролировать он умел, приоритеты расставить тоже не составляло труда. К тому же круг его обязанностей соотносился и с его юридическим образованием, и с работой за рубежом: он курировал юридическое управление и

загрансобственность. И хотя, как и его непосредственный начальник Якут, считал это место пересидным, временным, понимал, что работа на этой должности - своеобразный экзамен, выдержит - откроются перспективы, не сдюжит - так и останется в низовых структурах, поэтому работал как привык - себя не щадя.

Спустя девять месяцев, как только Рыжий перешёл на должность министра финансов - деньги он больше любил, чем власть, - и забрал к себе заместителем Финансиста, с благословения Якута и теперь уже безоговорочного согласия президента, он был назначен начальником Главного контрольного управления.

Эта была структура практически полувойсковая, а по понятным ему отношениям людей военных он уже соскучился, оттого взялся за новое дело азартно.

И начал с того, что знал лучше всего, с проверки выполнения оборонного заказа: деньги на это уходили большие, а отдачи не было. В том, что армия всё меньше становится похожа на армию, убеждать его не надо было: начало превращения доблестного советского офицерства в примитивных бизнесменов-торгашей, и прежде всего генералитета, он наблюдал ещё во время службы в разведке. За то, что происходило во время вывода войск из Германии, ему как офицеру и по сей день было стыдно, словно он мог тогда казнокрадству помешать. То, что характерно было для стагнирующего социализма с психологией «всё народное - это всё ничьё», с растащиловкой всего, что попадало под руку на социалистических предприятиях, теперь эпидемией охватило и армию. И пример подавали отцы-командиры.

Проверка предприятий, работающих на оборону, подтвердила его понимание, что ситуация за это время только усугубилась, пример гражданских директоров, ставших без всяких затрат, а зачастую за государственные кредиты, владельцами не так давно общенародной собственности, оказался заразителен. Общее незримо превращалось в частное на каждом этапе прохождения денег, и это уже никого не смущало. Министра обороны надо было или отдавать под суд, или снимать не медля с должности и ставить на его место того, кто сумел бы навести порядок и прекратить воровство, вернуть былое уважение к армии.

Но это было не в его компетенции, хотя результаты проверки не смогли проигнорировать даже покровители и влиятельные друзья министра. Его с почётом проводили в отставку.

Потом взялся за ещё одну бездонную дыру, куда уходили-утекали-убегали не миллионы - миллиарды: рыбный промысел на самой окраине страны, откуда до любой заграничной, островной или южной, а при желании и возжеленной многими на другом континенте, было намного ближе, чем до собственной столицы. Там, вда-

ли от кремлёвской власти, но рукой подать до алчущих рыбы и морепродуктов соседей, сложилась и обогащалась рыбная мафия. Местная власть быстро поняла, чего хотят от неё в столице стоящие над нею чиновники практически всех рангов, в отличие от бывших партocrats осознающие свою временность, торопящиеся обустроить собственное материальное будущее. Нашла она точки соприкосновения и с рыбаками, обложив своими налогами, - а с чего иначе радовать столичную «крышу», да и себя, - и делала вид, что ничего не видит, не знает, или, что поделаешь, виновата, но не может справиться с творящимся беззаконием.

И главный контролёр, в отличие от своего предшественника, с головой влез в камчатские дела, понимая, что вступил в схватку, в которой ему необходима только победа. Но довести начатое не успел.

Лавируя между зарубежными финансовыми опекунами-кредиторами, вдруг возлюбившими Россию, лидерами западных стран, советниками-специалистами по устройству капитализма и фактически анархией внутри страны, разрываемой, растаскиваемой центробежными силами, первый президент России тасовал кадровую колоду, исходя из сиюминутных задач. В Кремле витал дух недоверия и временности, как бывало всегда в смутные годы, на чьё бы правление они не выпадали. Каждый дорвавшийся до власти или получивший её не потому, что был способен властвовать, а потому что оказался вовремя в нужном месте, выстраивал вокруг себя защитный пояс из родственников, верных друзей, сокурсников, земляков, которые в свою очередь окружали такой же защитой себя. Деловые качества значения не имели - все во власти этой новой, усечённой в размерах страны были новичками-дилетантами, придя из научных лабораторий, вузов, редакций и иных далёких от непосредственного производства, учреждений. Разве что только первый президент был в прежней властной вертикали и знал, как должна быть устроена власть. Но именно эту вертикаль он и свергал.

Рыжий, провернувший выгодную для немногочисленных избранных приватизацию, поддерживаемый международными финансовыми структурами и специальными службами заинтересованных стран, к числу верноподданных не относился. Он был для первого президента чужаком. И чужаком влиятельным. И этот чужак управлял его ближайшим окружением, его двором, который должен был быть одной крепкой семьёй, признающий только одного главного. Негласный закон партийной номенклатуры рекомендовал в случае «подсигивания» выдвигать претендента на повышение. Повышением для Рыжего могло быть только одно. И первый президент пообещал ему премьерство. Прежде, правда, придётся побыть первым замом, войти в курс дел. И не только.

- Понимаешь ли, надо бы с финансами разобраться. Нищий премьер, как и нищий президент, народу не нужен. А наши зарубежные коллеги уважать бедных не станут.

Рыжий прищурился, с привычной - уголками губ - улыбкой окинул президента понимающим взглядом.

- Я не против с финансов начать.

- Вот и посидишь на двух стульях, - пошутил первый президент.

И Рыжий хорошо понял, что тот не договорил. Подумал, что ничего у этого уральского увальня не получится, не проколетса он на министерстве, а пока финансовые ручейки соберёт в полноводную реку да и возьмёт под свой контроль. И, придёт время, передаст право её беречь своему верному человеку. Ведь именно финансы при капитализме, куда они сломя голову рванули, правят бал.

На освободившееся место главы своей администрации первый президент назначил Зятя.

Зять прежде был журналистом, сформировался в убеждённого демократа во время работы в «Огоньке», когда тот был самым популярным журналом в стране. Начинал сотрудником, потом пятилетку был заместителем главного редактора и наконец стал главным редактором. Правда руководил он журналом всего год, но это был очень важный год, предвыборный для первого президента. И как только его переизбрали на второй срок, он забрал Зятя к себе советником по вопросам взаимоотношений со средствами массовой информации. Теперь Зять внушал, рекомендовал, убеждал своих бывших коллег, что и как сообщать народу. Ну а в нерабочее время в домашней обстановке, в семейном кругу подсказывал тестю, каких откровений этот самый народ ждёт от президента новой старой страны. И помогал писать книгу.

Наконец книга-исповедь была написана, дочь отцом и мужем и их совместным трудом довольна, теще тоже Зять пришёлся ко двору (главное, чтобы дочь была счастлива), пора было подниматься по каьерной лестнице выше и менять Рыжего.

На новом месте Зять, набирая свою команду, последовал примеру тестя не на все сто процентов. Опыт работы в журнале дал понимание, что помимо надёжных друзей для того, чтобы шли дела, нужно иметь ещё и способных исполнителей. С этой точки зрения он и стал присматривать себе ближайших помощников, заместителей. И хотя делал вид, что чекистов не любит (всё-таки, он демократ и не может простить тридцать седьмой год, ГУЛАГ и прочее), на самом деле он эту контору уважал и прекрасно понимал, какие профессионалы там работают, какой информацией обладают и какими ресурсами владеют. Не случайно именно из их среды вышла значительная прослойка удачливых бизнесменов.

Глава контрольного управления, бывший разведчик и бывший заместитель Демократа обладал всеми качествами настоящего чекиста: умён, немногословен, выдержан, осторожен, не запятнан. Умеет организовать дело, мобилизовать людей. Якут, который перетаскил его в столицу и под началом которого тот работал прежде, хвалит. И все его земляки-питерцы, перебравшиеся в Москву и работающие в органах власти, отзываются о нём с уважением. Все, кроме Рыжего. Но мнение Рыжего можно было не брать в расчёт.

А ещё немаловажно, что с прежними товарищами по службе тот отношений не испортил и прежних связей не растерял. К тому же не гнётся перед чинами и должностями. Это Зять с присущей журналисту интуицией угадал по первым шагам нового главного контролёра страны, не в пример прежнему руководителю этой службы, его земляку Финансисту. Рискнул же он замахнуться на неприкасаемых. Такого человека лучше иметь рядом.

Но этот выбор должен был одобрить тесть.

Первый президент Зятю верил. К тому же и дочери неприметный, но работающий Резидент, о котором она знала со слов мужа, нравился. И вопрос о назначении того первым заместителем руководителя администрации был решён.

И вдруг кандидат на эту значимую должность приближённого к президенту лица, входящего в самый близкий ему круг, позволил себе недопустимое: помог опальному Демократу, арест которого был уже санкционирован, бежать из страны.

...Держали совет втроем. Первый президент не скрывал своего недовольства поступком питерского выдвиженца. Только взяли в оборот Демократа, который невесть что ещё может выкинуть, а то ещё и какой-нибудь заговор устроит, так нашёлся ведь добродетельный соратник... Хотя не из демократов, но из того же гнезда питерского, привыкшего к интригам да заговорам...

- Но ведь как всё организовал, продумал. Классически провёл операцию вывоза, - не скрывал своего отношения к происшедшему Зять, одобряя не столько поступок своего заместителя, сколько эмиграцию потенциального соперника тестя, на борьбу с которым пришлось бы тратить силы.

- Ты вот, понимаешь, со своей демократией, - недовольно собрал губы в трубочку первый президент. - Не на митинге, понимаешь. У тебя должна быть дисциплина, как... как в ЦеКа: если что не так - билет на стол.

И усмехнулся, вспоминая, как часто эту фразу слышал от других и повторял сам. Думал, вечная, такая же, как партия, а вот уже и нет компартии, нет СССР. Первого не жалко, а вот насчёт второго... Может, и поторопился, но задним умом все сильны.

А Резидент этот смел, почти как он сам. И организатор хороший, не напрасно его Демократ нахваливал и не отдавал, пока сам не слетел... с трона.

Питерцы, они все шебутные. С революции. А может, и с самого Петра такие. Какой фундамент заложил...

Карьерой рискует, знает же неписанные законы. Но такая верность тому, кто тебе подняться помог, многого стоит. Это сейчас главный дефицит.

Но, с другой стороны, если все сотрудники его администрации или правительства начнут поступать так как хотят, к чему это приведёт?..

- Пресечь надо, чтобы другим неповадно было, - наконец пришёл он к выводу.

Но твёрдости в голосе не было.

- А мне нравится его поступок, - вмешалась дочь, позволявшая себе не соглашаться с ним даже при обсуждении государственных дел. - Вокруг нас столько предателей, что каждый преданный человек на вес золота..

- Он из тех, для кого честь превыше всего, - поддержал её Зять. - Говорят, что даже бескорыстен... И слово держит...

- А таких вокруг тебя по пальцам пересчитать, - вставила дочь.

- Вижу, вам он нравится. Понимаешь ли... Предателей хватает, - констатировал первый президент, уже не настаивая на своём. - И, помолчав, уже с явным одобрением произнёс: - А что, он по-мужски поступил, как товарищ. - И с облегчением самоуспокоения: - И у нас теперь забот с беглецом не будет.

Подождал, взвешивая вескость приведённых аргументов, их достаточность для отмены прежнего решения и, повернувшись к Зятю, закончил:

- Забирай его к себе. Тем более за него и Якут просил. Ты уже думал, чем он у тебя заниматься будет?

- На регионы его поставлю. Там сейчас - острее не бывает. Татары на латиницу переходить собрались, дагестанцы служить в армии отказываются. Да и в Чечне не успокоилось.

- А что, понимаешь ли, это его сфера. В профессиональном русле.

- Да и подготовка соответственная, и опыт есть - нашим резидентом был за границей.

- И пусть наши чекисты своему коллеге помогают как следует. И со стороны посмотрит, что там у них делается в этой нашей службе, фээсбэ, понимаете ли.

- А он с ними плотно работать и будет, вот и посмотрит, - с облегчением произнёс Зять, завершая деловой разговор, и все приступили к семейному ужину.

Немного времени понадобилось новому заместителю руководителя администрации президента, курирующему регионы, для того, чтобы понять: самые острые вопросы без активной работы силовых органов и прежде всего чекистов не решить и ситуацию не исправить. Слишком глубокие корни пустили сепаратистские настроения. Слишком влиятельны и финансово обеспечены, во многом благодаря поддержке из-за рубежа, стали проповедники и эмиссары идеи самостоятельного существования отдельных республик, соблазнительна кажущаяся независимость для местной элиты.

И спустя два месяца он получает новое назначение - директором Федеральной службы безопасности страны. Этих двух месяцев первому президенту хватило, чтобы убедиться в работоспособности Резидента и получить подтверждение отзывам о нём как о человеке верном слову и умеющим организовать дело.

В родном для него ведомстве, но на должности, о которой он в начале карьеры мог только мечтать, он вновь окунулся в привычную и, как оказалось, желанную атмосферу тайных знаний чужих секретов. Но теперь он смотрел на эту единственную государственную структуру, не утратившую до конца свою организованность и исполнительность, хотя и не избежавшую череды предательств, и просмотревшую предателей, и несколько утратившую чёткое понимание задач и целей в новой капиталистической стране, как, может быть, на единственную опору нового государства. И ему в первую очередь нужно было дать своим подчинённым, а через них всей службе, чёткий ориентир, кому и зачем, во имя какого будущего служить. И нужны были помощники, профессионалы, которые бы разделяли его установки не по долгу службы, а по собственным убеждениям, на которых он мог бы опереться в тех реформах, которые собирался провести.

Спустя месяц после назначения, который ему понадобился, чтобы понять, с кем из прежнего руководства сможет работать, не найдя среди них единомышленников, он предложил должность своего первого заместителя Следователю - соратнику не только по организации, но и коллеге по совместным делам в его бытность заместителем мэра Петербурга. Следователь в те годы и сейчас возглавлял управление федеральной службы по городу и области. Тогда у них было немало общих забот, часто приходилось взаимодействовать, у него была возможность оценить и организационные способности, и человеческие качества главного чекиста региона. Да и взгляды на то, каким должно быть новое государство, которое им выпало создавать после распада большой державы, совпадали.

На должность заместителя и начальника самого научного департамента анализа, прогноза и стратегического планирования при-

гласил Профи, о котором вспомнил сразу после назначения. Это был настоящий профессионал. Когда-то они работали в одном подразделении, потом жизненные дороги разошлись, он стал гражданским человеком, а его сослуживец по подразделению комитета государственной безопасности остался верен своей профессии. Работал в холодной Финляндии, в жаркой Кении, был первым заместителем директора Европейского департамента службы внешней разведки.

- Ты мне нужен, - без обиняков сказал новый руководитель ФСБ. - Будем восстанавливать то, без чего государство не может существовать.

Профи, также привыкший больше молчать, чем говорить, и по собственному опыту хорошо представлявший, с чем им придётся столкнуться при проведении реформ, только одобряюще улыбнулся. Это было обещание надёжной поддержки и опоры во всём, что им придётся сделать.

Третьим заместителем стал Контрразведчик. Именно ему, бывшему недавно начальником собственной безопасности ФСБ, а значит, человеком, знающим всю подноготную о каждом сотруднике, потом его заместителем в контрольном управлении, он после назначения первым заместителем руководителя администрации президента передал Главное контрольное управление. И тот продолжил начатое им, завершил проверку «Росвооружения». Но не настолько всемогущ был даже первый президент, давший согласие на это расследование, чтобы мог воспользоваться итогами этой проверки. И политическая карьера Контрразведчика висела за волоске. Уж кто-кто, а Резидент это хорошо понимал, сам пройдя за годы слома старого государства и строительства нового не всегда гладкий путь карьерного восхождения. Контрразведчика, чьё отношение к делу, честность и профессионализм он уже оценил, надо было спасать. Впрочем, если для того это и было огорчительно - всё-таки, как не крути, понижение, новому руководителю ФСБ это был подарок.

Теперь у него были надёжные помощники и чёткое понимание, что и как делать. Но главное, практически полная независимость в принимаемых решениях по реформированию прежней структуры.

Большие тайны и маленькие секреты если и становятся известны многим, то спустя годы, а то и десятилетия. Тайны НКВД, КГБ, ФСБ - одни из самых закрытых и охраняемых. А руководитель этой организации и есть самый тайный советник, к словам которого нельзя не прислушаться.

Первый президент нового руководителя ФСБ слушал и доверял ему. И скоро стал замечать, что тот более сведущ в государственных делах, чем его ближайшие помощники. А стремительно несущийся к завершению второй срок его президентства и некрепкое здоровье

всё чаще заставляли задумываться над преемником. Который бы не развалил страну, балансирующую на грани разделения на отдельные национальные вотчины, а завершил бы собрание её в единый кулак, пусть и существенно уменьшившийся и ослабший. И не сломал бы уже выстроенное им, стоившее ему здоровья.

Был у него на примете и ещё один претендент, но не всё в нём подходит для президентской должности. Умён, выдержан, но мягковат и часто верит на слово.

И уже надо было выбирать.

Главный чекист страны явился точно в назначенное время. Невысокий, стройный не по возрасту, с непроницаемым выражением лица, в котором никакого чинопочитания, лишь внимание и готовность к восприятию того, что услышит.

- Однако, выдержка у чекистов, понимаешь ли, - улыбкой встретил, его первый президент, всё ещё оценивая, всё ещё сомневаясь. - Ну и как ситуация у нас в стране?

Надавил на «у нас», догадываясь, что тот знает, зачем вызвал и завуалированно подтверждая это. И по тому, как взглянул на него и не отвёл взгляд, уверился, что тот подтекст понял. И отметил, что второй претендент такой интуицией не обладает. Да, честен, выдержан, дров не наломает, порядочен, но нет в нём вот этой тайной силы, нет этой сердцевины, напоминающей сжатую пружину, которую не постичь до конца, но и не сломать и которую он угадывает в сидящем напротив человеке. Что там в его досье? Впрочем, какое досье на главного чекиста - это у него есть на всех, в том числе и на президента. И это знание тайного и поможет его преемнику не идти на уступки тем, с кем он, первый президент, вынужден в ущерб стране расплачиваться за поддержку.

Но о себе, семье тоже не стоит забывать, тут нужны гарантии.

- Я ведь не простофиля, которого вокруг пальца можно обвести, как некоторые недалёковидные считают, понимаешь ли, - начал он и улыбнулся своей обворожительно-предупреждающей улыбкой. Окинул собеседника пытливым взглядом. - Я ведь всё про всех знаю даже больше, чем ты. - И опять пристально посмотрел и первым отвёл взгляд.

И эта открытость того, кого он уже почти без сомнений прочил на своё место, ему понравилась. Удивился, за что же его так не любит Рыжий, единственный из всех, у кого спрашивал мнение о главном чекисте. Хотя ничего в подтверждение объективности плохого мнения тот не привёл, кроме каких-то не подтверждённых наветов депутатов Ленсовета ещё в бытность его работы в команде Демократа.

- И я не выживший из ума властолюбец, как тот, кто привёл нашу большую страну к тому, что случилось, - не преминул он помянуть последнего генерального секретаря компартии. - Отдаю себе отчёт,

что уже не гожусь, чтобы в полную силу страной править, здоровье уже не то. Ты вот в хорошей форме, можешь себя не щадить ради отчизны. - И вставил словно мимоходом необязательное: - И о моей семье позаботишься в случае чего. - И пресёк возможное несогласие: - Уходить мне пора на отдых. Для страны, для народа лучше будет, если придёт энергичный, здоровый, молодой. - И завершил уже без всякого сомнения: - Ты все необходимые ступени прошёл, в администрации поработал, отзывы о тебе хорошие. И нашу опору, службу безопасности, можно сказать, реанимировал, теперь вот все тайны наши знаешь... Отдаёшь себе отчёт, какую ношу взваливает на себя президент, понимаешь ли... - Отметил, как тот согласно склонил голову, и не стал ждать ответа, продолжил: - Спрятаться не за кого будет, весь как голый, на виду, за всё отвечаешь.

Помолчал, наблюдая за выражением лица того, кому собирался передать страну с её гражданами, бедами, проблемами, с успехами, которые следует развивать, и ошибками, которые тому придётся исправлять. Но главный чекист умел слушать так, что ни один мускул на его лице не дрогнул. Но и не возражал, значит, уже всё продумал, принял своё галерное будущее.

- Возглавишь пока правительство, присмотришься, кого из министров оставить, кого прогнать. Разберёшься, что у нас с экономикой, а то мне только хвастаются. Партию надо будет возглавить, а потом с моего благословения на выборы пойдёшь. - Помолчав, добавил: - Может и без выборов обойдёмся. - И наконец спросил: - Какие у тебя соображения, понимаешь? Куда страну поведёшь?

- Буду продолжать то, что уже начато, там, где получается. Прежде всего порядок укрепить. Власть должна быть сильной. Нарастивать производство до темпов не ниже, чем у соседей. Я подготовлю записку.

- Это правильно. А с чего начнёшь, понимаешь? Это ведь главное - правильно начать, чтобы за тобой пошли, поверили тебе, - многозначительно произнёс первый президент.

И замолчал, вспоминая сам и давая возможность собеседнику вспомнить недалёкое прошлое, когда именно ему, тогда ещё не президенту, а опальному коммунисту, поверили и пошли за ним.

- Сложить всё вместе надо, собрать страну, - помедлив, ответил пока ещё главный чекист, не задевая самолюбия, не напоминая о той опрометчивой фразе, когда первый президент пообещал всем местным лидерам суверенитета столько, сколько те пожелают.

Те и пожелали сполна насладиться собственной властью. Вот и пылает Северный Кавказ, Татарстан обособляется, на Дальнем Востоке про республику заговорили, а сибиряки свою республику захотели...

- Это правильно. Тут я переборщил, - неожиданно признал свою опрометчивость первый президент. - Но ведь тем самым и обезоружил, понимаешь ли. - Усмехнулся с хитрецей, победно. - Не дал за оружие схватиться. Только Чечню и проморгали. - Окинул преемника оценивающим взглядом и удовлетворённо констатировал: - У тебя получится, ты им свободы не обещал, а чекистов у нас привыкли бояться. Указ о твоём назначении председателем правительства я подпишу на днях.

И уже когда преемник шёл к дверям, добавил вслед:

- А что у тебя за отношения с Берёзой?

- Пару раз встречались. Неординарный человек, интересно бывает послушать.

- Ты в ваших профессиональных тонкостях мастер, не мне советывать, понимаешь ли... Но лучше ты его к себе близко не подпускай. Обманет так ловко, что ты ещё и благодарить его будешь.

Чечня, разделённая сторонниками и противниками отделения, всё ещё не утихала. Но мечта о независимом исламском анклавном становилась всё иллюзорнее. Было очевидно, что Россия не уйдёт с Северного Кавказа, а значит, рано или поздно, но сопротивление будет подавлено. Всё больше сепаратистов, принимавших участие в войне, но не совершивших преступлений, сдавались федералам и сотрудничали с новой прокремлёвской властью.

Но рядом был многонациональный Дагестан, и если его разломать, поднять против федералов, можно ещё надеяться на реализацию идеи. И те, кому терять было уже нечего, кроме собственной жизни, вошли в Дагестан, чтобы поддержать сторонников «Исламского государства Дагестан».

Только что назначенный новый федеральный премьер-министр, возглавил операцию против боевиков.

Он лучше многих понимал, чем чревато осуществление планов религиозных сепаратистов, и считал важным то, что население территорий, куда вошли боевики, без приказа сверху и до вмешательства властей организовало сопротивление. Из ошибок предыдущих лет, хотя он не имел к чеченским кампаниям прямого отношения, он извлёк важный урок: нужно вовремя поддерживать тех, кто видит своё будущее в единой стране. Поддерживать, помогать, способствовать проявлению инициативы и самоорганизации. И ни в коем случае не насаждать силой своё видение, а искать сторонников и единомышленников в национальных элитах. Так, как это делали в царской России и в Советском Союзе

Он встретился со старейшинами, с местной властью, населением. И хотя никогда не разрабатывал военных операций, помня лишь то,

что когда-то изучал для общего развития, - разведчик - это всё-таки не полководец, - но верно оценил ситуацию.

Отражение вторжения стало делом самих жителей, показав их отношение к идее халифата, - так он говорил на всех встречах, хотя, конечно же, хорошо вооружённому, имеющему опыт боевых действий многочисленному бандформированию без помощи армии те противостоять не смогли бы.

Но это было переломная, очень важная победа. Давно вынашиваемые и поддерживаемые из-за рубежа планы отторжения Северного Кавказа оказались нереальными.

Он улетал из Дагестана с чётким пониманием, что теперь можно и нужно возвращать к мирной жизни всё ещё бурлящую Чечню и беспощадно добывать бандитов, где бы они не прятались. Даже «мочить в сортире». И с выросшим доверием народа к новому премьер-министру, которого первый президент уже назвал своим преемником.

В последний летний месяц последнего года века депутатами Государственной Думы большинством в две трети он был утверждён председателем Правительства. А в конце года изложил своё видение будущего России.

Между этими двумя событиями были месяцы напряжённой работы его советников: учёных, практиков, специалистов в разных отраслях экономики. Он отдавал себе отчёт, какую непосильную одному ношу берёт на себя, но верил в своих единомышленников, соратников, коллег. Верил в поддержку тех, кто уже освоил новые правила взаимоотношений в капиталистической формации. Верил в то, что сможет их убедить (а если потребует, и заставить) своё умение, энергию, уже приобретённый капитал, пусть, как правило, нажитый не собственным трудом и талантом, а приближенностью к тем, кто в своё время общие богатства народа, страны распределял, вложить в укрепление государства. Но, с другой стороны, если нынешние олигархи, миллиардеры и миллионеры, получили в свою собственность «газеты, заводы и пароходы», как писал поэт революции, правда, другой, социалистической, значит, это и была цель их жизни, реализация их мечты. И ради её достижения они и боролись с прежним строем и властью, а теперь выгадывали, рисковали, обманывали, убирали конкурентов. Это, конечно же, несправедливо, преступно, но во всём мире, на всех материках есть люди, которые молятся именно этому божеству - деньгам - и готовы расплачиваться за владение материальным богатством даже бессмертием души, не страшась судного дня.

Карл Маркс был прав, разглядев в капитализме отрицание человечества. И Ленин был прав, не сомневаясь, что капитализм - это тупик развития человечества. Но социализм тоже оказался тупиком.

Когда-то он, теперь премьер-министр страны, умудрившейся в одно столетие примерить три разные формации, знакомился с философскими теориями развития человечества и сейчас склонялся к тому, что ближе остальных к истине были те, кто говорил о конвергенции, соединении опыта двух формаций в обществе. Правда, это было, да и оставалось сейчас, лишь теорией. На практике же страна уже почти десятилетие пребывала в состоянии шарахания между капитализмом, с его заполненными магазинами, рыночной экономикой, свободой каждого от всех и всех от каждого, конкуренцией, больше напоминающей драку без правил, беззаконием, насилием, неуверенностью в завтрашнем дне не только бедных, которых с каждым днём становилось всё больше, но и богатых, осознающих несправедливость добытого богатства, и так и недостроенным социализмом, который прежде ассоциировался с застоём, впадшим в маразм генсеком, почти закрытыми границами, пустыми магазинами и дефицитом всего, но теперь уже вспоминался стабильностью, безопасностью, верой в государство, уверенностью в дне завтрашнем и даже справедливостью.

Он понимал, что ему выпали непростое время и непростая задача перехода страны на новый уровень развития. А в глубине души жило не проявленное, до конца пока не понятое, но уже зреющее осознание, что ему необходимо найти верный путь не только для одной страны. А для этого нужно было консолидировать все интеллектуальные и физические силы его ближайшего окружения, а через них и народа, и направить в сторону созидания.

Он не сомневался, что всё получится, поставив перед собой и правительством задачу войти в число стран - лидеров по уровню жизни, для чего нужно было приращивать внутренний валовой продукт если не на десять процентов ежегодно, то хотя бы на семь-восемь. А для этого необходимо было соединить универсальные принципы рыночной экономики, возможности современных технологий и свободного, демократического общества с реалиями своей страны. Изменения назрели, они были жизненно необходимы: дикий, а затем олигархический капитализм выпестовал не то общество, о котором мечтали романтики-диссиденты социалистической державы. На смену несправедливо разбогатевшим к реальной власти пришёл стано-вой класс любого государства - бюрократический аппарат, не владеющий ничем, кроме фискально-разрешительных функций, и тем самым владеющий всем. Это был самый подтачивающий государство, самый пессимистичный, даже трагичный, вариант развития.

Но изменения, которые придётся осуществлять, он видел исключительно эволюционные, поступательные, никаких более революций и катаклизмов. Но в то же время нельзя и копировать опыт других государств, у его страны всё же свой путь. И традиционными ценностями для россиян были и остаются: патриотизм, держав-

ность, государственничество, социальная солидарность. Равенство и братство остались в прошлом.

Конечно же нужно усиливать государственную власть. «Государства там и столько, сколько необходимо; свободы там и столько, сколько нужно». А ещё не на словах, на деле формировать гражданское общество, повышать роль судов, бороться с коррупцией и стимулировать экономический рост всех форм собственности.

А главное, сочетать тактику и стратегию, чтобы не топтаться на месте, решая исключительно сиюминутные задачи.

И нужно было ещё поддерживать село, фактически возродить его, хотя многие советники и члены правительства считали эту отрасль дырой, куда безрезультатно закачиваются деньги, иное дело - сырьевой сектор. А ещё он считал необходимым поддерживать малоэффективные с точки зрения прагматичного капитализма образование, культуру, здравоохранение.

Он вынес тезис о том, что «нездоровые, малообразованные и невежественные люди» не смогут намеченные планы осуществить, в конце своей программной статьи, отдавая себе отчёт, как непросто будет убедить тех, кто сегодня владеет большей частью некогда общегосударственной собственности и видит в человеке всего лишь инструмент для создания прибыли, заставить раскошелиться, вложить капиталы именно в эти сферы. Он понимал, как трудно будет преодолеть идеологию наживы, идеологию благоденствия одного за счёт многих, занявшую место идеологии коммунистического благоденствия всех, достигаемого общими усилиями, изжить идеологию реального превалирования капитала над человеком при декларировании, что главной ценностью общества потребления является именно человек.

Он честно отразил в своей программной статье, как видел и как понимал реальность, указал, как и через что будет сохранять и усиливать страну, в которой родился, рос, учился, набирался опыта и теперь вот берёт ответственность за её будущее.

И признался наконец самому себе, что исподволь готовился к этому. И даже, может быть, не с переезда в Москву, а с самого начала, с выбора своей профессии, которая позволяла знать то, чего не знало большинство, с верного служения Отчизне. И более осознанно, когда работал в команде Демократа. Нет, тогда он ещё не был готов управлять страной, но большим городом управлял. И, пожалуй, именно тогда возникло это внутреннее понимание своей силы, появилась уверенность, что сможет лучше многих в правительстве, в администрации президента.

В последний день года и века первый президент передал свои полномочия преемнику, который до выборов должен был исполнять обязанности президента.

В свою очередь преемник в числе первых издал указ о гарантии неприкосновенности бывшему президенту и, естественно, всему немалому семейству, куда входили не только жена и дочь. Но таково было его слово, данное экс-президенту, а слово он всегда держал. Поэтому не забыл и об опальном Демократе, предложив тому стать доверенным лицом, ну а потом, после выборов, разделять ношу власти на той должности, которую тот посчитает по плечу.

9

Человек только воображает из себя, тищится, играет в суперменство, а на самом деле он всего лишь песчинка в вихре Времени. И этот вихрь подвластен неведомо кому. Может, тому же Богу. Нечто же правит всеми нами независимо от цвета кожи, места обитания, принадлежности к нации. И мечутся в этом вихре все одинаково: и именные, и безымянные, и большие, видимые на отдалении, и вовсе мелкие, незаметные, только каждый по своей орбите.

Так думал Летописцев в канун начала нового века - миллениума.

Начало любого отсчёта - это сверка знакомого с чем-то пока неизвестным, что ещё только будет, только зарождается. Миллениум - это генеральная сверка для всех живущих, ибо раздвигается время не на годы - на десятилетия, на век. И, как Летописцев теперь понимал, не только на век грядущий, но и на век минувший - удивительный, значимый. Во всяком случае, для России и европейской цивилизации. Век, потрясший основы прежней жизни, перемоловший миллионы судеб, обозначенный великими столкновениями идейных противоречий и яркого противостояния счастья для всех и счастья для себя, объединения и разделения. Увы, всеобщее счастье в конечном итоге оказалось более хрупким. Может быть, потому, что ещё не вызрело человеческое сообщество для его достижения.

Это если судить лично, но масштабно, поднявшись над обыденностью. А ежели опуститься на грешную землю, оглядеться, то привычнее считать потери и приобретения.

Утратили одну большую державу, сохранили уменьшившуюся страну. Отказались от большой мечты дедов, обрели мещанское счастье товарного изобилия.

Забыли о равенстве и братстве, получили одиночество.

Да от многого ещё отказались, а вот приобрели очевидно не равноценное утраченному. Оттого и точит что-то человека, не даёт ему ощущения счастья. Оттого и ломались, коверкались судьбы многих, кого он знал прежде.

Канули в прошлое, затерялись в вихре петербургские Художник и Монархист. Первый, не желающий приспособливаться к переменам, а может, не способный это сделать в силу своих душевных размеров, обменял талант на первобытное забытье. А может,

просто остро осознал свою несоразмерность с ограниченным пространством, в котором существовал. Он избавился от студии и от всех, кого знал, и некоторое время бродил неприкаянно под капризным небом города Петра. Пока не канул в Лету.

Монархист же, чутко уловивший начало утраты интереса к породистому прошлому, ибо немногочисленным оказалось потомство, понимающее значение монархии, - семидесятилетие братства и равенства выветрило родовую память - традиционно нашёл единомышленников за пределами страны.

Об этом Летописцев знал от Философа, который наконец-то обрёл предназначенное ему: кафедру в одном из вузов северной столицы, с которой мог вразумлять уже не детей, потому что собственные и дети его ровесников уже выросли и стали потерянными поколением, а внуков. Впрочем, он разницы не замечал, потому что жил в своём, прежде не признаваемом, а теперь признанном мире, в котором была ясна и первопричина, и истинный путь, и не пугал никакой вихрь.

Что же касается самого Летописцева, то он вдруг осознал, что утратил интерес к познанию капитализма как комфортной среды существования. В его мир вдруг ворвался интернет, с его непроявленным пока будущим, и он вдруг осознал, что большая часть жизни осталась в прошлом, что о ней стоит рассказать, и даже начал писать что-то длинное, эпическое. И наряду с этим погружением в знакомое и пережитое поддался чарам безграничности нового пространства общения и, сообразно веяниям будущего, приучался к телеграфному сочинительству.

Остались в прошлом иллюзии не только Летописцева, но и Математика, который так и не вычислил алгоритм обогащения, а пошёл в подручные к «полковнику» и пару лет блаженствовал, удовлетворив все свои, в общем-то невеликие потребности: приобрёл домик в подмосковной деревеньке, начинил его современной оргтехникой и всяческими новинками связи и в свободное время предавался познавательной праздности. Но через пару лет «полковник» неожиданно прогорел, неудачно вложившись в перпетуум-мобиле или то, что могло им стать, и пришлось Математику отказаться от деревенской праздности, вернуться в свою однокомнатную квартиру и вновь искать чудодейственный рецепт скорого обогащения.

Правда, теперь Летописцев не мог ему ничем помочь, потому что и сам не стал настоящим капиталистом, не хватило требуемых для этого нечеловеческих качеств. А может, помешала приверженность к равенству и братству. Теперь он сам с трудом обеспечивал себя хлебом с тонким слоем маслица. И теперь более его занимали мысли, нежели дела, отчего пропал азарт познания

нагрянувшего капитализма и всё чаще наваливалась ностальгия по некогда столь привевшемуся социализму.

Да и вихрь тоже поутих к миллениуму. То ли иссякли все силы, то ли решил поднакопить их для новой круговерти. Впрочем, в провинции, из которой Летописцев так и не уехал, предпочтя тихое течение её жизни оголтелой и, как ему теперь казалось, бездумной стремительности столиц, не так крутило. Где красные, где белые, где монархисты, где демократы - здесь не так было важно. Временами только отзвуками столичных событий что-то взвирывалось, но ненадолго. Помелькает, пошумит транспарантами или митингами и оседет. И в этой медлительности, в этом нежелании бурлить по пустякам. Летописцев видел ту самую неизбежность и вечность бытия, которые вдруг стали нравиться больше, нежели недавнее движение.

Но он понимал, что возврата в прошлое уже не будет. Река времени не бежит вспять. И что-то, что наконец удовлетворит избавившийся от иллюзий народ, всё же произойдет в новом веке. Тем более на стыке двух веков столь символично ушёл вождь вихревых лет. Подал в отставку первый президент, найдя себе преемника. Правда, преемник был из ведомства с тяжёлой историей, в котором оперился и которое последнее время возглавлял, отчего сомнения тоже имели место. Но надежда всё же перевешивала.

С кем, скажи, тебе дружить

Он набрал больше пятидесяти процентов в первом туре и стал полноправным Президентом.

Отдавал себе отчет, что одному ему не справиться с проблемами, которые стояли перед правительством, страной, не выполнить того, что обещал народу. Что многое будет зависеть от команды, той самой исполнительной власти, роль которой обозначил в своей программной статье как самую важную. Понимал, что собрать команду следует, исходя из им самим сформулированного тезиса о необходимости сильной государственной власти. И таких, способных быть сильными порознь и многократно сильнее вместе, он мог найти только в своём окружении, среди тех, с кем так или иначе, в то или иное время пересекались их судьбы. Они должны были разделять его взгляды, цели и быть способны решить поставленные задачи. Впрочем, последнее было желаемым, но не обязательным, потому что какими способностями должен был обладать каждый из них, и в первую очередь он сам как Президент, пока представлял смутно.

Но было очевидно, что председатель его правительства должен быть исключительно исполнителем намеченной программы, фактически его главным помощником внутри страны. То есть ответственным исполнителем без каких-либо амбиций, склонности к

самостоятельности. И в то же время с полной отдачей и грамотно воплощающий намеченное.

Всё это он понимал, но за время работы в Кремле не успел приблизить тех, кого бы хотел. К тому же нужно было исходить из обещания, данного первому президенту, преемственности не только прежней политики с ориентацией на демократию и рынок, но и соратников того. И нужно было решать первоочередные задачи, на которые было нацелено прежнее правительство. Необходимо было избавиться от удавки внешних долгов. А этим плотно занимался Дорожник. У него неплохо получалось. Он договорился с кредиторами Парижского и Лондонского клубов об отсрочке долговых платежей и реструктуризации долга СССР, довольно ловко урегулировал отношения с частными банками и кредиторами по внутреннему государственному долгу после дефолта в девяносто восьмом году. Его даже окрестили «главным финансовым дипломатом».

Президенту нравилось его знание предмета, умение мягко добиваться своего. Но более всего были важны его обширные связи с финансовыми кругами мира. Прежде Дорожник работал министром финансов, заместителем председателя правительства, и лучшего премьер-министра пока не стоило и искать. Дорожник был его первым заместителем, когда он исполнял обязанности президента и председателя правительства, поэтому назначение того председателем нового правительства стало закономерным шагом.

Они обговорили первоочередные действия, найдя согласие по многим вопросам, а в некоторых Дорожник был даже более сведущ, и Президент предоставил ему возможность доказать свою правоту: главное, чтобы был экономический рост.

...Назревших реформ было предостаточно. Налоговая, пенсионная, страхования, банковских вкладов, поддержки сельского хозяйства... К тому же нужно было определиться с самым острым для россиян вопросом - с правом собственности на землю. Признание частной собственности на то, что принадлежало всем, без которого капитализма не могло быть, закономерное и необходимое для тесных европейских государств, народом, обладающим самой большой территорией, не понималось и вызывало протест на ментальном, подсознательном уровне. К тому же ещё совсем недавно в социалистическом государстве всё, кроме сельскохозяйственных угодий, территорий предприятий и частных домовладений с клочком земли, принадлежало государству, то есть всем, и было доступно каждому. И это уравнивало и самого богатого, и самого бедного.

Президент понимал это и сам себя ловил на несогласии с тем, что не созданное человеком: недра, реки, леса - может быть чьей-то собственностью. Но это был один из основных законов капитализма, и

он не мог отменить его. Но должен был остановить разбазаривание главных богатств страны.

Администрация президента была штабом управления государством, это он знал по собственному опыту. Именно здесь шла работа по подбору кадров, анализу внутренней и внешней обстановки, прогнозированию. Именно здесь был центр принятия решений, и от его дееспособности зависело будущее. И здесь должны были работать его единомышленники. Но поменять руководителя администрации, назначенного первым президентом, он не мог. Дал слово. К тому же Кардинал был одним из тех, кто одобрил его как преемника...

Решив не менять конфигурацию правительства, он занялся выстраиванием политической архитектуры новой страны. Но прежде чем приступить к реализации реформ в этой видимой всем сфере, нужно было вернуть под свой контроль наиболее влиятельные средства массовой информации. И прежде всего телевидение. Самые крупные каналы теперь принадлежали медиамагнатам Берёзе и Гусю. Оба были вхожи в Кремль и поспешили поздравить его, сначала с назначением преемником, а затем и с народной поддержкой на выборах, довольно прозрачно намекая, что готовы сотрудничать к обоюдной выгоде сторон.

Он помнил предупреждение первого президента, да и сам прекрасно понимал, к чему ведут подобные отношения. Обладатели неожиданно-негаданно свалившихся на них миллионов и миллиардов быстро нашли понимание между собой, объединились и, уверовав в безграничную власть денег, создавали своё государство, в котором власть должна была выполнять роль их услуги, и не более.

Нужно было предупредить их заговор.

И он не стал медлить. Сразу после инаугурации прошли обыски в холдинге Гуся. Поводов нашлось предостаточно, а сам владелец был арестован. В «Матросской тишине» он довольно быстро понял, что от него требуется, выговорил себе на безбедную жизнь в другой стране и, уступив свои акции государственной корпорации, уехал на землю обетованную.

Берёза оказался хитрее. Он быстро понял, что умный собеседник и желанный гость в его доме в прежние времена, а теперь Президент будет верно служить государству. Он продаёт контрольный пакет главного канала страны опять же государственной корпорации, закрывает другой, полностью принадлежащий ему, и перебирается в Лондон.

Вернув самые многомиллионные телеканалы под государственный контроль и тем самым обезопасив власть, можно было теперь перейти и к усмирению других олигархов, прежде всего нефтяных. Среди них были молодые и амбициозные из бывших комсомольских лидеров, возмнившие себя вершителями судеб. Тут ничего и придум-

мывать не пришлось - за большими деньгами всегда шлейф неблагоприятных дел, а зачастую и преступлений. Тех, кто принял предложенные условия невмешательства в политику, оставили в покое. Ну а кто переоценил собственные силы и возможности и недооценил власть и Президента, львиную часть своего богатства потеряли, а кое-кому пришлось надолго отправиться за колючий забор...

Наряду с устранением тех, кого он без всякого сомнения считал именно врагами, - нет, не своими личными, Отчизны, которой он служил с юных лет, - Президент взялся за реализацию изложенных в программной статье задач.

И всё-таки к завершению первого срока президентства пришло осознание того, что решить поставленные задачи будет непросто. Он недооценил врагов своей страны. Недооценил не только тех, кто находился за её пределами и кто соблазнил рыночной экономикой, которая «сама всё регулирует», и ещё недавно так дружно зазывал первого и последнего президента СССР и первого президента России в семью западных лидеров, но и пятую колонну внутри страны.

Да, он сумел утихомирить Чечню. Сумел выстроить отношения с её лидером, ещё недавно ярким сепаратистом, а теперь убеждающим бывших своих соратников по борьбе за независимость Ичкерии сложить оружие и возрождать разрушенную войной республику в составе России. Да, это требовало больших денег в ущерб другим территориям, но на смену войне и угрозе развала страны пришёл мир, и это было важнее.

Гибель подлодки «Курск» стала важным уроком, показав, что в его стране в подобных ситуациях вести себя так, как вели себя и ведут некоторые лидеры, не прерывая намеченных ранее дел или отпуска, непозволительно. Он сделал вывод, что брать пример ни с кого не следует, что нужно принимать решения и поступать, исходя исключительно из собственного понимания народа страны, в которой живёшь, и её многовековой истории.

Но чем больше он укреплялся в необходимости обретения самостоятельности, а не бездумного подражания, перенимания опыта «цивилизованного Запада», тем больше возникало разногласий с председателем правительства. Дорожник, обросший зарубежными связями и принявший за чистую монету превозношение его экономической политики иностранными советниками и доморощенными олигархами, стал игнорировать предложения Президента, реализуя собственные планы, которые соответствовали чаяниям транснационального капитала. И даже выступил в защиту опальных олигархов. Вокруг премьера стала формироваться оппозиция влиятельных бизнесменов-промышленников, видевших его новым президентом. Ему была гарантирована поддержка из-за рубежа. В свою очередь Дорожник обещал взаимодействие с зарубежными, и

прежде всего западными, правительствами с учётом их экономических интересов.

Всё двойственное становилась и позиция Кардинала, руководителя администрации президента. С одной стороны, он был сторонником управляемой демократии. С другой - считал, что проблемы, которые не решаются демократическим путём, следует решать недемократично. И сформулировав этот эзопов постулат, он не укрепил тем самым авторитета администрации и получил отторжение бизнесменов. К тому же привыкший при первом президенте исходить и поступать из собственного понимания ситуации, он не желал быть простым проводником идей. И в середине президентского срока подал в отставку.

Наконец-то Президент мог поставить на это одно из ключевых мест в государстве своего человека. И он остановил свой выбор на Кандидате, с которым они когда-то вместе начинали карьерное восхождение под опекой Демократа и которого, будучи председателем правительства, он рекомендовал на должность заместителя руководителя администрации аппарата правительства, под начало бывшего там руководителем, тоже соратника по работе в правительстве Петербурга - Прокурора.

А уже будучи исполняющим обязанности президента, сделал заместителем Кардинала и доверил возглавить свой предвыборный штаб. После выборов Кандидат закономерно стал первым заместителем Кардинала и вот теперь, после отставки Кардинала, занял его кабинет.

Это был верный ему член команды, надёжный исполнитель поручений, не претендующий на самостоятельность.

Он отправляет в отставку Дорожника за две недели до выборов.

Это было вынужденное решение, обоснованное полученной информацией о создании против него коалиции. И хотя к этому времени уже более подконтрольным стал Совет Федерации, отменены выборы губернаторов, и теперь вновь назначенные главы регионов были более управляемы, а выборы депутатов проводились исключительно по партийным спискам, и тем самым пропрезидентская партия гарантировала себе большинство в новом составе Государственной Думы, неожиданности исключить было нельзя. Он уже определился, откуда исходит главное сопротивление его начинаниям, направленным на укрепление государства. Он считал, что главной заботой его, президента, как гаранта конституционных прав является обеспечение независимости страны, её экономическое возрождение, а оказалось, что большую часть своего времени и сил приходится тратить на преодоление сопротивления именно здесь, на самом верхнем этаже власти. И его огорчало невыполнение мно-

гого из того, что он обещал, невыполнение данного народу слова. А это не было в его правилах, в его характере, и он не хотел, да и не мог отказываться от своих слов.

Подбирать нового председателя правительства времени не было, и Президент назначает фигуру промежуточную - технического премьера, калифа на час. Выбор пал на нечестолобивого заместителя председателя правительства, Доцента. Выходец с Урала, внук и сын репрессированных дедов и отца, строитель по образованию, тот в СССР был доцентом в институте, в девяностом году стал депутатом горсовета, откуда начался отсчёт его карьерного восхождения. Он здраво оценивал свои возможности, да и характером был мягковат для должности премьера, поэтому согласился побыть временно исполняющим, чтобы затем возглавить обещанное ему крупное министерство.

Но за десять дней до дня голосования Президент определился, кто станет премьером. Доцент стал министром, а кабинет председателя правительства занял Механик. Окончив в советское время с красным дипломом московский институт по специальности «инженер-механик», он работал в посольстве в Индии. Потом получил второе образование уже по внешней торговле, занимался экономическими связями, зарабатывал опыт в международных организациях, был министром экономических связей уже в новой России. Наконец, служил директором федеральной службы налоговой полиции. С одной стороны, фигура не публичная, с олигархами, против которых вёл борьбу Президент, не дружит, а значит, трудно найти компромат и избирателя не отпугнёт. С другой - проверенный человек, можно сказать, такой же чекист... Что же касается совпадения взглядов, то это будет видно на деле, не было времени подобрать надёжного единомышленника, главное было - не согласиться на кандидатуру чьего-либо ставленника.

К концу первого президентского срока стало очевидно, что бывшие комсомольские лидеры, нежданно-негаданно даже для самих себя ставшие миллиардерами, видят своей собственностью не только богатства страны, но и власть. В бывшем СССР при социалистических отношениях комсомольско-партийная карьера учила не только полезному для общества функционированию в системе государственной власти, но и предугадыванию будущих веяний в самой системе и использованию этого умения для карьерного восхождения и личного благополучия. Капитализм же первым делом отменил самый главный запрет. Запрет на ничем не ограниченную частную собственность. И не только разрешил иметь всё, что хочешь, но сделал его главным, доминирующим над всеми остальными законами смыслом существования человека и, естественно, общества. Теперь могла реализовать тайные помыслы если не вся, то значительная

часть партийно-комсомольско-советской номенклатуры, направив всю энергию и умение исключительно на достижение единственной и, в отличие от призрачного строительства коммунизма, понятной цели - обретение личного богатства.

Свято поверив в безграничную власть денег и ошалев от стремительного вхождения в мировой клуб держателей земных богатств, новые русские, как их окрестил народ, тем самым вычленив-выбросив из своей среды, быстро сообразили, какую прибыль таит в себе любая власть. А прибыль теперь была единственной целью и смыслом жизни. И нынешней власти, а прежде всего Президенту, отдающему себе отчёт, что любая власть существует исключительно благодаря тем, кто ей подвластен, а погоня за прибылью чревата распадом не только души, но и государства, нужно было незамедлительно не только отделить деньги от власти или хотя бы подчинить, но и продемонстрировать силу последней.

Для публичного наказания был выбран если не самый богатый, то самый амбициозный, не скрывающий своих претензий на власть владелец огромной нефтяной империи. Ходили слухи, что в своём кругу таких же ошалевших от свалившихся богатств знакомых он даже прямым текстом заявил, что любая власть продажна и у него достаточно денег, чтобы её приватизировать, как в своё время приватизировал, не без помощи, правда, старших товарищей, то, что было создано общим трудом не одного поколения граждан прежней страны и по справедливости принадлежало народу. Но народ, воспитанный и долго живущий в социалистическом заповеднике, где каждый был другом, товарищем и братом, только слышал о волчьих законах капитализма и не верил этому. А верил тому, что видел вокруг в социалистической отчизне: тотальное желание окружающих иметь то, чего не было в магазинах. А там практически не было ничего. И он с радостью поверил в волчьи сладкие речи, подкреплённые изобилием товаров...

На Олигарха были выпущены все имеющиеся у Президента неподкупные силы. И хотя их было не так много, - большая часть «слуг государевых», не скрывая своей продажности, предпочитала быть подкупной, - невзирая на мощное противостояние организованного хора хулителей демократии, правосудия и Президента как за рубежами страны, так и внутри неё, он спровадил- таки Олигарха, олицетворяющего всесильную власть денег, на нары.

Думал, что после этого займётся внутренними проблемами - было очевидно, что в стране всё не так, как виделось, когда он только примерял шапку Мономаха и, как теперь понимал, жил в грёзах, далёких от реалий. Образование, здравоохранение, жильё, сельское хозяйство - эти направления стали приоритетами. В помощь к Механику первым заместителем председателя правительства и на

обкатку, с перспективой на дальнейшее карьерное повышение, он ставит Кандидата. И поручает тому проведение реформ по этим четырём направлениям, обозначенным как национальные проекты. Кандидату он не только верил, он доверял ему. И не сомневался, что не утратит влияния на него, не тот характер. Может, конечно, взбрыкнуть, даже натворить глупостей, но чтобы стать вровень - жидковат, ни смелости, ни ума не хватает.

Незыблемый закон любой формации и любого этажа власти: заместитель должен быть глупее начальника, дабы не смог подсидеть.

Новым руководителем своей администрации после долгих размышлений - не взять ли кого из старой питерской когорты - назначил Уральца. Выбрали в пику недовольству московских чиновников во главе со столичным мэром, обвинявших Президента в пристрастии подбирать кадры среди питерских знакомых, и потому, что тот понравился деловитостью и характером. Послужной список тоже соответствовал принципам партийного подбора кадров, который он хорошо знал и результативность которого была проверена в былые времена. Был тот из уральских казаков-старообрядцев, уроженец нефтеносной области, после института, получив диплом инженера, поработал слесарем, бригадиром токарей, комсомольским функционером, председателем сельсовета, начальником жилищно-коммунального хозяйства... А во время перестройки дошёл до должности главы администрации города. Затем был председателем думы округа и, наконец, стал губернатором. Пятилетка его губернаторства была успешной для области. Правда, область была из самых доходных, нефтеносных. Он, естественно, приказал своей прежней службе проверить Уральца со всех сторон. И только после этого забрал в столицу.

Время неумолимо и стремительно. Казалось, только приступил к осуществлению выношенных планов по возрождению страны, только понял, какая ноша ему выпала, а уже и нет того запаса времени, который казался неисчерпаемым в начале. Оглядываясь назад можно, конечно, отметить достижения, пройденный им и страной путь, похвалить себя, что отвёл её и народ от края, за которым, распад и исчезновение тысячелетнего государства, но всё же он больше думал о том, что не успел сделать. И вспоминал свою программную статью в начале президентства, в которой так правильно и хорошо изложил, что обещает сделать. И не сделал...

Но не перекраивать же конституцию снова - не поймут ни враги, ни друзья. Он должен уйти хотя бы на один президентский срок. А потом вернуться: он привык сказанное выполнять...

Сначала он видел трёх претендентов, которые шли бы по наменченному им курсу. Но Механику явно не хватало тщеславия. Да

и характер никак не соответствовал. Два заместителя Механика, которых он знает давно и хорошо, - Кандидат, вечный его ученик, и Профи. Кандидат - первый заместитель председателя правительства - с национальными проектами справился, экономическую ситуацию в стране знает. Профи - министр обороны. И тот, и другой проверены многолетними отношениями, а Профи к тому же коллеги по прежней службе. Обоим Президент верил и доверял. Он их знал, но страна не знала.

Механик скоро понял, что является фигурой технической, всего лишь обладателем росчерка в правительственных документах, и накануне новых выборов попросился в отставку. Скрывать причину он не стал, но изложил её очень дипломатично, подчеркнув, что понимает, что не годится в преемники, и заверив, что не претендует на собственное выдвижение.

Президент оценил его прозорливость, понял нежелание утратить политический вес в случае отставки после выборов, и с обоюдного согласия Механик, уже имевший опыт руководства полувоенной структурой - налоговой полицией, возглавил службу внешней разведки.

Подходил к концу второй срок президентства. Пора было подумывать о будущем. Нет, не о собственном - о будущем страны. Впрочем, и о своём будущем тоже, потому что его будущее было теперь неразрывно связано со страной.

Он готов был работать, у него достаточно сил, есть желание, и, главное, уже немало сделано, чтобы реализовать сформулированные почти десятилетие назад планы. Обидно будет, если его преемник свернёт с курса или не справится.

- Это будет плохо, - соглашался с ним Кандидат.

- Боюсь, что тогда реализуется мечта о большой колонии для Европы, - веско предупреждал Профи.

И тот, и другой были его главными советчиками и оппонентами в оценках ситуации и выработке планов.

На оставшийся до выборов срок заведомо временного сидения в кресле председателя правительства дал согласие заместитель Механика, Колхозник. Он уже перешагнул пенсионный возраст, и побыть на этой должности для него значило остаться в истории страны пусть небольшой, но всё же обозначенной фигурой. Основная часть его трудовой биографии была связана с сельским хозяйством, где он после окончания сельскохозяйственного вуза дошёл до должности генерального директора объединения совхозов. А в девяностые они с Президентом вместе работали в мэрии Санкт-Петербурга. Затем Колхозник служил в разных ведомствах на значимых постах и так же, как до премьерства Механик, возглавлял Совет министров союзного государства России и Белоруссии.

Задач перед ним никаких не стояло: два претендента на должность президента уже проводили свои предвыборные кампании и следовало им только помогать.

За состязанием кандидатов на высший пост действующий Президент наблюдал со стороны, сначала оценивая шансы обоих как равные, но постепенно всё более отдавая предпочтение одному.

Кандидат хорошо подавал народу курируемые им национальные проекты. Профи, к тому времени сменивший министерский кабинет на кабинет первого заместителя председателя правительства, явно уступал. Возраст выхолащивает амбиции.

Он встречался и подолгу беседовал и с тем, и с другим. Ему важно было сохранить их отношения между собой и получить гарантии на будущее. Он прекрасно понимал, какие возможности будут у его преемника, как легко можно соблазниться неизмеримой властью, не устоять перед лестью алчущего окружения.

Наконец он сделал выбор: Кандидат был не только моложе, но и политически неконкурентоспособен. В нём не было той тайной пружины, которая неведомо как могла распрямиться при получении полной власти. Эту пружину он чувствовал у Профи. А возраст того подсказывал, что, став президентом, тот не станет играть в поддавки и постарается осуществить то, что думает сам.

Рокировка

Продуманное и хорошо организованное перемещение произошло без неожиданностей. Олигархи получили необходимые обещания от претендента на президентство и, соответственно, от претендента на пост премьера. Системная оппозиция, за эти годы успешно прирученная и прикормленная, - выторгованное на тайных переговорах. А несистемную не допустили, чтобы не баламутила народ. Избирательная комиссия и, соответственно, электорат правильно поняли, чего от них ждут, и всё прошло по прописанному сценарию.

Теперь уже бывший президент поздравил нового президента, который для него так и остался Кандидатом, с обманчивым вознесением, себя же - с избавлением на время от страхов, без которых никакая, даже самая маленькая власть, не бывает. Для него нынешнее премьерство было возвращением в не столь уж и далёкое прошлое, к привычным задачам, поэтому эйфории и новизны он не ощутил. Другое дело Кандидат. Несколько испуганный и одновременно с трудом скрывающий распирающую его гордость, он - ныне новый президент - пообещал бывшему советоваться с ним в любое время суток. Но, конечно, не по мелочам, у него собственных мыслей и планов, куда вести народ этой страны, было предостаточно. Как и своих, а не только общих для них двоих, друзей.

И кто знает, как воспользовался бы он этим багажом, если бы не неожиданное испытание, которое без помощи старшего товарища, многолетнего шефа и учителя пройти было трудно. Новый президент не успел поделиться с соратниками громадьём задуманного и, прежде всего, довести до логического конца, чтобы забыть о них, национальные проекты, которые он курировал в прежние года, как грянул грузино-осетинский конфликт.

Он не мог не посоветоваться.

И не стал скрывать коллегиальности решения о военной помощи осетинам. Но подчеркнул, что ответственен за это решение именно он. И когда ему, Верховному Главнокомандующему, было доложено о гибели российских миротворцев, ни минуты не колебался и отдал приказ на ответные действия. Так и подчеркнул - «ни минуты не колебался». Хотя все помнили, что прежний президент в своё время обещал «мочить в сортирах» террористов, и теперь узнавали знакомый почерк.

Победоносная война всегда укрепляет личную власть.

И она не должна ни с кем делиться.

На этот раз она была разделена.

В отличие от нового президента, премьер хорошо знал, что и как ему делать, и постарался не упустить время, собирая в свою команду уже проверенные, надёжные кадры.

Первого заместителя, Колхозника, назначенного на этот пост ещё при его президентстве, он оставил на своём месте: ему нужен был послушный и ответственный исполнитель, а Колхозник именно таким и был.

Не публичный и не претендующий на политическую значимость, но нравящийся ему своей деловитостью и умением добиваться результата Уралец стал главой администрации возглавляемого им правительства. Он хвалил себя за то, что в своё время разглядел того в провинции и сделал своим сторонником.

Верный и многократно проверенный Португалец теперь курировал самую денежную - нефтегазовую - отрасль.

На стратегической газовой трубе сидел знакомый ещё по Питеру и многократно проверенный Наш Человек.

А финансами заправлял, можно сказать, лучший друг - Финансист.

Решением оперативных вопросов занимался ещё один давний товарищ, Прокурор, деловую вьедливость которого новый старый премьер хорошо знал.

Пока новый президент пытался реализовать свои фантазии, которые не были значимо полезны, но безвредны, премьер стягивал экономическое пространство, расколотое, рассыпанное после рас-

пада СССР: с тремя государствами-соседями создал Таможенный союз, с прицелом на его расширение, выстроил отношения с ключевыми странами как на Западе, так и на Востоке. Собственно, он продолжал исполнять функции президента, тогда как новый президент занимался тем, чем занимался, будучи премьером: объединял университеты, мечтал о своей Силиконовой долине, продолжал заботиться о развитии сельского хозяйства и осуществлении жилищной реформы. Но в силу президентской должности проводил международные встречи и переговоры. И здесь его позиция соответствовала обговорённой ими ранее: он выступил против расширения НАТО, подписал договор о сокращении стратегического наступательного вооружения с США.

Кандидат всегда был хорошим учеником, и на форумах и встречах, где ему приходилось отстаивать интересы страны в международных отношениях, он не отступал от начертанного предыдущим президентом курса. И всегда ощущал поддержку старшего товарища и учителя. Правда, разохотившись и обрета почитателей и клевретов, вдруг сократил армию и переименовал милицию в полицию, назвав это реформой. И даже замахнулся было на борьбу с коррупцией. Но реформы видимых результатов не принесли, и даже наоборот. Бывший президент это видел, но понимал, что излишнее давление может дать обратный результат, и терпеливо ждал своего срока...

Тем более что самое основное, что от него требовалось, новый президент сделал: необходимые изменения в Конституцию, увеличивающие срок президентства и парламентаризма, были приняты и записаны в основном законе страны.

Так незаметно пролетели четыре года, приближалась новая рокировка. И хотя новый президент за этот срок оброс окружением, ему благодарным и желающим пользоваться своей близостью ещё один срок, он был верен данному четыре года назад слову. И также замолвил слово перед будущим старым-новым президентом страны о том же Футболисте, который при нём возглавлял министерство спорта. О Князе, руководившим при нём администрацией президента, а теперь оставшегося не у дел, потому что у будущего старого-нового были свои люди и он уже начал расставлять их на ключевые посты. Так Уралец стал мэром столицы, сменив хитроватого и независимого Лужка, который выторговал себе пенсионную неприкосновенность, хотя было за что того прижать. А Князя сменил Профи.

Перед новой рокировкой фигуры переставлялись согласно договоренностей и в общем-то бесконфликтно. Будущее настолько было прогнозируемо, что о реверсных переменах сообщили публично на съезде партии власти, зная, что подобная преемственность одобрена держателями основных богатств страны.

Это было так естественно и так привычно в их жизни последние годы, когда должности распределялись между друзьями и знакомыми и из этого не делалось тайны. Казалось, разве плохо, когда вот так прилюдно, на всю страну, без всякой секретности обменялись постами два человека, два высших руководителя государства.

Но народу это отчего-то не понравилось. Народ, он же электорат, почему-то не понял целесообразность и правильность такой рокировки. А часть держателей капитала убеждали нового президента пойти на второй срок, напоминая о его военной победе в короткой войне на юге и обещая победу на выборах над тем, кого он считал своим учителем. Это был большой соблазн, но Кандидат не стал рисковать.

И, невзирая на народный ропот и зреющий заговор капитала, всё получилось как планировалось: они вновь обменялись государственными постами.

Но остались на своих, сложившихся за эти годы ролях ведомого и ведущего. Такой тандем устраивал обоих.

10

Летописцев не мог припомнить, чтобы когда-либо прежде он так обижался. И объяснял это для себя тем, что обижался не только за себя как гражданина этой страны, но и за народ, волеизъявлением которого можно вот так цинично и бесцеремонно пренебречь.

А может, действительно, народ достоин тех правителей, которые есть.

Нет, не может быть, чтобы в тысячелетней истории его страны всегда всё делалось без воли народа. Ну, конечно же не может быть, тому есть и совсем недавние примеры: революционные перемены в начале и конце двадцатого века. Так он себя успокаивал, веря в высшую справедливость. Но переживал, что лишь малое количество народа выходило на улицы и площади, демонстрируя своё несогласие с игнорированием их волеизъявления. Он примкнул к этому меньшинству. Но их таких оказалось с горстку. Так, капля в море. Хотя они и считали себя сжатым кулаком и если не девятым валом, то штормовой волной.

И выходил он не только из-за обиды, но ещё потому, что вдруг ясно осознал: капитализм обескровливает народ. Он комфортен лишь для мизерной части человечества, помешанной на владении материальным, утратившей связь с вечностью, с осознанием конечности физического бытия и неотвратимости суда праведного за содеянное. То есть воплощающей собой олицетворение разжedaющей душу корысти.

Так думал Летописцев, пытаясь постичь психологию богачей, неведь откуда вдруг взявшихся в стране бывшего равенства и

братства, прибавших к рукам некогда им всем принадлежащее: недра, земли, воды и всё, что было создано - ошалевших от этого неожиданного приобретения, возмнивших себя избранными, элитой, поводырями народа глупого, ленивого. Словно не этот народ и созидал все те богатства, что вдруг стали принадлежать им.

Нет, капитализм, по его пониманию, основанному теперь не на теории, а на непосредственной жизненной, испытанной на собственной шкуре практике, не был прорывом вперёд. Скорее, это было отступлением, возвратом в прошлое, из которого почти век назад их деды и прадеды сумели вырваться, найдя в себе силы заглянуть в будущее, преодолевая немало лишений, но и обретя нечто более важное, чем довольство бранным существованием. И хотя он не разделял коммунистических убеждений, и даже скорее наоборот - был их оппонентом в безвозвратно ушедшем прошлом, но теперь ясно понимал силу духа предков и отдавал должное их дерзновенному броску.

Увы, то, что было по плечу им, оказалось непосильной ношей для их внуков.

Иллюзии от эйфории капиталистического материального изобилия постепенно рассеивались, обнажая суть новых взаимоотношений, в которых горьковское «Человек - это звучит гордо» уже никак не звучало, кроме как издевкой, где главным стало слово «капитал», и те, кто некогда пел дифирамбы переменам, нынче всё чаще винились за свершённое, искренне сознаваясь в глупости от незнания.

И каждый мыслящий мучительно размышлял о будущем, выстраивая свою индивидуальную конструкцию.

Местный Политик, в годы реформ переживший взлёт карьеры, внедрявший капиталистические отношения на самом верху региональной властной пирамиды и когда-то боготворивший частную собственность, а потом ушедший в оппозицию к власти, пришедшей на смену демократам-мечтателям, теперь был одержим идеей всенародного обогащения, не желая признавать праведность богатства для избранных. И не жалел времени, чтобы рассчитать индивидуальное богатство каждого живущего на сей момент, исходя из курсовой стоимости нефти и газа, этих богатств недр страны, несомненно принадлежащих по праву всем. И насчитал неплохо. Сто шестьдесят восемь с половиной тысяч долларов на одну душу. Начиная с младенца и заканчивая долгожителем. Таков был, по его мнению, стартовый капитал каждого живущего во всё ещё самой большой по пространственному измерению и самой богатой по тому, что было в земле, стране.

Политик уже мыслил капиталистическими категориями и не способен был на революцию даже в мыслях. И Летописцев понимал,

что слабость духа не позволяет тому воспарить над привычным, что тот уже окончательно обескрылен.

Сам же он, в отличие от Политика, всё более склонялся к необходимости перемен революционных. Нет, не к возврату в прошлое, это невозможно, как невозможно войти в одну и ту же реку, но в проникновение в идею предков. Постигание их одухотворённости от видения того будущего, которое должно было быть комфортным для всех без исключения. И ему казалось, что это вполне осуществимо, для чего даже не стоит ломать пусть ходульно и ущербно, но всё же уже выстроенное. Надо всего лишь немного подправить. Надо только богатеям вернуть понимание неизбежности конечности и тленности материальных богатств. Объяснить абсурдность владения ненужными вещами. Он вынашивал идею истинного коммунизма, в котором каждому действительно воздастся по потребностям. И первым шагом к этому вождельному будущему, как видел он, должен был стать отказ от частной собственности. И не нужно ничего ни у кого экспроприировать, нужно всего лишь частное сделать общим, наделив всех богачеев правом брать всё, что пожелают - безвозмездно из этого общего. Взял самолёт, пролетел куда хотел, и там оставил - пусть пользуется следующий богатеи. Поплавал на яхте - оставь её в бухте для следующего, зачем она будет простаивать, считаясь твоей собственностью и требуя затрат?

Летописцев отдавал себе отчёт, что подобная идея утопична и вряд ли осуществима. Но тем не менее он считал это вполне реальным в будущем входом в заветную страну под названием «коммунизм». И пусть этот вход не мог быть таким широким, чтобы пропустить сразу всех желающих, как мечталось-виделось дедам и прадедам, но всё же он был возможен. Жаль, конечно, что не для честного и праведного, а скорее наоборот...

Он соблазнился этой утопией и даже стал её научно расписывать, уподобляясь Политику и погружаясь в математические выкладки, прикидывая, каков должен быть необходимый капитал, чтобы и честным членом общества было возможно брать всё желаемое по потребностям, но не в ущерб остальным и стране, но скоро понял, что это уже не его дело. Скорее это уже утопия более молодых поколений. Идущих следом...

Шапка Мономаха

И всё же не всё прошло так гладко, как в первый раз. Вышедший на улицы электорат, возомнивший себя народом, заставил всерьёз поволноваться. Поэтому когда стал известен результат выборов, он, теперь уже настоящий Президент, хорошо осознающий свою историческую роль и глубоко убеждённый в верности намеченного им

для страны пути, на глазах у народа, поверившего в него, расчувствовался, не сдержал слёз благодарности. И тем самым словно дал клятву самому себе довести начатое до конца, хотя уже понимал, с каким противостоянием столкнётся не только за пределами страны, но и внутри неё. Правда, теперь у него не четыре, а шесть лет впереди и, возможно, следующие шесть. А за двенадцать лет можно сделать немало. К тому же многое было начато в далёкие уже дни в самом начале его первого президентства.

Будучи премьером, но уже вновь примериваясь к шапке Мономаха, он в первую очередь разобрался, в каком состоянии находятся армия и военно-промышленный комплекс страны. За пять лет службы пусть и в социалистической, но западной стране он понял, чем чреваты братские объятия новых друзей России, и отдавал себе отчёт, что как только нечем будет противостоять этим объятиям, они задушат, не колеблясь.

«Не хочешь кормить свою армию - будешь кормить чужую» - эту истину он хорошо помнил, поэтому когда-то начал своё первое президентское правление с непосредственного курирования разработок военных программ и нового оружия, понимая, что только опередив убаюканных победой в холодной войне алчущих российских просторов, можно сохранить государство. А будучи премьером, плотно занимался отладкой разбалансированных связей в экономике. И минувшее десятилетие невидимой и незнаемой большинством работы принесло свои результаты.

Но он не обольщался: желающих владеть богатствами большой страны за эти годы не убавилось, и вышедшая перед выборами на улицы пятая колонна, как его убеждали, подтверждала неизменность прежних планов тех, кто давно уже подсчитал, поделит и определит своей собственностью богатства тысячелетнего государства.

Кандидат в роли председателя правительства его устраивал. За минувшие годы совместной работы они хорошо узнали друг друга. Правда, за срок собственного президентства тот не устоял против лести, возомнил о себе и стал обострённо принимать любую критику в свой адрес. Но в личных встречах они старались избегать тем, которые видели по-разному, а для нивелирования противоречий было достаточно дипломатичных друзей.

Какое-то время премьер пытался вести свою линию, проявлять самостоятельность, но скоро понял, что не справится с этой ролью, - былые президентские амбиции до поры до времени нужно подавить и смириться со своей второстепенной ролью исполнителя чужих идей и решений.

И в их отношениях наступил период равновесия. Но далеко не полного единодушия во взглядах на будущее страны.

Первым делом старый новый Президент поставил своих людей на силовые структуры - опору любой власти. Он давно присматривался к Тувинцу, сумевшему из гражданской организации, призванной справляться с последствиями всяческих чрезвычайных происшествий, сделать если не армию, то во всяком случае полувоенную структуру. У него, бывшего строителя, уроженца далёкой сибирской национальной республики, это неплохо получалось. Кроме того, он почти напрочь был лишён раздутых амбиций, соответствовал тому понятию крепкого и надёжного друга, как это видел Президент.

Тувинцу он доверял и назначил его министром обороны.

Что касается внутренних войск, то ряды этого министерства ещё предстояло хорошо вычистить от кумовства и коррупции. И эту задачу он и поставил перед новым министром.

Надо бы всерьёз взяться и за судебную систему, но это было чревато тем, что эта ветвь власти возомнит себя главной, как в Соединённых Штатах, где даже президенту приходится перед ней расшаркиваться. С перениманием такого опыта не стоит торопиться.

Но противовес репрессивному аппарату был необходим, он это понимал, и таким противовесом могла бы стать четвёртая власть - средства массовой информации. Правда, она могла расшатать устои пока ещё слабого государственного здания, ей пока не следовало давать волю.

С другой стороны, надо что-то делать, чтобы не топтаться на месте, не вызывать недовольства народа, не зависеть исключительно от сотни богачей, которые так и пробуют власть на прочность и не менее опасны, чем бунтующий народ.

Одним словом, придётся вертеться между двух огней.

Многолетние переговоры и уступки наконец привели к долгожданному вступлению во Всемирную торговую организацию. Экспортёры не скрывали своего довольства свершившимся доступом к рынкам других стран. Особенно радовались газовики, нефтяники, металлурги и алюминиевый король. Но если где-то кому-то очень хорошо и богато, значит у кого-то карман прохудился...

Под напором импорта начало падать сельское хозяйство, которое все эти годы как-то перебивалось, выживало. Радужные разговоры о спасительном фермерстве постепенно стихли. Строительный и торговый бизнесы были наиболее востребуемыми и надёжными, то есть более привлекательными для инвесторов. Другое дело что они уступали в доходности и скорости обогащения игре на валютной бирже. Но постоянно делать бумажки посредством других бумажек уже надоедало, размаха желаемого не было.

Одним словом, если все плюсы и минусы сложить, то скорее от этого вступления в ВТО в целом страна не выиграла, слишком не-

выгодными были условия, на которых её приняли, особенно по ограничению поддержки собственного сельского хозяйства. Не хотелось европейцам и американцам возвращаться в восьмидесятые годы, когда избыток товаров породил массовую безработицу и недовольство в их странах. Тогда вовремя развалилась империя СССР, открылся гигантский рынок сбыта, получилась самая эффективная за все века схема товарной колонизации огромных территорий.

Но порадовались через средства массовой информации этому событию, вступлению в общую семью торгующих народов. Хотя уже было очевидно, что лозунг «Рынок всё отрегулирует» оказался напроцуж лживым, государственные и полугосударственные структуры давили независимых производителей, предпочитая иметь отношения с зарубежными партнёрами. А их топ-менеджеры - иметь запасные аэродромы в других странах. И прежде всего в кичащейся своим правосудием и, наконец-то сумевшей что-то выиграть в многовековом противостоянии с нецивилизованной Россией Великобритании. И никто не торопился открывать свои рынки для прочих, кроме сырьевых, товаров.

С одной стороны, приходило понимание, какую роль навязывают России глобальные корпорации и финансовые группы, чьи планы озвучивают и проводят лоббисты в правительстве и парламенте, а с другой - ложь да лесть легко принять за правду, особенно когда тебя хвалят глобально, с придыханием...

Хороший инструмент для оболванивания - рейтинги. И ох как обольстительны. Вот и его, Президента, теперь уже не державы, а развивающейся страны в этом самом рейтинге года назвали политиком номер один. Хотя и понимает, для чего всё это делается, но всё равно лестно, поглаживает самолюбие. И средства массовой информации донесли это в самые отдалённые уголки необъятной и никак не поднимающейся на намеченные и обещанные рубежи страны.

Теперь он всё это понимает гораздо лучше, чем во времена своей чекистской молодости. Да и знает неизмеримо больше того, чего другим вовсе не дано знать. И осознаёт, что народ нужно встряхнуть, поднять дух, патриотизм всколыхнуть, как это уже было в бытность президентом Кандидата. Быстротечная победная война - это всегда непобиваемый главный козырь. Тогда решение было совместным и не без согласования с другими значимыми членами команды. Получилось весьма эффективно. С одной стороны, нездоровые амбиции наказали, а заодно два буферных минигосударства приобрели.

Никак не могла определиться, в какую сторону идти братская Украина. Некогда окраина России, возомнившая себя, как и при первых атаманах, самостоятельным политическим игроком. Ну как же, Киев - мать городов русских. По истории во все времена дружи-

ли атаманы то с русским царём, то с поляками, то с турками. Одним словом, с теми, с кем сторговывались на своих условиях. Эта политика торга себя оправдала и в СССР, много своих посланцев имели представители союзной республики в центральной власти и много выторговали для своей независимой. Выторговали и вознеслись, решив порвать отношения со своим «большим братом» и задружить по-настоящему с заокеанским «мировым жандармом», как называли Соединённые Штаты в советской стране, если кто ещё помнил.

Президент помнил.

И не только помнил, но и хорошо знал о планах правительства братьев-соседей и втайне сожалел, что генеральные секретари в своё время прирезали к малой окраине ещё немало собственных завоеванных земель. Ладно уж Новороссию не вернуть, хотя, Одессу, конечно жаль - брендовый всё-таки город, но Крым никак нельзя было отдавать. А в Киеве, похоже, готовы были пойти на любую сделку с американцами, похоже, там не знали, что делать со строптивыми крымчанами, и согласны были отдать если не весь полуостров, то Севастополь под военную базу заморским друзьям. А это значило стратегически потерять если не всё Чёрное море, то существенную его часть. И уподобиться изолированной колонии.

В глубочайшей тайне готовилось сражение за Крым. Ему регулярно докладывали о положении на этом сакральном полуострове. Настроение крымчан способствовало подготовке возвращения полуострова и грамотно подогревалось привлечёнными к этому гражданскими институтами. Бунт на полуострове назревал. Но было очевидно, что власть в Киеве пойдёт на самые жёсткие меры и набрать силы народному восстанию не даст. Медлить было нельзя.

Он решил это почти спонтанно. Вдруг понял, что настал тот самый час, когда не только можно, но и нужно действовать решительно и незамедлительно.

Тувинец сказал, что армия готова. На всякий случай - мало ли что взбрёт в голову заокеанским кураторам.

И Президент отдал приказ.

И всё свершилось на удивление быстро и без ожидаемых эксцессов: просто вышедшему народу немного помогли. А дальше, реализация итогов референдума и стремительное наступление собственного капитала на открывшиеся просторы для перспективного бизнеса.

Он вместе с народом разделял бескорыстную радость возвращения полуострова «в родную гавань». Патриотизм был ожидаемым, но не такой силы: всё же крымчане искренне желали воссоединения и сумели своей радостью заразить всю страну. Это была пандемия, которую он приветствовал с удовлетворением хорошо сделанной работы.

Всенародная радость переросла в эмоциональный подъём и ощутимо повысила самооценку народа, уже было согнувшегося под прессингом врагов и собственной пятой колонны, обвиняющей народ русский не больше не меньше как в недееспособности, заложённой в генетическом коде. Это о народе с более чем тысячелетней историей государственности.

Рванулся вслед за Крымом Донбасс, да и Новороссия приподнялась предстартово. И тут пришлось много размышлять, сопоставлять, изучать ситуацию и возможные последствия дальнейшего вмешательства. С ближайшими подвижниками и советниками всё взвешивать. Решили: тем, кто уже вырвался, помогать, но в войну не ввязываться. Добровольцы - ради бога, пусть себе едут, хорошо, если из кадровых военных, обученных, с опытом: «двухсотые» не нужны стране, ещё не забыты афганская война и чеченские кампании. А так - дело личное каждого: кто брату поехал помогать, кто за любимую вступиться, а кто и подзаработать или со смертью поиграть.

Тем более, что настоящая война назревала совсем недалеко, в Сирии. К тому же война не разделяющая, а объединяющая и с европейскими странами, и с американцами: хорошо, когда единый враг для всех, он скрепляет.

- Хорошо бы проверить армию в реальных боевых условиях, - высказал своё мнение Тувинец. - Рано или поздно нам всё равно придётся силами меряться с нашими нынешними партнёрами.

Конечно, он сказал это более жёстко, конкретно, другими словами, но суть была понятна и разделяема всем Советом безопасности.

- А затраты? - напомнил премьер, который радел за каждый рубль, понимая, что всем всё равно никогда денег не хватит, а значит, уже соглашаясь на неизбежные траты.

- На учениях сэкономим, - негромко буркнул Тувинец, уже весь в мыслях о заботах нешуточных, не показушных, а самых настоящих военных: перебросить, обустроить, создать тылы, проверить технику. Но, несомненно, это лучше всяких учений. Ну а затраты, конечно, будут, но овчинка выделки стоит. - Отобъём потом через бизнес, - намекнул премьеру на кошельки толстосумов-олигархов.

Ну как с этим поспоришь? К тому же военные успехи на чужой территории тоже на патриотизм сработают.

«Да и пора начинать свою игру», - подумал Президент.

Он всё больше переставал принадлежать самому себе.

Собственно, он уже и не ощущал себя как такового, отдельно взятого индивидуума со своими заботами, радостями и огорчениями. За минувшие годы на вершине властной пирамиды он научился не только отстранённо воспринимать череду событий, не только градуировать их по значимости, отделяя те, на которые необходимо реагировать, от малозначимых или вовсе неразрешимых, не только

выключать эмоции, гасить чувства, но и полностью отдаваться государственным заботам.

Когда он это осознал, он официально прервал свой брак: теперь у него была новая жена - страна.

Даже оставаясь наедине, он уже не умел переключиться, уйти от сонма мыслей о делах вчерашних, сегодняшних, завтрашних. И всё было его службой протокола расписано, разложено, приготовлено для употребления и переработки. Он слушал, смотрел, читал, изучал, казалось, неподъёмный и неосмысляемый массив информации и принимал решения глобальные, отдавая на откуп своим соратникам, к которым уже настолько привык, что считал их своей составной частью, неотделимой и необходимой, хотя хорошо знал и их возможности, и грехи, более мелкие. И они отделяли его от народа, избавляя от суетного, незначимого. И он понимал, что это логично, это закономерно, потому что сделать счастливыми всех просто невозможно и всем никогда не угодишь. Плох тот полководец, который, боясь жертв, не настроен на победу. А он ощущал себя полководцем, которому во что бы то ни стало нужно победить.

Что поделаешь, но без жертв не бывает побед. И всегда в человеческой массе имеется тот самый балласт, который поддерживают исключительно для подтверждения гуманизма как индикатора цивилизованного общества, дабы не перейти черту, за которой человек становится нечеловеком. Но с этим балластом не будет прорыва, не будет движения вперёд, не будет успеха, и не следует тратить на него время и силы.

К сожалению, балласта в стране, которую он теперь созидал, было много. Правда, значительная его часть возникла в переходный революционный период совсем не по объективным причинам. В первые годы президентства у него нет-нет да и проскальзывала мысль, что следует устранить главную причину катастрофической расслоённости общества - результат неверной приватизации, несправедливый делёж общего. Но с годами эта мысль становилась всё глуше, он всё меньше находил её приверженцев в своём окружении. Скорее наоборот, те всё более укрепляли его в своей исторической избранности и нелёгкой роли созидателей страны, проводников в будущее. Такое же светлое, как и коммунизм, но под другим названием.

И всё-таки что-то не позволяло с этим согласиться полностью. Может быть, то, что он так и не смог до конца забыть своё детство, юность, да и начало зрелости в другой стране при другом экономическом укладе. На самом деле не такое уж оно и тёмное и несчастное, это социалистическое прошлое, как некоторые представляют, и даже наоборот, оно было светлым и оптимистичным, как и сама юность. И он помнил, что в начале своего президентства, в двухты-

сячном году, в одном из интервью сказал, что верит в человека. В добрые помыслы. В то, что каждый человек приходит в этот мир, чтобы творить добро.

Правда, теперь он не мог так сказать о каждом человеке.

И у народа, в его массе, была своя жизнь, свои мелкие заботы, несравнимые с его заботами.

Он теперь хорошо понимал вес шапки Мономаха, любил вспоминать о царствовавших особах, иногда перечитывая исторические страницы и сравнивая, сопоставляя время, проблемы, ситуацию.

А ещё он из атеистов за эти годы стал воцерковлённым человеком. И как знать, на вопрос: верит ли в высшие силы - как бы он ответил сегодня. Теперь он не сомневался, что не всё подвластно человеку, даже на его месте, на самом верху управленческой пирамиды.

И при всём своём желании он не мог ни разжать внешнее кольцо давления, ни изжить пятую колонну, ни заменить народ, который выпало вести в будущее. Он многое знал и противостоял насколько мог. Но велика уже была сила денег, привычным стало неравенство, породившее молчаливое сопротивление уже сложившемуся и даже закостеневшему порядку, который потерять он уже боялся.

Но вспыхивало недовольство то в одном, то в другом месте, накапливался протест, и нужно было его как-то гасить. Эффективнее всего, конечно, было бы перенаправлять, перепрограммировать, как и произошло с присоединением Крыма. Но к любой войне страна ещё не была готова в достаточной степени. И подготовка к отражению возможного неприятеля была его главной задачей, отчего он выпускал из-под контроля множество других, а когда энергия недовольства вот-вот готова была выплеснуться на улицы, летел в такие потенциальные очаги.

Он теперь жил в самолёте, ему было здесь комфортнее, чем во всех особняках и резиденциях, нигде больше он так не отдыхал, как в небесном движении. И он охотно отправлялся в путь по любому поводу, даже если подобная поездка и не была столь необходимой.

А ещё он понял, что любимым народом быть довольно легко. Надо просто иногда выделять из толпы кого-нибудь, желательно обиженного или немощного, и помогать. И обращая внимание на проблемы, затрагивающие большое количество людей, если не решать их, то хотя бы указывать во всеуслышание на виновных. Проблема останется, но утратит свою остроту.

Нет, великая сила в Слове. Не зря в Библии сказано «В начале было Слово».

И особенно важным оно становится перед выборами. Заканчивался очередной срок президентства, и он отдавал себе отчёт, что

так и не успел сделать многое из того, что обещал, что планировал. Да и оставлять страну невесть на кого, а он пока не видел равного себе, было бы безответственно.

А значит, нужно было примеривать шапку Мономаха ещё на один срок.

По всем опросам как верноподданных подчинённых, так и противников и даже откровенных врагов за пределами страны, соперничать с ним по-настоящему никто не мог. Примелькавшиеся за два десятилетия, так и не способные проклюнуться из скорлупы надоевших догм лидеры оппозиции лишь служили контрастным фоном, хозяева фабрик, заводов, пароходов и самолётов и, конечно, нефти и газа давно уже знали своё место и не рыпались, получив наглядный и впечатляющий урок, что будет с теми, кто возомнит о себе более, чем дозволено, несмотря на миллиарды. Правда, некогда покусившегося на власть олигарха пришлось спустя несколько лет отсидки выпустить из комфортабельной по всем европейским меркам камеры на свободу, хотя его предупреждали, что тот обещание не хаить власть не сдержит, спрячется за границами и не успокоится, будет гадить, отринув христианские ценности, о которых умел рассуждать с соответствующим христианским выражением лица. И если традиционные компаньоны-соперники вели себя предсказуемо пристойно, стараясь сохранить тот электорат, который позволял бы им и дальше числиться в действующих политиках, хотя давно уже были послушными пристяжными или же по мере необходимости рядились в тогу шута, то этот, забугорный, тратил свои деньги не бесцельно, добиваясь результата если не реального, то хотя бы виртуального.

Но тем не менее он уже тоже отыгранная фигура.

Иное дело - молодая поросль с её энергией максимализма и самонадеянностью недорослей. К тому же избалованная покровительством сильных мира сего, создавшая свой виртуально-визуальный мир и пленённая им, но возомнившая себя всё знающей и всё могущей.

Как дочь Демократа.

Он усмехнулся, вспомнив созданный политтехнологами и надоедливо тиражируемый всеми средствами коммуникаций имиджевый образ той девочки, которую в своё время брал на руки и гладил по головке, любимицу Демократа, который баловал дочь безмерно, не слушая друзей и даже жену, что тем самым испортит девочку, перехвалит, переласкает. Но тот как знал, что не увидит её взрослой, а значит, не огорчится, не повинится, не сможет приструнить её, возмнившую себя наследницей если не царской, то уж княжеской ветви несомненно, хотя и Демократ, и её мать в той оставшейся в прошлом большой стране, которую она знала лишь по пристрастным рассказам её низвергателей, вряд ли пробились бы на самый верх.

«Впрочем, я тоже мог бы застрять на подходе к этому самому верху», - самокритично подумал он, вспомнив свою карьеру в той, прежней, стране и теперь уже хорошо зная все потаённые ходы власти и отдавая себя отчёт, что он, тогдашний рядовой служака, хотя и не без профессионального таланта, но всё-таки без всемогущих связей и поддержки если бы и попал в число вершащих судьбы, то исключительно благодаря случаю.

Или, как теперь считал, Провидению, воле Всевышнего.

Впрочем, именно по этой воле, а не по желанию Демократа всё в дальнейшем и случилось. Хотя, конечно, кому-то нужно было его заметить, выделить, молвить словечко, внести в соответствующие анналы новую номенклатуру, продвинуть. Демократ заметил. И, может быть, тем самым заветным ключиком его расположения к отставному разведчику, новому члену его команды, и стало отношение маленькой дочери Демократа. Ведь между ними было что-то почти родственное. У него тоже подрастали дочери. И она долго была восторженно-послушной, почти своей девочкой.

Когда же впервые проявился этот её не по заслугам и уму апломб?

Подумал об этом, но не стал углубляться в воспоминания, зная, что такой она стала во многом благодаря его попустительству: вместо отца он должен был осадить, остудить рано попавшую в осаду медных труб, подстрекаемую доброхотами, поощряемую не только его личными, но и врагами её родины, возмнившую себя не подсудной никому дочь Демократа. А он промедлил, пока решал дилемму: сохранить верность слову заботиться о ней, когда того не станет, или же примерно, для окружения и народа, наказать.

Тогда он выбрал первое.

Интересно, сколько же и у кого она отнимет голосов.

Как всегда бесшумно и вовремя появился тот, кто знал о нём больше других и кого он считал не только своим главным помощником, но и верным другом. Перехватил взгляд, чуть кивнул, как это делал в знак одобрения, когда нужен был его совет или поддержка, успокаивая и подтверждая: всё идёт по просчитанному и отчасти написанному ими сценарию, ничего неожиданного.

Он отложил ручку, отодвинул в сторону листы с отпечатанным крупным шрифтом, чтобы не читать в очках, которые выдают возраст, текст ещё одной тронной речи при новом обращении к народу, поднялся из-за стола, прошёл к окну. Остановился, вглядываясь в наступающие сумерки, постепенно скрывающие, словно поедающие, видимое пространство, узнавая и не узнавая незаметно-привычное.

Удивительно, как избирательна память. Вот ведь он не забыл, как его поразил и воодушевил этот вид, когда он впервые вошёл в

этот кабинет. Но совершенно не помнит, так ли всё было тогда, много лет назад. За это время деревья подросли. А он не помнит.

Сколько лет он уже смотрит в это окно?

Нет, не стоит считать. Не сейчас. Потом, когда закончат подсчёты, кому положено.

- Без сюрпризов, - произнёс утвердительно, не оборачиваясь.

- Пока всё по прогнозам.

- И наша девочка?

- Кое-где набирает.

- Думаешь, следует с ней поработать?

- Мы возимся с менее перспективными.

- Тогда дай команду, чтобы подготовили подробнейшую записку. Со всеми тайнами, даже нелицеприятными.

- Уже сделал.

А он и не сомневался, они уже слишком давно и хорошо знали друг друга.

- Тезисы можно забрать?

- Время терпит?

- Да вроде бы не подгоняет.

- Тогда пусть ещё полежат, может, что вставлю. А ты иди, дирижируй своими.

Он усмехнулся и подумал, что если бы так называемый пул, эта свора представителей всяческих СМИ, талантливых и бесталанных разведчиков и контрразведчиков под прикрытием, знала бы его истинное отношение к ним?

А как ещё к ним, порой чрезмерно язвительным и не умеющим скрыть своей если не ненависти, то нелюбви к нему и к его стране, относиться? Но всё же они не столь вредоносны, сколько своя пятая колонна. Вот к этим он точно никакой симпатии не испытывал. Но многое прощал этой скандальной девочке, ставшей рупором чванливых подрастающих чад тех, кто на революционном сломе сумел быстро усвоить законы капитализма. А приняв эти волчьи законы, в чадах своих увидел претендента на добытое и убрал с дороги, позволив или даже склонив бездумно прожигать жизнь в роскоши и вседозволенности.

Он многое прощал этой девочке. И даже ощущал с ней, несмотря на разницу в возрасте, некую солидарность, потаённо желая ей успеха. Может быть, потому, что в свои школьные годы не отличался мужской привлекательностью, а она не была красавицей, и он хорошо понимал, что стоило ей добиться признания сверстников. И отдавал ей должное, что из болота праздного прожигания жизни она всё же сумела выползти, сбросить личину стервозной до глупости, как она себя до этого преподносила, женщины. Понимал, что она сама ещё не отдаёт себе отчёта, что это превращение во многом

произошло потому, что теперь, когда у неё родился ребёнок, она осознала реальность настоящего, формирующего будущее, которое оставит сыну. А осознав это, осознала и смысл существования.

Одним словом, она повзрослела. Может быть, поздновато.

Хотя у него это перерождение из гусеницы в бабочку произошло...

Он вернулся к столу, скользнул взглядом по тексту, который нужно будет сегодня произнести, но смысл не пробивался через собственные мысли.

Хорошо, что хотя бы его мысли не подконтрольны никому, - прорезала вдруг ироничная самооценка его нынешнего, завидного для всех окружающих, кроме него самого, положения.

Так когда же он сам из гусеницы превратился в бабочку?

И вдруг ни с того ни с сего нахлынули воспоминания.

...Тогда он пришёл в спортзал, чтобы приобрести то, что не было ему дано с рождения. Он не мог изменить внешность, но мог поменять свою самооценку. И ему нравилось побеждать соперника. Победы на татами компенсировали и невысокий рост, и внешность, и неуверенность - у него получалось, он поднимался по разрядной шкале, стал мастером, чемпионом. Когда пополнил ряды доблестного комитета государственной безопасности, эти спортивные победы ему помогли быстро стать своим.

Но и в этой уважаемо-пугающей одних и романтично-манящей других организации двадцатилетний разведчик мало чем отличался от прочих сослуживцев. Значит, ещё превращения не произошло, ползал, как остальные, ничем особо не выделяясь.

Кроме спорта.

Служил, учился, переобучался, наконец дослужился до настоящей работы разведчика. Правда, ореол романтичности профессии к тому времени уже улетучился. Пять лет под прикрытием в дружественной Германской Демократической Республике - директором дома дружбы, какая тут романтика, сплошная рутина...

Ни той, ни другой страны уже нет. А написанное пером в его биографии топором не вырубишь. И не только в его, в биографиях миллионов русских и немцев, утративших страны, в которых выросли и прожили значительную часть жизни.

Сначала было интересно делать вид, что ты простой директор, хотя это был секрет Полишинеля. Но, может быть, поэтому и было интересно выуживать у знающего этот секрет потенциального противника то, что тебе нужно. Это было похоже на игру в шахматы, когда оба игрока хорошо знают все правила и множество комбинаций, но выигрывает тот, кто хитроумнее этими комбинациями воспользуется. Ему нравилось обыгрывать, и у него это получалось.

Но тем не менее он и тогда ещё не мог летать, субординация и профессиональные правила не позволяли. Хотя крылья уже проклюнулись.

К тому же это были годы, когда былая твердь вдруг стала проваливаться под ногами. Он лучше многих видел это и больше других знал, но продолжал служить, потому что иначе уже не мыслил себя. Хотя менялись времена и страна.

Он вернулся на родину в самый раздрай. А нужно было зарабатывать, содержать семью, заботиться о подрастающих дочках. Коллеги ничем не могли помочь, они сами искали пути бегства от их вдруг переставшей быть не только почётной, но и уважаемой профессии. Всё вокруг менялось кардинально, тут при всём желании превратиться в бабочку было невозможно. Хорошо, что в родном университете нашлось место помощника ректора, а чтобы оно соответствовало опыту и знаниям бывшего разведчика, обозначили международную сферу деятельности. И майор в одночасье стал подполковником запаса и уже бывшим сотрудником КГБ. Но должность эта была промежуточная, несерьёзная. Можно сказать, пересидочная. Вот тогда Демократ, когда-то учивший его, студента, свободолюбю, возглавивший городской совет народных депутатов, предложил ему стать советником...

Пожалуй, это вполне может быть отправной точкой полёта.

А Ленинград в те дни бродил.

Электорат

Нет, всё-таки не электорат - народ, большая его часть и на этот раз поверила ему и в него. И впереди ещё шесть лет, за которые он должен изменить страну и наконец-то исполнить обещанное и в самом начале своего первого президентства, и потом... Он лучше всех знал, что ему не удалось сделать за эти годы. А ещё понимал, что именно от этого срока будет зависеть, какая память о нём останется потомкам. Будут ли они вспоминать его только добрым словом.

Он продекларировал амбициозные задачи на новый срок. Во многом поверив в тот задор, с которым премьер убеждал его в способности старого правительства осуществить намеченное. И даже согласился на проведение непопулярной пенсионной реформы, о которой объявили в аккурат под знаменательное отвлекающее событие - проведение в стране чемпионата мира по футболу. Он поверил в необходимость и полезность такой реформы. Но получилось ровно наоборот. Хотя, впрочем, если народ сразу не поднялся, не протестовал, не вышел на улицы, значит, привыкает и примет как неизбежность.

Но в то же время настораживали результаты социологических опросов и, главное, очевидное разочарование населения...

Нет, не зря говорят: в основе любого успешного дела - дух. Именно духа явно не хватало в стране теперь. Крымский целительный подъём был раньше времени подрезан пенсионной реформой. И отсутствием перемен в правительстве, которых народ ждал. И на смену порыву патриотического энтузиазма пришла апатия.

Нельзя сказать, что он это не понимал, не видел, что все обещания премьера выполнить намеченное остаются благими намерениями, а правительство не торопится менять подходы и проводить столь назревшую реформу управления. Видел, понимал, что с каждым днём попадает в нелицеприятную вилку между тем, что он обещал народу и что получалось на деле. Одно радовало - успехи в международных делах: два министра - вооружённых сил и иностранных дел - реальными делами поддерживали его рейтинг не только вне, но и внутри страны.

Но и этот резерв уже почти весь был исчерпан.

А обещания надо было выполнять.

А это значит что-то менять...

К сожалению, внутри страны всё складывалось не так удачно, как за её пределами, где уже вырисовывалась новая конструкция международных отношений. И наступил срок, когда уже нельзя было медлить, пришло время созидания нового миропорядка. В котором у России, как и в прежние века, место впереди.

В этом он и видел смысл своей жизни.

11

Нежданно-негаданно у Летописцева появился знакомый сенатор.

Из друзей юности, живущий в сибирской провинции.

И из бессребреников.

Из упёртых приверженцев одной идеи и одной партии.

Накануне контрреволюционных перемен начала девяностых, выпускник политехнического института, инженер, затем инструктор горкома партии, выпускник высшей партийной школы, он работал заведующим отделом обкома партии. И жизненные планы просматривались на много лет вперёд.

Когда коммунистическую партию запретили, он стал безработным, но остался коммунистом и постарался понять нагрянувший капитализм. Даже открыл собственную фирму. Но скоро понял, что капитализм ему не подходит органически. Фирму закрыл и устроился на хлебокомбинат заместителем директора, которого не так давно утверждал на эту должность, а теперь вот ставшего главным акционером бывшего государственного предприятия. Правда, поработали они вместе недолго, оказалось, что для многих поверить в капитализм легче, чем в коммунизм.

Когда охота на коммунистов закончилась, он вышел из подполья и вернулся к делу, которое считал своим - к партийной работе. И поредевшими, но убеждёнными в неотвратимости коммунизма соратниками единодушно был избран секретарём теперь уже республиканской организации.

Многолетняя идеологическая работа в стране без идеологии в отдельном взятом регионе увенчалась успехом: соратники-партийцы, получив поддержку электората-народа, выбрали губернатора коммуниста, а тот делегировал его в Федеральное Собрание.

- Нас, коммунистов-сенаторов, всего-то на одной руке пересчитаешь. А так сплошь экс-губернаторы да генералы отставные. Но своё мы продвигаем и отстаиваем, - оптимистично заверил он. И честно признался: - Конечно, отсюда, с этого места, я многое иначе вижу. Одно дело - быть в оппозиции, когда и полной информацией не обладаешь, и всего расклада на самом верху не знаешь, всех сил влияния не учитываешь, совсем другое - обладая доступом к полной информации, в том числе к секретной. Тут скоро начинаешь понимать, что может президент, а что и ему, со всеми его полномочиями, не под силу при всём желании. Не стоит переоценивать роль личности в истории.

- Но и недооценивать тоже не стоит, - выступил Летописцев оппонентом. - Не пожелай Пётр Европе нос утереть, не было бы Петербурга.

- Правильнее будет сказать - не положи он столько народа на этих болотах, - напомнил Сенатор о жертвах, с которыми этот город был построен.

- Без жертв большие дела не делаются. Ты же уважаешь Иосифа Виссарионовича.

- Я не сталинист, не лови на слове, но уважаю. За то, что страну за несколько лет поднял с колен и не дал её завоевать. А мы вот уже три десятилетия никак не поднимемся.

- Значит, такой вождь нужен, как Сталин.

- Таких жертв, как при Петре, не нужно, - уклончиво отозвался Сенатор. - Ну да что мы всё о политике. Давай лучше я тебе Москву покажу, давно ведь ты в столице не был.

- Ох, давно, - согласился Летописцев, стараясь вспомнить свой последний визит, и получалось, что было это в конце девяностых или в самом начале нового века, когда у него ещё были здесь дела и связи.

Сенатор вызвал машину. Хотел сесть на переднее сиденье, рядом с водителем, чтобы по пути рассказывать то, что сам не так давно узнал, но водитель напомнил, где ему надлежит теперь по чину сидеть и, вздохнув, он уступил это место Летописцеву. Усаживаясь на заднее сиденье, сказал:

- Ты спрашивай. Хотя я не всё ещё знаю, но главные достопримечательности посмотрел.

Водитель, сухощавый, со следами бывлой физической натренированности, когда-то перебравшийся в столицу из самарской губернии, но уже считавший себя москвичом, оказался превосходным экскурсоводом, очевидно, за годы работы на этом месте не единожды возил и самих сенаторов, и их гостей в ознакомительные экскурсии.

Они поехали по традиционному маршруту: набережная Москвы-реки, Ленинские, или Воробьёвы, горы («Как кому нравится, - сказал Сенатор. - Для меня - Ленинские, естественно»), оживающая после упадка ВДНХ, Поклонная гора, Москва-Сити, куда можно было и не ездить: если издали эти нелепые и неэстетичные здания напоминали гигантских извивающихся червей, поднимающихся из пугающего подземелья, то вблизи неприятно нависали, словно напоминали суетящимся внизу людям, сколь они мелки и слабы по сравнению с пусть и созданными их же руками, но уже переросшими и превзошедшими их вещами.

Глядя с берега Москвы-реки на Кремлёвские стены и яркие купола церквей, отражающих солнечные лучи, Летописцев живо представил, что должны были чувствовать завоеватели - правда, так близко они подходили всего пару раз - несомненно величие и мощь построивших этот город и эту страну.

Величие, мощь и безбрежные просторы одних, порождавшие зависть и страх других.

Глядя же на извивающиеся чужеродно-уродливые небоскрёбы, он не мог избавиться от желания сравнять их с землёй.

- Они никому не нравятся, - сказал водитель. - Наши предки Кремль и город строили для того, чтобы не только защищаться, но и любоваться, а Сити построили от желания подражать другим и хвастаться.

- Или от пресмыкания перед всем иноземным, вплоть до дерьма, - не сдержался Летописцев.

- Да, не красит, - после паузы демократичноотреагировал Сенатор.

12

Спустя три десятилетия Питер снова бродил.

Но теперь уже не было в нём Художника, Летописцев давно потерял его из виду. Может быть, и живёт, видит ещё этот мир, но только их орбиты пересеклись всего один раз и разошлись навсегда.

На одном из городских кладбищ покоится Философ, к концу жизни удостоившийся и признания, и известности - учёный, доктор наук, профессор, автор нескольких мудрых книг.

Надежды и мечты его, Летописцева, поколения пьянили их тогда, три десятилетия назад, но они так и не сбылись. И были поразительно похожи на мечты и надежды бывших Десантника и Подводника, ныне ставших писателями. Хотя и им уже не по силам воплотить эти мечты, вся надежда на внуков.

К поколению семидесятников относился Президент, а также большинство его друзей-соратников. Только Кандидат выпадал, он был моложе. Но, похоже, всё же мечты у него были другие, не совсем понятные его ровесникам: ни бывшему Десантнику, ни бывшему Подводнику. А может быть, они жили в своих параллельностях, которыми никогда не суждено пересечься.

Летописцеву порой казалось, что Президент и те, кто его окружает, следуют их общей мечте: он без сомнения голосовал за него, а значит, и за них, не сомневаясь, что тот ведёт к цели, о которой они грезили тридцать лет назад: к свободному, справедливому, честному, богатому для всех государству. Но, похоже, у них теперь были разные мечты.

В это верить не хотелось, и он всё ещё оставлял за собой и их с Президентом поколение право на надежду.

Подводник и Десантник - писатели - верить уже не хотели: они были из поколения Кандидата, без своей выстраданной мечты, но обожжённые временем. Три десятилетия назад они только вступали в жизнь, им выпало тогда стоять на страже рубежей родины, и они не особенно задумывались над тем, что затеяли их отцы и старшие братья. Они были в пристяжке, и их задачей было защищать новую, также, как прежнюю, Отчизну, которая в одночасье и уменьшилась, и сменила название и направление движения.

Но они не забыли, о чём мечтали тогда старшие, и теперь остро осознавали, что за прошедшие десятилетия общая мечта не только не приблизилась, но отдалилась.

- Каков поп, таков и приход, - многозначительно повторял в горячих спорах бывший Подводник, исходя из своего опыта, из морского подводного распорядка дня и из взаимоотношений в тесной субмарине, когда все равнялись на командира и старались походить на него.

- Каков приход, таков и поп, - не соглашался бывший Десантник, припоминая собственный опыт в горах Афганистана, когда попадал со своим взводом, а потом ротой в переделки и как эта боевая единица вдруг раскалывалась, рассыпалась на отдельных солдат, и их нужно было во что бы то ни стало собрать в единый дееспособный кулак, пока было что собирать.

- То есть ты считаешь, что проблема в команде Президента, - конкретизировал бывший Подводник.

- А ты посмотри, кто его окружает. Их уже не переделать, не переучить. И со своей дороги они не свернут, потому что другой не видят.

- Ты хочешь сказать, их уже не экс-про-при-ируешь, - по слогам выговорил забытое революционное словечко бывший Подводник. - И Президента выводишь за скобки. То есть он не такой, как они, не вместе с ними все эти годы куда-то нас всех вёл.

- Такой же, ладно, но один в поле не воин.

- Ошибка одного чревата гибелью всех, - опять же вспомнил службу бывший Подводник. - А если командир отдал неверный приказ...

- Нужно менять командира, - не дослушав, проговорил бывший Десантник.

- Нужно менять курс... Или всплывать... - туманно произнёс бывший Подводник.

А Летописцев подумал, что так они и проспорят столько, сколько им отпущено, и формулировать новую мечту и поворачивать к ней, скорее всего, придётся уже их внукам.

Противостояние

Он всегда занимался сбором, систематизацией и анализом информации.

Сначала эта информация была из разряда доступной всем. Потом, когда стал чекистом, добавилась та, что была доступна уже не всем, но довольно значительному числу людей, сослуживцев. И чем выше он поднимался по карьерной лестнице, тем знакомое им становилось всё более закрытым для всё большего числа людей, для населения. И вот теперь он был в числе тех немногих, кто обладал самой полной, отфильтрованной и сконцентрированной информацией и хорошо знал истинный вес изречения «кто владеет информацией, тот владеет ситуацией». Эта избитая до банального непонимания фраза давно уже была им пережитая и забыта, и теперь получение самой тайной, сокровенной информации и её осмысление были рутинной, каждодневной его работой. Порой узnanное становилось неподъёмным грузом, и он ждал, когда будет способен постичь диалектику, просчитать, к каким последствиям это новое знание сокровенного приведёт его страну, весь мир завтра, послезавтра...

Иногда поддавался эмоциям, верил благостно-поощрительным обещаниям лидеров других стран, которые не всегда выполнялись. Но это было в первые годы его президентства, в первое десятилетие нового века, когда ещё не развеялся обволакивающий флёр лицемерной заботы о народе его страны тех, кто неустанно черпал её богатства и сбывал на её просторах свой залежалый товар. Постепенно он постиг тайные помыслы партнёров - вождей других народов и стал меньше откровенничать. Хотя однажды ему показалось, что время

пришло, и он во всеуслышание, в Мюнхене, предложил и лидерам, и народам своё видение будущих взаимоотношений, предрекая закат однополярного мира, в котором было место интересам лишь одной-единственной страны, некогда союзника в минувшей мировой войне, в которой победил вместе со всем советским народом и его отец. Он понимал, что, отрицая такой миропорядок, он затрагивает не только интересы «мирового жандарма», но и отрицает модель глобалистского, не для всех, будущего, уже утверждённого в неких кулуарах для кого тайного, а для кого и явного мирового правительства. Что тем самым покушается на уже реализуемую модель мироустройства под управлением тех, кто владеет большинством земных богатств.

В личных встречах с лидерами богатых «развитых» стран он старался пояснить своим коллегам - вождам иных народов неизбежность апокалиптического будущего, если они не отринут отживающий мировой порядок. Иногда ему казалось, что они его слышали, он ждал каких-либо действий. Но шло время, а ничего не менялось.

Впрочем, не менялось и в самой стране, которой он управлял. Он понимал, что перед ним встают те же самые задачи, которые стояли перед кем-то почитаемым, а кем-то проклятым Иосифом Виссарионовичем в середине тридцатых годов прошлого века, когда для развития страны нужен был экономический прорыв, а значит, нужно было менять кадры, засидевшиеся в начальственных креслах, утратившие умение созидать и реагировать на вызовы времени. Тогда нужны были свежие мысли, подходы к решению как внутренних, так и внешних проблем. Наконец, жизненно необходима была энергия пассионарности, которой уже не было у тех, кто отдал её обществу, стране в годы революционных преобразований и в гражданскую войну и почивал на лаврах. Так и нынче, спустя почти столетие, кадры, выпестованные опьяняющей либерализацией и избалованные дармовой, грабительской для народа приватизацией, разбогатевшие и привыкшие безнаказанно властвовать не во благо страны, а для личного процветания, никаких перемен не желали. Их даже не пугало происходящее в бывших советских республиках, и прежде всего, на Украине, которую явно перекраивали, перedelывали в некую анти-Россию.

И у него не было сомнений в своей правоте в две тысячи четырнадцатом году, когда Крым стал «наш». И он настоял на строительстве Крымского моста, архиважного для отрезанного от России полуострова, хотя было немало противников и весомых аргументов против этого строительства, которое и экономически невесть когда способно было окупиться, и раздражало не только украинскую элиту, но и Запад. А теперь, когда молодой украинский лидер, «слуга народа», обещавший мир, но явно настроившийся на войну, начал реформировать армию, он сожалел, что в том, четырнадцатом, не поддержал

бунтующий Донбас и остановил наступление на запад. Правда, на то были свои причины... Но сейчас, исходя из получаемой информации, он всё более утверждался: война с некогда братским народом неизбежна. Там вовсю шла подготовка к ней.

Не всё гладко было и в отношениях с Белоруссией, сплочение созданного союзного государства натывалось на интересы элит в обеих странах. К тому же у Батьки, который старался усидеть на двух стульях, сохранить собственную власть, крепла опозиция, щедро финансируемая из-за границы. Всё говорило о подготовке цветной революции во время выборов главы государства. Батька, зная о настроениях и о том, какие силы задействованы против него, этой информацией делился, не сомневаясь, что избрание любого другого вместо него приведёт в его стране к той же ситуации, что на Украине, и тогда не будет никакого союзного государства, а появится ещё одна анти-Россия. И многочисленные манифестации, информационная война, непризнание Западом результатов выборов подтвердили его слова. Это сблизило их, оба ясно понимали, что надо выстоять, и сделать это легче, объединив силы. Теперь надо было противостоять уже очевидной цели не столь дружелюбного, как казалось не так уж и давно, Запада.

Впрочем, зная историю и истинные цели элит европейских стран на протяжении веков, это назревающее силовое противостояние можно было предвидеть.

А тут ещё конфликт в Карабахе между Арменией и Азербайджаном и активное вмешательство Турции, у которой свой, опять же давний, интерес в Закавказье и не только...

Он уже не сомневался - будущее заложено в прошлом, и там надо искать ответы на то, что происходит в настоящем. И принял как неизбежный закон утверждение Петра Первого: «Лучший друг России - армия». Армии он и стал уделять теперь ещё больше внимания.

Знал, что не всё хорошо в экономике страны. Что рынок не способен отрегулировать всё, как грезились в девяностые годы и многим кажется ещё и сейчас. Что уровень жизни в стране далёк от желаемого и тем более от уровня в западных странах, куда вот уже третий десяток лет утекали, вслед за миллиардами, которые оседали в офшорных зонах и работали на другие страны, мозги. Он поддавался уговорам, поверил реформаторам, дал согласие на проведение пенсионной реформы, вызвавшей недовольство и даже протесты в народе. Не решился пойти против тех, кто настаивал на её проведении. Ещё не пришло время высказывать своё несогласие подчиняться заокеанским советчикам. Тем более что в США власть яро взялась за продолжение политики глобального доминирования.

И настало время пересмотра Конституции собственной страны. Он понимал, что теперь нельзя медлить, нужно выходить из-под

диктата международных, а по сути американских, законов и правил. Тем более что все эти правила по отношению к его стране вместо послаблений несли ужесточение, вместо равноправного партнёрства - скрытую колонизацию. Обсуждение поправок в Конституцию вызвало немало споров и массированную пропагандистскую атаку зарубежных средств массовой информации. Но они были приняты, поддержаны большинством народа, и он считал это своей серьёзной и необходимой для будущего страны победой. Это было согласие страны на новые перемены.

Потом была объявлена пандемия. Несомненно, она была необходима миру. Нужна была пауза. Остановка для осмысления назревших и неизбежных перемен. Он не сомневался, что появилась она не невесть откуда и что у неё были свои творцы. Но она была вовремя. Как это ни жестоко по отношению к людям звучит. И мир хотя и застыл в пандемической паузе, возможно, тайно надеясь уйти от назревающего противостояния, на месте не стоял. Правда, вместо объединения в борьбе с общим врагом страны и капиталы начали состязаться, доказывая превосходство теперь уже не экономик, а своих лекарств, своей заботы о гражданах, и не только не объединились, а ещё более разобщились.

Проблемы не рассосались сами собой, как всё ещё верилось поклонникам рыночного саморегулирования, глобализации и однополярного мира, а усугубились. Начиналась полоса политической турбулентности. Как-то несолидно, некрасиво ретировались из Афганистана американцы, проведя в этой стране два десятилетия, в течение которых создавали видимость эффективности своего присутствия для становления государства. Но эффективность американского созидания на деле оказалась фикцией: сразу после бегства их войск власть выпестованной ими верхушкой без сопротивления была отдана талибам. Так к череде бессмысленных войн американцев в Корее, Вьетнаме, Ираке добавился Афганистан. Но страна, существующая и обогащая исключительно за счёт кредитования войн на чужих территориях, живущая за счёт ограбления колоний, уже искала новые точки приложения своих сил. И всё очевиднее становилось, что очередным полигоном, очередным очагом становится Украина.

Он лучше многих знал, какими богатствами обладает страна, и гордился теми безмерными просторами, которые принадлежали её народу. Он видел эти просторы и через иллюминаторы самолёта, и в окна вертолётот. С заоблачной высоты виделось больше, - и это было горделивое любовование. Лесами. Реками. Морями. Горными вершинами. Песками и снегами. Городами и сёлами. И тем, что не было видно, но таилось в недрах, вызывая зависть и порождая ненависть... С более приземлённой высоты, как правило, деловых верто-

лётных осмотров тех или иных мест, масштаб утрачивался. Но зато конкретизировалось недалёкое будущее: новое строительство, дорога, город... Редко, но выпадали дни, когда на короткое время он забывал о делах государственных и вместе с Тувинцем отправлялся в места безлюдные, девственные, не тронутые человеком в верховья Енисея, где на день-два становился азартным рыбаком, внимающим путешественником, восторженным туристом. И самим собой. Которого знал только он сам и, может быть, немножко Тувинца, который имел возможность со стороны наблюдать за ним. У костерка, под запах дыма и вкус ухи, они старались не говорить о государственных делах. Больше о звёздном небе, ядрёном запахе тайги, хрустальных водах безлюдных рек. И уже на обратном пути, возвращаясь к заботам, уточняли приложение совместных усилий.

Это были погружения в вечность, в которых он обретал уверенность в совершаемом им и в будущем страны.

Был в его жизни период, когда он занялся изучением истории своей страны. И тогда пришло глубинное понимание значения религии, её роли в становлении и сохранении государства. Он пришёл к выводу что, может быть, самой главной ошибкой большевиков, приведшей к катастрофе коммунистической идеи и распаду Страны Советов, было именно противопоставление безбожной идеологии коммунизма многовековому, принятому народом и поддерживающему его в трудные времена православию. Подтверждение этому он нашёл у Фёдора Михайловича Достоевского, который прозорливо заметил, что «русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры... Но Христа он знает и носит его в своём сердце искони... Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос...»

Это гений сказал о народе его страны. Его народе. Жаль, не поняли этого большевики, искренне мечтающие о справедливом обществе и заложившие в кодекс строителя коммунизма официально не признаваемые библейские заповеди.

И совсем уверовал в эту ошибку большевиков, когда осознал неотделимость человека, общества, человечества от религиозных - они же вселенские - законов, которые смертному не дано изменить. Когда понял, что каждый человек приходит в этот мир, чтобы выполнить только ему предназначенную миссию. И осознал: его задача как правителя православной страны с тысячелетней историей, вождя многомиллионного народа, которому не случайно даны были пусть и не самые комфортные, но богатейшие земные просторы, - не возвышение над всеми, не служение какой-либо части общества, и даже не народу его страны. Его служение, как он теперь это понимал и принял, заключалось в исполнении высших законов. В сохранении того, на что опирается бессмертная душа человека и суммарная душа народа, а в

итоге - всего человечества. Служение тому, что называется всеобъемлющим словом ДОБРО. А значит, его задача, с которой он пришёл в этот мир, - противостоять ЗЛУ, которое суждено проповедовать иным вождам, странам, иным народам... Именно об этом сказано в Книге Книг.... И он поверил Экклезиасту, утверждавшему, что, по сути, «что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться...» Значит, будущее нужно искать в прошлом... А прошлое понимают только с возрастом, с приобретёнными знаниями и жизненным опытом.

Каждому поколению даются своё понимание прошлого и свои грёзы о будущем. И как защиту от необдуманных, продиктованных отсутствием опыта поступков, человечество издавна определило основополагающим доминирование возраста, или мудрости, над всеми прочими качествами. Наскоки молодости хороши в узде опыта.

Он окончательно утвердился в мудрости и жизненности традиций, когда в соседней, некогда части единой страны СССР, а теперь отдельной стране, к власти пришла молодая поросль, взращённая уже без знания даже недалёкого прошлого. Эта поросль не обладала ни опытом, ни мудростью, ни знаниями, необходимыми лидерам. И, как принято в молодости, жаждала свободы от всего и, прежде всего, от прошлого. К тому же молодости свойственны непомерные амбиции, она склонна к переоценке собственных сил и часто подчиняется чужой силе. Молодость редко созревает до чёткого понимания грани между добром и злом. И вот всё происходящее в соседней стране приобрело явные очертания ЗЛА. Долгое время в это не хотелось верить. Ибо пусть и в другой стране, но там жил такой же православный народ, говорящий на одном языке, имеющий общее прошлое. А значит, с «Христом в сердце».

Настал час, когда надо было принимать решение, у которого в стране и даже в ближайшем окружении, он это хорошо знал, были противники. Но он верил в предначертанность будущего, в народ своей страны...

«Мы сегодня должны принять судьбоносное для нашей страны и для всего человечества решение», - мог бы он сказать, когда ближайшее окружение, те, кому вместе с ним потом отвечать за содеянное не только при жизни, но и после, заняли свои места под объективами телекамер. Он настоял, чтобы шло прямое вещание этого заседания высшего органа власти. Ему надо было исключить предательство.

Мог бы, но стал привычно-обыденно излагать хронику событий в соседней стране, где часть её граждан не признали произошедшие там неконституционные перемены и фактически отделились от остальной территории, создав свои независимые республики. И в течение восьми лет на людей, проживающих в этих республиках, падают снаряды, а на границах идут бои. И теперь руководители республик обратились с просьбой признать их независимость. Депутаты это уже

сделали, дело за исполнительной властью, за президентом. И он хотел услышать мнение каждого из Совета безопасности страны.

Первым высказался министр иностранных дел. Неторопливый, внешне спокойный, поднаторевший во всякого рода дипломатических переговорах на протяжении многих лет, в конце своего выступления он подчеркнул, что каких-либо подвижек в дипломатическом решении вопроса с непризнанными территориями не видит. Как не видит и желания западных партнёров пойти навстречу.

Затем Прокурор, который последнее время занимался переговорами с западными партнёрами по прекращению военных действий против независимых республик, охарактеризовал весь переговорный процесс бесполезным, сделав вывод, что люди этих республик ни стране, в которой они прежде жили, ни западным странам, выступавшим, но только на словах, за прекращение военных действий, не нужны. Урегулирование конфликта тоже не нужно. Им нужны исключительно территории.

Настала очередь Тувинца. Тот коротко обрисовал военную ситуацию на границах с республиками, где сконцентрировались значительные силы военнослужащих соседней страны, военной техники и орудий.

- Очевидно, что готовятся серьёзные провокации, - закончил он.

Очередь за Кандидатом.

Сколько лет они уже вместе, в одной связке?.. С девяностых, так же, как с Прокурором и Князем. Но всё же именно с Кандидатом его судьба переплелась как ни с кем другим. Вместе когда-то начинали в команде Демократа, нашедшего их обоих, потом уже он двигал по служебной лестнице молодого и перспективного, а главное, преданного ему Кандидата. Был правда момент, когда, отбыв срок президентом, тот поддался было искушениям льстецов, решил поспорничать. Но вовремя понял свою роль быть надёжным и верным помощником.

- Нужно признать правосубъектность этих территорий, - твёрдо заявил Кандидат. И закончил неожиданно: - Подавляющее большинство граждан нашей страны такой шаг поддержат.

Руководители палат Федерального Собрания и Председатель правительства были за признание республик.

Дошла очередь до Князя, обладавшего в силу своей должности тайными знаниями.

- Я думаю, нам нужно дать последний шанс. Заставить пойти на переговоры. В противном же случае мы должны принять решение, о котором сегодня говорится.

- Что значит - в противном случае? - с трудом скрывая раздражение, спросил Президент. - Вы предлагаете начать переговорный про-

цесс или признать суверенитет республик? Говорите прямо: «поддерживаю» или «не поддерживаю».

- Я поддерживаю, - торопливо заверил тот, хотя не совсем уверенно.

И он подумал, что сомневающихся в принимаемом сейчас решении будет немало и в высших эшелонах власти, и в обществе. Многих устраивают установившиеся отношения, они уютно чувствуют себя в иных ценностях, не осознают себя гражданами своей страны. Да и не верят в её будущее.

А он верит.

И знает, что впереди его страну, народ ждут очень серьёзные испытания.

...Спустя два дня, предваряя подготовленное наступление на многострадальные независимые республики, он отдал приказ на проведение специальной военной операции...

Не только ему, большинству народа казалось, что она закончится быстро. Что родственный народ свергнет нынешнюю верхушку во главе с бывшим актёром, ставшим президентом исключительно благодаря усталости народа от прежних правителей, которые так и не смогли сделать за десятилетия независимости свою страну процветающей, как было обещано её народу после распада большой державы. Казалось, что неделя-две, - и солдаты, говорящие на одном языке, имеющие одно прошлое, в котором была объединяющая победа над фашизмом, не станут воевать, а направят оружие против управляемой из-за океана власти. Но этого не произошло: за тридцать лет самостоятельного существования выросло новое поколение, воспитанное на других идеалах, которое не сомневалось, что «москаляку на гиляку» - это главное дело их жизни.

Операция затянулась на долгие месяцы и выявила то, что было закамouflировано, закрыто дипломатическим туманом, лживыми обещаниями, но что, оказывается, никуда не делось, - тысячелетнее противостояние двух цивилизаций. И даже, как теперь было очевидно, - извечное противостояние добра и зла, света и тьмы. Ибо весь Запад, агонизирующая, некогда сильная и прогрессивная, а теперь распадавшаяся цивилизация, как уже не раз было в истории, объединилась с нескрываемой целью - уничтожить набравшую силу противостоящую цивилизацию, не дать человечеству обрести новый, более справедливый, мировой порядок. И теперь иной смысл и вес приобрело некогда высказанное им предупреждение этому отмирающему, уходящему в прошлое миропорядку: «Зачем нам такой мир, если там не будет России?»

И чем меньше знает, тем строже судит.

Нет, не понимал Летописцев Десантника. Тогда, несколько лет назад, стоя перед символом прорыва в будущее - навечно пришивартованной «Авророй», понимал. Тогда осенний петроградский воздух, как во времена их дедов, был пропитан неприятием строя, власти и жизни, в которой главенствовал капитал. Как и перед выстрелом «Авроры», хотелось революционных перемен.

Тогда он понимал Десантника, а вот теперь не понимал. Почему вдруг тот своё бывшее бесстрашие, которое было отмечено боевыми наградами, направил против мнения большинства своих соотечественников, встав на сторону тех, кому присуще было рабское пресмыкание, кто утратил понятие Родины, отчих корней, тех самых, что только и способны скрепить страну. Разве он не видел, что безграничная свобода разрушительна, что среди её приверженцев неприличное теперь считалось приличным, неестественное, присущее меньшинству, диктовало свои условия естественному, а тысячелетние нравственные устои попирались с невиданной напористостью.

Летописцев порой прагматично начинал размышлять над происходящими событиями. Над теорией золотого миллиарда, которая обещала золотой век благоденствия для избранных, соглашаясь, что да, действительно, планета уже перенаселена и с каждым днём это перенаселение усугубляется, приближая некий час некой очистительной для планеты катастрофы. Но как человек верующий, он исходил из того, что всё, что происходит, творится по Божьему Промыслу и, рано ли, поздно, всё на этой планете будет отрегулировано. Но не людьми. Не насилием меньшинства над большинством. Не уничтожением этого самого большинства лишь во имя выживания малой части народов. Это были законы животного мира. Законы хищников и жертв. Но животный мир — это далёкое прошлое тех душ, что воплотились в нынешних человеческих телах...

А Десантник над этим даже не задумывался. Он не был ни верующим, ни относящим себя к этому самому золотому миллиарду, он просто никак не мог простить нынешней власти своей страны несправедливость по отношению к нему и тем, кто много лет назад выполнил свой интернациональный, как тогда говорили, долг и оказался не нужен ни стране, ни власти. И эта невытравленная, неизжитая обида заставляла его примыкать к любому, кто выступал против власти.

Не мог понять Летописцев и Сенатора, не верящего в добрые помыслы Президента. У того уж всё сложилось лучше не бывает. Но, поразмыслив, пришёл к выводу, что Сенатор, проживший всю жизнь с верой в коммунизм как неосуществлённую мечту человечества, пропитанный ею, добившийся всего, чего добился, исключительно из-

за верности идее, и нынче не хочет отказываться от неё, а оттого и не является безоговорочным сторонником и единомышленником Президента. Правда, когда началась спецоперация, в силу своего нового статуса и доступа к секретной информации он вынужден был признать прозорливость того. В какой-то мере даже согласился с тем, что, помимо добрых, коммунисты наворотили в своё время и немало не очень добрых дел, которые нынче проросли серьёзными проблемами.

Философски подошёл ко всему происходящему Подводник, с которым Летописцев периодически встречался. Может оттого, что ушёл с головой в глубокое прошлое, когда не было дела никому ни до каких теорий и народу было на Земле - раз-два и обчёлся. Но уже тогда бились они между собой за правое дело, как считал каждый. А по сути за главенство либо добра, либо зла. Правда, никто из них не признавал свои собственные деяния злом.

Вот и теперь ни одна из противоборствующих сторон не признавала себя носителем зла.

И Летописцев соглашался с Подводником: истоки настоящего следует искать в прошлом. А ещё надо не сомневаться, что всё, что происходит, предначертано...

Теперь Летописцев был убеждён: Библия - это летопись того мира, того человечества, которое существовало давным-давно. И эта Книга Книг ни что иное, как описание цикла, который проживает человечество, повторяя совершённые прежде ошибки, в наказание вновь пущенное по тому же пути, чтобы наконец осознать эти ошибки и исправить их. И порой приходила мысль о том, что его стране, вступившей в явное противостояние с цивилизацией, главенствующей долгие годы на Земле, выпало разорвать этот порочный круг, прервать цикл повторений ошибок и вывести человечество на светлую сторону...

Думал об этом... и сомневался.

Но иначе он должен был бы согласиться с теми, кто уповал на уничтожение большинства, не постигая, во имя чего это меньшинство будет существовать на Земле - без веры, без дарованного этой верой каждому бессмертия. Неужели исключительно во имя живота и животных страстей... А значит, вновь вернётся к законам животного мира. Животного, хищного существования...

И пугался этой мысли, с которой душа его ни за что не соглашалась.

И был 2022 год от Рождества Христова.

Содержание

Рядъ.....	3
Михаил и Юрий.....	13
Андрей и Иоанн.....	70
Вестник.....	83
Возрождение державы.....	226

Литературно-художественное издание

В.Н. Кустов

О, времена...

Повести и рассказы

Технический редактор Кустова Л. П.

Верстка Кустовой Л. П.

Корректор Дубровская А. В.

Сдано в набор 10. 10. 2022.

Подписано в печать 24. 02. 2023

Формат 60х90 1/16.

Гарнитура «SchoolBookAC»

Тираж 700 экз.

Заказ

ООО «ЮРКИТ»

355035, г. Ставрополь, ул. К. Хетагурова, 10

тел. (8652) 33-48-31

e-mail: yurkit@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета